

В. И. Немировичъ-Данченко

Скобелевъ

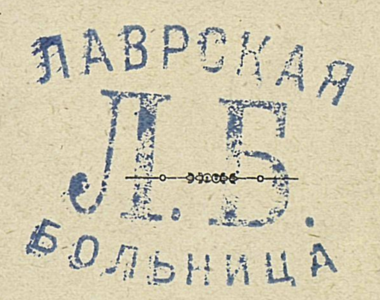
Личныя воспоминанія и впечатлѣнія.

СКОБЕЛЕВЪ.

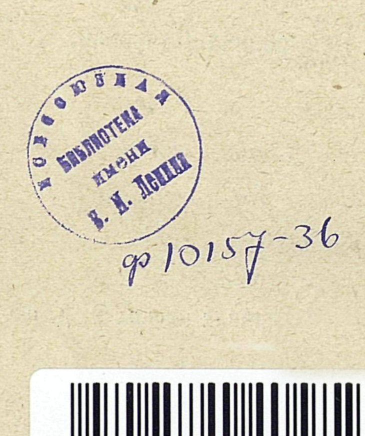
ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ

В. И. Немировича-Данченко.

СЪ 4-МЯ ГРАВЮРАМИ И ФАКСИМИЛЕ ПИСЬМА М. Д. СКОБЕЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.
1882.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., № 12.)

Моя книга — не біографія Скобелева, а рядъ воспоминаній и отрывковъ, написанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты этого замѣчательнаго человѣка. Между ними встрѣчаются наброски, которые можетъ быть, найдутъ слишкомъ мелкими. Мнѣ казалось, что въ такомъ сложномъ характерѣ, какъ Скобелевъ — всякая подробность должна быть на счету. Коегдѣ я привелъ взгляды покойнаго на разные вопросы нашей государственной жизни. Съ его убѣжденіями можно не соглашаться, но молчать о нихъ нельзя. Сожалѣю, что условія, среди которыхъ приходится работать русскому писателю, не позволяютъ очертить убѣжденія Скобелева во всей ихъ полнотѣ: они во многомъ измѣнили бы установившееся о немъ мнѣніе. При этомъ, мнѣ пришлось воспользоваться прежнимъ моимъ „дневникомъ“ и повторить изъ него нѣсколько страницъ. Этого нельзя было избѣгнуть вовсе.

Авторъ.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.

Рисов. и грав. А. Даугель.

I.

Громадная, молчаливая толпа передъ гостинницей Дюссо. Обнаженныя подъ палящимъ солнцемъ головы, заплаканныя лица, растерянные взгляды... Со всѣхъ концовъ Москвы собралась и стоитъ она, храня благоговѣйную тишину. Только грохотъ дрожекъ по мостовой, да крики полиціи, усердно работающей, невѣдомо зачѣмъ, локтями и кулаками, нарушаютъ безмолвіе... Съ каждою минутою толпа эта ростетъ и ростетъ, набѣгаютъ новые, наскоро крестятся и съ упорною настойчивостью начинаютъ вглядываться въ два окна отеля, еще не занавѣшенныя, какъ это распорядились сдѣлать потомъ.

— Тамъ?.. отрывисто спрашиваютъ вновь приходящіе.

— Ужли-жъ померъ?..

Въ окнахъ, о которыхъ мы говоримъ, подъ горячими лучами дня, пронизывающаго ихъ, мелькаетъ то заплаканное женское лицо, то эполеты какихъ-то наскоро съѣхавшихся сюда генераловъ, то разшитый золотомъ мундиръ камергера. Что они ему? Что было между ними общаго, когда еще жилъ онъ?

— На площади-бы панихиду!.. слышится въ толпѣ.

— Сказываютъ еще и тамъ не служили...

„Да неужели Скобелевъ умеръ!" И какъ-то невыносимо дика кажется эта мысль; видишь всю эту печальную обстановку смерти, этихъ растерянныхъ людей, эти тысячи молящихся и все-таки думаешь, что тутъ ошибка, недоразумѣніе... Вотъ-вотъ выйдетъ кто-нибудь и объявитъ, что бѣлый генералъ очнулся... Но, увы — не выходитъ никто... Народъ видитъ въ окна какъ какой-то молоденькій адъютантъ прислонился къ стѣнѣ и рыдаетъ. Карета за каретой подъѣзжаютъ къ отелю, выходятъ оттуда сумрачные люди. Все точно ошеломлено горемъ. Какъ ударъ сверху — неожиданно. Еще не чувствуется боли — одно остолбенѣніе на всѣхъ...

— Что же это, что это!.. Слышится кругомъ, но едва-едва, пересохшіе отъ тоски уста только шепчутъ, точно боясь нарушить загадочный покой этого мертвеца — любимца восьмидесяти-милліоннаго народа, роковаго человѣка, такъ рано отмѣченнаго перстомъ провидѣнія и такъ безвременно сбитаго съ ногъ какою-то безсмысленною, невѣдомо зачѣмъ и откуда налетѣвшею силой... Точно смыло его куда-то... Еще вчера былъ, работалъ, готовился къ громаднымъ дѣламъ, еще наканунѣ сосредоточивалъ на себѣ тысячи надеждъ и упованій... И вдругъ!.. Было отъ чего потерять голову...

Въ подъѣздѣ гостинницы — встрѣчаю знакомаго... Слезы на глазахъ, такое-же растерянное лицо...

— Послушайте, что это...

— А вотъ... вотъ... Вы больше чѣмъ кто-нибудь чувствуете эту потерю. Вы его знали лично... видимо удерживается, чтобы не разрыдаться... Въ часъ панихида будетъ...

Слова срываются помимо его воли, мѣшаются...

Въ отдѣленіи, занятомъ покойнымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ уже толпа... Молча раздвигается она, пропуская вновь прибывающихъ и также молча сдвигается... Говорятъ шопотомъ, плачутъ тоже про себя, точно сдерживая рыданія, словно боясь нарушить торжественный покой человѣка безсильно лежащаго теперь тамъ, за тою запертою дверью... Вотъ любимый адъютантъ Скобелева подполковникъ Баранокъ... Въ послѣдній разъ я видѣлъ его подъ Константинополемъ.

— При какихъ обстоятельствахъ... Опять увидѣлись... Скобелева нѣтъ уже... И не будетъ такого, какъ онъ...

— Здравствуйте! подходитъ ко мнѣ другой адъютантъ, Эрдели... Умеръ нашъ генералъ... И тутъ-же отвертывается въ уголъ, безсильно, неслышимо рыдая...

Какіе-то люди снуютъ... Очевидно всѣ за дѣломъ пришли... Вонъ сотрудникъ московскихъ газетъ растерянно бѣгаетъ изъ угла въ уголъ... Вонъ фотографъ Пановъ сѣлъ у двери да такъ и застылъ... Вонъ какой-то армейскій генералъ разставилъ ноги посреди комнаты и закостенѣлъ...

— Ваше превосходительство!.. подходитъ къ нему кто-то...

— Громомъ пришибло-съ... Громомъ-съ... Вотъ послѣ этого и вѣрь-съ... Правда-то гдѣ? Гдѣ правда...

Тихо проходитъ мимо вся въ слезахъ дама... Родственница покойнаго... Шепчется о чемъ-то съ гене-

ралъ-губернаторомъ Долгорукимъ — тотъ очевидно тоже еще не чувствуетъ боли этой потери, а пока лишь ошеломленъ ею... То встанетъ и уставится на одну точку, то сядетъ и безнадежно разведетъ руками...

— Еще вчера веселый, сильный, здоровый... Смѣялся, шутилъ надъ нами... Сегодня вбѣгаютъ ко мнѣ — пожалуйте, генералъ умеръ!.. Обругалъ деньщика, думаю генералъ шутитъ... Онъ часто такъ-то... Самъ станетъ за дверь съ стаканомъ воды. Вбѣжишь къ нему въ комнату, а онъ водой тебя... думалъ и теперь... Осторожно вхожу... Лежитъ... Еще теплый... О Господи, Господи! И Эрдели хватается за голову.

Двое врачей четвертаго корпуса Гелтовскій и Бернатовичъ, тоже здѣсь... Блестящій петербургскій генералъ съ вензелями... Этотъ больше занятъ собственной своей особой... Я всматриваюсь въ лицо другого военнаго, рядомъ стоящаго и вспоминаю. Во время войны его называли первою шарманкою россійской арміи... Разлетается онъ къ армейскому генералу, тотъ видимо еще не очнулся. Носъ башмакомъ и красный, ноги колесомъ...

— Нужно признаться!.. Покойникъ былъ хорошій генералъ... Не дурной-съ! авторитетнымъ тономъ заявляетъ „первая шарманка“.

Косолапый генералъ пыжится... Пыхтитъ, краснѣетъ.

— Если онъ былъ не дурной... Такъ мы то съ вами, ваше превосходительство, что послѣ этого... въ деньщики къ нему... Да и то пожалуй не годимся.

Паркетный генералъ не унимается. Около стоитъ молодой офицеръ генеральнаго штаба съ черными, печальными глазами...

— Корпусъ много потерялъ въ немъ!.. И войско — тоже.

— Не корпусъ и не войско, а весь народъ, вся Россія, ваше-ство!..

Въ часъ назначена панихида... Едва, едва удалось добиться этого. Хотѣли служить ее на другой день только послѣ вскрытія трупа... Высокій, красивый архимандритъ съ черными волнистыми волосами и расчесанной бородой, какъ-то неувѣренно, робко показался въ дверяхъ съ причтомъ, да тамъ и застылъ... Легкій запахъ кипариса и ладона пронесся въ воздухѣ. Солнечные лучи шире ложатся въ комнатахъ, золотя густые эполеты, краснымъ полымемъ вспыхивая на лентахъ и искрясь на звѣздахъ...

— Зачѣмъ эти живутъ... Зачѣмъ не они лежатъ тамъ, вмѣсто него, всѣмъ дорогого, всѣмъ необходимаго? шевелится на душѣ обидное сожалѣніе...

— Знаете какая разница между Скобелевымъ и этими... слышится около.

— Какая?

— Разорвись тутъ граната, эти упадутъ — а онъ встанетъ...

— Его нужно вынести на площадь и показать народу!.. Онъ народу принадлежитъ, а не тѣмъ, которые только мертвому записываются въ друзья!.. Пусть на площади служатъ панихиду — народъ молиться за него хочетъ...

И глядя сквозь окна на эти благоговѣйныя толпы, на эти глубоко взволнованныя лица потрясенныхъ людей, я вѣрилъ, что только тамъ, только они чувствуютъ какъ слѣдуетъ всю грандіозность этой потери... Имъ — именно, имъ нужно было отдать его, чтобы ни напыщенныя фразы, ни притворныя слезы не оскорбляли его праха... Тамъ онъ былъ-бы своимъ между своими —

тамъ искренніа слезы лились за него, тамъ за него молились и страдали...

Кто-то въ толпѣ сталъ было разсказывать о послѣднихъ часахъ жизни М. Д. Скобелева.

Слушалъ, слушалъ старикъ какой-то... Крестьянинъ по одеждѣ...

— Прости ему, Господи, за все, что онъ сдѣлалъ для Россіи... За любовь его къ намъ прости, за наши слезы не вмѣни его въ грѣхъ!.. И онъ человѣкъ былъ, какъ мы всѣ... Только своихъ-то больше любилъ и изводилъ себя за насъ...

И вся окружающая толпа закрестилась — и если молитва уносится въ недосягаемую высоту неба — эта была услышана тамъ, услышана Богомъ правды и милости иначе понимающимъ и наши добродѣтели и наши преступленія...

Въ другой толпѣ разсказъ шепотомъ.

— Былъ я у Тѣстова... Вдругъ входитъ онъ и садится съ какимъ-то своимъ знакомымъ... Я не выдержалъ, подхожу къ нему... Позвольте говорю узнать не доблéстнаго-ли Скобелева вижу?.. Дозвольте поклониться вамъ!.. Онъ вѣжливо такъ, всталъ тоже... Съ кѣмъ имѣю честь говорить, спрашиваетъ.—Бронницкій, крестьянинъ такой-то, говорю. Подалъ онъ мнѣ руку и такъ-ли задушевно, по дружески пожалъ мнѣ мою!.. Ушолъ я, да заплакалъ даже.

— Онъ простыхъ любилъ, сказываютъ!

И цѣлый рядъ разсказовъ одинъ за другимъ слышался въ толпѣ. Появились солдаты, лично знавшіе покойнаго...

Изъ спальни, гдѣ лежалъ трупъ, его вынесли наконецъ въ небольшую комнату, которая еще ничѣмъ не была убрана. Первая панихида носила искренній харак-

теръ. Сюда собрались только знавшіе покойнаго. Не было еще и почетнаго караула. Когда я вошелъ сюда, на столѣ, покрытый золотою парчей, лежалъ Скобелевъ. Его не одѣли и покровъ былъ натянутъ до подбородка... Громкія уже рыданія слышались кругомъ... Свѣтъ падалъ прямо на это изящное, красивое лицо съ расчесанною на обѣ стороны русою бородою, на этотъ геніально очерченный лобъ съ темною массой коротко остриженныхъ волосъ...

Совсѣмъ, совсѣмъ спокойное, только страшно жолтое лицо... Онъ, когда волновался, дѣлался гораздо блѣднѣе, чѣмъ теперь... Точно заснулъ... Улыбка лежитъ на губахъ и тоже безмятежная, ясная... Широкою полосой горятъ лучи на золотѣ парчеваго покрова...

— Не тотъ покровъ, не тотъ покровъ!.. суетится кто-то позади.

— Чего вамъ? спрашиваю я...

— Совсѣмъ не тотъ покровъ...

— Да вы то кто...

— Причетникъ... У насъ для сугубыхъ героевъ которые, есть егорьевскій покровъ... А покойный-то — егорьевскій кавалеръ вѣдь...

— Какъ будто не все равно!

Спитъ... Совсѣмъ спитъ... Кажется вотъ, вотъ проснется и улыбнется намъ своею молодою, изящною улыбкой, которая какъ-то еще красивѣе казалась на этомъ молодомъ и блѣдномъ лицѣ... Спитъ... Только одно — муха вонъ ходитъ по лицу... На глазъ забралась, ползетъ по рѣсницѣ... Остановилась, почесала лапки... Смахнули ее—на носъ пересѣла... Нѣтъ, умеръ!.. Волны лучей, льющихся въ еще незанавѣшенныя окна, придаютъ странную жизнь этому неподвижному лицу... Точно не шевеля ни однимъ своимъ мускуломъ, оно

какъ-то непонятно то и дѣло мѣняетъ выраженіе... Прошелъ кто-то, всколыхнулся воздухъ, вздрогнули разбросанныя по сторонамъ волосы бороды...

— Вы знаете, что тутъ одинъ купецъ сказалъ... Обращаются ко мнѣ.

— Что...

— На первыхъ порахъ, онъ какъ-то протолкался... Смотрѣлъ, смотрѣлъ... Ишь, говоритъ Михаилъ Дмитричъ, при жизни смерти не боялся, а пришла она, умеръ — да и мертвый смѣется ей!..

И дѣйствительно смѣется...

Уже потомъ тѣнь чего-то строгаго, серьезнаго легла на это и въ самой своей неподвижности красивое лицо... Образовались какіе-то незамѣтные прежде линіи вокругъ сомкнувшихся на вѣки глазъ, у рѣзко обрисованнаго характернаго носа... Невольно думалось глядя на этотъ трупъ: сколько съ нимъ похоронено—надеждъ и желаній... Какіе думы, какіе яркіе замыслы рождались подъ этимъ выпуклымъ лбомъ... Въ безконечность уходили кровавыя поля сраженій, гдѣ должно было высоко подняться русское знамя... Невольно казалось, что еще не отлѣтѣвшія мысли, какъ пчелы, роятся вокругъ его головы. И какія мысли, какимъ блескомъ полны были онѣ!.. Вотъ эти мечты о всемірномъ могуществѣ родины, о ея силѣ и славѣ, о счастьѣ народовъ, — дружныхъ съ нею, родственныхъ ей, о гибели ея исконныхъ враговъ, безпощадной и безповоротной гибели!.. Сотни битвъ, оглушительный стихійный ураганъ залповъ, десятки тысячъ жертвъ, распростертыхъ на мокрой отъ крови землѣ... Радостное „ура“, торжество побѣды, мирное преуспѣяніе будущаго... Грезы о славянской свободѣ и вольномъ союзѣ вольныхъ славянскихъ народовъ... И все — въ этомъ комкѣ не-

подвижнаго трупа, еще не разлагающемся, но уже похолодѣвшемъ... По крайней мѣрѣ, когда мои губы коснулись его лба — мнѣ казалось, что я цѣлую ледъ... Вся эта слава, все это обоняніе — перенеслись въ воспоминанія!.. Все это будущее, надвигавшееся грозою на недруговъ, эти темныя тучи — гдѣ рождался гнѣвъ неотвратимой бури, гдѣ казалось уже загорались молніи, все это будущее уже стало прошлымъ, ни въ чемъ не осуществившись... Человѣкъ показалъ, какъ много могъ онъ сдѣлать, показалъ сколько гордой силы и генія даны ему — чтобы умереть оставивъ во всѣхъ его знавшихъ горькія сожалѣнія... А знала его вся Россія! И что за подлая иронія — дать человѣку мощь ума, орлиный полетъ генія, дать ему безтрепетное мужество сказочнаго богатыря, сквозь тысячи смертей, сквозь цѣлый адъ провести его невредимымъ и скосить его среди глубокаго мира и спокойствія... Какая не остроумная, злодѣйская насмѣшка судьбы!.. И опять таже назойливая мысль: сколько съ нимъ ляжетъ надеждъ и упованій въ черный, полный холода и мрака склепъ... А теперь вонъ муха опять ползетъ по глазу... Подъ рѣсницу забирается, изъ за которой орлиный взглядъ легендарнаго витязя привыкъ окидывать, вздрагивавшія отъ восторга и энтузіазма, полки...

— Отчего онъ умеръ?.. слышится рядомъ.

— Говорятъ отъ паралича сердца...

— Ну, а когда мы съ вами умремъ... У насъ будетъ вѣдь тоже параличъ сердца?

— Тоже.

— Слѣдовательно, это все равно что умеръ отъ смерти.

— Да.

Въ наружѣ, на площади — тоже не мало было характерныхъ эпизодовъ.

Шелъ мимо гостинницы Дюссо солдатъ, съ георгіевскимъ крестомъ... Видитъ толпу.

— Чего вы братцы...

— Генералъ тутотка померъ.

— Какой генералъ?

— Скобелевъ...

— Чего?

Солдата на первый разъ ошеломило.

— Скобелевъ померши!

— Скобелевъ померъ?.. И солдатъ опамятовался... Ну это братъ врешь... Скобелевъ не умретъ... Енъ, братъ, помирать не согласенъ!..

— Говорятъ тебѣ померъ...

— Тутъ, братъ, что-нибудь... А только Скобелевъ не помретъ... Врешь... Это ужь братъ вѣрно. Ему помереть никакъ не возможно.

И совершенно спокойно пошелъ впередъ... Встрѣтилъ своего.

— Дурень народъ у насъ.

— А что.

— Ему сказываютъ Скобелевъ померъ, ёнъ и вѣритъ... Скобелевъ братъ не помретъ... Сдѣлай одолженіе... Можетъ другой какой, а только не нашъ!..

Въ первый же день явился едва держащійся на ногахъ старикъ съ кульмскимъ крестомъ на груди... Поклонился въ землю, поцѣловалъ въ лобъ генерала, отцѣпилъ свой кульмскій крестъ, положилъ тому на грудь и ушолъ вонъ... Такъ и не узнали кто это...

Потомъ явился другой ветеранъ, такой же дряхлый и слабый.

Долго, долго всматривался въ неподвижные черты усопшаго.

— Одинъ такой былъ, да и того Богъ взялъ...

Помолчалъ нѣсколько.

— Гнѣвенъ онъ на русскую землю... Въ гнѣвѣ своемъ и покаралъ жестоко... Какъ Египетъ — древле... Такъ и насъ теперь...

Вышелъ уже изъ комнаты, остановился въ дверяхъ. Обернулся.

— Тебѣ хорошо теперь, а каково намъ-то безъ тебя.

Еще наканунѣ Скобелевъ обдумывалъ громадные маневры, гдѣ преобразованная имъ кавалерія должна была-бы по нѣсколько разъ вплавь переходить Днѣпръ, горячо толковалъ объ этомъ, читалъ, учился, дѣлалъ сотни замѣтокъ для завтрашняго дня... И вотъ, когда пришолъ этотъ завтрашній день, ужь нѣкому осуществить этихъ блестящихъ замысловъ...

— Хорошо, что покойникъ оставилъ планы свои и предположенія... Слышится около.

— Почему хорошо?

— При случаѣ ими можно воспользоваться!

— А кто кромѣ него самого въ состояніи выполнить его планы... Гдѣ другой, такой?..

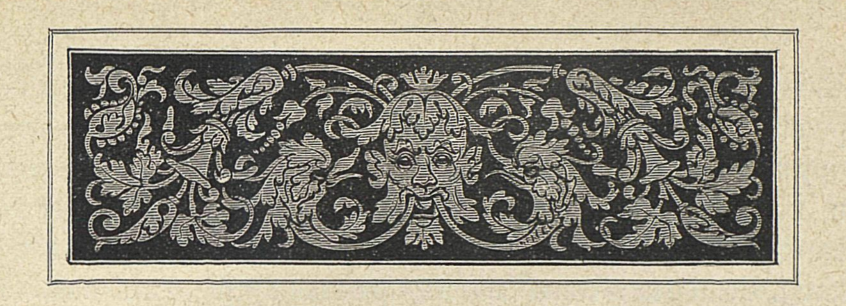
„Со святыми упокой“ слышится печальный мотивъ панихиды.

Всѣ встали на колѣни...

И почему-то съ удивительной ясностью вспомнилось мнѣ въ эти минуты все его прошлое... Цѣлая эпопея, пережитая имъ... Картина за картиной, то подъ дождемъ Болгарской осени, то въ снѣговыхъ буранахъ Балканской зимы, то въ золотыхъ сожженныхъ солнцемъ

Хивинскихъ степяхъ, то въ волшебной рамкѣ Босфора и Византіи... Теперь пора разсказать о немъ... Я былъ около него въ тяжелые и радостные дни, я съ нимъ встрѣчался и послѣ, со мною онъ былъ откровеннѣе, чѣмъ съ другими... Обо многомъ мы мыслили далеко не одинаково... Я не раздѣлялъ его взглядовъ на войну, не понималъ его боеваго энтузіазма; мы подолгу спорили по разнымъ вопросамъ народной жизни, но я его любилъ, я видѣлъ въ немъ генія, тогда когда вражда и зависть шипѣли кругомъ, когда змѣиныя жала не щадили этой нервной организаціи, этого живо чувствовавшаго сердца... Мнѣ выпала честь въ прошлую компанію первому разсказать о немъ, о его подвигахъ и доблестяхъ, теперь я хотѣлъ отдать ему послѣдній долгъ, нарисовавъ въ бѣглыхъ очеркахъ не только богатыря но и человѣка...

II.

Кажется, недавно, а въ виду этого трупа уже легендой становится!

Въ іюнѣ 1877 года любовался я съ Журжевскаго берега на Дунай.

Синяя ширь его была покойна. Ни малѣйшій порывъ вѣтра не колыхалъ заснувшую волну... Солнечные блики ярко расплывались по неподвижному зеркалу рѣки; направо далеко-далеко въ полуденномъ знoѣ и блескѣ точно млѣли низменные, сплошь заросшіе свѣжимъ густолѣсьемъ острова... Изъ за нихъ чуть виднѣлись мачты спрятавшихся тамъ по проливамъ судовъ. Заползли отъ нашихъ орудій въ свои тихіе убѣжища и не шелохнутся, только въ бинокль разсмотришь, какъ едва-едва раздуваются пестрые флаги... Сегодня они впрочемъ безсильно повисли вдоль мачтъ...

Еще дальше за ними красивые черепичные кровли турецкаго села и высокій бѣлый минаретъ... Около, вооруженный глазъ различаетъ и желтые валы баттарей и неподвижныхъ часовыхъ. Цапли на стрехѣ деревенской хатки торчатъ также, какъ и эти турецкіе солдаты. Зеленыя облака садовъ приникли прямо къ водѣ... Иной разъ вѣтеръ тянетъ оттуда раздражающую струю густаго аромата, въ которомъ слились тысячи дыханій давно уже распустившихся цвѣтовъ... Еще дальше на право — пологая гора, сплошь заставленная бѣлыми палатками громаднаго лагеря. На самой вершинѣ ея, точно звѣрь притаившійся передъ послѣднимъ прыжкомъ, едва-едва намѣчивается грозный фортъ Левантъ-Табіи...

Я засмотрѣлся и на сверкающія воды Дуная, и на тихія берега его погрузившіяся въ какую-то мечтательную дрему... Не хотѣлось вѣрить въ возможность войны и истребленія, здѣсь среди этого идиллическаго покоя едва-едва нарушаемаго крикомъ чаекъ... Вонъ изъ-за горы, на которой чуть-чуть намѣтился фортъ, виноградники, сады Рущука, цѣлое марево черепичныхъ кровель, тополей старающихся перерости минареты, минаретовъ все выше и выше подымающихъ къ безоблачному небу свои бѣлые верхушки съ черными черточками балкончиковъ, съ которыхъ муэзины выкрикиваютъ всему правовѣрному міру меланхолическія молитвы, когда-то торжествовавшаго здѣсь ислама .. Вонъ черныя купы кипарисовъ... У самаго берега броненосцы замерли въ водѣ — бѣлые трубы ни одного клуба дыма не выбросятъ въ прозрачный воздухъ... Точно желѣзное сердце ихъ перестало биться и крѣпкою броней покрытая грудь не дышетъ... Грузная масса главной мечети слѣпитъ глаза... Ея вершина словно серебрянная звѣзда горитъ надъ городомъ... А вотъ и самая гавань съ яркими флагами

и вымпелами передъ домами консуловъ, съ цѣлою стаей лодокъ, катеровъ, мелкихъ пароходиковъ и съ тысячами народа сбившагося на водѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь!.. Послышалось за мною.

Смотрю—молодой, красивый генералъ... „Слишкомъ изященъ для настоящаго военнаго“ подумалъ я было, но всмотрѣвшись въ эти голубые, рѣшительные глаза и энергическую складку губъ, тотчасъ-же взялъ свою мысль обратно.

Я назвался.

— Очень пріятно... Не легкая у васъ обязанность... Корреспондентъ—это бинокль, сквозь который вся Россія оттуда смотритъ на насъ. Вы ближайшіе свидѣтели и отъ васъ зависитъ многое... Показать истинныхъ героевъ и работниковъ, разоблачить подлость и фарисейство... Я васъ еще не видѣлъ... Я—Скобелевъ.

— Я былъ у вашего отца вчера...

— У паши? сорвалось у молодого генерала... Онъ засмѣялся... Это моя молодежъ отца пашой называетъ. Жаль, что я васъ не видѣлъ. Вы гдѣ остановились?..

Я сказалъ.

— Вотъ сейчасъ музыка начнется.

— Какая? удивился я.

— Да вотъ видите-ли. Стоитъ отцу или мнѣ показаться здѣсь, чтобы вонъ съ той батарейки открыли огонь...

Музыка началась скорѣе, чѣмъ я ожидалъ... Бѣлый клубокъ точно сорвался вверхъ съ желтой насыпи турецкой батареи. Черезъ три или четыре секунды послышался гулъ далекаго выстрѣла и словно дрожа въ тепломъ воздухѣ съ долгимъ стономъ пронеслась вдалекѣ граната и шлепнулась въ Дунай, взрывъ цѣлый фонтанъ бриллiантовыхъ брызгъ...

— Недолетъ! Спокойно замѣтилъ Скобелевъ...

Вторая граната пронеслась надъ нами и разорвалась гдѣ-то позади.

— Перелетъ... Теперь, если стрѣлки хороши — должны сюда хватить...

Точно и не въ него это, точно онъ зритель, а не дѣйствующее лицо.

Третья и четвертая граната зарылись въ берегъ близко-близко, когда изъ Журжева прискакалъ молодой ординарецъ.

— Ваше Превосходительство, пожалуйте...

— А что?.. Паша разозлился?

— Димитрій Ивановичъ, сердится... Напрасно перестрѣлку начинаете.

Скобелевъ улыбнулся своею мягкою, доброю улыбкой.

— Ну, пойдемъ...

Это было довольно обыденное удовольствіе Скобелева. Онъ уходилъ на берегъ съ небольшимъ кружкомъ офицеровъ, а турецкая батарея точно только этого и ожидала, чтобы открыть огонь по нимъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете.

— Ничего... Обстрѣляться не мѣшаетъ... Пускай у моихъ нервы привыкнутъ къ этому... Пригодится...

Иногда и самъ паша — присоединялся къ молодежи. Онъ стоялъ подъ огнемъ спокойно, но все время не переставалъ брюжжать...

— Ну чего ты злишься, отецъ. Надоѣло тебѣ, такъ уходи... Оставь насъ здѣсь.

— Я не для того ношу генеральскіе погоны, чтобы этой сволочи, кивалъ онъ на тотъ берегъ, спину показывать... А только не надо заводить... Чего хорошаго? Еще чего добраго.

— Набальзамируютъ кого-нибудь?

Набальзамируютъ на языкѣ молодого Скобелева, значило убьютъ.

— Ну да... набальзамируютъ.

— Вотъ еще... куда имъ. А впрочемъ на то и война... Что-то ужь давно безъ дѣла торчимъ здѣсь— скучно. У насъ въ Туркестанѣ живѣй дѣйствовали.

— Съ халатниками!..

— Да съ халатниками... За то одинъ противъ пятидесяти случалось...

— Хотите, отецъ сейчасъ уйдетъ? обращался къ своимъ Скобелевъ, когда тотъ ужь очень начиналъ брюжжать.

— Какъ вы это сдѣлаете?

— А вотъ сейчасъ... Папа́... Я знаешь совсѣмъ поистратился... У меня ни копѣйки. И для всякаго убѣжденія Скобелевъ выворачивалъ карманы...

— Ну вотъ еще что выдумалъ... У меня у самаго нѣтъ денегъ... Всѣ вышли.

И крайне недовольный паша уходилъ назадъ, оставляя ихъ въ покоѣ.

Обрадованная этимъ молодежъ брала лодки, сажала туда гребцами уральскихъ казаковъ и отправлялась на рекогносцировки по Дунаю — подъ ружейный огонь турокъ...

Это называлось прогулкою для моціону.

Въ сущности тутъ было гораздо больше смысла чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Во первыхъ и казаки, и офицеры при этомъ пріучались къ огню, пріучалися не только шутить, но и думать, соображать подъ огнемъ; во вторыхъ развивалось удальство и презрѣніе къ смерти столь необходимое истинно военнымъ, а втретьихъ изучался Дунай съ его островами и берегами... Въ одной изъ такихъ рекогносцировокъ учавствовать привелось и

мнѣ. Небольшая рыболовная лодочка забралась въ лабиринтъ лѣсистыхъ острововъ Дуная, заползала во всѣ ихъ закоулки. Точно выслѣживала въ нихъ кого то... Небольшой турецкій пикетъ, засѣвшій гдѣ нибудь, хотя бы съ верхушекъ этихъ же деревьевъ могъ навѣрняка перебить насъ всѣхъ.

— Ну что нервы молчатъ? обернулся къ намъ Скобелевъ.

— Да!

— Значитъ изъ васъ прокъ будетъ!..

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то ѣду я въ экипажѣ изъ Баніаса въ Журжево...

По пути — двигаются маленькіе отрядцы солдатъ, идущихъ въ Журжево, Слобозею и Малоружъ къ своимъ частямъ. День былъ жаркій всѣ обливались потомъ. Степь, переполненная солнечнымъ свѣтомъ, слѣпила глаза... Издали нагоняя насъ показалась кавалькада — молодой Скобелевъ съ двумя или тремя своими офицерами. Наѣхалъ на кучку солдатъ пѣшеходовъ.

— Здорово, братцы.

— Здравія желаемъ, ваше-ство!

— Трудно идти... Жарко!

— Трудно ваше-ство...

И солдаты скрючились, понурились... Ранцы оттягиваютъ, жидовскія сапоги незабвеннаго Малкіеля жмутъ ногу. А тутъ еще по самую ступицу въ песокъ уходишъ...

— Ну-ко попробую и я съ вами.

Генералъ сошелъ съ коня, отдалъ его казаку...

— Поѣзжай-ко въ Журжево... Прощайте, господа. Я вотъ съ этими молодцами...

И пошелъ пѣшкомъ... Спустя минуту — между солдатами послышался смѣхъ, шутки... Толпа ожила... Пѣсни запѣли — генералъ подтягиваетъ...

— О чемъ онъ говорилъ съ вами? Спрашиваю потомъ у одного изъ нихъ.

— Орелъ!... Только какъ это онъ солдатскую душу понимать можетъ — чудесно... Точно свой братъ... У одного спрашиваетъ когда офицеромъ будешь? Тотъ извѣстно, смѣется... Николи,ваше-ство, не буду. Ну и плохой солдатъ значитъ... Вотъ мой дѣдъ, точно такой-же мужикъ былъ какъ и ты, изъ сдаточныхъ... Землю пахалъ, а потомъ генераломъ сталъ!...

— Онъ вѣдь нашъ!.. замѣтилъ другой солдатъ.

— То есть какъ нашъ? удивился я.

— Онъ самаго правильнаго, какъ есть мужицкаго природу!.. съ гордостью подтвердилъ онъ.

— Изъ нашихъ братъ тоже—настоящіе выходятъ. За нимъ—какъ у Христа за пазухой.

— Сказываютъ евонный дѣдъ прежде былъ Кобелевымъ, а потомъ его какъ произвели — въ Скобелевы пустили...

Потомъ такіе прогулки съ солдатами, стали для Скобелева обычнымъ дѣломъ. Тутъ онъ знакомился съ ними, да и они его узнавали.

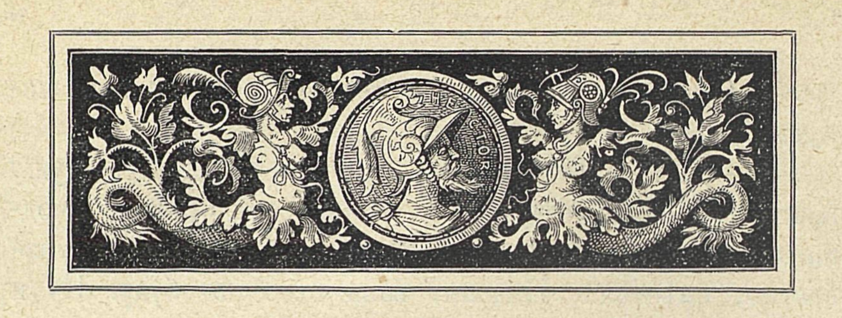
— Енъ, братъ, къ тебѣ въ душу живо влезетъ.

— Енъ, вотъ какъ, надо прямо говоритъ, сто сажонъ скрозь землю видитъ!

— На ево страху нѣтъ... Енъ себя покажетъ.

И дѣйствительно показалъ...

III.

Первый разъ подъ настоящимъ огнемъ его видѣли на Дунаѣ 6-го іюня.

Въ четырехъ верстахъ отъ Журжева къ востоку — казачья вышка и построенная саперами хижина. Тутъ стоялъ пикетъ, а около лагерь — 30-го донскаго казачьяго полка, сотня пластуновъ и небольшой отрядъ саперъ. Это мѣсто называлось — Малоружемъ. Напротивъ на турецкой сторонѣ Дуная — холмъ съ сильнымъ фортомъ, отъ котораго вплоть до Рущука тянулся фронтъ хорошо вооруженныхъ баттарей. Оттуда на нашъ берегъ въ Малоружъ стрѣляли безпрестанно. Турки почему-то особенно не взлюбили это мѣсто — совершенно достаточная причина, чтобы его полюбилъ М. Д. Скобелевъ, ежедневно предпринимавшій сюда поѣздки. Вся мѣстность

тутъ была изрыта турецкими снарядами — Скобелевъ живо пріучилъ здѣшнія войска не бояться гранатъ и даже молодые солдаты уже считали постыднымъ кланяться туркамъ подъ выстрѣлами... Саперы рылись здѣсь какъ кроты выдвигая баттарею за баттареей и любоваться на ихъ работы очень любилъ покойный. Въ день, о которомъ мы разсказываемъ—съѣхалась къ пластунамъ цѣлая компанія корреспондентовъ русскихъ газетъ. Гг. Өедоровъ, Каразинъ и я. Пластунскій лагерь весь состоялъ изъ рваныхъ бурокъ подвѣшенныхъ на колья; палатокъ не полагалось этимъ молодцамъ, щеголявшимъ только своимъ оружіемъ. Цѣлый день разсказывали намъ о характерныхъ выходкахъ Баштанникова (обезглавленнаго потомъ на Шибкѣ турками, измучившими предварительно этого храбраго и симпатичнаго офицера-пластуна)—любимца Скобелева. Баштанниковъ вмѣстѣ съ молодымъ генераломъ отъ нечего дѣлать придумывали всевозможныя штуки. То они бывало наберутъ хворосту и связавъ его на подобіе челна, поверхъ сажаютъ снопъ, какъ будто казака въ буркѣ, воткнутъ въ него жердь, которая должна изображать пику и пустятъ по теченію Дуная. Турки присматриваются, присматриваются и вдругъ по воображаемому пловцу откроютъ огонь — да всѣмъ берегомъ. Тысячи глупыхъ выстрѣловъ летятъ въ пространство, разбуженные ими турки въ лагеряхъ выбѣгаютъ, начинается тревога... Случалось, что по такимъ снопамъ хвороста били даже турецкія баттареи. А то нароютъ на берегу за ночь земли, свяжутъ солому въ родѣ мѣдныхъ пушекъ, да и вставятъ въ импровизированныя амбразуры. Турки увидѣвъ отраженіе первыхъ солнечныхъ лучей на золотистыхъ снопахъ—открываютъ самый озлобленный огонь, тратятъ массы снарядовъ по этимъ новымъ, якобы за ночь выстроеннымъ русскими, баттаре-

ямъ... Ночью Скобелевъ вмѣстѣ съ пластунами зачастую переправлялся на ту сторону къ туркамъ и хозяйничалъ у нихъ въ волю, удовлетворяя, такимъ образомъ, потребностямъ своей непосѣдливой и неугомонной натуры...

— Это настоящій... Это—нашъ! говорили пластуны о Скобелевѣ.

Въ ночь, о которой я разсказывалъ, пластуны, ставъ въ кружокъ пѣли свои очень характерныя, нигдѣ до тѣхъ поръ мною не слышанныя, торжественно-меланхолическія пѣсни, напоминающіе церковные мотивы. Въ сумеркахъ южной ночи, когда вдалекѣ разгорались лагерные костры, а звѣзды все ярче и ярче мерцали съ недосягаемой высоты, пѣсни эти производили глубокое впечатлѣніе.

— Мало, мало старыхъ пластуновъ! вздыхалъ Баштанниковъ, оглядывая своихъ.

— А новые развѣ плохи?

— Нѣтъ не то... А къ тѣмъ сердце приросло... Вмѣстѣ по ночамъ крались къ врагамъ, высиживали въ засадахъ... Кто въ могилѣ, а кто дома обабился!..

Потомъ стало ихъ еще меньше... Это—рѣдкій и спеціальный родъ войска—а ихъ заставляли ходить въ аттаку, какъ пѣхотинцевъ. Турки почти всѣхъ ихъ и перебили.

Костры разгорались, яркими красными пятнами выдѣлялись они изъ густого сумрака далей... Позади стоялъ говоръ. Пѣсни смолкли, только одна какая-то тоскливая доносилась издали, словно оплакивая кого-то...

— Что это... Будто щелкнуло вдали... Еще и еще... Мы вскочили и бросились къ лошадямъ... Сухая трескотня выстрѣловъ усиливалась... Нервное ожиданіе общаго боя росло и росло... Лагерь съ глухимъ шумомъ подымался. Строили коней.

— Гдѣ полковой командиръ?.. Изъ мрака наѣхалъ прямо на насъ казакъ.

— Чего тебѣ? отозвался Д. И. Орловъ.

Тотъ что-то прошепталъ ему...

— Вторая сотня на коней. Спустя двѣ или три минуты темная масса уже построившейся сотни двинулась по направленію къ выстрѣламъ. Въ пятидесяти шагахъ мы уже не различали ея движенія.

Перестрѣлка разгоралась... Скоро вся окрестность гремѣла... Глушило остальные звуки... Вотъ точно звѣздочка прокатилась по небу...

— Ишь, шрапнелями началъ! Дѣло серьезное.

Гулкіе удары орудія на минуту покрыли ружейную трескотню... Еще и еще...

Журжевскіе баттареи стали отвѣчать туркамъ.

Въ это время на берегу, подъ выстрѣлами, въ бѣломъ кителѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ показался Скобелевъ.

Можно было подумать, что онъ на балъ разрядился.

— Развѣ бой не балъ для военнаго? отвѣтилъ онъ кому-то...

— Вотъ теперь весело стало... Наконецъ.

— Неужели вы радуетесь бою?

— А что-жь военному плакаться на него... Это наша стихія...

Уже тогда онъ поразилъ всѣхъ находчивостью, завиднымъ умѣніемъ думать и смѣяться подъ огнемъ.

Сталъ закуривать папиросу... Шрапнель разорвалась у него надъ головою, рука со спичкой даже и не вздрогнула.

— Обидно видѣть такое спокойствіе... замѣтилъ кто-то изъ его товарищей.

— У меня голубчикъ почти десять лѣтъ боевой практики позади... Погодите, черезъ нѣсколько времени и вы будете спокойны.

Не много спустя, когда перестрѣлка замерла, когда темная южная ночь окутала опять насъ своими поэтическими сумерками—Скобелевъ во весь карьеръ мчался въ Журжево. Вѣтеръ дышалъ прямо въ лицо ему, генералъ несся быстро, быстро и точно не довольствуясь этимъ, еще понукалъ разгорѣвшагося коня....

— Весело! кинулъ онъ кому-то попавшемуся на встрѣчу...

Такъ и вѣяло отъ него силою, жизнью, энергіей...

Вскорѣ послѣ того, онъ съ нѣсколькими офицерами генеральнаго штаба на берегу Дуная остановился, во время рекогносцировки. Повернули коней кружкомъ головами одинъ къ другому и начали обсуждать выгоды или невыгоды данной мѣстности. Скобелевъ, такъ какъ тутъ былъ военный агентъ-иностранецъ, по-французски излагалъ свое мнѣніе... Въ это время послышался какой-то грохотъ... Граната упала по срединѣ круга, съ визгомъ разорвалась, взрыла вверхъ цѣлую тучу земли, обдала комьями лица совѣщавшихся. И въ то мгновеніе, когда каждому приходилъ въ голову неизбѣжный вопросъ: цѣлъ-ли я, цѣлы-ли товарищи—послышался ни мало не измѣнившійся, спокойный голосъ Скобелева.

— Et bien, messieurs, resumont!..

И онъ съ тою же ясностью началъ излагать свои выводы, какъ будто-бы только-что ничего не случилось, точно вѣтка хруснула подъ копытомъ коня...

Въ это время армія уже отмѣтила его... Онъ уже становился кумиромъ офицеровъ и солдатъ...

Богатырь, легендарный витязь, выросталъ и формировался въ общемъ сознаніи боевой молодежи и только

тупоуміе да педантизмъ смотрѣли на него съ недовѣріемъ и завистью!..

И это недовѣріе и эта зависть прекратились только со смертью Михаила Дмитріевича... Только теперь притаились они...

У насъ, чтобы быть оцѣненнымъ, чтобы получить только принадлежащее по праву—нужно умереть...

Подлое время и подлые люди!.. Сколько теперь нашлось у него друзей—и какъ мало ихъ было тогда...

Какъ онъ умѣлъ говорить съ солдатами, знаютъ тѣ, кто видѣлъ его съ ними. Они понимали его съ полуслова—и онъ ихъ зналъ „до тла", какъ выразился одинъ „изъ малыхъ сихъ". Мнѣ разсказывали, напримѣръ, объ урокѣ аттаки на баттерею, данномъ имъ новобранцамъ. Стояло ихъ человѣкъ сто...

— Ну, братцы, какъ-же вы пушку станете брать?

— А на уру, ваше-ство.

— Ура—урой... А вы умомъ-то раскиньте... Знаете-ли, что такое картечь?.. Ну вотъ бросились вы, уру закричали—непріятель выпалилъ изъ орудія, двадцать человѣкъ васъ легло... Сколько васъ теперь осталось. Восемдесятъ... Уйдите двадцать человѣкъ... Это вотъ убитые, слышите-ли... Ихъ ужъ нѣтъ... Ну, а вы что будете дѣлать, половчей чтобы вышло...

— А мы, ваше-ство, покуль онъ опять зарядъ, значитъ, положитъ, тутъ на него и навалимся... Штыкой его...

— Ну теперь молодцы ребята... Значитъ, поняли меня. Пойдемъ кашу ѣсть...

И генералъ взялъ деревянную ложку у перваго попавшагося солдата и засѣлъ за общій котелъ...

— Енъ братъ и ѣстъ-то по нашему, говорили они потомъ, хотя едва-ли кто-нибудь другой былъ такъ избалованъ въ этомъ отношеніи, какъ Скобелевъ...

Отсюда понятно почему уже первое время прошлой войны, до перехода нашего черезъ Дунай, популярность его въ войскахъ Журжевскаго отряда росла не по днямъ, а по часамъ. Сначала ему удивлялись, потомъ невольно поддались могущественному обаянію Михаила Дмитріевича и привязались къ нему какъ дѣти. Я разумѣется говорю о солдатахъ и о молодыхъ офицерахъ. Очень многіе въ этотъ начальный періодъ смотрѣли на него какъ на чужого, какъ на побѣдителя какихъ-то азіатскихъ холатниковъ. Ему уже и тогда завидовали, завидовали его молодости, его ранней карьерѣ, его Георгію на шеѣ, его знаніемъ, его энергіи, его умѣнію обращаться съ подчиненными... Глубокомысленные индюки, рождавшіе каждую самую чахоточную идейку съ болѣзненными потугами беременной женщины, не понимали этаго дѣятельнаго ума, этой вѣчно работавшей лабораторіи мыслей, плановъ и предположеній...

— Какъ имъ любить его, говорилъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ прошлой войны, разомъ сошедшійся со Скобелевымъ... Помилуйте, сидѣли они чинно за столомъ плавно курлыкали, все это такъ хорошо и спокойно было; вдругъ грохотъ: проваливается крыша и прямо на столъ сверху летитъ Скобелевъ съ цѣлымъ чемоданомъ новыхъ идей, проэктовъ, знаній о вещахъ до сихъ поръ этимъ индюкамъ неизвѣстныхъ...

Дошло до того, что побѣдителя халатниковъ всякая гремучая бездарность и напыщенная глупость стала третировать, какъ мальчика...

— Вамъ слишкомъ легко, почти даромъ достались ваши Георгіи... Теперь заслужите-ко ихъ! говорили ему и самолюбивый Скобелевъ, знавшій себѣ цѣну, цѣлыя недѣли потомъ ходилъ зеленый, съ разбитыми нервами, измученный... Не тогда-ли у него стала развиваться бо-

лѣзнь сердца, сведшая его въ раннюю могилу, если только эта болѣзнь была у него.

Случалось такъ, что Скобелеву и говорить не давали.

Питерскіе Наполеоны только фыркали, когда побѣдитель халатниковъ предлагалъ тотъ или другой планъ, а когда онъ переходилъ къ дѣйствіямъ, его просто обрывали. Этого военнаго генія, котораго академія теперь признала равнымъ Суворову, даже прямо оскорбляли. Разъ онъ сдѣлалъ какую-то рекогносцировку, которую считалъ крайне необходимой...

— Ступайте и сидите у моей палатки, пока я позову васъ! высокомѣрно оборвали молодого генерала и тотъ пріѣхавъ въ Зимницу, заболѣлъ отъ тоски и обиды...

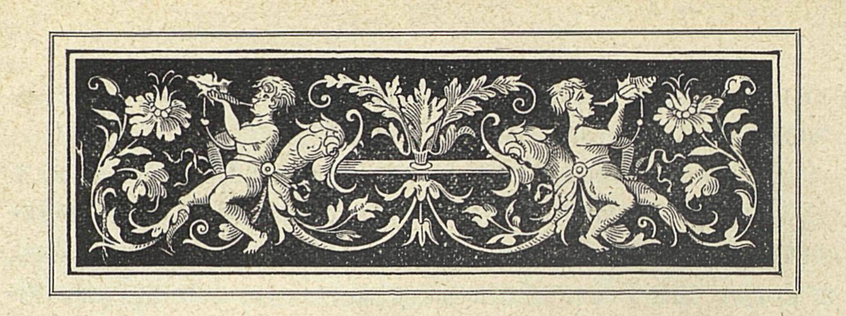
— Знаете, обратился онъ ко мнѣ, брошу я все это, отпрошусь обратно въ Россію и когда кончится война сниму военный мундиръ и стану служить земству... Въ деревню уѣду...

— Вѣрите, силы нѣтъ... Сознаешь, что дѣлается не то — а скажешь, такъ хорошо еще если вниманіе обратятъ... Трудно, ахъ трудно!

И часто слышались слезы въ голосѣ молодого генерала, когда онъ возвращался послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ.

Нужно отдать справедливость генералу Драгомирову. Онъ едва-ли не первый оцѣнилъ этотъ боевой геній въ Скобелевѣ. Бывшій военный министръ Милютинъ тоже ранѣе другихъ отмѣтилъ молодого генерала.

IV.

А между тѣмъ онъ меньше чѣмъ кто-нибудь былъ доволенъ собою. Въ Журжевѣ, въ Біи, въ Зимницѣ, точно также какъ потомъ въ траншеяхъ подъ Плевно — Скобелевъ учился и читалъ безпрестанно. Онъ умѣлъ добывать военные журналы и сочиненія на нѣсколькихъ языкахъ, и ни одно не выходило у него изъ рукъ безъ замѣтокъ на поляхъ, по словамъ спеціалистовъ и тогда уже обнаруживавшихъ орлиный взглядъ бѣлаго генерала. Интересно, въ чьихъ рукахъ находятся теперь эти книги. Въ высшей степени любопытно было-бы прослѣдить по нимъ, какъ мало по малу изъ богатыря и витязя выросталъ въ Скобелевѣ полководецъ „Суворову равный“ по прекрасному выраженію академіи.

Учился и читалъ Скобелевъ при самыхъ иногда не-

возможныхъ условіяхъ. На бивакахъ, на походѣ, въ Бухарестѣ, на валахъ батарей подъ огнемъ, въ антрактахъ жаркаго боя... Онъ не разставался съ книгой — и знаніями дѣлился со всѣми. Быть при немъ — значило тоже, что учиться самому. Онъ разсказывалъ окружавшимъ его офицерамъ о своихъ выводахъ, идеяхъ, совѣтовался съ ними, вступалъ въ споры, выслушивалъ каждое мнѣніе. Вглядывался въ нихъ и отличалъ уже будущихъ своихъ сотрудниковъ. Нынѣшній начальника штаба 4-го корпуса генералъ Духонинъ, такъ между прочимъ характеризовалъ Скобелева.

— Другіе талантливые генералы Радецкій, Гурко — берутъ только часть человѣка, съумѣютъ воспользоваться не всѣми его силами и способностями. Скобелевъ напротивъ... Скобелевъ возметъ все, что есть у подчиненнаго и даже больше, потому что заставитъ его идти впередъ совершенствоваться, работать надъ собою...

Иногда среди товарищескихъ пирушекъ съ молодежью онъ вдругъ задавалъ серьезныя военные задачи. Стаканы въ сторону и тѣсный кругъ сдвигался еще тѣснѣе, задумываясь надъ разрѣшеніемъ запутаннаго боеваго вопроса... Скобелевъ былъ молодъ — и любилъ женщинъ, но по своему. Онъ не давалъ имъ ничего изъ своего я. Онъ говорилъ, что военный не долженъ привязываться, заводить семьи...

— Игнатій Лойола только потому и былъ великъ, что не зналъ женщинъ и семьи... Кто хочетъ сдѣлать что нибудь крупное — оставайся одинокъ...

Ему очень нравилась какая-то француженка въ Бухарештѣ... Какъ-то онъ добился свиданія съ нею. Представьте себѣ ее изумленіе, когда посрединѣ горячаго разговора онъ вдругъ остановился, задумался, пошелъ къ столу вынулъ какую-то книгу и погрузился въ чтеніе,

по временамъ что-то отмѣчая на картѣ. Точно также зачастую онъ уходилъ съ обѣда къ себѣ на верхъ и ординарцы, посылавшіеся къ нему заставали его за книгами... Потомъ чтобы не терять время онъ приказалъ своему адъютанту носить съ собою постоянно записную книжку. Приходила генералу какая нибудь счастливая идея, вопросъ и они сейчасъ же заносились туда. Разговоръ съ нимъ уже и въ началѣ войны былъ очень поучителенъ. Онъ умѣлъ разшевелить умъ у человѣка, заставить его думать... Для этого онъ не останавливался ни передъ чѣмъ.

— Мало быть храбрымъ, надо быть умнымъ и находчивымъ! говорилъ онъ своимъ, хотя на храбрыхъ людей у него была какая-то жадность. Узнавъ о какомъ нибудь удальцѣ, онъ не успокоивался пока не переводилъ его въ свой отрядъ... Для этого онъ пускался на всевозможныя хитрости, дружился съ офицеромъ, упрашивалъ его начальство и, въ концѣ концовъ таки добился, что въ дивизіи у него были молодцы на подборъ.

Не только молодому офицеру — но и солдату бѣлый генералъ былъ товарищемъ.

Ѣдетъ онъ какъ-то въ коляскѣ Жара невыносимая, солнце жжетъ... Видитъ впереди едва-едва ковыляетъ солдатъ, чуть не сгибающійся подъ тяжестью ранца...

— Что братъ, трудно идти.

— Трудно, ваше — ство...

— Ѣхать-то лучше... Генералъ вонъ ѣдетъ, полегче тебя одѣтый, а ты съ ранцомъ-то идешь, это не порядокъ... Не порядокъ вѣдь?

Солдатъ мнется.

— Ну, садись ко мнѣ...

Солдатъ колеблется... шутитъ что-ли генералъ...

— Садись, тебѣ говорятъ...

Обрадованный кирилка (такъ мы называли малорослыхъ армейцевъ), лезетъ въ коляску...

— Ну, что хорошо.

— Чудесно, ваше-ство.

— Вотъ дослужись до генерала, и ты будешь ѣздить также.

— Гдѣ намъ.

— Да вотъ мой дѣдъ такимъ-же солдатомъ началъ — а генераломъ кончилъ... Ты откуда...

И начинаются разспросы о семьѣ, о родинѣ...

Солдатъ—выходитъ изъ коляски, боготворя молодого генерала, разсказъ его передается по всему полку и когда этотъ полкъ попадаетъ въ руки Скобелеву — солдаты уже не только знаютъ, но и любятъ его...

Разъ въ Журжевѣ идетъ онъ по улицѣ — видитъ солдатъ плачетъ.

— Ахъ ты баба!.. Чего ревешь-то... Страмъ!..

Солдатъ вытягивается.

— Ну чего ты... Что случилось такое...

Тотъ мнется...

— Говори, не бойся...

Оказывается, получилъ солдатъ письмо изъ дому... Нужда въ семьѣ, корова пала, недоимка одолѣла, — неурожай, голодъ.

— Такъ-бы и говорилъ, а не плакалъ. Ты грамотный.

— Точно такъ-съ.

— И писать умѣешь?

— Умѣю.

— Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей, пошли сегодня-же домой, слышишь... Тебѣ скажутъ какъ это сдѣлать... Да квитанцію принеси ко мнѣ...

Отзывчивость, на чужую нужду и горе до конца не

покидала Скобелева. Мнѣ разсказывалъ Духонинъ, что Михаилъ Дмитріевичъ не бралъ никогда своего жалованья корпуснаго командира. Оно сплошь шло на добрыя дѣла. Со всѣхъ концовъ Россіи обращались къ нему, даже часто съ мелочными просьбами, то о пособіи, то о покровительствѣ, то о заступничествѣ. Обращались и отставные солдаты, и мѣщане, и крестьяне, и священники... Разъ даже какая-то минская баба прислала письмо о пропитомъ мужемъ полушубкѣ. Къ чести Скобелева нужно сказать, что въ этомъ случаѣ для него не было ни крупныхъ, ни мелкихъ просьбъ. Онъ совершенно правильно разсуждалъ, что для бабы зимній полушубокъ также нуженъ, какъ отставному притѣсняемому деревнею солдату—его пропитаніе. *И ни одна такая просьба не была оставлена безъ вниманія.* Онъ посылалъ деньги, хлопоталъ, просилъ... Въ Москвѣ разъ я иду съ нимъ по Никольской. Вдругъ кидается къ нему какой-то крестьянинъ.

— Сказываютъ, батюшко генералъ, ты самый и есть Скобелевъ.

— Я...

— Спасибо тебѣ, родимый... Вызволилъ ты меня... Изъ большей бѣды вызволилъ... Дай тебѣ Богъ...

— Когда, въ чемъ дѣло... Я ничего не понимаю.

— Писалъ я къ тебѣ... Затѣснила меня ужь очень волость...

— Ну?

— А тутъ отставной солдатъ одинъ былъ—пиши говоритъ къ Скобелеву, ёнъ услышитъ, будь спокоенъ... я и послалъ тебѣ письмо... А ты губернатору нашему приказалъ не трогать меня... Меня и успокоили... Спасибо тебѣ защитникъ ты нашъ...

И бухъ мужикъ въ ноги...

Вотъ тайна этой изумительной популярности, вполнѣ заслуженной покойнымъ генераломъ.

— Тысячи писемъ приходилось писать и пособія разсылать такимъ образомъ! сообщалъ мнѣ Духонинъ.

— Ни одно письмо къ нему — не оставалось безъ отвѣта...

Рѣшительность и способность къ инициативѣ была въ немъ громадная и сказывалась во всемъ. Онъ и въ другихъ любилъ это качество.

— Отчего это вы не были съ нами? спросилъ онъ разъ меня, послѣ одного дѣла въ Журжевѣ.

— Да я спросилъ у вашего отца.

— У паши... Ну и онъ отказалъ вамъ?

— Да...

— А вы впередъ не спрашивайтесь, а прямо поѣзжайте... Если спрашиваетесь — значитъ и вы сомнѣваетесь и другого заставляете сомнѣваться, можно-ли... А коли прямо ѣдешъ, такъ и вопросъ о возможности ужь тѣмъ самымъ рѣшенъ. Я вообще терпѣть не могу спрашиваться. Берите на свою отвѣтственность и не спрашивайтесь впредь.

Потомъ я оцѣнилъ этотъ совѣтъ вполнѣ...

Подъ конецъ Журжевской стоянки и потомъ въ Систовѣ — Скобелеву приходилось ужь не въ терпежъ. Слишкомъ стали его травить доморощенные Александры Македонскіе.

Только было заикнется Скобелевъ о своемъ боевомъ опытѣ:

— Ну, вы опять про вашихъ халатниковъ!.. Это совсѣмъ другое дѣло... Вы тамъ по вашимъ степямъ черепахами ползали, а мы перелетимъ орлами...

— Крыльевъ-то хватитъ-ли...

— Весь планъ компаніи такъ разсчитанъ: позавтра-

каемъ мы въ Систовѣ, пообѣдаемъ на Балканахъ, а поужинаемъ въ Константинополѣ!..

— Ну, давай Богъ...

— Ужь васъ не спросимъ... Вамъ-то Георгіи тамъ легко доставались...

И куда смыло потомъ послѣ перваго похода за Балканы и трехъ Плевенъ этихъ высокомѣрныхъ стратеговъ... Тише воды ниже травы стали они, словно мокрыя курицы опустили свои еще наканунѣ встопорщенныя крылья... У Скобелева разъ о такомъ, нынѣ впрочемъ уже покойномъ героѣ, вырвалась мѣткая фраза...

— Самъ себя разжаловалъ!

— Какъ это.

— Да изъ Александровъ Македонскихъ — въ Буцефалы. И чудесно подъ сѣдломъ ходитъ, всякимъ аллюромъ!..

Больше всего въ это время какъ и потомъ вредили Скобелеву его друзья. Не тѣ боевые товарищи, которые дѣйствительно знали и любили его, а петербургская большесвѣтная опрометь, записавшаяся въ дружбу къ молодому генералу и въ видѣ вящаго доказательства этой дружбы, разсказывавшая о немъ Богъ знаетъ что. Нѣкоторые изъ нихъ своевременно наѣзжали въ Ташкентъ за Георгіями, прикомандировывались къ Скобелеву въ Фергану и не получивъ крестика, съ бѣшенствомъ возвращались назадъ, распуская о Михаилѣ Дмитріевичѣ самые чудовищные слухи. Одинъ, напримѣръ, лично увѣрялъ меня что Скобелевъ не храбръ.

— Помилуйте, онъ трусъ... Совсѣмъ трусъ. Всего боится.

Встрѣчаюсь я съ нимъ послѣ войны.

— А трусъ-то вашъ богатыремъ оказался.

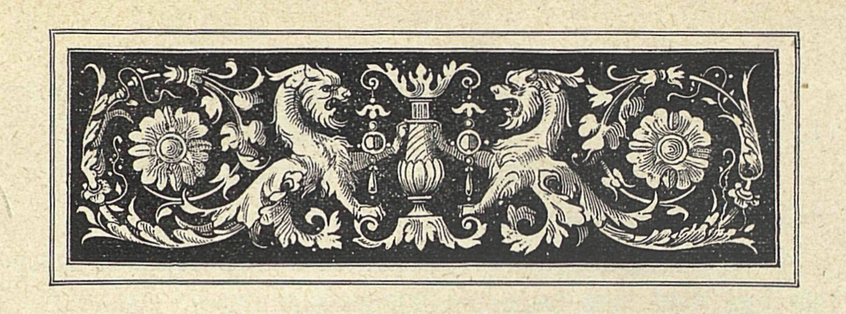
— Да вѣдь это его корреспонденты такимъ изобразили...

— Ну а войска, а разсказы тысячи очевидцевъ.

— Тогда значитъ онъ изъ честолюбія.

Геокъ-Тепе заставило замолчать всѣхъ такихъ. Тамъ уже при генералѣ не было кореспондентовъ — дѣло говорило само за себя.

V.

За нѣсколько дней до 7-го іюня Скобелевъ находился въ нервномъ настроеніи.

Цѣлыя ночи онъ не спалъ. То рыскалъ вдоль берега, то съ двумя, тремя гребцами изъ казаковъ объѣзжалъ дунайскіе острова, а разъ даже перебрался на турецкую сторону и самъ высмотрѣлъ, что у нихъ дѣлается около Рущука. Напрасно было говорить ему объ опасности подобныхъ предпріятій. Всякая опасность—только еще болѣе придавала въ его глазахъ прелести задуманному дѣлу. Безъ опасностей, безъ кипучей работы — онъ начиналъ хандрить, скучать, становился даже капризенъ, какъ женщина. Но начиналась работа и Скобелевъ былъ неузнаваемъ Передъ вами обрисовывался совсѣмъ другой человѣкъ... Изслѣдовавъ Дунай съ его островами и берегами, онъ нашелъ себѣ по ночамъ

другое дѣло. Началась постройка баттарей, которыя старались замаскировать, такъ чтобы непріятель никакъ-бы не могъ къ нимъ пристрѣляться. Молодой генералъ вечеромъ выѣзжалъ къ саперныкъ командамъ, сооружавшимъ земляныя насыпи и только утромъ возвращался оттуда... Разъ какъ-то солдаты залѣнились или устали, а профиль баттареи должно было непремѣнно закончить къ утру.

— Хорошо, если-бы оттуда, такъ, сдуру стрѣлять начали. Показалъ онъ на турецкій берегъ.

— А что?

— Посмотрите, какъ живо двинулась-бы работа! Съ лихорадочною поспѣшностью стали-бы строить!

И дѣйствительно, знаніе солдата ему не измѣнило. Неуспѣлъ еще онъ окончить своей фразы — какъ по ту сторону точно открылось чье-то красное, пламенное око. Открылось и опять смѣжило вѣки. Послышался гулкій ударъ дальнобойнаго орудія и скоро граната съ громкимъ метталическимъ стономъ разорвалась около баттареи. Лопаты саперовъ заработали гораздо быстрѣе. Солдаты торопливо начали набрасывать землю оканчивая брустверъ и траверсы... „Это всегда помогаетъ!“ Обернулся къ намъ Скобелевъ.

— Когда вы спите? спрашиваю я какъ-то у него.

— Я могу—сутки спать не просыпаясь и могу трое сутокъ работать, не зная сна...

И дѣйствительно, счастливая организація Скобелева позволяла это. Когда было рѣшено заградить минами теченіе Дуная у Парапана, тогда онъ совсѣмъ уже ушолъ въ работу. И день и ночь его встрѣчали то тамъ, то сямъ. Уже въ самомъ началѣ войны обнаружилась въ немъ черта характера, съ такимъ блескомъ выдѣлившаяся въ послѣдствіи. Онъ не вѣрилъ никому, всегда самъ изучая мѣстность. Никакими въ этомъ

отношеніи кроки нельзя было заставить его сдѣлать то или другое распоряженіе. Онъ непремѣнно ѣхалъ самъ, вглядывался и находилъ много деталей, упущенныхъ офицерами... Малѣйшая неровность мѣстности, жалкій ручей, пригорокъ, все это было слагаемыми для его комбинацій, выигрывавшихъ ему бой. Такъ и въ дѣлѣ при Парапанѣ. Еще не успѣли опредѣленно назначить день для минныхъ загражденій—какъ Скобелевъ уже изучилъ мѣстность такъ, что бывшимъ тутъ же офицерамъ генеральнаго штаба пришлось только удивляться ему. Для прикрытія смѣлой аттаки миноноски „Шутка" назначенъ былъ 15 баталіонъ, изъ знаменитой въ послѣдствіи 4-й стрѣлковой бригады, которую Скобелевъ прозвалъ „желѣзною"... Когда баталіонъ выстроили — командиръ, теперь уже не помню кто, обратился къ солдатамъ:

— Охотники впередъ!

Весь баталіонъ какъ по командѣ шагнулъ впередъ.

— Это лучше! замѣтилъ Скобелевъ. По моему никакихъ охотниковъ не должно быть... Каждый долженъ быть охотникомъ. И въ послѣдствіи Михаилъ Дмитріевичъ очень рѣдко, въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ этому пріему. Онъ всегда старался доводить солдатъ до того, чтобы среди нихъ всѣ были „охотниками".

— Дѣло должно быть праздникомъ для военнаго... Какіе же тутъ охотники...

Было выбрано 120 солдатъ къ нимъ командировано трое офицеровъ. Вмѣстѣ съ сотней уральскихъ казаковъ и полевой баттареей—это составило небольшой отрядъ прикрытія минныхъ работъ. Офицеры было повели ихъ— когда Скобелевъ остановилъ пѣхоту.

— Постойте... Такъ нельзя... Солдатъ долженъ всегда знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ... Сознательный сол-

датъ въ тысячу разъ дороже безсознательнаго исполнителя... Уральцамъ я уже объяснилъ...

— Здорово, молодцы!

Тѣ ему отвѣтили.

— Знаете-ли, куда вы теперь идете...

Солдаты стали мяться...

— Въ Барабанъ, ваше-ство!

— Ну все равно, Парапанъ или Барабанъ... А зачѣмъ.

— Турку бить!..

— Турка бить всегда слѣдуетъ... Какъ твоя фамилія.

— Егоровъ, ваше-ство!

— Видно, что удалой... Скоро георгіевскимъ кавалеромъ будешь... А только мы теперь вовсе не турку бить идемъ... Намъ, братъ, нужно другое дѣло обработать... Скоро—мы на ту сторону Дуная перебросимся, поняли?..

— Поняли, ваше-ство!

— Ну, то-то... Сидѣть-то у молдаванъ надоѣло... Все на одномъ мѣстѣ... Здѣсь безъ галагана *) никуда не пустятъ?.. Да и работы солдату мало...

— Это точно...

— Ну вотъ... Мы воевать пришли—а непріятель на той сторонѣ, онъ къ намъ не придетъ—ему у себя чудесно, намъ нужно его выбить оттуда... Выбьемъ вѣдь, орлы?..

— Рады стараться!.. повеселѣли солдаты.

— А чтобы выбить—намъ нужно перейти черезъ Дунай... Тутъ-то намъ и достанется... Станемъ мы перебираться туда—турокъ-то вѣдь тоже не дуракъ, онъ на

*) Галаганъ—мелкая румунская монета.

наши плоты да лодки, мониторы свои пустить. Видѣли вы какіе мониторы, вонъ, что пыхтятъ у берега...

— Видѣли, ваше-ство!

— Они насъ и перетопятъ... Ну а мы хитрѣе турка... Мы въ воду такіе мины погрузимъ, что ему сквозь нихъ и не проплыть, только онъ на нихъ наткнется, тутъ его и взорветъ. Мы то у него передъ носомъ и перейдемъ рѣку...

— Рады стараться!.. сами уже отозвались солдаты, понявшіе въ чемъ дѣло.

— Это совсѣмъ не такой, какъ другіе! толковали потомъ они между собою... Этотъ умный... Понятный!.. Такъ на первыхъ порахъ имя „понятнаго“ генерала и осталось за Скобелевымъ.

Парапанъ, деревня по прямому направленію отъ Журжева въ пятнадцати, а по дорогѣ, въ двадцати верстахъ. Сады его сползаютъ почти къ самому берегу, на возвышеніи стоитъ отдѣльно большой помѣщичій домъ, который на 7-ое Іюня былъ занятъ штабомъ Скобелева. Ночь была ясная, теплая, такая, какія знаютъ только благославенный югъ съ его мечтательнымъ сумракомъ, съ волнами благоуханій льющихся по вѣтру, съ задумчивымъ шелестомъ деревьевъ и словно теплющимися, страстными звѣздами. Луна свѣтила ярко, ярко, обливая трепетнымъ сіяніемъ раины садовъ, разстилая по неподвижному Дунаю, точно серебрянныя сѣти... Именно казалось, что это не блескъ мѣсяца зыблется на его водахъ, — а всплыли на верхъ и мерещутся влюбленному взгляду сѣверянина серебрянныя сѣти какого-то сказочнаго рыболова... Едва, едва слышный сонно бился прибой въ отмѣляхъ... У противоположнаго берега чудилось словно заколдованное царство, заповѣдное, недоступное... Среди поэтическаго молчанія этой ночи едва, едва слы-

шались весла восьми лодокъ, въ которыхъ перебирались къ острову Мечику, наканунѣ изслѣдованному Скобелевымъ, пятьдесятъ человѣкъ стрѣлковъ и тридцать уральцевъ...

— Увидятъ ихъ турки... волновался генералъ, когда среди луннаго блеска показались на яркомъ зеркалѣ Дуная, черныя съ черными силуэтами гребцовъ и солдатъ, лодки, вырѣзанныя точно изъ агата... Но тамъ, въ этомъ заколдованномъ царствѣ „того“ берега было все тихо и въ полголоса раздававшаяся команда замирала въ тепломъ воздухѣ южной ночи...

Островъ былъ залитъ водою...

Генералъ приказалъ закрѣпить лодки за стволы каштановъ. Солдаты и казаки, снявъ сапоги, засѣли на деревья и будто водяныя птицы сбились на немногіе сухіе клочки земли и на болотины, только что освободившіяся отъ разлива. Все это—въ полномъ молчаніи... Даже участвовавшіе слышали только шорохъ вѣтвей, да шелестъ раздвигаемой листвы. Съ нашего берега — островъ казался совсѣмъ безлюднымъ. Отъ Молодежоса двинулось передъ тѣмъ восемъ паровыхъ шлюпокъ, изъ нихъ двѣ миноноски... На пути всюду имъ встрѣчались мели—и вмѣсто двухъ шлюпки явились сюда только къ четыремъ часамъ, когда уже разсвѣло. Турецкій берегъ былъ залитъ такъ называемымъ „тыльнымъ“ свѣтомъ солнца, такъ что Скобелевъ только съ трудомъ и то въ туманныхъ очеркахъ могъ различать, что у нихъ дѣлается. Все дрожало тамъ отъ этаго блеска, контуры измѣнялись, расплывались, точно какая-то яркая дымка висѣла надъ этимъ красивымъ и зеленѣющимъ гребнемъ...

— Ну сейчасъ начнется! обернулся Скобелевъ къ своимъ.

— Что начнется.

— Нашихъ замѣтили!...

Потомъ оказалось что зоркій глазъ генерала дѣйствительно отличилъ на томъ берегу прискакавшій туда турецкій отрядъ.

— Вотъ и пифпафочка!... улыбнулся Скобелевъ, когда тѣ открыли огонь по лодкамъ, уже начавшимъ погружать торпеды.

— Молодцы! восхищался Михаилъ Дмитріевичъ... Ишъ, у самаго берега работаютъ... У меня всегда къ морякамъ сердце лежало.

Дѣйствительно, наши катера заработали подъ носомъ у турокъ... Послышался сухой трескъ бѣглаго ружейнаго огня съ берега, все усиливавшійся и усиливавшійся. Можно было бояться большихъ потерь.

— Пора и намъ!... И не ожидая приказанія отца, молодой Скобелевъ, оффиціально только начальникъ его штаба, а въ сущности командиръ всего отряда приказалъ береговой баттареи тяжелыхъ орудіи открыть огонь по этому, состоявшему изъ двухсотъ человѣкъ скопищу. Разстояніе оказывалось очень велико, но первый выстрѣлъ былъ случайно удаченъ, гранату разорвало въ кучкѣ турокъ, которые разсыпались во всѣ стороны.

Только черезъ часъ явился турецкій военный вѣстовой пароходъ. Его тоже привѣтствовали выстрѣлами. Отвѣтные снаряды не долетали до насъ. Первый упалъ за версту до нашего берега, а второй разорвался у самаго дула выпустившаго его орудія... Послѣ одного изъ такихъ выстрѣловъ, пароходъ очевидно получилъ поврежденіе и сталъ отступать... Разъ онъ было пріостановился, но два паровые катера, служившіе для обороны и вооруженные минами направились на него... Выждавъ ихъ на двѣсти саженъ, громадное пароходище это постыдно повернуло назадъ и поспѣшно ударилось въ бѣгство. Вдали въ это

время наши замѣтили скрывавшійся до тѣхъ поръ мониторъ. Онъ уже открылъ огонь... Тогда начальникъ шлюпки Наслѣдника-Цесаревича „Шутка“, подошелъ къ завѣдывавшему загражденіемъ Новикову, котораго всѣ моряки дунайской нашей флотиліи называли дѣдушкой. Этого Новикова душевно любилъ и высоко цѣнилъ Скобелевъ. Впрочемъ и вся армія уже въ Плоэштахъ знала „дѣдушку“.

— Прикажете идти въ аттаку?

Новиковъ послалъ поцѣлуй вмѣсто приказанія.

— Кусните-ко его! крикнулъ въ свою очередь Скобелевъ... Маленькая собачка, а зубы вострые!.. За хвостъ его!

Я не стану описывать здѣсь эту замѣчательную аттаку маленькой шлюбки, этой собачки, съ вострыми зубами по мѣткому выраженію генерала. Бою при Парапанѣ отведено нѣсколько страницъ моего „Года войны“ (III-й томъ стр. 79—91). Дѣло въ томъ, что когда „раненая“ Шутка съ своимъ раненымъ командиромъ отступала отъ монитора, то сей послѣдній въ паническомъ страхѣ улепетывалъ отъ нея... Только въ три часа пополудни онъ опять сталъ подбираться къ мѣсту загражденій. Въ это-же время на берегу показались дымки, скрытно стоящихъ турецкихъ полевыхъ орудій, только-что подвезенныхъ сюда съ ближайшихъ рущукскихъ баттарей... Но мониторъ оказался очень благоразумнымъ. Скобелевъ встрѣтилъ его огнемъ изъ нашихъ орудій и тотъ поспѣшилъ поскорѣй опять уйти изъ сферы огня. За то турецкіе стрѣлки, засѣвшіе въ кустахъ, стали-было выбивать нашихъ довольно мѣткимъ огнемъ. Такимъ образомъ, они повредили три минныя барки...

— Возьмутъ, пожалуй!

И Скобелевъ, долго не думая, верхомъ бросился вплавь черезъ Дунай.

Скоро его догнали лодки, посланныя съ берега и вмѣстѣ съ капитаномъ Сахаровымъ — офицеромъ генеральнаго штаба, Скобелевъ, пересѣвъ въ нихъ, подплылъ прямо подъ огонь турокъ. Въ виду непріятельскихъ стрѣлковъ, они выхватили два баркаса съ минами, при чемъ одинъ, разбитый артиллерійскими снарядами, перетащили черезъ косу подъ градомъ пуль и то и дѣло рвавшихся около гранатъ. Какой-то солдатъ сталъ-было кувыркаться, кланяясь первой пролетѣвшей пулѣ.

— Знакомую встрѣтилъ?.. Ну, поклонись ей еще разъ на прощанье... Больше братъ съ ней не увидишся... Страмъ передъ турецкой пулей голову клонить!... Вотъ какъ надо стоять подъ огнемъ, видишь!

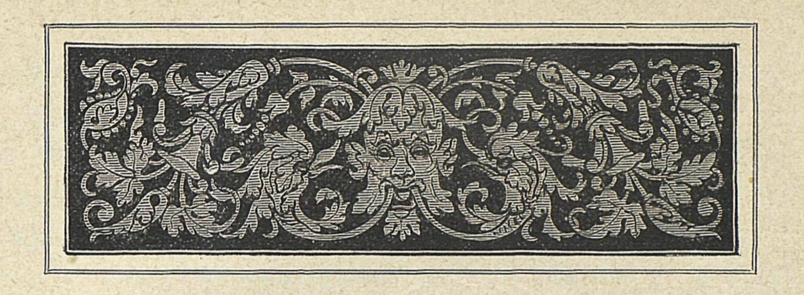
И пока другіе тащили лодки — Скобелевъ стоялъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, куда больше всего былъ направленъ огонь съ непріятельскаго берега... Пули у самыхъ ногъ его впивались въ землю, другія около головы сбивали вѣтви съ листьевъ — онъ и не двигался.

— Зачѣмъ вы это? спросили у него.

— Нужно было спасать лодки... Солдаты спѣшили-бы слишкомъ и ничего-бы не сдѣлали. Ну, а тутъ видятъ генералъ стоитъ впереди. Позади-то имъ и работать легче... Не такъ страшно. Чего-де имъ бояться, если я не боюсь — вездѣ примѣръ нуженъ.

— Ну, убило-бы?.. И въ какомъ пустомъ дѣлѣ...

— Я не привыкъ дѣлить дѣла на пустыя и не пустыя. Всякое, за которое я берусь, — серьезно для меня... А если молодые солдаты замѣтятъ, что генералы шкуру берегутъ, такъ и они на свою тоже скупиться станутъ.

VI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого генералъ началъ дѣлать свои знаменитыя опыты, стараясь переплыть Дунай верхомъ.

— Неужели вы не боитесь, обратился къ нему одинъ новичекъ военнаго дѣла — въ дипломатическомъ мундирѣ.

— Видити-ли, душенька, вы имѣете *право* быть трусомъ, солдатъ — *можетъ* быть трусомъ, офицеру, ни чѣмъ не командующему, инстинкты самосохраненія извинительны, ну а отъ ротнаго командира и выше трусамъ нѣтъ никакого оправданія... Генералъ-трусъ по моему анахронизмъ и чѣмъ менѣе такіе анахронизмы терпимы — тѣмъ лучше. Я не требую, чтобы каждый былъ безумно храбрымъ, чтобы онъ приходилъ въ энтузіазмъ отъ ру-

жейнаго огня. Это — глупо! Мнѣ нужно только, чтобы всякій исполнялъ свою обязанность въ бою.

Представители канцелярскаго режима въ арміи, и блестящая плеяда парадныхъ геніевъ и кабинетныхъ мудрецовъ, ни какъ не могла помириться съ красивымъ, полнымъ обаянія мужествомъ молодаго генерала... Когда онъ стоялъ подъ огнемъ въ своемъ бѣломъ кителѣ, на бѣломъ боевомъ конѣ, когда онъ казалось вызывалъ самую смерть, находя величайшее наслажденіе въ этомъ постоянномъ презрѣніи къ опасностямъ, въ этомъ сознаніи себя человѣкомъ, мыслящимъ, владѣющимъ собою среди ада, въ истребительномъ вихрѣ оргіи, которую мы называемъ войной, когда онъ самъ, точно напрашивался на непріятельскій огонь — его тогда упрекали въ рисовкѣ, въ желаніи щегольнуть своимъ удальствомъ. Этимъ господамъ было не въ домекъ, что гораздо лучше щеголять храбростью, чѣмъ громогласно провозглашать, нося военный мундиръ, фразы въ родѣ: „я удивляюсь мужеству, но непонимаю его", „пускай умираютъ другіе — а я ужь покорный слуга", „отвага и глупость идутъ рука объ руку". Гораздо лучше быть примѣромъ самоотверженія для солдатъ и для молодыхъ офицеровъ показывать, что генералъ, командующій отрядомъ, какъ и офицеръ, которому поручена рота — должны прежде всего забыть о себѣ самомъ... Даже красивость этой отваги, если позволено будетъ такъ выразиться, умѣніе быть изящнымъ въ огнѣ—производитъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе на окружающихъ, чѣмъ столь-же почтенная, спокойная и простая храбрость, присущая вообще намъ русскимъ. И когда Скобелевъ, такимъ образомъ, появлялся уже въ началѣ прошлой войны подъ огнемъ, впереди, всегда веселый, разодѣтый, вдохновенный, лучезарный, какъ выразился о

немъ одинъ изъ его поклонниковъ—мокрыя курицы клохтали.

— Къ чему эта рисовка, къ чему... Онъ просто хочетъ доказать, что не даромъ получилъ у халатниковъ свои кресты.

Въ это-же самое время, наиболѣе простодушная и наиболѣе проницательная часть арміи (ребенка и солдата—не надуешь) относилась къ опальному герою совершенно иначе. Она отдавала ему справедливость и въ молодомъ орленкѣ только что еще расправлявшемъ свои сильные крылья уже угадывала будущаго геніальнаго полководца... Я помню разъ, мы шли вечеромъ по лагерю близь Журжева. Изъ одной tant-abri *) раздавался говоръ. Вдругъ послышалось имя Скобелева.

— Постойте... Это очень интересно узнать, что обо мнѣ говорятъ солдаты.

— А если бранятся?..

— Тѣмъ лучше... Это хорошій урокъ. Вы не думайте. Солдаты очень проницательны при всемъ своемъ простодушіи... Это такіе нелицепріятные и неумолимые судьи!.. Не смотря на то, что этихъ судей держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Да и дерутъ даже!

— Только не у меня! Вспыхнулъ онъ. Я скорѣе разстрѣляю солдата чѣмъ высѣку его. Нѣтъ ничего болѣе унизительнаго!

А въ палаткѣ дѣйствительно шелъ разговоръ о генералахъ.

— Нѣтъ, братъ, Скобелевъ это настоящій... Онъ братъ, русской природы. Онъ что твой кочетъ красуется.

---

*) Военная палатка открытая съ двухъ сторонъ, гдѣ можно только лежать и сидѣть.

— Ну, ужь и кочетъ.

— Извѣстно. Храбрѣе кочета птицы нѣтъ. Ты видалъ какъ кочеты дерутся... Они братъ, это ловко... И нарядные же... Кочетъ, братъ, никого не боится. Потому онъ и красуется... Пѣтухъ, братъ, зорокъ — онъ свѣтъ сторожитъ!

— А нашъ-то? И при этомъ солдатъ назвалъ своего генерала.

— Нашъ — дудка.

— Какъ дудка.

— А такъ... Возьми ее кто хошь, дуди съ одного конца, а съ другого она разговаривать будетъ... Настоящая дудка. А ёнъ, братъ, пѣтухъ... Пѣтухъ свѣтъ любитъ, какъ свѣтъ увидитъ сейчасъ и кричитъ и всѣхъ разбудитъ...

Въ другой разъ, поздно вечеромъ пришлось намъ идти по Зимницѣ.

Опять — послышался отрывочный говоръ, солдаты ссорились съ жидомъ-кабатчикомъ.

— Вотъ ты сидишь при всей своей глупости, а мы пойдемъ да Скобелеву и скажемъ.

— А и што мене Скобелевъ.

— Скобелевъ... Ты думаешь онъ спрашиваться станетъ.

— И чего же онъ мнѣ сробитъ.

— Возьметъ тебя, да и подъ разстрѣлъ, чтобы ты православныхъ воиновъ не грабилъ.

— А плевать я хочу на вашего Скобелева! разозлился жидъ.

— Ты — плевать... Ахъ ты подлое сѣмя!.. Да ты знаешь, кто Скобелевъ-то.

И началась баталія... Солдаты отъ словъ перешли къ жестамъ, послышался гвалтъ избиваемаго еврея...

— Нѣтъ, братъ, мы за Скобелева постоимъ... Онъ насъ въ обиду не дастъ, а ужь и мы его не оставимъ... Будь спокоенъ!

И для вящаго спокойствія Израиля — они уже совсѣмъ набросились на него.

Разумѣется М. Д. не похвалилъ солдатъ за самоуправство, въ этомъ случаѣ, какъ и потомъ онъ съ негодованіемъ относился ко всякому самосуду.

Мнѣ по неволѣ приходится писать отрывочно. Это не біографія, а воспоминанія; ихъ никакъ не подведешь подъ одну систему. Нужно разбрасываться, разсказывать, перескакивать съ одного на другое. Говоря объ отношеніи Скобелева къ солдатамъ — нельзя упустить того, съ какою настойчивостью онъ развивалъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства. Онъ въ этомъ отношеніи гордился ими — и было дѣйствительно чѣмъ гордиться. Я не могу забыть одного случая, когда Скобелевъ остановилъ любимаго изъ своихъ полковыхъ командировъ, ударившаго солдата.

— Я-бы васъ просилъ этого въ моемъ отрядѣ не дѣлать... Теперь я ограничиваюсь строгимъ выговоромъ — въ другой разъ долженъ буду принять иныя мѣры. Тотъ было сталъ оправдываться, сослался на дисциплину, на глупость солдата, на необходимость зуботычинъ.

— Дисциплина должна быть желѣзною. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но достигается это нравственнымъ авторитетомъ начальника, а не бойней... Срамъ, полковникъ, срамъ! Солдатъ долженъ гордиться тѣмъ, что онъ защищаетъ свою родину, а вы этого защитника какъ лакея бьете!.. Гадко... Нынче и лакеевъ не бьютъ... А что касается до глупости солдата — то вы ихъ плохо знаете... Я очень многимъ обязанъ здра-

вому смыслу солдатъ. Нужно только умѣть прислушиваться къ нимъ...

Когда впослѣдствіи Скобелевъ командовалъ дивизіей — онъ одного полковаго командира, только что назначеннаго къ нему, прямо выгналъ за то, что тотъ въ интересахъ дисциплины сталъ съ перваго дня культивировать солдатскіе зубы.

— Мнѣ такихъ не надо... Совсѣмъ не надо... Отправляйтесь въ штабъ — писарей бить. У меня боевые полки къ этому не привыкли.

И дѣйствительно — духъ былъ поднятъ до такой степени, что когда при переходѣ отъ Плевны къ Шейнову, одного солдата за что-то хотѣли высѣчь, тотъ прямо явился къ Скобелеву.

— Чего тебѣ?

— Къ вашему превосходительству... Меня полковникъ *** хочетъ высѣчь.

— Ну?

— Прошу милости — прикажите суду предать.

— За что это тебя?

Тотъ сказалъ.

— По суду тебя разстрѣляютъ. И навѣрное разстрѣляютъ.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ... И такъ каждый день подъ разстрѣломъ бывалъ... А ежели меня такъ обидятъ — такъ я и самъ съ собой порѣшу!.. Прикажите подъ судъ!..

— Вотъ это солдаты! радовался потомъ Скобелевъ. Вотъ это настоящіе... То что мнѣ нужно. Смерти не боятся, а боятся позора.

Его корпусъ и теперь отличается такимъ духомъ. Въ мирное время онъ умѣлъ еще выше поднять въ солдатѣ сознаніе собственнаго достоинства. Какая труд-

ная задача предстоитъ новому командиру этого корпуса... И какъ велика будетъ его нравственная отвѣтственность, если онъ не съумѣетъ поддержать того-же... Скобелевъ по долгу и *потоварищески* (я нарочно подчеркиваю это слово) разговаривалъ съ солдатами и едва-ли гдѣ-нибудь была такъ сильна власть офицеровъ, такъ строга дисциплина какъ у него... Это былъ не изъ тѣхъ генераловъ, которые любятъ свои войска, когда тѣ находятся отъ нихъ на приличномъ разстояніи и кричатъ ура... Напротивъ, изнѣженный, избалованный, брезгливый Скобелевъ — умѣлъ жить одною жизнью съ солдатомъ, дѣля съ нимъ грязь и лишенія траншей, и такъ жить, что солдату это даже нисколько и удивительно не было...

— Видать сейчасъ, что отъ земли онъ! говорили про него солдаты.

— Какъ это отъ земли. Спрашиваю я.

— А такъ, что дѣдъ его землю пахалъ... Вотъ и на немъ это осталось... Онъ насъ понимать можетъ... А тѣ которые баре, тѣмъ понимать насъ нельзя... Тѣ по нашему и говорить не могутъ...

А между прочимъ „попущенія“ въ его отрядѣ никому не было.

Товарищъ въ антрактахъ, на бивакѣ, въ рѣдкіе періоды отдыха — онъ во время дѣла являлся суровымъ и требовательнымъ до крайности. Тутъ уже ничему не было оправданія... Не было своихъ, не было и чужихъ. Или нѣтъ, виноватъ, своимъ — первая пуля въ лобъ, самая труднѣйшая задача, самыя тяжкія лишенія.

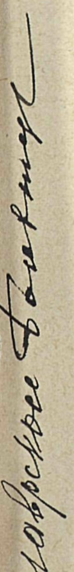
— Кто хочетъ со мной — будь на все готовъ...

Удивлялись, что онъ дружился съ каждымъ офицеромъ. Еще-бы. Прапорщикъ, по товарищески пившій

вино за однимъ столомъ съ нимъ — на другой день умиралъ по его приказанію, подавая первый примѣръ своимъ солдатамъ. Дружба Скобелева давала не права а обязанности. Другъ Скобелева долженъ былъ слѣдовать во всемъ его примѣру. Тамъ, гдѣ посторонняго извиняли и миловали — другу не было ни оправданія, ни прощенія...

VII.

Меня лично Скобелевъ поражалъ изумительнымъ избыткомъ жизненности. Я знаю до сихъ поръ только старика С. И. Мальцова — являющаго такой же излишекъ внутренней силы, энергіи, иниціативы во всемъ. Скобелевъ былъ иниціаторъ по преимуществу. Съ быстротой и силой паровика онъ создавалъ идеи и проэкты въ то время, когда не дрался. Собственно говоря, я рѣшительно не могу понять, когда онъ отдыхалъ. Отмахавъ верстъ полтораста въ сѣдлѣ — карьеромъ, смѣнивъ и загнавъ при этомъ нѣсколько лошадей, онъ тотчасъ же принималъ донесенія, дѣлалъ массу распоряженій, требовавшихъ не утомленнаго ума, а быстроты и свѣжести соображеній, уходилъ въ лагери узнать, что варится въ котлахъ у солдатъ, мимоходомъ повѣрялъ аванпосты и

наконецъ, закончивъ все это—или садился за книги, которые онъ ухитрялся добывать при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, и всегда серьозныя, требовавшія напряженія мысли—или съ энергіей глубоко убѣжденнаго человѣка, которому дороги его принципы, вступалъ въ споръ съ Куропаткинымъ, со мною, съ пріѣхавшимъ, къ чему товарищемъ, Онъ приводилъ при этомъ въ доказательство высказаннаго имъ тезиса цѣлый арсеналъ историческихъ фактовъ, поименовывалъ безошибочно цифры, года и имена, указывалъ литературу даннаго вопроса. Нельзя было этого, онъ являлся къ молодымъ офицерамъ и подъ видомъ шутки начиналъ учить ихъ тому или другому таинству военнаго дѣла... Это не былъ сухой умъ, весь ушедшій въ свое дѣло. Напротивъ—и тутъ избытокъ жизненности выручалъ его. Я думаю, всѣ близкіе ему люди помнятъ обѣды у Михаила Дмитріевича, гдѣ онъ развертывался весь въ тѣсномъ кружкѣ товарищей, умѣя отзываться на серьозный вопросъ серьозно, на шутку шуткой, занимая окружающихъ мастерскими разсказами, полными юмора, мѣткихъ опредѣленій, наблюдательности... Одному онъ былъ чуждъ всегда—сантиментальности. Ее—онъ ненавидѣлъ, надъ людьми „заражонными" ею—тѣшился. Это, впрочемъ, будетъ видно изъ послѣдующаго нашего разсказа. Когда на такой обѣдъ попадалъ кто нибудь изъ фазановъ (военный хлыщъ въ маломъ чинѣ, но облеченный въ яркій мундиръ и притомъ „свободный отъ ума"—опредѣлялся этимъ именемъ)—Скобелевъ умѣлъ весьма тонко и какъ будто незамѣтно заставить его высказаться. Помимо всякихъ намѣреній медвѣдь начиналъ плясать—показывая смѣющейся публикѣ всѣ свои штуки и фокусы... И чѣмъ глупѣе были они—тѣмъ лучше чувствовала себя авдиторія, состоявшая изъ загнанныхъ армейцевъ. Являлось нѣкоторое чувство нрав-

ственнаго удовлетворенія. Разница—была не въ пользу птицы, оперенной столь ярко и красиво. Когда подобный обѣдъ дѣлался на боевой позиціи или въ траншеѣ— фазану предстоялъ еще дессертъ, очевидно вовсе имъ не предусмотрѣнный...

— Вы хотѣли осмотрѣть положеніе непріятеля?.. вкрадчиво и мягко предлагалъ генералъ.

Или:

— Васъ, кажется, интересуютъ траншейныя работы турокъ. Ласково, заманчиво обращался онъ къ бѣдному фазану.

Неосторожная птица, счастливо, улыбаясь подтверждалъ все это.

— Ну, генералъ сейчасъ въ холодильникъ его опуститъ, шептали адъютанты.

И дѣйствительно, Скобелевъ бралъ его подъ руку и выводилъ... на открытое мѣсто между нашими и турецкими траншеями, часто сближавшимися шаговъ на 300 или даже на 150. Полоса эта обстрѣливалась постоянно.

— Это что такое... это кажется пули... Трепеталъ несчастный фазанъ. Свищутъ какъ они. Однако тутъ и убить могутъ...

— Да, равнодушно ронялъ Скобелевъ и медленно проводилъ его по „райской дорогѣ“. Райской потому, что идя по ней легко было попасть въ рай. Представляю читателю судить о впечатлѣніяхъ новичка. Съ выдерживавшимъ такой искусъ Скобелевъ тотчасъ же мирился и онъ дѣлался своимъ въ его кружкѣ. Въ концѣ концовъ—онъ довелъ дѣло до того, что фазаны стали осторожны и несмотря на глупость этихъ птицъ перестали являться къ нему на боевыя позиціи...

Съ каждымъ новымъ подвигомъ — росла къ нему и вражда въ штабахъ.

Особенно — прежніе товарищи. Тѣ переварить не могли такого ранняго успѣха, такого слѣпого счастья — на войнѣ. Они остались капитанами, полковниками, когда онъ уже сдѣлалъ самую блестящую карьеру, оставивъ ихъ далеко за собою. Когда можно было отрицать храбрость Скобелева, это ничтожнѣйшее изъ его достоинствъ — они отрицали ее. Они даже разсказывали примѣры изумительной трусости, яко-бы имъ обнаруженной. Когда нельзя было уже безъ явнаго обвиненія во лжи распускать такіе слухи — они начали удальство молодого генерала объяснять его желаніемъ порисоваться, но въ тоже время отмѣчали полную военную бездарность Скобелева. Когда и это оказалось нелѣпымъ — они приписали ему равнодушіе къ судьбѣ солдата. „Онъ пошлетъ десятки тысячъ на смерть — ради рекламы. Ему дорога только своя карьера и т. д.“ Явились легенды о томъ, какъ тамъ-то, онъ нарочно не подалъ помощи такому-то, а здѣсь опоздалъ, чтобы самому одному закончить дѣло, тутъ — радовался чужому неуспѣху... Корреспонденты англійскихъ, американскихъ, французскихъ, итальянскихъ и русскихъ газетъ — отдавали ему справедливость. Макъ-Гаханъ, Форбсъ, Бракенбури, Каррикъ, Гаввелокъ, Грантъ — помѣщали о немъ восторженныя статьи. Чтожъ изъ этого — они были имъ подкуплены! Когда, наконецъ, военные агенты дружественныхъ намъ державъ, видѣвшіе Скобелева на дѣлѣ, стали отзываться о немъ какъ о будущемъ военномъ геніѣ — и на это тотчасъ же нашлись объясненія. Они, видите-ли, хотѣли, чтобы Скобелевъ представилъ ихъ къ тому или другому ордену и т. д. Удивительно только, какъ они, эти жаждущіе отличій иностранцы, не хвалили именно тѣхъ, кто ихъ украшалъ всевозможными крестами. Въ концѣ концовъ — враги генерала даже во время ахалъ-

текинской экспедиціи злорадно поддерживали слухи — о томъ что Скобелевъ въ плѣну, Скобелевъ разбитъ и замолчали только послѣ ея блестящаго окончанія. Тутъ уже говорить было нечего, за то — надъ его трупомъ, въ тотъ моментъ когда кругомъ всѣ, кому дорого русское дѣло, были потрясены, — эти господа живо записались въ друзья къ безвременно погибшему генералу.

Я самъ помню эти фразы:

— Мнѣ особенно чувствительна эта потеря! Меня такъ любилъ покойникъ!..

— Мы съ нимъ на ты были... Только я одинъ понимаю всю великость этой потери...

— Я хороню своего лучшаго друга!

Господи! Какая насмѣшливая улыбка показалась-бы на этихъ безкровныхъ, слипшихся губахъ, если-бы онѣ могли еще смѣяться, какой-бы гнѣвъ загорѣлся въ глазахъ генерала при этихъ лобызаніяхъ іудиныхъ, столь обильно сыпавшихся на его холодное и гордое чело, прекрасное даже и послѣ смерти...

И тутъ же рядомъ, въ видѣ сожалѣнія, проскальзывали довольно ядовитые намеки.

— Такъ-ли ему умереть слѣдовало!.. Ему-бы нужно было пасть въ бою—впереди своихъ легіоновъ.

О, что за дѣло до того, какъ человѣкъ умеръ!.. Важно — какъ онъ жилъ и что онъ сдѣлалъ... А до того какъ умеръ — не все-ли равно. Позднія сожалѣнія не воскресятъ его...

Послѣ ахалъ-текинской экспедидіи, когда нельзя было уже безнаказанно распускать слухи о бездарности генерала, во-первыхъ потому, что на самихъ разсказчиковъ начинала падать неблаговидная тѣнь, а во-вторыхъ потому, что легковѣрныхъ слушателей больше не оказывалось — являлись иные пріемы, уронить его въ

общественномъ мнѣніи. Скобелевъ оказывался честолюбцемъ...

— У него ротъ теперь такъ разинутъ, что не найдется куска, который-бы удовлетворилъ его апетиту...

Другіе приписывали ему замыслы всемірнаго могущества. Начинали, со словъ нѣмецкихъ газетъ, указывать въ немъ — вѣрнѣйшемъ слугѣ Россіи — Наполеона... Глупость за глупостью рождались и быстро расходились въ обществѣ, привыкшемъ обо всемъ узнавать по слухамъ, вѣрить сплетнѣ, не умѣющемъ отличать клеветы отъ правды.

Когда покойный Государь за завоеваніе Ахалъ-Текке произвелъ его въ полные генералы и далъ Георгія 2-й степени, Скобелевъ даже сдѣлался мраченъ. Это сохранилось и потомъ, когда онъ вернулся изъ экспедиціи въ Россію.

— Меня они съѣдятъ теперь! говорилъ онъ мнѣ...

— Скверный признакъ, слишкомъ ужь много друзей кругомъ... Враги лучше, тѣхъ знаешь и каждый ходъ ихъ угадываешь... Съ друзьями не такъ легко справиться...

Надѣюсь, читатели простятъ мнѣ это отступленіе...

На меня покойный при первомъ нашемъ знакомствѣ произвелъ обаятельное впечатлѣніе.

Какъ въ каждомъ крупномъ человѣкѣ въ немъ и недостатки были крупные, но они стушевывались, прятались, когда онъ принимался за дѣло. Избалованный, капризный какъ женщина, гордый сознаніемъ собственнаго превосходства — онъ умѣлъ дѣлаться пріятнымъ для окружающихъ его, такъ что они просто влюблялись въ эту боевую натуру... Самый лучшій судъ, есть судъ подчиненныхъ. Только эти безпристрастны, только они умѣютъ вѣрно опредѣлять личность — чуть-ли не еже-

дневно сталкиваясь съ нею. Отъ нихъ не спрячешься, ихъ не надуешь, а эти судьи были всѣ на сторонѣ Скобелева... Они умѣли отличать раздражительность человѣка, несущаго на себѣ громадную отвѣтственность, работающаго за всѣхъ, отъ сухости сердца и жестокости. Они прощали Скобелеву даже несправедливости, зная, что онъ первый сознаетъ ихъ и покается... Они не завидовали его любимцамъ, понимая, что чѣмъ ближе къ нему тѣмъ было труднѣе... Люди разсчитывавшіе вкрасться къ нему въ довѣріе, чтобы обдѣлать свои личныя дѣлишки — глубоко ошибались. Онъ видѣлъ ихъ насквозь и умѣлъ пользоваться ими, ихъ способностями вполнѣ. Человѣкъ, такого воспитанія и среды, къ какимъ онъ принадлежалъ, иногда по неволѣ терпитъ около себя шутовъ — но эти шуты у него не играли никакой роли. Напротивъ!..

— Его не надуешь. Онъ самъ всякаго обведетъ! говорили про него.

— Онъ тебя насквозь видитъ. Ты еще задумалъ что — а онъ ужь тебя за хвостъ держитъ и не пущаетъ! по своему мѣтко характеризовали солдаты проницательностъ Михаила Дмитріевича.

Человѣку, полезному его отряду, его дѣлу — онъ прощалъ все, но за то ужь и пользовался способностями подобнаго господина. Въ этомъ отношеніи покойный былъ не брезгливъ.

— Всякая гадина — можетъ когда-нибудь пригодиться. Гадину держи въ решпектѣ, не давай ей много артачиться, а придетъ моментъ — пусти ее въ дѣло и воспользуйся ею въ полной мѣрѣ... Потомъ, коли она не упорядочилась — выбрось ее за бортъ!.. И пускай себѣ захлебывается въ собственной мерзости... Лишь бы дѣло сдѣлала.

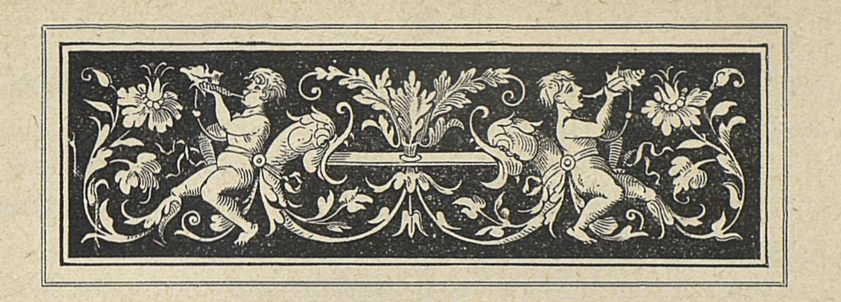
Теорія, пожалуй, нѣсколько іезуитская, но въ сложномъ, военномъ дѣлѣ—дѣйствительно, всякая полезность на счету... Въ сущности лазутчикъ военнаго времени и шпіонъ — мирнаго, профессіи одинаковыя. Болѣе подлое занятіе трудно найдти. А между прочимъ и тѣми и другими пользуются. Но если порядочное правительство гнушается сыщиками и шпіонами мирнаго режима и только въ самой отчаянной крайности прибѣгаетъ къ ихъ неопрятнымъ услугамъ, лазутчики военные — являются необходимостью при всѣхъ условіяхъ.

— Ужь на что гадина, а нужна! говаривалъ Скобелевъ и хоть самъ никогда не входилъ въ прямыя сношенія съ этими господами, но былъ на чеку и зналъ движенія противника и условіе мѣстности, гдѣ ему приходилось дѣйствовать...

— Въ мирное время, гдѣ не грозитъ прямая опасность моимъ солдатамъ, я-бы эту сволочь разомъ выкинулъ.

Въ военное — она была нужна!..

VIII.

Умѣніе пользоваться людьми у Скобелева было поразительно.

Пріѣхалъ къ нему какой-то румунскій офицеръ.

Во всѣхъ статьяхъ, какъ слѣдуетъ, букарештскій джентльменъ. Брилліантовая серьга въ ухѣ, зонтикъ отъ солнца въ рукахъ, талія, затянутая въ корсетъ, на щекахъ — румяна... Блестящій мундиръ, шпоры звонящіе какъ колокола, на лицѣ — пошлость и глупость неописанная. Оказалось — отпрыскъ одной изъ знаменитыхъ фамилій, въ гербѣ которыхъ окорокъ, потому что родоначальникъ когда-то торговалъ свиньями и за успѣшное разведеніе этихъ полезныхъ животныхъ возведенъ въ дворянское румынскаго княжества достоинство. Шаркалъ, шаркалъ этотъ франтъ передъ Скобелевымъ... На шеѣ у

у него громадный Станиславъ, такой, какой носятъ на лентахъ сбоку. Точно икона...

— Нарочно заказалъ! наивно признался этотъ Іоаннеску или Попеску — не помню. По собственному рисунку... Вашъ — мало замѣтенъ...

Видъ у него былъ столь внушителенъ, что солдаты на первыхъ порахъ приняли его было за самую „Карлу Румынскую", такъ они называли тогда князя.

Я диву дался, чего Скобелевъ возится съ этимъ франтомъ.

Оказалось, что франтъ еще во время мира цѣлые годы жилъ въ придунайской Болгаріи — и сообщалъ массу интересныхъ свѣдѣній о ней генералу, а потомъ этотъ блестящій представитель нарумяненнаго и затянутаго въ корсеты молдаванскаго дворянства — сталъ самымъ преданнымъ поставщикомъ даже для солдатъ. Онъ и сапоги покупалъ въ Румыніи для насъ и другія вещи. И все это безвозмездно, только ради того, чтобы въ свое время похвастаться дружбой со Скобелевымъ. А подъ Плевной этотъ-же знаменитый потомокъ мудраго свинопаса, желая постоять за честь своего герба (золотой окорокъ на голубомъ полѣ), оказалъ чудеса храбрости — отправляясь то туда, то сюда, по приказанію Скобелева.

— Вотъ братцы — румунъ-то какимъ молодцомъ идетъ! Кидалъ своимъ Скобелевъ... Намъ-то кажется и стыдно пускать его впередъ.

И тѣ дѣйствительно бросались, чтобы не оставить за румуномъ чести первой встрѣчи съ непріятелемъ.

Служилъ у Скобелева подъ началомъ, нѣкій, невидный, нынѣ уже отправившійся ad patres генералъ.

Фальстафъ съ подчиненными — онъ былъ притчей во языцѣхъ. Трусоватый по природѣ, пуще всего дрожавшій

за свою собственную жизнь, онъ тѣмъ не менѣе любилъ хвастаться мужествомъ и отвагой.

— Я и Скобелевъ, мы со Скобелевымъ! только и говорилъ онъ.

— Знаете, я только въ Скобелевѣ признаю опаснаго себѣ соперника!.. Какъ вамъ кажется, кто храбрѣе, я или Скобелевъ? неожиданно обращался онъ къ своему адъютанту.

Если тотъ уже обѣдалъ и, не желалъ пообѣдать вновь, то отвѣчалъ.

— Разумѣется, Скобелевъ!

— Не угодно-ли вамъ отправиться домой и повѣрить всѣ-ли бумаги и отвѣты готовы!..

И адъютантъ уходилъ спать. Если-же онъ былъ голоденъ или на кухнѣ у Фальстафа готовилось что-нибудь, ужь очень вкусное, то отвѣтъ слѣдовалъ совершенно иного свойства.

— Знаете ваше-ство, это еще вопросъ — храбрѣе-ли васъ Скобелевъ... У него слишкомъ пылкая отвага... Вы другое дѣло...

— Послушайте юноша... Вы ужь обѣдали?..

— Нѣтъ еще... Скобелевъ слишкомъ бросается впередъ... Тогда какъ вы...

— Вотъ что, оставайтесь-ко вы у меня обѣдать... Ну, такъ что-же я... Говорите, не стѣсняйтесь... Я люблю слышать о себѣ правду.

— Вы именно — вождь...

— Семенъ... Подай бутылку краснаго вина на столъ, знаешь того, которое я привезъ изъ Букарешта. Такъ я вождь.

— Да... Вы ничего не боитесь, но спокойно въ убійственномъ огнѣ располагаете ходомъ боя...

— Семенъ... Къ концу обѣда, пожалуйста, захолоди намъ бутылочку шампанскаго...

Адъютантъ дѣлался еще серьезнѣе и еще искреннѣе начиналъ хвалить своего генерала.

Разъ этотъ Фальстафъ самъ себя живописалъ такъ.

— Я знаете стоялъ въ огнѣ... Гранаты падаютъ и здѣсь и тамъ и передо мной и позади меня и направо, и налѣво... Падаютъ и всѣ рвутся... А я, знаете, засмотрѣлся на картину боя и (замирающимъ голосомъ) такъ увлекся, что даже забылъ о своемъ положеніи. Въ это время проѣзжаетъ мимо Скобелевъ... Генералъ обращается ко мнѣ: Я вамъ удивляюсь... Неужели вы не боитесь — мнѣ жутко!.. Въ это время прямо передъ носомъ у меня (каковъ носъ!) лопается граната... Михаилъ Дмитріевичъ — вотъ мой отвѣтъ! Это я ему...

— Что-же Скобелевъ.

— Молча пожалъ мнѣ руку, вздохнулъ и поѣхалъ!..

Разумѣется шутники и насмѣшники разсказывали объ этомъ Скобелеву, тотъ самъ отъ души смѣялся, но сталъ вдвое любезнѣе съ Фальстафомъ...

— Въ первомъ бою онъ мнѣ за свое хвастовство сослужитъ службу! замѣчалъ онъ между прочимъ.

— Мы съ вами, генералъ, понимаемъ другъ друга! обращался къ нему Скобелевъ.

Фальстафъ рдѣлъ отъ восхищенія.

— Мы — боевые, намъ не въ чѣмъ завидовать другъ другу... Такъ... Скорѣй даже я вамъ позавидую.

— О помилуйте, ваше-ство, чтожъ тутъ считаться.

— Разумѣется.

И Скобелевъ лукаво улыбался въ усы... И дѣйствительно въ первомъ бою — онъ подозвалъ несчастнаго и приказалъ ему вести впередъ на редутъ свои войска.

— Покажите имъ, какъ мы съ вами дѣйствуемъ... Замѣните меня.

И тотъ дрался какъ слѣдуетъ, одушевляя солдатъ.

„Соперничество родитъ героевъ!" подшучивалъ потомъ генералъ между своими...

— Ну, что вы? встрѣтилъ онъ потомъ вернувшагося съ боя льва.

— Я сегодня собой доволенъ! величественно произнесъ тотъ.

— Это ваша лучшая награда!.. сочувственно вздохнулъ Скобелевъ, но тѣмъ не менѣе, кажется, ни къ чему его не представилъ.

— Могу сказать, я видѣлъ адъ...

— И адъ видѣлъ васъ...

Генералъ не выдержалъ, прослезился и бросился обнимать Михаила Дмитріевича.

Другой уже подъ Брестовцемъ, тоже куда какой храбрый на словахъ, на дѣлѣ всякій разъ какъ только предполагался бой, сейчасъ же начиналъ снабжать кухню Скобелева необыкновенными индѣйками или какой-то особенно вкусною дичью...

— *** прислалъ вамъ молочныхъ поросятъ...

— И вмѣстѣ — рапортъ о болѣзни! съ насмѣшливымъ участіемъ спрашивалъ Скобелевъ.

— Точно такъ-съ...

— Скажите ему, что завтра онъ можетъ не пріѣзжать на позицію...

Что и требовалось доказать, — какъ прежде исправные ученики оканчивали изложеніе какой-нибудь теоремы.

— *** приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гусей и индюка.

— Бѣдный, чѣмъ онъ болѣнъ?

— Индюкъ-съ? изумлялся посланный.

— Нѣтъ — генералъ?

— Они здоровы-съ...

— Ну, такъ къ вечеру вѣрно заболѣетъ.

И дѣйствительно ординарецъ вечеромъ привозилъ рапортъ о болѣзни ***.

— У него большая боевая опытность, смѣялся Скобелевъ. Онъ какъ-то нюхомъ знаетъ, когда предполагается дѣло. Его не надуешь...

— Зачѣмъ-же держать такихъ?.. спрашивали у генерала.

— А по хозяйственной части, онъ не замѣнимъ! Я всю ее свалилъ на него — и отлично сдѣлалъ... Посмотрите, какъ онъ ведетъ ее... Въ лучшемъ видѣ... И вѣдь старается... Вдвое противъ другихъ старается... Отрядъ всегда поэтому обезпеченъ... Будь онъ не такъ часто „подверженъ скоропостижнымъ болѣзнямъ“ — навѣрное солдаты хуже-бы ѣли... Ну и пускай его болѣетъ, Господь съ нимъ...

Другой — маіоръ, совершенно соотвѣтствовавшій идеалу армейскаго маіора съ громаднымъ брюхомъ, вѣчно потный, точно варившійся въ собственномъ бульонѣ, имѣлъ георгіевскій крестъ, солдатскій; такъ онъ нарочно спряталъ его даже. Ни разу не надѣвалъ.

— Зачѣмъ вы это?

— Да какже... Я по хозяйственной части... А вывѣси-ко Георгія... Вы знаете, жадность Скобелева на георгіевскихъ кавалеровъ?..

— Ну?

— Онъ сейчасъ въ бой пошлетъ... Благодарю покорно... Я человѣкъ сырой.

И кто повѣритъ, что этотъ трусъ былъ любимцемъ Скобелева.

А между прочимъ, это было такъ... Потому, что никто другой не обладалъ подобною геніальностью добыть для цѣлаго отряда продовольствія въ голодной, давно уже объѣденной мѣстности... Тамъ, гдѣ казалось не было клочка сѣна „храбрый маіоръ“ находилъ тысячи пудовъ фуражу...

— Сегодня вечеромъ будетъ у насъ маленькая пифпафочка!.. незамѣтно улыбался Скобелевъ. Вотъ маіоръ вамъ случай получить Владиміра съ мечами...

— Да, вспыхивалъ и начиналъ потѣть маіоръ... Только у казаковъ сѣна нѣтъ... А у суздальцевъ— хлѣба.

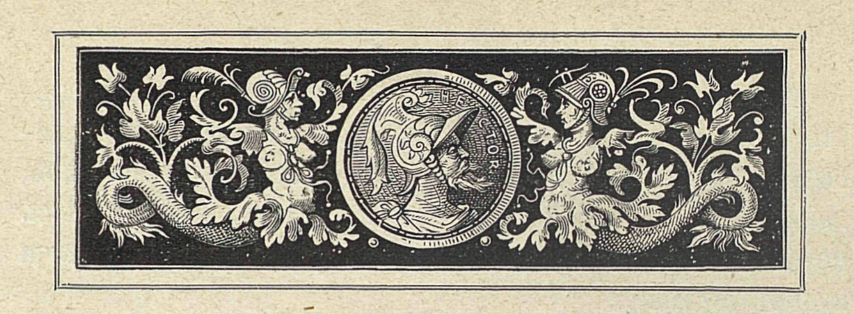
— Ну-съ...

— А я тутъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ.

— Такъ отправляйтесь и заготовьте.

Дѣло кончалось къ обоюдному удовольствію. Маіоръ избавлялся отъ ненавистной ему пифпафочки, а суздальскіе солдаты и казацкіе кони наѣдались до отвалу.

IX.

Скобелевъ любилъ войну, какъ спеціалистъ, любитъ свое дѣло. Его называли „поэтомъ меча“, это слишкомъ вычурно, но что онъ былъ поэтомъ войны, ея энтузіастомъ — не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Онъ сознавалъ весь ея вредъ, понималъ ужасы, слѣдующіе за нею. Онъ, глубоко любившій русскій народъ, всюду и всегда памятовавшій о крестьянинѣ — жалкомъ, безграмотномъ и забитомъ, смотрѣлъ на войну какъ на печальную необходимость. Въ этомъ случаѣ, надо было отличать въ немъ военнаго отъ мыслителя. Не разъ онъ высказывалъ, что начинать побоища надо только съ честными цѣлями, тогда когда нѣтъ иной возможности выйти изъ страшныхъ условій — экономическихъ или историческихъ. „Война — извинительна когда я защищаю себя и своихъ, ког-

да мнѣ нечѣмъ дышать, когда я хочу выбиться изъ душнаго мрака на свѣтъ Божій. Разъ ставъ военнымъ—онъ до фанатизма предался изученію своей спеціальности. Въ настоящее время едва-ли изъ германскихъ генераловъ кто нибудь такъ глубоко, такъ разносторонне зналъ военное дѣло, какъ зналъ его Скобелевъ. Онъ дѣйствительно могъ быть щитомъ Россіи въ тяжелую годину испытаній, онъ бы сталъ на стражѣ ея и въ силу любви своей къ войнѣ—пошелъ-бы на нее не съ фарисейскими сожалѣніями, не съ сантиментальными оправданіями—а съ экстазомъ и готовностью. Никто въ тоже время не зналъ такъ близко, во что обходится война.

— Это страшное дѣло, говорилъ онъ. Подло и постыдно начинать войну такъ себѣ, съ вѣтру, безъ крайней, крайней необходимости... Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ – непростительно... Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ войны, предпринятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ. Но еще ужаснѣе,—когда народъ, доведя до конца это страшное дѣло,—остается неудовлетвореннымъ, когда у его правителей — не хватаетъ духу воспользоваться всѣми результатами, всѣми выгодами войны. Нечего въ этомъ случаѣ задаваться великодушіемъ къ побѣжденному. Это великодушіе за чужой счетъ, за это великодушіе не тѣ, которые заключаютъ мирные договоры, а народъ расплачивается сотнями тысячъ жертвъ, экономическими и иными кризисами. Разъ начавъ войну—нечего уже толковать о гуманности... Война и гуманность не имѣютъ ничего общаго между собою. На войну идутъ—тогда, когда нѣтъ иныхъ способовъ. Тутъ должны стоять лицомъ къ лицу враги—и доброта уже бываетъ неумѣстна. Или я задушу тебя или ты меня. Лично иной бы пожалуй и поддался ве-

ликодушному порыву и подставилъ свое горло—души. Но за арміей стоитъ народъ и вождь не имѣетъ права миловать врага—если онъ еще опасенъ... Штатскія теоріи тутъ неумѣстны... Я пропущу моментъ уничтожить врага—въ слѣдующей онъ меня уничтожитъ, слѣдовательно колебаніямъ и сомнѣніямъ нѣтъ мѣста. Нерѣшительные люди—не должны надѣвать на себя военнаго мундира. Въ сущности нѣтъ ничего вреднѣе и даже болѣе—никто не можетъ быть такъ жестокъ, какъ вредны и жестоки по результатамъ своихъ дѣйствій сантиментальные люди. Человѣкъ, любящій своихъ ближнихъ, человѣкъ ненавидящій войну—долженъ добить врага, чтобы вслѣдъ за одной войной тотчасъ же не начиналась другая...

— Такимъ образомъ, если война такъ ужасна, то слѣдуетъ воевать только тогда, когда непріятель явился ко мнѣ, въ страну...

— О нѣтъ. Всякая страна имѣетъ право на извѣстный ростъ. Принципъ національностей—прежде всего. Государство должно расширяться до тѣхъ поръ, пока у него не будетъ того, что мы называемъ естественными границами, законными очертаніями. Намъ, т. е. славянамъ, потому что если мы заключились въ узкіе предѣлы только русскаго племени, мы потеряемъ все свое значеніе, всякій историческій raison d'être, такъ я говорю, что намъ славянамъ нужны Босфоръ и Дарданеллы какъ естественный выходъ къ морю, иначе, безъ этихъ знаменитыхъ проливовъ, не смотря на весь нашъ необъятный просторъ—мы задохнемся въ немъ. Тутъ-то и слѣдуетъ разъ навсегда покончить со всякою сантиментальностью и помнить только свои интересы. Сначала—свои—а потомъ можно подумать и о чужихъ... Наполеонъ великій—отлично понималъ это... Онъ не спроста—открылъ свои

карты Александру Первому. Въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ онъ предложилъ ему размежевать Европу...

— Да, начать войны, гдѣ потомъ ручьями потекла-бы кровь...

— А развѣ потомъ она не разлилась морями. Онъ отдавалъ намъ Европейскую Турцію, Молдавію и Валахію, благословенный небомъ славянскій югъ, съ тѣмъ только, чтобъ мы не мѣшали ему расправиться съ Германіей и Великобританіей... Подумаешь, какіе друзья!.. Это все равно, что я бы предложилъ уничтожить вашихъ злѣйшихъ враговъ, да еще за позволеніе, данное вами на это сталъ-бы сулить вамъ вознагражденіе... А мы-то что сдѣлали?.. Сначала поняли въ чемъ дѣло — а потомъ начали играть въ вѣрность платоническимъ союзамъ, побратались съ нѣмцами! Ну и досталось намъ за это на орѣхи. Цѣлыя моря крови пролили, да и еще прольются—будьте увѣрены, и все придемъ къ тому-же *).

— Мы тогда спасли нѣмцевъ. Это можетъ быть очень трогательно съ точки зрѣнія какого-нибудь чувствительнаго нѣмецкаго романиста, но за этотъ взглядъ мы поплатились громадными историческими несчастіями. За него — мы въ прошлую войну, имѣя у себя на плечахъ нѣмцевъ и англичанъ, попали въ гордіевъ узелъ берлинскаго трактата и у насъ остался неразрѣшоннымъ восточный вопросъ, который потребуетъ еще много русской крови... Вотъ что значитъ сантиментальность въ исторіи...

— Я въ союзы и дружбу между народами, говорилъ мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ, не вѣрю... Этотъ родъ дружбы далекій отъ равенства... Въ подобныхъ союзахъ и въ

*) Я привожу здѣсь взгляды М. Д. Скобелева какъ весьма характерные. Безъ нихъ онъ не былъ бы полно и вѣрно очертанъ.

такой дружбѣ—одинъ всѣмъ пользуется, а другой за все платитъ, одинъ ѣстъ каштаны, а другой вытаскиваетъ ихъ изъ огня голыми руками. Одинъ льетъ свою кровь и тратитъ деньги, а другой честно маклерствуетъ, будучи не прочь ободрать друга въ рѣшительную минуту... Такъ ужь если заключать союзы — пусть въ этихъ союзахъ другой будетъ жертвой, а не я. Пусть для насъ льютъ кровь и тратятъ деньги, пусть для насъ таскаютъ изъ огня каштаны... А лучше всего — въ одиночку... Моя хата съ краю, ничего не знаю, пока меня не задѣли, а задѣли — такъ ужь не обезсудьте, свое наверстаемъ...

Я привожу здѣсь мнѣнія Скобелева, какъ характеристику покойнаго. Лично я могъ раздѣлять или не раздѣлять эти взгляды, — все равно; дѣло не въ томъ, каковы мои убѣжденія, а въ томъ что именно по тому или другому предмету, думалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, даже едва-ли не самый замѣчательный.

Скобелевъ за войною признавалъ, главнымъ образомъ экономическое значеніе. Непосредственныхъ причинъ войнъ бываетъ двѣ. Или сравнительно высокая цивилизація народа, начинающаго войну со слабымъ сосѣдомъ и противникомъ, при чемъ образованный народъ, уничтожая слабѣйшаго врага разсчитываетъ обогатиться на его счетъ, захвативши его земли и тѣмъ улучшить свое благосостояніе. Такъ напримѣръ, были завоеваны Индія, Америка. Или наоборотъ, бѣднѣйшій народъ нападаетъ на высокую цивилизацію и пользуется ея плодами для улучшенія своего положенія. Таковы завоеванія гунновъ, вандаловъ, тевтоновъ, татаръ и т. под. Это — также принципъ борьбы за существованіе...

Какъ-то у меня съ нимъ зашелъ разговоръ о Польшѣ.

— Завоеваніе Польши — вызывалось соображеніями,

на которыя можно смотрѣть разно, что же касается до ея раздѣла, то я громко признаю это — братоубійствомъ, историческимъ преступленіемъ... Правда, русскій народъ былъ чистъ въ этомъ случаѣ. Не онъ совершилъ это преступленіе, не онъ и отвѣтственъ. Повторяю вамъ, во всей нашей исторіи я не знаю болѣе гнуснаго дѣла, какъ раздѣлъ Польши между нѣмцами и нами... Это Веніаминъ, проданный братьями въ рабство!.. Долго еще русскіе будутъ краснѣть за эту печальную страницу изъ своей исторіи.

Въ послѣдствіи — онъ тоже самое повторялъ г. Пушкареву, который записалъ выводы Скобелева съ стенографическою точностію. Я привожу изъ нихъ тѣ, которые приходилось слышать и мнѣ самому. Они такъ или иначе, но рисуютъ Михаила Дмитріевича чрезвычайно цѣльнымъ человѣкомъ. Этотъ — если чему отдавался, такъ безоглядно и, высказывая что либо, не прибѣгалъ къ извиненіямъ, недомолвкамъ. Онъ не боялся самаго крайняго развитія своей мысли, лишь-бы это дѣлалось логически. Въ немъ было именно цѣнно то, что онъ всегда прямо, ребромъ ставилъ вопросы, очень мало обращая вниманія на то, какъ они въ данную минуту будутъ приняты обществомъ или властью... Въ этомъ была разгадка его силы, въ этомъ было его значеніе, какъ знамени для нашихъ народниковъ. Съ его смертью — они потеряли знамя, потеряли вождя...

Вотъ что онъ не разъ повторялъ мнѣ, да и всѣмъ, съ кѣмъ по дѣлу приходилось ему спорить и высказываться.

Ему не разъ доказывали полную невозможность войны въ настоящее время. Онъ часто возвращался къ этому вопросу и разбиралъ всѣ возраженія.

Спросятъ, говорилъ онъ: какъ-же вы будете воевать,

когда у васъ денегъ нѣтъ, когда вашъ рубль ходитъ 62 копѣйки за 100? Я ничего не понимаю въ финансахъ, но чувствую, что финансисты-нѣмцы тутъ что-то врутъ.

Въ 1793 году финансы Франціи были еще и не въ такомъ положеніи. Металлическій 1 франкъ ходилъ за 100 франковъ кредитныхъ. Однако Наполеонъ, не имѣя для солдатъ сапогъ, одежи, пищи, пошелъ на непріятеля и досталъ не только сапоги, одежду и пищу для солдатъ, но и обогатилъ французскую казну, а курсъ свой поднялъ опять до 100 и даже за 100. При Петрѣ Великомъ мы были на столько бѣдны, что послѣ сраженія подъ Нарвой, когда у насъ не было орудій, намъ пришлось колокола переливать на пушки. И ничего! Послѣ Полтавскаго боя все измѣнилось и съ тѣхъ поръ Россія стала великой державой.

„А покореніе Россіи татарами?.. Что-жь вы думаете, они покорили Россію потому, что курсъ ихъ былъ очень хорошъ, что-ли? Просто ѣсть нечего было, ну и пошли и завоевали Россію, а Россію завоевать не шутка.

Я не говорю: воевать теперь. Пока еще нашъ курсъ 62 копѣйки, можно и погодить, но нѣмцы долго ждать не заставятъ и живо уронятъ его. Вотъ тогда будетъ пора!

„Еще я не понимаю, зачѣмъ намъ на войну деньги? На нашей землѣ кредитный билетъ ходитъ рубль за рубль. Мы вѣримъ прочности нашего государственнаго устройства и пусть у насъ пишутъ деньги хотя на кожѣ, мы имъ повѣримъ, а въ дѣлѣ кредита это все, что требуется.

„Если-бы Богъ привелъ намъ перенести войну на непріятельскую территорію, то врагъ долженъ за честь считать ежели я ему заплачу за что-нибудь царскимъ кредитнымъ рублемъ. *Даже кредитные билеты я отдамъ*

съ сокрушеннымъ сердцемъ. Непріятель долженъ насъ кормить даромъ. И безъ того нашъ народъ нищій по сравненію съ нашими сосѣдами, а я еще буду ему платить деньги, заработанныя горемъ, бѣдой и тяжкимъ трудомъ рязанскаго мужика. Я такой сантиментальности не понимаю.

Господа юристы утверждаютъ, что побѣдитель долженъ быть великодушенъ съ непріятелемъ и за все, что взято голоднымъ солдатомъ, должно быть заплачено. Творцы берлинскаго договора готовы были сами обязать Россію заплатить контрибуцію, только-бы доказать передъ Европой, какъ мы великодушны.

— Господи! какъ вспомнишь объ этомъ, воскликнулъ Михаилъ Дмитріевичъ, такъ плакать хочется. Издержки войны они предоставили заплатить русскому мужику, который и безъ того не можетъ управиться съ недоимками и *загребущими* лапами *кулака.*

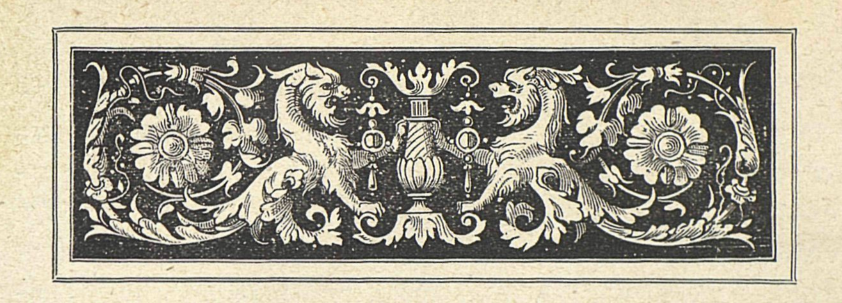
Скобелевъ, впрочемъ самъ сдѣлалъ опытъ такого рода во время текинской экспедиціи, по словамъ участниковъ въ ней—всѣ разсчеты за продукты для продовольствія войска, до назначенія Михаила Дмитріевича производились на золото и серебро. Скобелевъ чуть не на третій день послѣ своего пріѣзда на мѣсте приказалъ всѣ имѣющіеся на лицо персидскія металическія деньги размѣнять на русскіе кредитные билеты, персидскихъ денегъ ни въ какихъ разсчетахъ съ казной — не принимать, а требовать у персіянъ русскихъ бумажекъ. Затѣмъ, до него треть офицерскаго жалованья производилось золотомъ, онъ велѣлъ — выдавать бумажками, увеличивъ самое содержаніе разумѣется. Въ концѣ концовъ, персы и туркмены бросились въ полевыя казначейства закаспійскаго края — просить какъ милости принять персидское серебро рубль за рубль, хотя еще наканунѣ да-

вали 70 к. металическихъ за наши жолтенькія кредитки.

— Хорошо, говорилъ Скобелевъ, французскимъ и нѣмецкимъ буржуа считать войну экономическою ересью, когда у нихъ ходитъ монета сто за сто, когда всѣ сыты, работы вволю, ростетъ просвѣщеніе... но когда приходится довольствоваться хлѣбомъ съ мякиной, задыхаться въ неоплатныхъ долгахъ, когда русскому все равно умирать-ли отъ голода или отъ руки непріятеля, то онъ хочетъ войны уже по одному тому, что умирать въ бою, по понятіямъ народа, несравненно почетнѣе. При этомъ остается еще надежда остаться живымъ, побѣдить!

Всегда, разумѣется, найдутся сытые, имѣющіе спокойныя, обезпеченныя средства къ жизни, какъ напримѣръ, капиталисты, купцы, въ особенности чиновники, получающіе вѣрное содержаніе. Они будутъ противъ войны, даже съ потерей государственной чести, но въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе экономическое положеніе массы простого народа, а не сытыхъ классовъ, питающихся народнымъ невѣжествомъ, добродушіемъ и слабостями. Впрочемъ, прибавилъ Скобелевъ, русскій народъ въ большинствѣ такъ созданъ, что когда вопросъ касается нашей государственной чести, то даже эти сытые классы народа охотнѣе въ тяжкую годину пойдутъ на всѣ жертвы, чѣмъ поступятся своею народною честью. Они будутъ ворчать на разстройство дѣлъ и все-таки принесутъ свой грошъ.

X.

Для Скобелева дѣйствительно, каждое дѣло, которое онъ бралъ на себя было серьезнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ не различалъ малыхъ и незначительныхъ отъ большихъ. Къ задуманному предпріятію, хотя-бы оно и выходило изъ предѣловъ его спеціальности, онъ готовился долго и пристально и затѣмъ если начиналъ его, то ужь до мельчайшихъ подробностей, знакомый съ условіями данной среды. Какъ-то М. Д. заинтересовался вопросами о путяхъ сообщеній въ Россіи, о желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ—не прошло нѣсколькихъ недѣль какъ онъ уже посрамилъ неожиданно наткнувшагося на него путейца, предложившаго было Скобелеву поддержать какой-то, совсѣмъ невозможный проэктъ. При этомъ Скобелевъ побилъ его—его-же оружіемъ, техническими

соображеніями, вычисленіями и т. д. Недовѣрявшій никому въ дѣлѣ знанія—онъ любилъ вездѣ и всюду быть хозяиномъ; не отступая при этомъ ни передъ трудностью изученія, ни передъ затратою времени. Если-бы его назначили оберъ-прокуроромъ Синода — то я убѣжденъ, черезъ мѣсяцъ онъ явился-бы передъ его святыми отцами во всеоружіи знаній каноническаго права, монастырскихъ и иныхъ, подходящихъ къ этому случаю уставовъ. Послѣ крайне труднаго перехода къ Біи, по пути къ Зимницѣ,—я засталъ его въ какомъ-то сѣновалѣ румунскаго помѣщика. Скобелевъ бросился на сѣно и вытащилъ изъ кармана книгу.

— Неужели вы еще работать будете.

У насъ у всѣхъ — руки и ноги отнялись отъ утомленія

— Да какже иначе... Не поработаешь — такъ и въ хвостъ влетитъ потомъ, пожалуй.

— Что это вы?

— А французскаго сапера одного,—книжка о земляныхъ работахъ.

— Да вамъ зачѣмъ это.

— Какъ зачѣмъ? изумился Скобелевъ.

— Вѣдь у васъ же будутъ саперныя команды, спеціально знающія это дѣло...

— Ну, это ужь не порядокъ... Генералъ командующій отрядомъ долженъ самъ умѣть рыть землю... Ему слѣдуетъ все знать, иначе онъ и права не имѣетъ другихъ заставлять дѣлать...

Во время переправы черезъ Дунай - Скобелевъ, чтобы не оставаться безполезнымъ взялъ на себя обязанности ординарца при генералѣ Драгомировѣ. Обязанность, на которую обыкновенно назначаются прапорщики, поручики и вообще мелкотравчатая молодежь... По-

томъ Драгомировъ самъ отдалъ справедливость Михаилу Дмитріевичу, въ томъ, что тотъ и ординарцемъ былъ превосходнымъ, передавалъ приказанія по боевой линіи, водилъ небольшіе отряды въ бой, обнаруживъ въ самомъ началѣ его—орлиный взглядъ свой... Когда взволнованный громадною отвѣтственнностью, лежавшею на немъ, Драгомировъ еще сомнѣвался въ исходѣ сраженія—Скобелевъ веселый и радостный подходитъ къ нему.

— Ну, поздравляю тебя съ побѣдой.

— Какъ... Да вѣдь еще дѣло въ началѣ.

— Все равно... Ты посмотри на лица твоихъ солдатъ.

И дѣйствительно, какъ военный психологъ, Скобелевъ не имѣлъ себѣ равнаго въ настоящее время. Онъ положительно угадывалъ. Въ каждую данную минуту онъ зналъ настроенія массъ и умѣлъ ихъ направить какъ ему вздумается. Насколько онъ изучилъ солдата, видно будетъ изъ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаній, но что́ онъ умѣлъ дѣлать изъ него—объ этомъ вѣрно поразскажутъ и другіе близкіе къ нему и знавшіе лица... Его сближала съ солдатомъ сверхъ того и дѣйствительная глубокая любовь къ нему. Про Скобелева говорили, что онъ не сморгнувъ послалъ-бы въ бой десятки тысячъ, послалъ на смерть... Это вѣрно. Онъ не былъ сантименталенъ и если брался за дѣло, то уже безъ сожалѣній и покаяннаго фарисейства исполнялъ его. Онъ зналъ, что ведетъ на смерть и безъ колебаній *не посылалъ* а *велъ* за собою... Первая пуля—ему, первая встрѣча съ непріятелемъ была его... Дѣло требуетъ жертвъ и, разъ рѣшивъ необходимость этого дѣла, онъ не отступилъ-бы ни отъ какихъ жертвъ... Полководецъ, плачущій передъ фронтомъ солдатъ, потому что имъ сейчасъ же придется идти въ огонь, едва ли под-

нялъ-бы духъ своего отряда. Скобелевъ иногда прямо говорилъ людямъ: я посылаю васъ на смерть братцы... Вонъ видите эту позицію?.. Взять ее нельзя... Да я брать ее и не думаю. Нужно — чтобы турки бросили туда всѣ свои силы, а я тѣмъ временемъ подберусь къ нимъ вотъ оттуда... Васъ перебьютъ—за то вы дадите побѣду всему моему отряду. Смерть ваша будетъ честною и славною смертью... Станутъ васъ отбивать — отступайте, чтобы сейчасъ же опять броситься въ аттаку... Слышите-ли... Пока живы — до послѣдняго человѣка нападайте"... И нужно было слышать, какимъ „ура" отвѣчали своему вождю эти, на вѣрную смерть посылавшіеся люди!.. Это уже не пассивно, поневолѣ умирающіе гладіаторы привѣтствовали римскаго Цезаря — а боевые товарищи въ послѣдній разъ кланялись любимому генералу, зная, что смерть ихъ дѣйствительно нужна, что она дастъ побѣду... Это была жертва сознательная и потому еще болѣе доблестная, еще болѣе великодушная... Онъ, говорятъ, не любилъ солдата. Но вѣдь солдата какъ и ребенка—не надуешь. Солдатъ отлично знаетъ, кто его любитъ; а кто его не любитъ — тому онъ не вѣритъ, и въ свою очередь особенною признательностью не платитъ. А между тѣмъ пусть мнѣ укажутъ другого генерала, котораго-бы такъ любили, которому-бы такъ вѣрили солдаты, какъ Скобелеву... Они сами глядя въ эти свѣтло-голубые, но рѣшительные глаза и выпуклый лобъ, видя эту складку губъ, говорящую о безповоротной энергіи — понимали, что тамъ, гдѣ надо — у этого человѣка не будетъ пощады и не будетъ колебаній... Но какъ хотите, въ подобныхъ случаяхъ и я кающихся Магдалинъ разгадать не могу; слабонервныя бабы въ военныхъ мундирахъ едва-ли являются симпатичными кому-бы то ни было...

Скобелевъ любилъ солдата, и въ своей заботливости о немъ проявлялъ эту любовь. Его дивизія, когда онъ ею командовалъ, всегда была одѣта, обута и сыта при самой невозможной обстановкѣ. Въ этомъ случаѣ онъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Послѣ упорнаго боя, измученный, онъ бросался отдыхать, а часа черезъ три уже былъ на ногахъ. Зачѣмъ? — Чтобы обойти солдатскія котлы и узнать, что въ нихъ варится. Никто съ такою ненавистью не преслѣдовалъ хищниковъ, заставлявшихъ голодать и холодать солдата, какъ онъ. Скобелевъ въ этомъ отношеніи не вѣрилъ ни чему. Ему нужно было самому, собственными глазами убѣдиться, что въ котомкѣ у солдата—есть полтора фунта мяса, что хлѣба у него въ волю, что онъ пилъ водку, положенную ему. Во время плевненскаго сидѣнія — солдаты у него постоянно даже чай пили. То и дѣло при встрѣчѣ съ солдатомъ—онъ останавливалъ его.

— Пилъ чай сегодня?

— Точно такъ-съ, ваше-ство.

— И утромъ и вечеромъ?

— Точно такъ-съ.

— А водку тебѣ давали?.. Мяса получилъ сколько надо?..

И горе было ротному командиру, если на такіе вопросы слѣдовали отрицательные отвѣты. Въ такихъ случаяхъ М. Д. не зналъ милости, не находилъ оправданій.

Не успѣвалъ отрядъ остановиться гдѣ-нибудь на два дня, на три, какъ уже — рылись землянки для бань — а на утро солдаты мылись въ нихъ. Онъ ухитрился у себя въ траншеяхъ устроить баню — какъ ухитрился тамъ-же поставить хоръ музыки... Когда началась болгарская зима — отрядъ его былъ безъ полушубковъ...

Интендантство — менѣе всего помышляло объ этомъ. Что было дѣлать? Оказывалась крайняя нужда одѣть хоть дежурныя части. Полковыхъ денегъ не было — купить въ Румуніи. Своихъ у М. Д. тоже не нашлось... Обратился было къ отцу... Но „паша" при всемъ своемъ добродушіи былъ скуповатъ...

— Нѣтъ у меня денегъ! Ты мотаешь... Это невозможно. Вздумалъ наконецъ солдатъ одѣвать на мой счетъ...

Черезъ нѣсколько дней Скобелевъ узнаетъ, что въ Боготу какой-то румунъ привезъ нѣсколько сотъ полушубковъ.

— Поѣдемте въ главную квартиру... предложилъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ.

— Полушубки солдатамъ куплю...

— Безъ денегъ?

— Паша заплотитъ. Я его подведу... И Скобелевъ насмѣшливо улыбнулся.

Приказалъ ротнымъ телегамъ отправиться за полушубками.

Пріѣзжаемъ въ Боготу... Скобелевъ прямо въ землянку къ пашѣ.

— Здравствуй отецъ! и чмокъ въ руку.

— Сколько? спрашиваетъ прямо Димитрій Ивановичъ, зная настоящій смыслъ этой сыновней нѣжности и почтительности.

— Чего сколько? удивляется Скобелевъ.

— Денегъ сколько тебѣ надо... Вѣдь я тебя насквозь вижу... Промотался вѣрно...

— Что это ты въ самомъ дѣлѣ... Я еще съ собой привезъ нѣсколько тысячъ... Помоги мнѣ купить полушубки на полковыя деньги. Ты знаешь, вѣдь я безъ тебя ничего не понимаю.

На лицѣ у отца является самодовольная улыбка.

— Еще-бы ты что-нибудь понималъ!

— Какъ безъ рукъ, безъ тебя... Я вообще начинаю глубоко цѣнить твои совѣты и указанія.

Дмитрій Ивановичъ совсѣмъ разстаялъ...

— Ну, ну!.. Что ужь тутъ считаться.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ — безъ тебя хоть пропадай.

— Довольно, довольно!..

Старикъ одѣлся. Отправились мы къ румунскому купцу... Часа три подъ рядъ накладывали полушубки на телѣги. Наложатъ — телѣга и ѣдетъ подъ Плевно, на позиціи 16-й дивизіи; затѣмъ, вторая, третья, четвертая. Скобелевъ-старикъ въ потѣ лица своего возится, всматривается, щупаетъ полушубки, чуть не на вкусъ ихъ пробуетъ.

— Я братъ хозяинъ... Все знаю... Совѣтую и тебѣ научиться...

— А ты научи меня!.. покорствуетъ Скобелевъ.

Наконецъ послѣдняя телѣга наложена и отправлена... И вдругъ перемѣна декорацій.

— Ну... Прощай отецъ... Казакъ коня!..

Вскочилъ Скобелевъ въ сѣдло... Румунъ къ нему.

— Счетъ прикажете къ кому послать?.. За деньгами...

— А вотъ къ отцу... Отецъ заплати пожалуйста... Я потомъ отдамъ тебѣ...

Нагайку лошади — и когда Димитрій Ивановичъ очнулся, и Скобелевъ и полушубки были уже далеко.

„Noblesse oblige“ и старикъ заплатилъ по счету, а дежурныя части дивизіи одѣлись въ теплые полушубки. Благодаря этому обстоятельству, когда мы переходили Балканы, въ Скобелевскихъ полкахъ — не было ни од-

ного замерзшаго... Я вспоминаю только этотъ ничтожный и нѣсколько смѣшной даже фактъ, чтобы показать, до какой степени молодой генералъ способенъ былъ не отступать ни передъ чѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда что нибудь нужно было его отряду, его солдатамъ...

Потомъ старикъ-отецъ пріѣзжалъ уже въ Казанлыкъ въ отрядъ.

— И тебѣ не стыдно?.. сталъ было онъ урезонивать сына.

— Молодцы! Поблагодарите отца... Это вы его полушубки носите! расхотался сынъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше-ство!..

— Хорошъ... Ужь ты, братъ, даромъ руки не поцѣлуешь... Я только не сообразилъ этого тогда.

Хохотъ сталъ еще громче...

У отца съ сыномъ были и искреннія и въ тоже самое время чрезвычайно комическія отношенія... Они были въ однихъ чинахъ, но сынъ оказывался старше, потому что онъ командовалъ большимъ отрядомъ, у него былъ Георгій на шеѣ и т. д. Отца это и радовало и злило въ одно и тоже время...

— А все-таки я старше тебя!.. начиналъ бывало его донимать сынъ.

Дмитрій Ивановичъ молчитъ...

— Служилъ, служилъ и дослужился до того, что я тебя перегналъ... Неужели тебѣ, папá, не обидно...

— А я тебѣ денегъ не дамъ... находился наконецъ Дмитрій Ивановичъ.

— То есть какже это? опѣшиваетъ бывало сынъ.

— А такъ, что и не дамъ... Живи на жалованье...

— Папа!.. Какой ты еще удивительно красивый... начинаетъ отступать сынъ.

— Ну, ну, пожалуйста...

— Разскажи пожалуйста мнѣ что-нибудь о венгерской компаніи... И о томъ дѣлѣ, гдѣ ты получилъ Георгія... Отецъ у меня, господа, молодчинище... Въ моихъ жилахъ течетъ его кровь...

— А я все таки тебѣ денегъ не дамъ.

Скобелевъ всегда нуждался. При немъ никогда не было денегъ — а между тѣмъ швырялъ онъ ими съ щедростью римскихъ патриціевъ. Идешь бывало съ нимъ по Букарешту... Уличная дѣвчонка подноситъ ему цвѣтокъ...

— Есть съ вами деньги?

— Есть.

— Дайте ей полуимперіалъ!..

Офицеры — тоже всѣ къ нему. Не его дивизіи, совсѣмъ незнакомые бывало... Ѣдетъ, ѣдетъ въ отрядъ и застрянетъ гдѣ-нибудь. Денегъ ни копѣйки. Къ Скобелеву...

— Не на что доѣхать...

— Сколько же вамъ нужно...

— Да я не знаю... мнется тотъ.

— Двадцати полуимперіаловъ довольно...

— И десяти будетъ...

— Возьмите.

Забывая кто ему долженъ Скобелевъ сынъ и самъ забывалъ свои долги. Страшно щепетильный тамъ, гдѣ гдѣ дѣло касалось казеннаго интереса, въ этихъ случаяхъ свои собственные счеты онъ велъ тогда спустя рукава.

И эксплуатировали его при этомъ ужасно. Разумѣется большая часть такихъ пособій были безвозвратны... Когда деньги истощались — начинались дипломатическіе переговоры съ отцомъ...

За частую — тотъ рѣшительно отказывалъ... Тогда Скобелевъ — сынъ въ свою очередь начиналъ злиться.

— Ты до такой степени скупъ...

— Ну, ладно, ладно. На тебя не напасешься...

— Ты пойми...

— Давно понялъ... У меня у самаго всего десять полуимперіаловъ осталось въ карманѣ.

— Вотъ, господа... обращается бывало М. Д. къ окружающимъ... Видите, какъ онъ мнѣ въ самомъ необходимомъ пропитаніи отказываетъ.

Кругомъ хохочутъ.

— Я твоей скупости всей своей карьерой обязанъ...

— Это какъ же? удивляется въ свою очередь Скобелевъ-отецъ.

— А такъ... Хотѣлъ я тогда, когда закрыли университетъ — уѣхать доканчивать курсъ за границу, ты не далъ денегъ и я долженъ былъ юнкеромъ въ кавалергарды поступить. Тамъ ты мнѣ не давалъ денегъ, чтобы достойно поддерживать блескъ твоего имени — я долженъ былъ въ дѣйствующій отрядъ противу повстанцевъ въ Польшу перейдти. Въ гусары. Въ гусарахъ ты меня не поддерживалъ...

— Только постоянно твои долги платилъ (какъ-бы въ скобкахъ вставляетъ отецъ).

— Ну! Какіе-то гроши... Не поддерживалъ... Я долженъ былъ въ Тифлисъ перейдти... Въ Тифлисѣ жить дорого — я ушолъ отъ твоей скупости въ Туркестанъ... А потомъ она меня загнала въ Хиву, въ Ферганское ханство...

— И отлично сдѣлалъ?..

— За то судьба тебя и покарала, судьба всегда справедлива.

— Это какже.

— А то, что я старше тебя теперь!..

— Мальчишка.

— Такъ не дашь денегъ?..

— Нѣтъ...

— Ну, такъ прощайте, генералъ!..

И они расходились.

Онъ очень любилъ своего отца и имъ былъ горячо любимъ, но такія сцены постоянно разыгрывались между ними. Сыновняя любовь его впрочемъ была совсѣмъ чужда сентиментальности. Какъ-то онъ сильно заболѣлъ въ Константинополѣ. Недугъ принялъ довольно опасный оборотъ. Скобелевъ-отецъ случайно узнаетъ объ этомъ. Встревоженный онъ ѣдетъ къ сыну.

— Какъ-же это тебѣ не стыдно...

— Что такое?

— Болѣнъ и знать мнѣ не далъ.

— Мнѣ и въ голову не пришло!..

Старикъ былъ очень разстроенъ. Скобелевъ-сынъ замѣтилъ это и извинился...

— Не понимаю въ чемъ моя вина? обратился онъ потомъ къ своимъ.

Въ другой разъ Дмитрій Ивановичъ пріѣхалъ въ зеленогорскую траншею къ сыну.

— Покажи-ко ты мнѣ позиціи... Гдѣ у тебя тутъ по опаснѣе.

— Ты чтожъ это набальзимироваться хочешь? Или старое проснулось.

— Да чтожъ я даромъ, что-ли, генеральскіе погоны ношу...

И старикъ выбралъ себѣ одинъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ и сталъ на немъ.

— Молодецъ паша, похвалилъ его сынъ... Весь въ меня!..

— То есть это ты въ меня...

— Ну, дай же что нибудь моимъ солдатамъ...

— Вотъ десять золотыхъ...

— Мало...

— Вотъ еще пять...

— Мало...

— Да сколько же тебѣ...

— Ребята... Мой отецъ даетъ вамъ по полтиннику на человѣка... Выпейте за его здоровье...

— Рады стараться... Покорнѣйше благодаримъ ваше-ство!..

Старикъ поморщился... Когда пришло время уѣзжать:

— Ну, ужь я больше къ тебѣ сюда не пріѣду.

— Опасно?

— Вотъ еще... Не то... Ты меня раззоряешь... Сочтико, сколько я долженъ прислать сюда теперь...

— Вотъ... Смерти не боится — а надъ деньгами дрожитъ. Куда ты ихъ дѣваешь.

— Да у меня ихъ мало...

Потомъ когда Дмитрій Ивановичъ умеръ — Скобелевъ могъ вполнѣ оцѣнить мудрую скупость своего опекуна. Ему досталось громадное имѣніе и капиталы, о существованіи которыхъ онъ даже и не предполагалъ.

— Къ крайнему удивленію своему — я богатымъ человѣкомъ оказался...

Потомъ Скобелевъ, съ лѣтами измѣнился. Въ немъ не осталось вовсе мотовства, но тамъ, гдѣ была нужда, — онъ раздавалъ пособія щедрою рукою... „Просящему дай“, дѣйствительно онъ усвоилъ себѣ этотъ принципъ вполнѣ и слѣдовалъ ему всю свою жизнь. Его обманывали, обирали — онъ никогда не преслѣдовалъ ви-

новныхъ въ этомъ... Разъ лакей утаилъ „три тысячи“ данныхъ ему на сохраненіе.

— Куда ты дѣлъ деньги?

— Потерялъ.

— Ну и дуракъ!

— Какъ-же вы оставляете это? говорили ему. Вѣдь очевидно, онъ укралъ ихъ.

— А если дѣйствительно потерялъ, тогда ему каково будетъ.

Въ другой разъ одинъ изъ людей, которымъ Скобелевъ довѣрялъ, вынулъ бриллiанты изъ его шпаги— и продалъ ихъ въ Константинополѣ... Хотѣли было дать дѣлу ходъ, какъ вдругъ узнаетъ объ этомъ Скобелевъ.

— Бросьте... И ни слова объ этомъ.

— Помилуйте... Какъ-же бросить...

— Срамъ!..

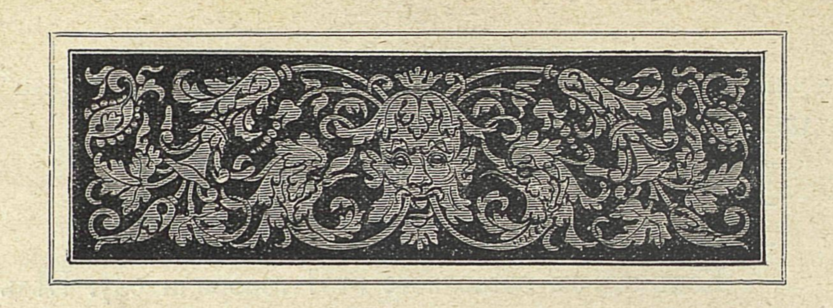
— Такъ нужно хоть бриллiанты выкупить. Вѣдь сабля жалованная.

— Забудьте о нихъ. Какъ будто ничего не случилось...

При встрѣчѣ съ виновнымъ — онъ не сказалъ ему ни слова... Только пересталъ подавать ему руку... Даже не прогналъ его.

— Я его оставилъ при себѣ, ради его брата...

Потомъ этотъ братъ, котораго за отчаянную храбрость и находчивый умъ любилъ Скобелевъ — еще ужаснѣе отблагодарилъ генерала за доброту и великодушіе, внеся въ его жизнь самую печальную страницу, и заставилъ его еще недовѣрчивѣе относиться къ людямъ...

XI.

Доступность Скобелева была изумительна. Нужно помнить, что онъ принадлежалъ военной средѣ, средѣ, гдѣ дисциплина доходитъ до суровости, гдѣ отношенія слагаются совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Тѣмъ не менѣе, каждый отъ прапорщика, до генерала чувствовалъ себя съ нимъ совершенно свободно... Скобелевъ былъ хорошій діалектикъ и обладалъ массой свѣденій — онъ любилъ спорить и никогда не избѣгалъ споровъ. Въ этомъ отношеніи все равно — вольноопредѣляющійся, поручикъ, ординарецъ или другой молодой офицеръ — разъ поднимался какой нибудь вопросъ, всякій былъ воленъ отстаивать свои убѣжденія, всѣми способами и мѣрами. Тутъ генералъ становился на равную ногу. Споры иногда затягивались очень долго, случалось съ

утра и ни чѣмъ инымъ нельзя было болѣе разозлить Михаила Дмитріевича, какъ фразой.

— Да что-жь... Я по дисциплинѣ не смѣю возражать вамъ!

— Какая дисциплина. Теперь не служба... Обыкновенно недостатокъ знаній и скудоуміе прикрывается въ такихъ случаяхъ дисциплиной...

Онъ терпѣть не могъ, людей, которые безусловно съ нимъ соглашались...

— Ничего-то своего нѣтъ. Что ему скажешъ — то для него и свято. Это зеркала какіе-то.

— Какъ зеркала.

— А такъ... Кто въ него смотрится, тотъ въ немъ и отражается...

Еще больше оскорблялся онъ, если это согласіе являлось результатомъ холопства...

— Могу-ли я съ вами не соглашаться, замѣтилъ разъ какъ-то маіоръ. Вы генералъ-лейтенантъ!

— Ну такъ, чтожъ.

— Вы меня можете подъ арестъ.

— Вотъ потому-то на васъ и ѣздятъ, что у васъ не хватаетъ смѣлости даже на это...

— У насъ всякаго осѣдлать можно, говорилъ Скобелевъ. Да еще какъ осѣдлать. Сѣсть на него и ноги свѣсить... Потому что своего за душой ни чего, мотается во всѣ стороны... Добродушіе или дряблость, не разберешь. По моему дряблость... Изъ какой-то мокрой и слизкой тряпки всѣ сдѣланы. Все пассивно, косно... По инерціи какъ-то — толкнешь идутъ, остановишь стоятъ...

Больше всего онъ ненавидѣлъ льстецовъ. Господа, желавшіе такимъ путемъ войти къ нему въ милость, очень ошибались...

— Неужели онъ меня считаетъ такимъ дуракомъ? волновался онъ. Вѣдь это просто грубо... Развѣ я самъ себя не знаю, что-жь это онъ вздумалъ мнѣ-же да меня самаго разъяснять... И не краснѣя... Такъ безъ мыла и лезетъ...

За то прямоту, иногда даже доходящую до дерзости, онъ очень любилъ.

Ординарцы въ этомъ случаѣ не стѣснялись...

— Вы всегда капризничаете и безъ толку придираетесь!.. отрѣзалъ ему разъ молоденькій ординарецъ.

— То есть какъ-же это.

— Да вотъ, какъ беременная баба...

— А вамъ, кажись, рано-бы беременныхъ бабъ-то привычки знать...

Молодой, полный жизни — онъ иногда просто шалилъ какъ юноша...

— Ну чего вы, ваше превосходительство, распрыгались... зазорно... замѣтилъ ему адъютантъ. Вѣдь вы генералъ...

Потомъ онъ сталъ совсѣмъ серьезнѣе. Особенно послѣ ахалъ-текинской экспедиціи. Но когда я его встрѣчалъ во время русско-турецкой войны онъ умѣлъ съ юношами быть юношей и едва-ли не болѣе веселымъ, шумнымъ, чѣмъ они. Онъ умѣлъ понимать шутку и первый смѣялся ей. Даже остроумныя выходки на его счетъ — нравились ему. Совсѣмъ не было и слѣда тупоумнаго богдыханства, которое примѣчалось въ различныхъ китайскихъ идолахъ того времени... „Здѣсь всѣ товарищи“, говорилъ онъ за столомъ — и, дѣйствительно, чувствовался во всемъ духъ близкаго боеваго товарищества, что-то задушевное, искреннее, совсѣмъ чуждое низкопоклонства и стѣсненій... Къ нему иногда являлись старые товарищи — оста-

новившіеся на лѣстницѣ производства на какомъ-нибудь штабсъ-капитанствѣ...

— Онъ съ нами встрѣчался, точно вчера была наша послѣдняя пирушка... Я-было вытянулъ руки по швамъ... А онъ „ну, здравствуй ***... И опять на ты...

Разумѣется, все это — до службы. Во время службы — рѣдко кто бывалъ требовательнѣе его. А строже нельзя было быть... Въ этомъ случаѣ глубоко ошибались тѣ, которые воображали, что короткость съ генераломъ допускаетъ туже безцеремонность и на службѣ. Тутъ онъ иногда становился жестокъ. Своимъ — онъ не прощалъ служебныхъ упущеній... Гдѣ дѣло касалось солдатъ, боя тутъ не было извиненій, милости никогда... Макъ-Гаханъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, разъ-было сунулся во время боя съ какимъ-то замѣчаніемъ къ нему...

— Молчать!.. Уѣзжайте прочь отъ меня? крикнулъ онъ ему.

Полковникъ англійской службы Гавелокъ, корреспондентъ, кажется, Таймса, при занятіи Зеленыхъ-Горъ 28-го октября, сунулся-было, съ указаніемъ на какой-то оврагъ.

— Казакъ! крикнулъ Скобелевъ.

Казакъ подъѣхалъ.

— Убери полковника прочь отсюда... Неугодно-ли вамъ отправиться обратно въ Брестовецъ, обратился онъ къ Гавелоку по-англійски.

Скобелева обвиняли въ томъ, что онъ заискивалъ въ корреспондентахъ, что этимъ только и объясняются тѣ похвалы, которыя они расточали ему.

Я уже говорилъ выше о томъ, какая эта низкая и глупая клевета.

Онъ — понималъ права печати и признавалъ ихъ.

Онъ относился къ прессѣ не съ пренебреженіемъ залитаго золотомъ болвана, а съ уваженіемъ образованнаго человѣка. Онъ давалъ всѣ объясненія, какія считалъ возможными, разрѣшалъ корреспондентамъ быть на его боевыхъ позиціяхъ. Они разомъ входили въ товарищескую среду, окружавшую его. Знаніе пяти иностранныхъ языковъ позволяло ему входить въ тѣснѣйшія отношенія съ англійскими, французскими, нѣмецкими, итальянскими корреспондентами и тѣ такимъ образомъ могли лучше и ближе узнавать его, но я ссылаясь на всѣхъ бывшихъ около Скобелева, свидѣтельствую, что передъ нами тамъ не лебезили и никакими особенными преимуществами мы въ его отрядѣ не пользовались. Напротивъ у другихъ въ смыслѣ удобствъ—было гораздо лучше. Тамъ корреспондентамъ давали казака, который служилъ имъ, отводили палатки и т. д. Ничего подобнаго не дѣлалось у Скобелева. Когда одинъ корреспондентъ попросилъ было у него казака, Скобелевъ разомъ оборвалъ его за неумѣстную претензію.

— Казаки — не деньщики... Они Россіи служить должны, а не вамъ!

Чѣмъ же объясняется, что они, не смотря на эти неудобства, постоянно пріѣзжали именно къ нему? Тѣмъ, что помимо искренности отношеній, тутъ всегда было интересно. Не только во время боя, но и въ антракты, молодой генералъ со своей неугомонной кипучей энергіей не оставался безъ дѣла. Онъ предпринималъ рекогносцировки, пріучалъ войска къ траншейнымъ работамъ, объѣзжалъ позиціи... Тутъ всегда было что смотрѣть, о чемъ писать. Кромѣ того — его общество оказывалось поучительнымъ. Тутъ слышались и споры и шли серьезныя бесѣды, поднимались вопросы, выходившіе со всѣмъ изъ предѣловъ военнаго ремесла... А глав-

ное самъ онъ былъ полонъ обаянія, къ нему самому тянуло...

Благопріятели разумѣется все это объясняли иначе...

Да позволено будетъ мнѣ разсказать здѣсь одинъ фактъ касающійся меня лично.

Послѣ войны уже, года черезъ полтора, ѣду я въ Москву. Въ одномъ купе со мной — военный. Сначала было онъ на меня пофыркалъ, потомъ успокоился и разговорился... Зашла рѣчь о войнѣ.

— Вы участвовали тоже? спрашиваю я его.

— Какже-съ. Только ничего не получилъ.

— Почему-же.

— Четверташниковъ при мнѣ не было.

— Какихъ это.

— А которые съ редакцій-то по четвертаку за строчку... Скоропадентовъ... Они меня не аттестовали — я ничего и не получилъ...

— Развѣ корреспонденты представляли къ наградамъ?

— А то какже-съ... Газетчики въ большомъ почетѣ были.

Зашла рѣчь о Скобелевѣ... Мое инкогнито для него было еще не проницаемо.

— Его, Скобелева Немировичъ-Данченко выдумалъ.

Это какъ-же?

— Да такъ... Пьянствовали они вмѣстѣ, ну тотъ его и выдумалъ.

— Да вы, Немировича-Данченко знаете?.. Лично-то его видѣли.

— Какъ-же-съ... Сколько разъ пьянымъ видѣлъ... И хорошо его знаю... Очень даже хорошо.

— Вотъ-те и на... А я слышалъ что онъ вовсе не пьетъ.

— Помилуйте... Валяется... До чортиковъ-съ...

Подъ самой Москвой уже — я не выдержалъ. Отравилъ генералу послѣднія минуты.

— Мы, такъ съ вами весело провели время, что позвольте мнѣ представиться.

— Очень радъ, очень радъ... Съ кѣмъ имѣю честь?

— Немировичъ-Данченко...

— Какъ Немировичъ-Данченко...

— Такъ...

— Тотъ, который...

— Тотъ который...

Генералъ куда-то изчезъ... На московской станціи кондукторъ явился за его вещами...

— Да гдѣ же генералъ-то?

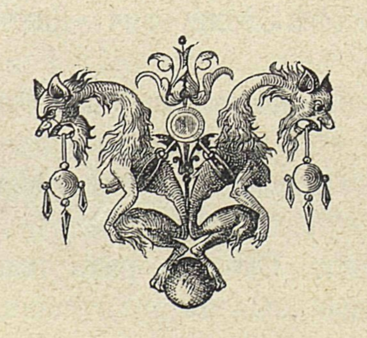
— Господь его знаетъ какой онъ...

— Да гдѣ же онъ прячется.

— Они сидятъ-съ давно ужь... въ... Заперпись въ...

Предоставляю читателю догадаться, куда сокрылся онъ, отъ четверташника и пьяницы.

Но это еще типъ добродушный. Были и по подлѣе...

XII.

Я пишу не біографію Скобелева. Моя книга — просто рядъ отрывочныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому я не разсказываю о всѣхъ военныхъ операціяхъ, въ которыхъ участвовалъ покойный. Желающіе познакомиться съ ними, могутъ обратиться къ моему „Году войны". Здѣсь — только то, что я самъ видѣлъ и если изъ моего разсказа, выдвинется передъ читателями обаятельная личность Михаила Дмитріевича, если онъ станетъ имъ также близокъ и дорогъ, какъ близокъ и дорогъ онъ былъ людямъ, входившимъ съ нимъ въ тѣсныя сношенія, знавшимъ его не какъ генерала по реляціямъ и письмамъ съ войны, а какъ человѣка—то цѣль мою я сочту вполнѣ достигнутой. Систематическая и полная біографія—дѣло будущаго. Теперь-же, говоря о Скобе-

левѣ, я хочу только бѣгло обрисовать этотъ замѣчательный типъ геніальнаго русскаго богатыря, яркою звѣздой мелькнувшаго на нашемъ тускломъ небѣ, такъ быстро поднявшагося во весь свой ростъ передъ цѣлымъ миромъ, изумленнымъ его подвигами и такъ рано ушедшаго отъ насъ... Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе и тяжелѣе становится эта потеря. Военные писатели, талантливый и хорошо знавшій покойнаго А. Н. Масловъ, нарисуютъ его какъ стратега, какъ тактика—мое дѣло сказать о человѣкѣ... Съ каждымъ днемъ больнѣе чувствуется отсутствіе его. Невольно задаешься вопросомъ, кому нужна была эта смерть, какой смыслъ въ этомъ роковомъ ударѣ... Шутка судьбы? Какая неостроумная, глупая шутка!..

Послѣ перехода черезъ Дунай — Скобелева мы видимъ и на вершинахъ Шибки и подъ Плевной. Много у него въ это время было горькихъ минутъ. Его еще не признавали. Въ побѣдителѣ халатниковъ видѣли только храбраго генерала и больше ничего.

— Его надо держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Его избаловали дешевые лавры въ Средней Азіи.

— Онъ можетъ служить, высокомѣрно снисходили третьи, но за нимъ надо смотрѣть въ оба.

А между тѣмъ, онъ былъ неизмѣримо свѣдущѣе и талантливѣе всѣхъ этихъ господъ.

Я встрѣтилъ тогда Скобелева въ Тырновѣ.

— Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ у меня.

— У Бѣлабоны...

— Я зайду къ вамъ...

Видимо ему хотѣлось высказаться. Лицо подергивалось нервною улыбкой, онъ хмурился, разбрасывалъ себѣ бакенбарды, во всѣ стороны.

— Жутко!

— Что жутко.

— Да мнѣ... Оскорбительно... Видишь лучше ихъ, знаешь всѣ ошибки и молчишь...

— Зачѣмъ-же молчать?

— Да развѣ побѣдитель халатниковъ имѣетъ право голоса... Самые лучшіе изъ нихъ удивляются: чего я лѣзу... Видите-ли у меня все есть и чинъ, и Георгій на шеѣ... Значитъ мнѣ и соваться незачѣмъ... Дай другимъ получить, что слѣдуетъ. Такъ съ этой точки и смотрятъ на дѣло. А про то, что душа болитъ, что русское дѣло губится — никто и не думаетъ. Скверно... Неспособный, безпорядочный мы народъ... До всего мы доходимъ цѣною ошибокъ, разочарованій а какъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, старые уроки забыты... Для насъ исторія не даетъ примѣровъ и указаній... Мы ни чему не хотимъ научиться и все забываемъ... Тоска... Развѣ такъ это дѣло дѣлается... А вся бѣда отъ кабинетныхъ стратеговъ...

Во время второй Плевны, Скобелевъ уже выступаетъ командиромъ небольшаго кавалерійскаго отряда... Весь этотъ день онъ дерется впереди, въ стрѣлковой цѣпи, то одушевляя солдатъ, то поддерживая слабые фланги... Весь этотъ день—никто его не видѣлъ отдыхающимъ. Онъ не оставлялъ сѣдла даже во время пѣхотнаго боя—служа прекрасною цѣлью турецкимъ стрѣлкамъ. Двѣ лошади подъ нимъ убиты, третья ранена... Онъ лично ведетъ въ аттаку роты, командуетъ сотнею казаковъ. Наконецъ, когда началось отступленіе, онъ слѣзаетъ съ сѣдла, вкладываетъ саблю въ ножны самъ замыкая отходящую назадъ цѣпь. Не странно-ли, что завоевателю Ферганы, Хивы, человѣку уже съ громадною военною карьерою позади, приходится въ данномъ случаѣ быть не руководителемъ боя, а одною изъ испол-

нительныхъ единицъ и именно въ такой обстановкѣ, гдѣ его-то способности, кромѣ личной отваги и не нужны были. Какъ второстепенный исполнитель — онъ часто терялъ всѣ свои боевые таланты. Нельзя, видя ошибки другихъ, все-таки усердно служить имъ, невозможно выполнять программу, несостоятельность которой знаешь воочію... Это, между прочимъ, подало поводъ одному изъ лучшихъ генераловъ, характеризовать Скобелева болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно.

— Какъ подчиненнаго, я-бы его отправилъ назадъ; но если-бы меня спросили, къ кому я самъ хочу идти въ подчиненные, я-бы сказалъ, къ Скобелеву.

Его талантъ развертывался въ полномъ блескѣ тамъ, гдѣ онъ одинъ руководилъ дѣломъ, гдѣ вся отвѣтственность лежала на немъ. Фергана, Зеленыя-Горы, переходъ Балканъ, Шейновскій бой, переходъ къ Адріанополю, Ахалъ-Текке — доказываютъ, какъ нельзя лучше, справедливость этого...

Во время отступленія отъ Плевны, нужно было остановиться, чтобы, удерживая турокъ, дать возможность отойти нашимъ войскамъ. Что-же дѣлаетъ Скобелевъ. Съ сотней казаковъ онъ отстрѣливается отъ громадныхъ сравнительно силъ непріятеля. Наконецъ велитъ себѣ подать бурку, ложится подъ огнемъ на нее и засыпаетъ, приказывая не отходить отсюда, пока онъ не проснется. По немъ бьютъ... Скобелевъ спитъ... Жалкая горсть казаковъ держится около, останавливая въ почтительномъ разстояніи турокъ.

— Неужели вы спали?

— Спалъ...

— При такихъ условіяхъ.

— Если надо — я могу спать при всякихъ условіяхъ.

Все это объясняли фатализмомъ, да вѣдь мало-ли

какія можно придумать объясненія. Что-то другихъ такихъ фаталистовъ я не видѣлъ!..

Затѣмъ слѣдуетъ блистательное дѣло подъ Ловчей, настолько извѣстное, что о немъ напрасно было-бы повторять что-либо. Здѣсь—я воздержусь приводить даже отдѣльные эпизоды, такъ какъ я тамъ не былъ. Третья Плевна, не смотря на то, что Скобелевъ долженъ былъ отступить, отъ занятыхъ имъ съ боя редутовъ, какъ-будто разомъ открыла глаза всѣмъ. Въ немъ увидѣли— льва, передъ нимъ преклонились тѣ, въ комъ было чувство справедливости. Это пораженіе—было равно блистательной побѣдѣ. Тутъ уже Скобелевъ говоритъ — и къ голосу его прислушиваются... Въ пылу, въ огнѣ, онъ наблюдаетъ, изучаетъ и тотчасъ-же пишетъ слѣдующія замѣчательныя строки въ своемъ донесеніи князю Имеретинскому. Мы ихъ приводимъ, потому что они уже тогда показали въ Скобелевѣ не только храбраго генерала, но и опытнаго вождя. Скобелевъ объясняетъ причины, почему онъ отсрочилъ аттаку:

Важнымъ соображеніемъ при этомъ, писалъ онъ, являлась необходимость усилить занимаемую нами позицію въ фортификаціонномъ отношеніи, что, при прискорбномъ въ эту компанію отсутствіи при войскахъ шанцеваго инструмента въ достаточномъ количествѣ, представляло не мало затрудненій. Люди рыли себѣ ровики частью крышками отъ манерокъ частью руками. Для очищенія эспланады, виноградные кусты вырывали руками. По поводу недостатка шанцеваго инструмента въ виду чрезвычайной важности въ настоящей борьбѣ фортификаціонной подготовки поля сраженія, позволяю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній. Пѣхотная часть, бывшая въ горячемъ дѣлѣ, большею частію лишается шанцеваго инструмента. Нашъ солдатъ, наступая по трудно

проходимой, закрытой мѣстности, особенно въ жару, первое чѣмъ облегчаетъ себя — это бросаетъ свой инструментъ, затѣмъ слѣдуетъ шинель и наконецъ мѣшокъ съ сухарями. Поэтому часть достигнувъ пункта, на которомъ ей надлежитъ остановиться не имѣетъ возможности прикрыть тебя отъ губительнаго огня непріятеля, что постоянно дѣлалось пѣхотою: 1) въ американскую войну 2) въ кровавую четырехлѣтнюю карлистскую бойню и 3) теперь принято за правило турками. Въ виду этого казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ: или провозить инструментъ вслѣдъ за аттакующими или имѣть при полкахъ особыя команды, на обязанность которыхъ и возлагать укрѣпленіе отбитыхъ у непріятеля позицій. Нельзя неупомянуть также и о недостаточности средствъ для устройства полевыхъ укрѣпленій, имѣющихся при отрядѣ. При силѣ болѣе 20,000 человѣкъ въ отрядѣ вашей свѣтлости (адресовано кн. Имеретинскому) имѣется и то случайно только, одна команда саперъ въ 35 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ и ни одного инженера, несмотря на существованіе инженерной академіи, ежегодно выпускающей въ нашу армію десятки спеціалистовъ... Сомнѣнію не подлежитъ для меня теперь, что если-бы французская армія втораго періода компаніи 1870 г., при современномъ вооруженіи пѣхоты и относительной слабости, въ смыслѣ рѣшающемъ, дальнобойной артиллеріи, строго-бы держалась системы неожиданнаго стратегическаго наступленія (преимущественно на пути сообщенія, напр.), соединеннаго съ безусловною тактическою обороной, при помощи полевой фортификаціи, то компанія кончилась-бы выгоднѣе для французовъ“...

Дни третьей Плевны — это цѣлая поэма, полная блеска для однихъ, позора для другихъ...

Я описалъ эту бойню въ своемъ романѣ „Плевна

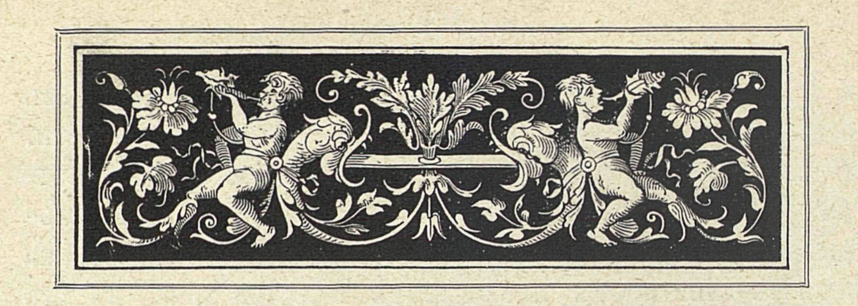
и Шибка". Тутъ, тремъ днямъ ея посвящены двадцать семь главъ. Описывать ее здѣсь — нѣтъ надобности. Приведу только эпизоды касавшіеся Скобелева. Лучшее описаніе третьей Плевны сдѣлано было оффиціальнымъ корреспондентомъ Правительственнаго Вѣстника штабсъ-капитаномъ Всеволодомъ Крестовскимъ въ его книгѣ „Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи". (Т. 2-й, страницы 44 — 124). Это обвинительный актъ — въ эпиграфъ къ которому, можно было-бы поставить слѣдующія слова, сказанные, по свидѣтельству, г. Крестовскаго, Скобелевымъ:

— Наполеонъ великій былъ признателенъ своимъ маршаламъ, если они въ бою выигрывали ему полчаса времени для одержанія побѣды: я вамъ выигралъ цѣлыя сутки и вы меня не поддержали!..

— До третьей Плевны, говорилъ мнѣ Скобелевъ, я былъ молодъ, оттуда — вышелъ старикомъ! Разумѣется не физически и не умственно... Точно десятки лѣтъ прошли за эти семь дней, начиная съ Ловчи и кончая нашимъ пораженіемъ... Это кошемаръ, который можетъ довести до самоубійства... Воспоминаніе объ этой бойнѣ — своего рода Немезида, только еще болѣе мстительная, чѣмъ классическая.

— Откровенно говорю вамъ — я искалъ тогда смерти и если не нашелъ ее — не моя вина!..

XIII.

Изъ-за гребня пригорка, выѣхалъ на бѣломъ конѣ кто-то; за нимъ на рысяхъ несется нѣсколько офицеровъ и два, три казака. Въ рукахъ у одного голубой значекъ съ краснымъ осмиконечнымъ крестомъ... На бѣломъ конѣ оказывается Скобелевъ — въ бѣломъ весь... красивый, веселый.

— Ай да, молодцы!.. Ай да, богатыри! Ловчинскіе! — кричитъ онъ издали возбужденнымъ нервнымъ голосомъ.

— Точно такъ, ваше-ство.

— Ну, ребята... Идите доканчивать. Тамъ полкъ отбитъ отъ редута... Вы вѣдь не такіе... А?... Вы вѣдь у меня всѣ на подборъ... Ишь красавцы какіе... Ты откуда, этакій молодчинище?.. остановилъ онъ лошадь передъ курносымъ парнемъ.

— Въ Вытепской губерніи, ваше-ство.

— Да отъ тебя отъ одного разбѣгутся турки...

— Точно такъ, ваше-ство, — разбѣгутся.

— Ты у меня смотри... чтобы послѣ завтра я тебя безъ Георгія не видѣлъ... Слышишь? Вы только глядите — не стрѣлять безъ толку. Иди вплоть до редута, не тратя пороху... Въ стрѣльбѣ ума нѣтъ. Стрѣлять хорошо, когда ты за валами сидишь и отбиваешься... Слышите?

— Слышимъ, ваше-ство.

— То-то. Въ кого ты будешь стрѣлять, когда они за брустверомъ? Имъ отъ твоихъ пуль не больно. До нихъ надо штыками дорваться. Слышите?.. А ты, кавалеръ, не изъ севастопольцевъ? обернулся онъ къ Парфенову. — За что у тебя Георгій?..

— За Малаховъ, ваше-ство...

— Низко кланяюсь тебѣ! — И генералъ снялъ шапку. — Покажи молодымъ, какъ дерется и умираетъ русскій солдатъ. Капитанъ послѣ боя представьте мнѣ старика. Я тебѣ именнаго Георгія дамъ, если живъ будешь...

— Радъ стараться, ваше-ство...

— Экіе молодцы!.. Пошелъ-бы я съ вами, да нужно новичковъ поддержать... Вы-то ужъ у меня обстрѣленные, боевые... Прощайте, ребята... увидимся въ редутѣ. Вы меня дождетесь тамъ?

— Дождемся, ваше-ство.

— Ну, то-то, смотрите: дали слово, держать надо... Прощайте, капитанъ.

Доѣхалъ генералъ до оврага — видитъ, лежитъ въ немъ офицеръ... Еще нѣсколько шаговъ сдѣлалъ — офицеръ смущенно поднялся и откозырялъ... Генералъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Что, поручикъ, отдохнуть прилегли?

— Сапоги... ноги... — забормоталъ Поручикъ, весь красный, чувствуя теперь только стыдъ, одинъ стыдъ и ни искры трусости.

— Вы отъ той роты?

— Да-съ...

— Экій вы рослый да бравый какой... Солдатамъ будетъ любо, глядя на васъ, въ огонь идти. Вы ихъ молодцомъ поведете. Догоните поскорѣй своихъ, да скажите вашему командиру, что я ему приказываю послать васъ впередъ съ охотниками, — слышите?..

Генералъ перешелъ въ серьезный тонъ.

— Офицеръ не смѣетъ трусить... Солдатъ можетъ, ему еще простительно... Но офицеру нельзя... Идите сейчасъ... Ведите въ бой свою часть... Ваша фамилія?

— Дороновичъ *).

— Ну, вотъ что... Я хочу услышать, что вы первымъ вошли въ редутъ. Слышите? — первымъ... Тогда и я забуду этотъ оврагъ и ваши сапоги... Слышите?.. забуду и никогда не вспомню... Помните — вы подадите примѣръ... Прощайте! — и генералъ, наклонясь, подалъ поручику руку. Тотъ съ глубокой благодарностью пожалъ ее.

— Обѣщаюсь вашему превосходительству...

— Вѣрю, поручикъ... До свиданія въ редутѣ!

Еще одно мгновенье Дороновичъ посмотрѣлъ вслѣдъ генералу и тотчасъ-же бросился догонять своихъ.

* * *

По скату лепятся разсѣянные солдаты какого-то полка. Они какъ-то, вдругъ, массами появились изъ ло-

---

*) Фамилія измѣнена.

щины; точно муравьи поползли вверхъ. Видимо передъ рѣшительнымъ штурмомъ отдыхали тамъ, собирались съ силами. Густая внизу масса солдатъ рѣдѣетъ кверху, разбивается на кучки, быстро бѣгущія впередъ. Кучки разбиваются на одиночныхъ, опередившихъ своихъ товарищей... Эти одиночные зачастую вдругъ останавливаются, какъ-то дико вскидываютъ руками и падаютъ внизъ. Вонъ она — это подлая желтовато-сѣрая насыпь; вонъ онъ—этотъ проклятый валъ!.. Сколько еще жизней потребуетъ онъ?.. Масса все ближе и ближе; разстояніе сокращается между ея отдѣлившимися кучками и этою сѣрою насыпью. Быстро, быстро бѣгутъ люди. Изъ отставшихъ отдѣльные солдаты вдругъ, точно ни съ того ни съ сего, выносятся впередъ, быстро перебѣгаютъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ тѣхъ, которые идутъ впереди, еще моментъ, и эти, только что казавшіеся отсталыми, уже смѣло цѣпляются вверхъ по скату. Вотъ обрывки какого-то „ура". „Ура" вспыхнуло направо, перекинулись налѣво, загремѣло въ центрѣ... Чу, кровожадная, зловѣщая дробь барабана. Еще быстрѣе двигается снизу вверхъ боевая колонна... Но уже, никакого порядка въ ней, въ разсыпную, какъ попало... Вотъ цѣлыя тучи дыма заслонили редутъ; гора точно дрогнула и разсѣлась съ громовымъ трескомъ... За этимъ залпомъ перебѣгающіе выстрѣлы, новое облако дыму, новый залпъ... Какой-то должно быть офицеръ, на лошади выѣхалъ изъ лощины; за нимъ солдаты бѣгутъ. Смѣло онъ шпоритъ коня; добрый степнякъ чуть не въ карьеръ выноситъ его на крутизну ската... Еще одна минута, и всадникъ вмѣстѣ съ конемъ катятся обратно въ эту-же самую лощину, изъ которой только что выѣхали.

— Возьмутъ, капитанъ, возьмутъ наши! — бодро кричитъ Ивкову Дороновичъ.

— Еще-бы не взять!.. Радостно отвѣчаетъ тотъ, слѣдя, какъ разстояніе между наступающей черной массой солдатъ и сѣрою насыпью вала все сокращается и сокращается.

— Еще-бы не взять! Одинъ ударъ только, и кончено.

— Какъ кстати въ барабанъ-то ударили...

Вонъ черныя фигуры солдатъ все ближе и ближе; вонъ нѣсколько копошится у самаго вала, видимо остановились и своихъ сзываютъ... А залпы оттуда слѣдуютъ за залпами. Редутъ точно живое чудовище на встрѣчу ободрившимся солдатамъ грохочетъ во всѣ свои мѣдныя и стальныя пасти, какъ дикобразъ ощетинивается штыками... Близко, близко, у самаго вала наши. Могучее „ура" еще шире, какъ пламя, взрываемое вѣтромъ, раскидывается по всему этому скату...

— Господи!.. Вотъ подлецы-то! съ ужасомъ вскрикиваетъ Ивковъ.

— Что? Что такое?

Капитанъ, молча, показываетъ направо... Трусливая кучка солдатъ, отставшая отъ своихъ въ то время, какъ эти почти уже добѣжали до валовъ, залегаетъ и открываетъ по туркамъ огонь... Къ нимъ присоединяется все больше и больше солдатъ... Что-то недоброе предчувствуется въ этомъ... „Ура" мретъ, не разгорѣвшись во всю; солдаты, бывшіе у самыхъ валовъ, тоже подхватываютъ огонь и давай подстрѣливать, тратя на это свою энергію... Ружейный огонь льется, не умолкая... Наконецъ, уже всѣ остановились... Кучка трусовъ заразила всѣхъ паникою... Очевидно, впередъ ужь не подадутся. Нельзя идти стрѣляя, нельзя стрѣлять на ходу... Стрѣльба во время наступленія—одинъ изъ признаковъ трусости... Вотъ-вотъ пойдутъ назадъ,—нельзя-

же лежать подъ огнемъ... Назадъ еще хуже чѣмъ впередъ, больше потерь будетъ, а все-таки уже ни на шагъ не подвинутся...

Полкъ разбился о редутъ...

Какъ будто волны, отхлынули оттуда солдаты и бѣгутъ внизъ... Сначала задніе поддались... Вскочили залегшіе первыми трусы и—стремглавъ въ лощину, за ними и остальные. Не всѣ... то и дѣло кое-кто спотыкается, падаетъ и остается на мѣстѣ: устилается мало по малу скатъ неподвижными тѣлами. Сколько уже чернѣетъ такихъ! какая масса ихъ... Толпа разбилась на единицы... Она уже чужда внутренней связи; это люди, почти не узнающіе другъ друга... Самые храбрые отступаютъ молча, хмуро, въ одиночку. Только кучка трусовъ слѣпо бѣжитъ назадъ, крича что-то идущимъ навстрѣчу новымъ подкрѣпленіямъ. Эти новые тоже поддаются паникѣ и оборачиваютъ тылъ... А мертвыхъ все больше и больше... Вонъ одно мѣсто ската совсѣмъ почернѣло. Должно быть, не одинъ десятокъ тамъ плотно улегся другъ къ другу... Не одинъ десятокъ... Сжавъ зубы, Ивковъ подается внизъ—быстро подается. Солдаты тоже понимаютъ въ чемъ дѣло.

— Ахъ ты Господи! — шепчетъ Парфеновъ, — только-бы еще однимъ разомъ и конецъ дѣлу...

— Эка бѣда какая!... Безъ всякаго толку — спужались...

— Стадо!.. Подлое стадо!.. озлоблено бормочетъ Ивковъ, боясь, чтобы и съ его ротой не случилось тоже самое.

Вотъ передовыя кучки бѣгущихъ на встрѣчу.

— Куда вы? — заскрипѣлъ на нихъ зубами Ивковъ. Трусы! Подлецы! Негодяи!

Всѣ пріостановились было... Только одинъ совсѣмъ

уже перепуганный солдатикъ со слѣпу бѣжитъ прямо на капитана...

— Трусы!.. У редута были — ушли... Срамъ!...

Харабовъ молча идетъ впередъ, сознавая всю безполезность упрековъ. Нельзя за себя отвѣчать въ такую минуту... Самый храбрый человѣкъ можетъ струсить...

— Ваше высокоблагородіе, — ни съ того, ни съ сего, набрасывается на него бѣгущій солдатикъ. У самаго турецкаго редута былъ... У самаго вала, ей Богу... Только бы скакнуть — и конецъ... Я подъ валомъ первый стоялъ, — чуть не плачетъ онъ. — Только бы скакнуть, а тутъ кричатъ: „Назадъ, назадъ, назадъ!“ Ну, всѣ и побѣгли... Ахъ ты Господи!... всѣ и побѣгли...

Солдатикъ весь красный, весь разгорѣвшійся, отчаянно жестикулируетъ.

— Кабы дружно было... подтверждаетъ другой и не оканчиваетъ: пуля догоняетъ бѣглеца и укладываетъ его на мягкую землю...

— Что-жъ вы осрамились, ребята? — коритъ ихъ Парфеновъ.

Солдаты взглядываютъ только въ лицо ему и быстро бѣгутъ мимо.

— Это еще что за стыдъ!.. слышится чей-то громовой голосъ позади. — Это что за таборъ бѣжитъ? Смирно!.. Изъ подъ редута бѣжать.. Срамъ! Не хочу я командовать такою сволочью!.. Идите къ туркамъ!.. Вы не солдаты!.. Ружья побросали, скоты!.. продолжаетъ тотъ же новый голосъ.

Ивковъ оглядывается, — на встрѣчу бѣгущимъ тотъ же Скобелевъ на своемъ бѣломъ конѣ.

— За мной! Я вамъ покажу, какъ бьютъ турокъ... Стройся!... За мною, ребята, я самъ васъ поведу. Кто

отъ меня отстанетъ, стыдно тому... Живо, барабанщики, наступленіе!..

Громкая дробь барабана покрыла и грохотъ залповъ, и ревъ орудій, то и дѣло выбрасывавшихъ снопы огня и клубы дыма изъ амбразуръ турецкой батареи...

* * *

Медленно цѣпь подвигалась впередъ. Сухія, нахмуренныя лица солдатъ уже поводило гнѣвомъ... Стиснутые зубы, зловѣщій огонь, загоравшійся въ ихъ глазахъ, мало предвѣщали хорошаго защитникамъ редута. Шли въ одиночку, молча... Звено отъ звена сохраняло правильные интервалы. Руки крѣпче стискивали холодныя дула ружей; послѣ недавняго возбужденія сердце билось спокойно, въ головѣ, казалось, не было и мысли объ опасности. На падавшихъ товарищей уже не обращали вниманія,—ни о чемъ не думалось... Свинцовыя пчелы, густыми и шумными роями наполнявшія воздухъ, мало производили впечатлѣнія, совсѣмъ мало. Не потому что-бы инстинкты жизни замерли—нѣтъ, просто закостенѣли всѣ... Чему быть тому не миновать. „Дорваться-бы скорѣй!“ только одно и шевелилось въ мозгу этихъ обстрѣлявшихся уже людей, жадно смотрѣвшихъ на сѣрую профиль редута, которую опять окутывало туманомъ. „Дорваться-бы скорѣй!..“ И когда шальная пчела жалила товарища рядомъ, когда онъ, какъ подкошенный, падалъ на мокрую землю, не сожалѣніе шевелилось у уцѣлѣвшихъ — нѣтъ, сказывалась только жажда расплаты, дикая злоба подымалась въ груди, дикая, холодная, отъ которой сердце не билось ни скорѣе, ни медленнѣе, отъ которой и правильный шагъ цѣпи не прибавлялся. Передъ нею была лощина. Ив-

ковъ озабоченно поглядывалъ въ нее; цѣпь его шла отлично, лучше не одинъ-бы тактикъ и не пожелалъ, но въ темномъ оврагѣ придется дать отдыху минутъ пятьдесять небольше. Какъ-бы все это настроеніе не измѣнилось, какъ-бы всѣ эти сухія, озлившіяся лица не подернулись колебаніемъ, нерѣшительностью, какъ-бы изъ цѣпи одни не выбѣжали впередъ, это подало-бы поводъ остальнымъ сохранить свое положеніе позади, а потомъ совсѣмъ отстать.

— Братцы! Посмотрите, что они дѣлаютъ съ нашими,—обернулся генералъ, не сходившій съ лошади.

Гулъ прошелъ по цѣпи, перебросился назадъ въ слѣдовавшія за нею звенья, сообщился колоннѣ, которая уже, выставивъ нѣсколькихъ солдатъ на гребень пройденной Ивковымъ горы, сама осталась позади за гребнемъ въ прикрытіи.

— Посмотрите, какъ эта сволочь нашихъ раненыхъ мучитъ.

Гулъ все росъ и росъ... Холодный потъ выступалъ на лицахъ солдатъ. Парфеновъ, глядя на то, что совершалось около валовъ зловѣщаго редута, заплакалъ навзрыдъ.

Изъ-за этой сѣрой насыпи выбѣжали турки, по одиночкѣ разсыпались на скатѣ... Вонъ они наклоняются къ нашимъ раненымъ. Какіе-то крики застыли, всколебавъ на минуту холодный воздухъ. Крики эти ростутъ... мольба въ нихъ, бѣшенство... Раненые видимо старались уползти, торжествующій врагъ позволялъ имъ это, чтобы смѣясь, тотчасъ же настигнуть ослабѣвшихъ, исходившихъ кровью людей. Вонъ одинъ изъ нашихъ раненыхъ приподнялся, невѣрною рукой выстрѣлилъ въ подбиравшагося къ нему низама. Тотъ пригнулся на минуту, потомъ выпрямился, кинулся къ стрѣлявшему, и,

въ одно мгновеніе, такой дикій вопль, вырванный невозможною болью, донесся къ нашимъ, что генералъ рѣшилъ тотчасъ же воспользоваться этою минутой озлобленія.

— Ребята, безъ отдыха, впередъ!.. Бѣгомъ на этихъ скотовъ... Спасемъ уцѣлѣвшихъ и накажемъ негодяевъ... Я самъ поведу васъ... Слышите!.. Поручикъ Дороновичъ, ведите охотниковъ!.. Займите вонъ ту траншею...

Быстро пробѣжали лощину — ни одного отсталаго не было. Какъ былъ тихъ и безлюденъ этотъ оврагъ до того, такимъ и остался.

Скобелевъ уже далеко впереди. Пригнувшись, охотники взбѣгаютъ по скату вверхъ... Гора вздрагиваетъ отъ бѣшенныхъ залповъ... Точно валы эти трещатъ, разсѣдаясь на своихъ песчаныхъ насыпяхъ, точно лопаются и крошатся довременные граниты. Не доходя до редута, — узенькая траншейка; оттуда гремитъ перебѣгающая дробь выстрѣловъ, кайма сѣраго дыма отъ нихъ, поднимаясь вверхъ, заслоняетъ собою редутъ... Скоро не она одна заслонила его, заслонилъ и туманъ, опять сгустившійся кругомъ. Редута не видно... Его только слышно... Гроза бушуетъ въ этой сѣрой тучѣ. Точно злые духи сорвались съ адскихъ цѣпей и торжествуютъ въ глубинѣ этой мглы, смѣшанной съ пороховымъ дымомъ, свое близкое торжество, точно самъ царь тьмы въ гнѣвѣ и грохотѣ бури сходитъ сюда на кровавую тризну... Возбужденному мозгу могло-бы показаться, что планеты сталкиваются, и, охваченныя огнемъ, разлетаются на тысячи кусковъ, когда сквозь оглушительный трескъ перебѣгающей перестрѣлки гремятъ на встрѣчу нашимъ цѣпямъ дружные залпы, сливая свой бѣшенный громъ съ яростнымъ ревомъ стальныхъ орудій... Цѣлыя тучи пуль несутся на встрѣчу храброй горсти охотниковъ, снопы картечи сметаютъ съ

чернаго ската все, что встрѣчается на пути; гранаты изъ дальнихъ редутовъ, впиваясь въ сырую землю, рвутся въ ней на осколки, острые края которыхъ точно высохли и разгорѣлись отъ жажды. Наверху тоже не ладно: тамъ лопаются шрапнели, точно чудовищныя струны трескаются въ воздухѣ подъ чьей-то могучей рукой. Лужами стоитъ кровь... Въ этихъ черныхъ лужахъ барахтаются умирающіе; предсмертные вопли тонутъ въ грозовомъ ревѣ бури... На встрѣчу идущимъ солдатамъ бѣгутъ, точно со слѣпа, раненые. Бѣгутъ, наталкиваются на нихъ, хватаются за товарищей, цѣпляются, точно въ этомъ вся ихъ надежда...

Дороновичъ ничего уже не видитъ... туманъ кругомъ, въ туманѣ бѣсятся остервенѣвшіе духи ада. Онъ только и помнитъ одно — обѣтъ, данный имъ генералу... Да и нельзя забыть... Въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ моментовъ, когда, казалось, нельзя было вздохнуть, чтобы не подавиться картечью, въ вихрѣ этой бѣшенной бури пролетѣлъ мимо него Скобелевъ... Только на одно мгновенье онъ увидѣлъ эту характерную фигуру, съ разбросанными русыми бакенами, съ раздувающимися ноздрями, съ мягкими въ обычное время, но теперь точно хотѣвшими оставить свои орбиты разгорѣвшимися глазами, смѣло глядѣвшими туда, въ самую темень, откуда рвалась гроза на встрѣчу. Вихремъ налетѣлъ, успѣвъ кинуть въ цѣпь охотникамъ: — „За мною, дѣти! не отставать! Вспомните замученныхъ товарищей!“ Точно обожгло солдатъ. „Ура“ вспыхнуло, но не то нерѣшительное, которое съ часъ назадъ слышалось изъ рядовъ отступившихъ потомъ солдатъ... Нѣтъ, это совсѣмъ иное... зловѣщее, бѣшенное, точно хриплыя глотки хотѣли перекричать этотъ трескъ ружейнаго огня, этотъ ревъ стальныхъ пастей...

— Помните, ребята, назадъ дороги нѣтъ... За мной!.. кидаетъ, въ свою очередь, Дороновичъ, не замѣчая, что по лѣвому плечу его уже просочилась и бѣжитъ алая струйка.

„Не забывайте замученныхъ“ во время брошено. Точно искра въ порохъ упала... такой злобой вспыхнуло оно въ солдатской душѣ... Помните замученныхъ... Урра!.. все бѣшеннѣй и бѣшеннѣй разбѣгается кругомъ. Цѣпь позади, спотыкаясь, падая, хочетъ нагнать охотниковъ; резервы сами двигаются, не ожидая команды... Раненые не остаются назади; они тутъ-же въ рядахъ— развѣ кость перебита, идти нельзя... Одинъ худой, весь зеленый солдатъ, у котораго въ груди засѣла уже пуля, хрипло оретъ „ура“, давится кровью, выплевываетъ ее и опять еще громче, еще болѣе остервенѣло кидаетъ свой вызовъ тучѣ тумана и пороховаго дыма, окутавшихъ зловѣщій редутъ.

Вихремъ налетѣлъ генералъ на другую окраину боя, подъ самой турецкой траншей скользнулъ, на добромъ арабскомъ конѣ, бросилъ флангамъ грозовой привѣтъ и вынесся впередъ, самъ обезумѣвшій отъ гнѣва, отъ злобы, отъ жажды крови... Шпоры впиваются въ бѣлую кожу коня, рвутъ ее, нервно подергиваются губы; подъ глазами легли черныя полосы... Воздуху! воздуху! дышать нечѣмъ... Впередъ! бей ихъ, друзья!.. Никому не будетъ пощады. Мсти за своихъ!.. Запѣвайте громче свою бранную пѣсню, кровожадные барабаны,—громче, чтобы заглушить въ немногихъ робкихъ душахъ послѣдній шопотъ жалости, послѣднюю жажду жизни... Громче направляйте барабаны эту злобой охваченную толпу... Гуще падай туманъ на облитые кровью скаты,—гуще, темнѣе, чтобы никому не былъ видѣнъ ужасъ, творя-

щійся здѣсь... Чтобы жало штыка встрѣчало вражью грудь, а очи враговъ не видѣли другъ друга...

— Не останавливаться!.. Впередъ! хрипло кричитъ Дороновичъ уже въ занятой имъ траншеѣ... На плечахъ у бѣглецовъ ворвись въ редутъ, ребята... За мной, друзья! — И, почти тутъ-же, тяжелый прикладъ солдата опускается на голый черепъ обезумѣвшаго отъ ужаса турка... Точно арбузъ треснулъ, мозгомъ забрызгало окружающихъ.

— Впередъ, охотники!.. Впередъ! выбѣгаетъ Дороновичъ изъ траншеи... Впередъ — редутъ не далеко...

— Сюда, охотники!.. въ вихрѣ бури слышанъ голосъ Скобелева. Сюда... — Здѣсь они, проклятые, здѣсь... Сюда, друзья!... За мной, дѣти... Однимъ ударомъ возьмемъ...

Но послѣднія слова его тонутъ въ свистѣ картечи, въ разъяренныхъ залпахъ оттуда, отъ которыхъ самый воздухъ, кажется, сможетъ оттолкнуть нападающихъ.

Ивковъ, Харабовъ — всѣ тутъ... Какіе-то офицеры изъ другихъ частей... Все — перемѣшалось, все одною бѣшеной толпой несется къ редуту... Тысячи побѣжали на скатъ — сотни уже упали... Сотни упадутъ сейчасъ, до вала — добѣгутъ десятки... Что нужды? — лишь-бы дорваться... Скорѣй, скорѣй въ этотъ туманъ, откуда несется громкое „ура“, откуда слышенъ одобряющій голосъ генерала... Скорѣй, скорѣй! — Что нужды!.. Изъ лощины выбѣгаютъ новыя тысячи... Опять онѣ таютъ на скатѣ, и снова десятки добѣгаютъ къ валу... Тутъ ужъ все перепуталось, ничего не разберешь — стихія бѣснуется на просторѣ: пламя рвется вверхъ, вода затапливаетъ землю, прорвавъ и размывъ жалкія плотины...

— Сюда, охотники! Сюда, друзья! точно ловчій въ

рогъ сзываетъ Скобелевъ на травлю озлившуюся стаю собакъ... Покорныя зову, всѣ онѣ уже тутъ, — добѣжали къ сѣрой насыпи и ливень свинца оттуда. Кажется, что редутъ этотъ дышетъ картечью.

На минуту разбросило туманъ, вѣтромъ повѣяло съ сѣвера; но его холодный воздухъ не освѣжилъ эти разгорѣвшіяся лица, — не пахнулъ свѣжестью въ эти разгорячившіяся груди... Скорѣй, скорѣй! рвутся отсталые... Въ свирѣпой злобѣ своей, царапая землю, на мѣсто боя ползутъ раненые... Умирающіе, приподымаясь на рукахъ, орутъ „ура", выбрасывая въ этотъ предсмертный крикъ послѣдніе отблески угасающей жизни... Уже на штыкахъ красныя полосы... кровь бѣжитъ по дуламъ ружей, кровь на рукахъ, на лицахъ... Не разберешь — гдѣ своя, гдѣ чужая... Тщедушный, робкій Харабовъ неузнаваемъ: выросъ, голова закинута назадъ, голосъ звучитъ металлическими нотами; рука такъ схватилась за шпагу, что, почти ломаясь, впивается вся рукоять; онъ бодро, смѣло и стройно ведетъ своихъ; Парфеновъ не отстаетъ отъ него. Старику почудилась Балаклава... Малаховъ курганъ, какъ живой, выросъ передъ глазами. Вспомнилъ онъ тогдашнюю тоску сдачи послѣ роковаго боя — и хрипло бросаетъ свое „ура" прямо въ лица врагамъ, уже стоящимъ на валахъ, уже ощетинившимся штыками. Въ сгустившуюся массу врывается картечь, расчищая улицы... И въ эти промежутки вбѣгаютъ новые бойцы... А изъ лощины поднимаются новыя и новыя тучи... Молодой парень тоже вспомнилъ старое, взялъ ружье за дуло и чиститъ себѣ путь прикладомъ.

— Алла, Алла! — также бѣшено несется съ валовъ... Какой-то мулла, въ зеленой чалмѣ и зеленомъ халатѣ вскочилъ на самый брустверъ и выкрикиваетъ оттуда свои проклятья... Въ упоръ кладетъ его Парфеновъ, и

замирающее „Алла“ опять подхватывается обреченными на смерть таборами.

— Еще усиліе, ребята, — за мной!..

Скобелевъ врывается на насыпь редута, скатывается оттуда внизъ, подымается опять, весь покрытый грязью, облѣпленный ею, и хрипло зоветъ за собою солдатъ... На немъ лица нѣтъ — что-то черное, кровавое, бѣшенное... Харабовъ, Дороновичъ и Ивковъ уже на валахъ. Вскипаетъ послѣдній актъ этой трагедіи, — послѣдній и самый ужасный... Штыковый бой уже начался по окраинамъ... Въ амбразуру откуда орудіе, напослѣдокъ, прямо въ живое мясо густой толпы, выбросило картечь, вскочилъ генералъ... штыкъ ему на встрѣчу,—уже коснулся груди... Но парень со своимъ ружьемъ тутъ какъ тутъ. Тяжелый прикладъ съ глухимъ звукомъ встрѣчаетъ високъ низама, и генералъ уже впереди, не видя, кому онъ обязанъ своимъ спасеніемъ, не зная даже, какая опасность ему грозила... Звѣрь сказывался въ немъ, звѣрь и въ этихъ врывающихся сюда толпахъ... Звѣрь, попробовавшій крови; звѣрь, не дающій никому пощады... Никакой правильности въ этомъ боѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы насѣли на турокъ — они подались; въ другомъ — обратно... Здѣсь мы бьемъ, тамъ бьютъ насъ. Боевая линія изломана такимъ образомъ, что часто мы съ тылу бьемъ турокъ, часто турки выбѣгаютъ намъ въ затылокъ...

* * *

Редутъ взятъ.

Земляныя насыпи, стальныя орудія, сѣрыя шинели солдатъ, лица ихъ и руки забрызганы кровью... Кровь стоитъ лужами внутри редута — лужи и внѣ его. Кровь испаряется въ туманъ, точно дѣлая его еще тяжелѣй

Сапоги побѣдителей уходятъ въ кровь. Жаждущіе отдыха послѣ устали безпощадной бойни — садятся, ложатся въ кровь... Кажется, что и сверху падаетъ она съ дождевыми каплями... Кажется, что эта мгла насквозь пропитана ею...

Защитники редута почти всѣ остались здѣсь...

Кому удалось выбраться изъ-за этой земляной насыпи тотъ улегся на скатахъ холма... Вонъ весь склонъ его покрытъ этими разбросанными, исковерканными тѣлами.

Внутри повернуться негдѣ.

Точно нарочно набили этотъ редутъ мертвецами. По угламъ ихъ груды... Изъ подъ - нихъ, порою, прорывается болѣзненный стонъ... На одну изъ этихъ грудъ съ ужасомъ уже смотритъ Парфеновъ; старику помнится, что сюда, словно испуганное стадо, сбились бросившіе оружіе турки... На колѣняхъ стояли, кричали „аманъ"... Передъ старикомъ — до сихъ поръ эти умоляющія лица, эти руки, простертыя къ побѣдителямъ, эти покорно склонявшіяся подъ солдатскіе приклады головы... И онъ въ жару, вмѣстѣ съ другими, кололъ, и онъ убивалъ просившихъ пощады... Парфеновъ недоумѣло оглядывался — неужели никто не уцѣлѣлъ? нѣтъ, всѣ синія куртки лежатъ... вонъ разможенные черепа, груди, насквозь пробитыя штыками... Истребленіе бушевало здѣсь, не зная предѣла... Милости не было никому... Страшно становится Парфенову... онъ оглядывается на своихъ: видимо и другіе чувствуютъ то-же самое.

Нѣтъ ни въ комъ этого торжества побѣды, радостнаго ликованія уцѣлѣвшей толпы. Молча сидятъ на брустверахъ... Дымки закуренныхъ трубокъ курятся ко-гдѣ. Не слышно говора... Вонъ паренекъ—новичекъ въ рат-

номъ дѣлѣ—остановился надъ громаднымъ туркомъ, раскинувшимся въ кровавой лужѣ, и вглядывается въ его лицо, — пристально вглядывается, точно хочетъ допроситься чего-то. И на него пристально смотритъ турокъ—только неподвижнымъ, полнымъ ужаса взглядомъ... Разбросилъ руки — и смотритъ; и оба они — мертвый и живой — не могутъ отвести глазъ одинъ отъ другаго.

Тихо ѣдетъ генералъ къ редуту... Мрачно оглядывается онъ по сторонамъ, оцѣнивая потери сегодняшняго дня... Вотъ онъ остановилъ коня надъ однимъ изъ офицеровъ... Тѣнь скользнула по молодому лицу...

— Это, кажется, Неводинъ? оборачивается онъ къ адъютанту.

— Точно такъ, ваше-ство!..

— Хорошій офицеръ былъ. Георгіевскій кавалеръ... Жаль... Скорѣй санитаровъ сюда!.. Собрать раненыхъ!..

Молча, выѣхалъ онъ въ редутъ... Сошелъ съ коня, вошелъ на брустверъ.

Пытливо оглядываетъ окрестности...

— Спасибо, ребята, за службу — тихо благодаритъ солдатъ. — Потрудились честно сегодня... Орлами налетѣли... Видѣлъ я, какъ дрались вы... Львы!.. Я счастливъ, что командую такими молодцами... Устали?..

— Устали, ваше-ство...

— Отдохните... Пол-дѣла сдѣлали... Теперь удержаться надо...

— Поручикъ Дороновичъ!.. Сидите, сидите!.. Поздравляю васъ съ георгіевскимъ крестомъ...

— Не заслуживаю, генералъ...

— Это какъ?

— Въ оврагѣ...

— Ну, душенька, вы двадцать овраговъ заставили

позабыть... Спасибо, ребята, еще разъ!.. Вотъ и солнце, кажется... Знамена на валы! громко скомандовалъ онъ.

Мертвый редутъ словно разомъ оживился...

Два батальонныхъ знамени взвились надъ брустверомъ... Первый сегодня солнечный лучъ загорѣлся на ихъ крестахъ, легкій вѣтеръ колыхнулъ и словно паруса развернулъ ихъ полотнища... Одинъ этотъ редутъ съ своими знаменами былъ освѣщенъ солнцевъ. Кругомъ все еще тонуло въ туманѣ. Точно корабль въ океанѣ неслся куда-то этотъ клочекъ земли...

Умирающіе, подымая взгляды среди мучительной агоніи, встрѣчали свои знамена... Развѣваясь надъ сѣрыми валами, они точно призывали благословеніе небесъ на этотъ міръ несчастія и муки...

— Маіоръ Горталовъ, вы остаетесь комендантомъ редута! обернулся генералъ къ небольшаго роста офицеру.

— Могу я разсчитывать на васъ? Тутъ нужно удержаться во что-бы то ни стало...

— Или умереть,ваше-ство!..

— Подкрѣпленій можетъ быть не будетъ... Дайте мнѣ слово, что вы не оставите редута. Это сердце непріятельской позиціи... Тамъ, — и генералъ кинулъ горькую улыбку — назади еще не понимаютъ этого... Я поѣду убѣждать ихъ... Дайте мнѣ слово, что вы не оставите редута!..

— Моя честь порукой!.. Живой не уйду отсюда...

И Горталовъ поднялъ руку, какъ-бы присягая.

Генералъ обнялъ и поцѣловалъ Горталова.

— Спаси васъ Богъ!.. Помните, ребята, подкрѣпленій не будетъ — еще разъ! Разсчитывайте только на себя!.. Прощайте, герои!..

Отъѣхавъ на версту, генералъ оглянулся на редутъ.

Весь онъ казался на высотѣ. Два знамени его въ солнечныхъ лучахъ гордо вѣяли надъ сѣрыми насыпями.

Клубившійся кругомъ туманъ еще не окуталъ ихъ своимъ однообразнымъ маревомъ. Корабль, казалось величаво несъ въ этомъ волнующемся океанѣ свои паруса и мачты...

— На смерть обреченные! И еще печальнѣе сталъ генералъ, прощаясь взглядомъ съ лучшими изъ своихъ сподвижниковъ.

* * *

— Насъ, значитъ, оставили совсѣмъ... Никого и ничего на помощь?.. Послѣ того какъ все уже почти сдѣлано?.. *)

— Никого и ничего, ваше превосходительство, козырялъ щеголеватый штабной.

— Значитъ, третья Плевна?..

И генералъ не окончилъ.

Нервно стало подергиваться лицо, голосъ дрогнулъ, оборвался, и вдругъ этотъ желѣзный человѣкъ, спокойно тридцать часовъ выносившій все: и гибель лучшихъ своихъ полковъ, и смерть друзей, и трагическіе переходы боя отъ пораженія къ побѣдѣ и отъ побѣды къ пораженію, — зарыдалъ, наклонясь надъ лукою сѣдла... Окружающіе отъѣхали на нѣсколько шаговъ...

— Что это съ нимъ? удивленно шепнулъ штабный одному изъ ординарцевъ.

Тотъ только смѣрилъ взглядомъ эту чистенькую фигурку на чистенькомъ сѣдлѣ и отвернулся.

---

*) Отрывокъ этотъ имѣетъ цѣлію описанія отступленія занятаго Горталовымъ редута. Сцена защиты его—изложены въ моемъ романѣ «Плевна и Шибка».

— Никого!.. Ни одной бригады... Вѣдь здѣсь все. Устоимъ — Османъ уйдетъ...

— Ни одного полка свободнаго нѣтъ...

— А тамъ? взмахнулъ онъ на сѣверо-востокъ.

— Берегутъ дорогу на Систово...

— Академическіе стратеги! упавшимъ голосомъ проговорилъ ординарецъ.

— Только одинъ Крыловъ... честная душа. Если-бы не его шуйскій полкъ, я-бы не выручалъ тѣхъ, что одинъ противъ ста отбиваются теперь на *моихъ* редутахъ... Одинъ противъ ста — львами!.. Сколько героевъ — и все это на смерть!..

Онъ выпрямился въ сѣдлѣ и снялъ шапку.

— Слышите?.. махнулъ онъ ею по направленію къ редутамъ.

Огонь разгорался тамъ съ такою бѣшеною силой, что, казалось, въ трескѣ ружейныхъ выстрѣловъ и въ ревѣ орудій, не смолкавшемъ ни на одно мгновеніе, рушились въ прахъ всѣ эти твердыни, ставшія на стражѣ Плевны... Силуэты редутовъ, еще недавно выдѣлявшихся на сѣромъ небѣ, окутало густыми тучами пороховаго дыма... Въ этихъ тучахъ умирали львы; въ этомъ дыму десятки таборовъ обрушивались на остатки героическихъ ротъ, извѣрившихся въ побѣдѣ и нежелавшихъ спасенія... Но грохотъ бойни, неистовые крики нападающихъ, отвѣтные вызовы защищавшихся — вотъ все, чѣмъ сказывалась битва... Глазъ не видѣлъ ничего... Казалось, само грозное божество смерти и истребленія задыхалось въ этомъ стихійномъ дыму приносимыхъ ему жертвъ...

— Слышите?.. Люди дрались и будутъ еще драться, но такихъ — не будетъ... Они лягутъ тамъ... Они дали слово и умрутъ... Слышите?.. Ихъ горсть, а вонъ какое

„ура"... Прямо въ лицо врагамъ... Окруженные со всѣхъ сторонъ. Раздавленные!.. Ну, что-жь!.. Они сдѣлали все... Невозможное оказалось возможнымъ... Больше нельзя... Господа!..

Голосъ его дрогнулъ — опять... Пауза... Всѣ притаили дыханіе...

— Господа, мы отступаемъ... Мы отдадимъ туркамъ взятое... Сегодня — день торжества для нашихъ враговъ. Но и намъ онъ славенъ... Не покраснѣютъ мои солдаты, когда имъ напомнятъ тридцатое августа... Господа, мы уходимъ... Шуйцы прикроютъ отступающихъ... Впередъ и скорѣе!..

Шпоры до крови разодрали бѣлую кожу великолѣпнаго коня, который стремглавъ бросился по неровной и влажной почвѣ... Вѣтеръ свисталъ мимо ушей вмѣстѣ съ пулями, уносившимися въ даль... Бѣшено мчались всадники, — точно отъ каждаго мгновенія зависѣла жизнь дорогихъ и милыхъ людей... Молоденькій ординарецъ сорвался съ коня и покатился внизъ, но ждать его было некому и некогда, и спустя минуту одинъ онъ опять догналъ генерала... У этого изъ-подъ закушенной губы проступила кровь, глаза безнадежно смотрѣли впередъ и — ничего не видѣли, фуражка осталась въ рукахъ и слипшіеся волосы космами легли на лобъ... Конь совсѣмъ обезумѣлъ подъ нетерпѣливымъ всадникомъ, мундштукъ рвалъ ротъ, и заалѣвшая пѣна разбрасывалась по сторонамъ отъ окровавленной морды... Штабный, спѣша за генераломъ, вѣжливо, почтительно кланялся каждой пролетавшей мимо пулѣ, причемъ, — если-бы окружающимъ былъ досугъ, — они, разумѣется, могли-бы оцѣнить, до какой степени удивительной гибкости и эластичности дошла шея этого доблестнаго и щеголеватаго офицера...

— Вонъ они, вонъ они! протянулъ руку генералъ.— Вонъ они — видите?..

Въ туманѣ пороховаго марева уже можно было различить неопредѣленную массу редута... Неопредѣленную потому, что вся она была заграмождена людьми... Извнѣ лѣзли озлобленные турецкіе таборы, на валахъ стояли— отбивавшіеся штыками — наши. Видно было смутно движеніе новыхъ массъ непріятеля, стягивавшихся сюда, но не надолго... Скоро новые клубы дыма совсѣмъ затянули эту зловѣщую картину упорнаго боя, и всадники опять только слышали, но не видѣли его...

— Идутъ-ли шуйцы?... обернулся генералъ...

— Они уже выдвинулись, готовы...

И снова бѣшенная скачка впередъ, и снова остервенѣвшій конь хочетъ точно перегнать самый вѣтеръ...

Въ редутѣ уже совершался послѣдній актъ этой кровавой трагедіи.

Отбивались штыками... Приподымаясь надъ бруствером, видѣли и впереди, и позади только массы враговъ... Онѣ-же густились и налѣво... Казалось, этотъ одинокій корабль-редутъ вотъ-вотъ пойдетъ ко дну, утонетъ съ жалкими остатками когда-то многочисленнаго и сильнаго экипажа... Склоны холмовъ кругомъ, лощины были наполнены турецкими таборами. Турки озлобленно лѣзли отовсюду... Побѣда была несомнѣнна... Умирающіе львы уже не думали объ оборонѣ... Они знали, что позиція уходитъ въ ненавистныя руки, и думали только о томъ, какъ-бы пасть съ честью, какъ-бы въ послѣднія минуты свои нанести удары посильнѣе, какъ-бы подороже продать свою уже обреченную жизнь... Въ одномъ изъ редутовъ турки уже ворвавшіеся, бѣшено дрались съ нашими солдатами, задавливая ихъ массой, умирая для того, чтобы на свѣжій трупъ

встала тотчасъ-же нога новаго бойца, за которымъ ждали очереди остальные. Подъ ливнемъ свинца гибли и свои, и чужіе... Сломавъ штыки, враги схватывались и, хрипя, душили одинъ другаго, перехватывали горла, выдавливали глаза, раздирали рты... Часто умирающій, сваливъ въ смертельномъ, послѣднемъ усиліи угасающей жизни своего врага, вгрызался въ его тѣло судорожно сжимавшимися зубами и только подъ тяжелымъ прикладомъ, разбивающимъ ему черепъ, освобождалъ остервенѣвшаго бойца... Парфеновъ во весь ростъ стоя у самаго вала, отбивался штыкомъ отъ нѣсколькихъ рослыхъ низамовъ, наступавшихъ отсюда. Курносый парень уже съ шрамомъ во все лицо, изодранный, безсознательно вправо и влѣво отмахивался прикладомъ, зажмуривъ глаза и не видя, кого онъ бьетъ, чьи головы, чьи шеи встрѣчаетъ его прикладъ... Горталовъ сумрачный и безмолвный, сложа руки, сидѣлъ пока посреди редута. Онъ былъ готовъ, онъ — этотъ капитанъ утопающаго корабля — онъ былъ готовъ къ смерти, но часъ его не пришелъ, и онъ спокойно ожидалъ послѣдняго напора роковыхъ волнъ. Въ живой массѣ солдатъ рвались гранаты... Соединительная траншея кое-гдѣ уже была захвачена турками и тамъ, въ узкомъ рвѣ этомъ, шелъ свирѣпый бой одинъ на одинъ... Враги схватывались и гибли, утучняя почву своею кровью... Схватывались въ тучѣ пороховаго дыма, — умирая, не могли различить надъ собою даже сѣраго просвѣта непривѣтливаго, совсѣмъ осенняго сегодня неба.

Ординарцы, посланные съ приказаніемъ отступать, не могли доѣхать до редутовъ, окруженныхъ таборами... Сигналы слышались, — но имъ не вѣрили эти мужественные, рѣшившіеся умереть люди... Изъ лѣваго редута, впрочемъ (Абдулъ-бей-табіе), кучка солдатъ дви-

нулась на встрѣчу своимъ, но всѣ на первыхъ порахъ врѣзавшись въ смежную гущу враговъ, погибли тамъ подъ штыками... Раненые, падая, уже не могли надѣяться на спасеніе... И здоровые не могли уйти, а этихъ и подавно уносить было некому. Да и дождаться турокъ не пришлось наиболѣе счастливымъ... Свои затоптали... Туда, куда направлялись наиболѣе сильные удары турокъ, — туда, гдѣ громче гремѣли ихъ торжествующіе крики, кидались кучки защитниковъ. Имъ некогда было разбирать кого они топчутъ — своего или чужаго. „Охъ, Господи! Спасите!.. Куда нибудь въ уголъ меня!.. Ой!.. Голубчики!.. Своего!..“ слышались хриплые, съ натугой вырывавшіеся изъ-подъ ногъ крики раненыхъ и умирающихъ, но они безслѣдно пропадали среди этого царства смерти, торжества ужаса... Не одна рука и нога были въ крови; сапоги солдатъ тоже покрылись ею. На землѣ, гдѣ не было мертвыхъ и раненыхъ, гдѣ не корчились умирающіе, тѣ-же стояли черныя лужи крови... Падали лицомъ въ нихъ, спотыкаясь, опускали руки въ эту кровь... Часто, потерявши отъ муки сознаніе, несчастный хваталъ за полу шинели, за ноги пробѣгавшихъ мимо, но тѣ, даже не оглядываясь, вырывались: помогать не было рукъ... Тѣ, которые еще уцѣлѣли, знали, что черезъ минуту и имъ придется также лечь на землю и въ острыхъ боляхъ мучительной смерти царапать землю судорожно сводившимися пальцами.

Харабовъ замѣтилъ налѣво свободную полосу ската. Тутъ турки разрѣдились, направляясь въ аттаку съ фронта и съ тыла.

— Не прикажете-ли увести солдатъ туда?.. обратился онъ къ Горталову...

— Что? спокойно поднялъ на него глаза, казалось задумавшійся о чемъ-то маіоръ.

Харабовъ повторилъ.

— Погодите... Нужно и знамена спасти... Онѣ во всякомъ случаѣ не должны достаться врагу... Что это... Откуда это выстрѣлы?..

На минуту было вспыхнула надежда...

Горталовъ всталъ...

— Неужели подкрѣпленія?... Можете вы разсмотрѣть что тамъ?..

— Нѣтъ... Впрочемъ, видно. Это Скобелевъ... Только съ нимъ не болѣе баталіона...

— А пушки, пушки оттуда слышите?..

— Слышу... Вотъ они открыли огонь опять... Одна баттарея... Я думаю, онъ хочетъ прикрыть отступленіе!.. Съ такими силами отбить турокъ нечего и думать...

Горталовъ зорко всмотрѣлся туда и потомъ, не говоря ни слова, сошелъ внизъ...

Надежды не было... Аттака турокъ опять пріостановилась, но надежды не было.

Моментъ котораго онъ ждалъ наступилъ...

Этимъ моментомъ нужно было воспользоваться во чтобы-то ни стало... Турки отхлынули, очистивъ тылъ... Теперь гарнизонъ редута можетъ выйти... Теперь удобно начать отступленіе... Въ послѣдній разъ онъ собралъ вокругъ себя своихъ солдатъ, зорко, внимательно сталъ всматриваться имъ въ лица... Въ эти дорогія, близкія лица... которыхъ онъ болѣе уже не увидитъ... Вотъ они передъ нимъ... Ждутъ его голоса... Смотрятъ прямо въ глаза ему... Вотъ и знамя колышется надъ ними...

— Братцы!.. Идите, пробейте себѣ путь штыками... Здѣсь защищаться нельзя... Штабсъ-капитанъ Абазеевъ, вы поведете ихъ... Благослови васъ Богъ, ребята!.. Прощайте!..

И, снявъ шапку, Горталовъ перекрестилъ солдатъ.

— Ну, съ Богомъ! громко, уже овладѣвъ собою, скомандовалъ онъ.

— А вы?.. И всѣ глаза обратились къ нему съ выраженіемъ тоски и боли.

— Я... Я остаюсь... Остаюсь съ этими, указалъ онъ на груды мертвыхъ... Скажите генералу, что я сдержалъ слово... Я не ушелъ изъ редута... Скажите, что я здѣсь... мертвый! Прощайте, ребята!..

Вотъ они направляются къ горжѣ... Вотъ они выходятъ... Вонъ эти сѣрыя фигуры, ихъ уже нѣтъ въ редутѣ... Сейчасъ корабль пойдетъ ко дну... Экипажъ сѣлъ въ лодки, отчалилъ. Одинъ капитанъ на палубѣ, онъ не уплыветъ съ ними... Онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ своимъ судномъ... Вѣтеръ сбиваетъ прочь мачты. Волна за волной разбиваетъ кузовъ, сейчасъ онъ разсядется... Сейчасъ!.. Ниже и ниже опускаются борта... Весь въ бѣлой пѣнѣ валъ уже поднялся надъ нимъ...

Вотъ они за брустверомъ... Въ послѣдній разъ Горталовъ посылаетъ имъ свое благословеніе:

„Спаси васъ Богъ!.. Спаси васъ Богъ!“...

И слезы на глазахъ... Онъ видитъ, какъ послѣдніе солдаты, оборачиваясь, крестятъ его... Онъ уже не можетъ сдержать рыданій... Раненые корчатся кругомъ... Они тоже остались здѣсь... Вотъ знамя мелькаетъ... Прощайте, братья, прощайте!.. Прощайте!.. Пора... Пора!.. Турки не должны увидѣть этихъ слезъ... Вонъ они уже бѣгутъ... Почуяли, что редутъ оставленъ... Торжествующій ревъ освирѣпѣлой толпы... Ревъ ему навстрѣчу... Стадо звѣриное мчится... Ураганъ несется... Пора!..

Спокойный и величавый, скрестивъ руки на груди, онъ медленно взошелъ на наружный край бруствера... Горта-

ловъ, онъ одинъ теперь на стражѣ редута... Одинъ, и никакого волненія уже не видать на лицѣ этого капитана, погибающаго съ своимъ кораблемъ... Сколько ихъ! Вотъ они у самыхъ ногъ... Штыки... Взбѣгаютъ на валъ...

Вспѣненные гребни высоко-высоко поднялись надъ палубой...

Буря осилила... Корабля уже не видать подъ ними...

Горталовъ бьется на штыкахъ... Послѣдній вздохъ къ небу... И разорванное на части тѣло героя безобразными кусками валяется на окровавленной землѣ...

Огонь разсыпанныхъ по гребню слѣдующаго пригорка шуйцевъ заставилъ отхлынуть турокъ...

* * *

Путь къ отступленію пока былъ открытъ... Штыкамъ еще не было дѣла. Густясь по сторонамъ, враги довольствовались тѣмъ, что растрѣливали солдатъ, выходившихъ изъ редута... Растрѣливаемые — тѣмъ не менѣе — шли, сохраняя строгій порядокъ. Разсыпаться не хотѣли... Локоть къ локтю, стройными рядами. Если-бы не кровь на рукахъ и на лицахъ, если-бы въ этой медленно движущейся массѣ не попадались раненые, которыхъ товарищи несли на скрещенныхъ ружьяхъ, и раненые, которые сами шли, прихрамывая и опираясь на штыки, — можно было-бы подумать, что эта свѣжая часть, совершенно спокойно идущая среди мирной обстановки обыкновеннаго похода... Даже равненіе хранили эти доблестные остатки героическихъ полковъ, выдержавшихъ тридцати-часовой безпощадный бой... Только озлоблено-сведенныя лица, глаза, горящіе воспаленнымъ блескомъ, выдавали волненіе этихъ послѣднихъ защитниковъ редута... Изорванныя знамена тихо

колыхались надъ молчаливыми рядами. Нѣсколько турецкихъ значковъ, съ золотыми полумѣсяцами шелестили тутъ-же, развертывая по вѣтру начертанное на ихъ полотнищахъ имя Аллаха... Казалось, эти послѣднiе свидѣтельствовали, что солдаты, уносившiе ихъ, потерпѣли пораженiе, которое тѣмъ не менѣе было выше всякой побѣды. Отступающiе уносили съ собою трофеи, они не только своего не оставили туркамъ; напротивъ, и ихняго имъ не отдали... Впрочемъ, нѣтъ — бросили то, чего нельзя было взять... Наше орудiе стояло въ редутѣ... Замокъ съ него былъ снятъ. Его тащило нѣсколько солдатъ...

— Эхъ, жаль!.. слышалось въ рядахъ: орудiю оставили!..

— Ничего... Что оно безъ замка!.. Нюжли на рукахъ тащить!.. Не утащишь. Пусть свиному уху достается... Ничего съ нимъ не подѣлаетъ...

— Наша пушечка гордо стоитъ, ишь она носъ-то какъ задрала!.. Что твой инералъ... Ее оттеда и на буйлахъ*) таперчи не увести, говорили солдаты...

Оглядываясь, они видѣли спокойно стоявшаго на валу Горталова... Они видѣли эту открытую голову, смѣло обращенную туда, откуда на него шла неизбѣжная смерть... Они видѣли, какъ вокругъ него разомъ выросла какая-то толпа... какъ этого, не защищавшагося человѣка, опустившаго свою саблю внизъ, спокойно скрестившаго руки, подняли на штыки... Они видѣли, какъ онъ бился на этихъ холодныхъ и острыхъ жалахъ... какъ его сбросили внизъ... Они видѣли, какъ вслѣдъ за этимъ послѣднимъ защитникомъ оставленнаго редута темныя волны турецкихъ таборовъ стали пере-

*) Буйла—буйволъ.

катываться черезъ валы, со всѣхъ сторонъ. Въ гвалтѣ ихъ торжества не пропали безслѣдно отчаянные крики нашихъ раненыхъ, попавшихъ въ руки этимъ побѣдителямъ. Отчаянные крики — крики, пронимавшіе до самаго сердца... Великодушные враги не хотѣли оставить умирающихъ — умирать спокойно... Вся ихъ ненависть, вся ихъ изобрѣтательность направились къ тому, чтобы придумать такія муки, какимъ нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ. Еще сумрачнѣе становились лица солдатъ, слышавшихъ вопли своихъ товарищей. Они слали варварамъ проклятья... Забывали боль собственныхъ ранъ... Нѣкоторые рыдали, и, казалось, что эти измученныя, сна не знавшія очи точили кровавыя слезы по почернѣвшимъ лицамъ... Порывались назадъ — хотѣли отбить своихъ, но что могли-бы сдѣлать жалкія сотни людей изъ растрѣлянныхъ полковъ съ десятками таборовъ, отовсюду наваливавшихъ на оставленные редуты... Что могли-бы сдѣлать эти перераненые, утомленные львы? — развѣ только одно: отдать и себя на жертву безчисленному стаду гіенъ, тѣшившихся страданіями, упивавшихся воплями мучениковъ, у которыхъ не хватало силы даже для того, чтобы заслонить глаза свои рукою отъ подлыхъ ятагановъ, заносившихся надъ ними... Они не могли повернуться, когда торжествующіе побѣдители раскладывали огонь на ихъ окровавленныхъ грудяхъ; они только и могли вопіять къ этому холодному, равнодушному небу, когда на ихъ тѣлахъ вырѣзывали кресты, когда медленно, съ наслажденіемъ регулярныя войска, присяжные солдаты Турціи, отрубали имъ по частямъ ноги и руки... И счастливы были тѣ, кто исходилъ кровью, кто умиралъ скоро...

Подъ жестокимъ, перекрестнымъ огнемъ стояли шуйцы, прикрывавшіе отступленіе нашихъ... Но они, все-

таки, были счастливѣе. Падая, знали, что до нихъ не дойдетъ врагъ; знали, что смерть ихъ не будетъ вызвана лютыми муками... Тутъ умирали сравнительно спокойно... Видя, какъ остатки еще вчера сильныхъ и здоровыхъ полковъ уходятъ изъ редутовъ, наши безмолвно стояли подъ непрекращавшимся ливнемъ свинца... Никому не могло и въ голову придти—схорониться за лощины... Скобелевъ зорко смотрѣлъ, на отступающихъ. Жадно считалъ онъ ихъ ряды издали... Казалось, въ немъ еще жила надежда, что потери будутъ не столь велики, что смѣшавшіеся въ одни ряды солдаты разныхъ полковъ еще выйдутъ оттуда, что это—не все... Но увы!.. Черныя массы нашихъ медленно двигались тамъ—и позади за ними не было уже здоровыхъ... Только раненые лежали на скатахъ—раненые и мертвые... Одни ползли за своими, еще находя силы въ порывахъ ужаса и отчаянія; другіе оставались неподвижными, перевернувшись лицомъ внизъ... Они, казалось, не хотѣли видѣть, что ждетъ ихъ, когда наши уйдутъ совсѣмъ...

— Какъ мало!.. Какъ мало!.. нервно срывалось у Скобелева...—Какой ужасный день!.. И какъ уходятъ эти... Посмотрите—ни суматохи, ни безпорядка. Вотъ люди!.. Пошлите сюда казака...

Весь, точно высохшій донецъ на отощавшемъ степнячкѣ трусцой подъѣхалъ къ генералу.

— Ты знаешь, гдѣ генералъ Крыловъ? Тебя я уже посылалъ? Сейчасъ поѣдешь опять...

Донецъ, два раза сломавшій путь туда и обратно, только вздохнулъ: „Доля казачья—служба собачья!“— подумалъ онъ про себя.

Нервно набросалъ Скобелевъ нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги...

„Изъ редутовъ выбитъ... Отступаю въ порядкѣ, прикрываясь вашимъ шуйскимъ полкомъ... Merci général!“...

— Отдать этотъ листокъ генералу... Слышишь?.. Да живо!..

Нагайка стала поглаживать втянутые бока утомленнаго коня, затрусившаго внизъ въ лощину по скату...

— Да... Если-бы Крыловъ исполнилъ въ точности приказъ и не послалъ-бы шуйцевъ, — никому не пришлось-бы выйти живымъ изъ этихъ редутовъ... Академическимъ стратегамъ не мѣшало-бы подумать объ этомъ... вырвалось у адъютанта...

Скобелевъ только нервно отбросилъ по сторонамъ баки и еще зорче сталъ смотрѣть на отступающихъ...

— Сколько потерь, сколько потерь!..

— Шуйцамъ тоже солоно пришлось... Къ намъ ихъ прислали послѣ боя... У нихъ не осталось и половины, а теперь и остальные лягутъ!..

— Ужасный день!.. И къ чему было держаться! чего ждать..

Все, что окружало здѣсь начальника отряда, точно ослабло и понурилось... Мысль не работала, ощущенія точно притупились... Кругомъ валились мертвые, падали раненые — никому и въ голову не приходило отъѣхать назадъ... Развѣ не все равно?.. Казалось, для того, чтобы отойти, нужно было больше мужества и энергіи, больше усилій, чѣмъ для того, чтобы оставаться здѣсь, не трогаясь съ мѣста, словно окостенѣвъ на немъ.

* * *

Спитъ Гривица, спитъ Тученица, спитъ Радишево... Вотъ и турецкій редутъ, занятый нами — единственный трофей двухъ дней упорнаго боя... Тамъ костры; за ко-

страми сидятъ свѣжіе румынскіе доробанцы; да и тѣ молча глядятъ въ огонь, потому что кругомъ труповъ навалены горы; кровь вездѣ и подъ ногами, и на валахъ; острый запахъ ея бьетъ въ носъ... Сучья костра, попадая въ эти черныя лужи, шипятъ и тухнутъ, обвиваясь противнымъ, кислымъ паромъ... Только на аванпостахъ бодрятся еще часовые... Выдвинулись впередъ... зорко глядятъ, не покажется-ли гдѣ врагъ. Прислушиваются, не долетитъ-ли что оттуда... Но нѣтъ... Ночь точно мертвая, и только одно воронье оглашаетъ ее своими радостными побѣдными криками... Впрочемъ, нѣтъ... Чудится-ли это возбужденному мозгу?.. Въ болѣзненно-разстроенномъ слухѣ рождаются-ли эти звуки?.. Ловитъ ихъ часовой и скоро догадывается въ чемъ дѣло... Да и какъ не догадаться? столько ужаса въ отголоскахъ этихъ, столько муки въ замирающихъ вопляхъ... Холодный потъ выступаетъ на лбу; сердце точно смолкаетъ и медленнѣе бьется; ноги подкашиваются... Это оставшіеся тамъ, позади... Это тѣ, что валяются теперь, какъ падаль, между нашими и турецкими позиціями... Это подаетъ голосъ живой кормъ для воронья... Онъ чуетъ свою участь и, не находя силы двинуться, оглашаетъ поле недавней бойни мольбами и стонами...

Но горе побѣжденнымъ!.. Горе!.. „Нѣтъ имъ пощады!“ слышится въ торжествующихъ крикахъ хищниковъ, въ довольномъ клекотѣ тѣхъ, которые уже долетѣли до боевыхъ полей и опустились на свои жертвы...

И еще сумрачнѣе, еще печальнѣе, кажется молчаніе на нашихъ позиціяхъ...

На скатѣ, за кряжемъ Зеленыхъ горъ — костеръ... Онъ уже потухъ; красные угли изъ-подъ золы только мигаютъ порою, какъ умирающій изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ... Молча, глядя въ огонь, сидитъ Скобелевъ... Ему

не спится... Припоминается весь этотъ день... Вся эта бойня. Въ военномъ энтузіастѣ шевелится проклятіе войнѣ... Отчего онъ не убитъ?.. Зачѣмъ онъ остался жить, похоронивъ свои лучшіе полки, и горькое сознаніе ненужности безплодно принесенныхъ жертвъ шевелится въ душѣ, и холодно ему становится, когда вспоминаетъ онъ, какихъ именно людей онъ потерялъ сегодня... Какъ они дрались подъ Ловчей!.. Съ какой вѣрой въ него сегодня шли на смерть... Пошли и не вернутся болѣе... „Не было-ли ошибки въ его разсчетахъ?" шевелилось въ душѣ острое жало сомнѣнія... Не онъ-ли виноватъ въ ихъ страданіяхъ? не онъ-ли виноватъ въ ихъ смерти?.. И опять онъ провѣряетъ мигъ за мигомъ всѣ эти тридцать часовъ безостановочнаго боя, и опять шевелится въ душѣ горькое проклятіе бездарности, сдѣлавшей жертвы безплодными, отнявшей у сегодняшняго дня тотъ именно вѣнецъ побѣды, который одинъ могъ-бы сдѣлать весь этотъ бой не столь отвратительнымъ, заставилъ-бы забыть его ужасъ!.. Да гдѣ они, гдѣ эти еще вчера веселые, здоровые и бодрые люди? Гдѣ генералъ Тебякинъ? Гдѣ Добровольскій. Убитъ... Гдѣ смѣлый командиръ тринадцатаго стрѣлковаго батальона Салингре? Убитъ. Гдѣ Горталовъ? Умеръ на штыкахъ... Тысячи убиты и ранены... Зачѣмъ? Кому нужна была ихъ смерть?.. И онъ все больше и больше кутался въ солдатскую шинель, точно ему холодно становилось отъ этихъ воспоминаній именно теперь, наединѣ съ этою ночью, съ ея робкими, печальными, кроткими звѣздами, будто укорявшими его съ высоты темнаго, равнодушнаго ко всему, и къ побѣдѣ, и къ пораженію, неба... Подымался-ли въ этомъ желѣзномъ человѣкѣ обличающій голосъ: „какому дѣлу ты служишь?". Становились-ли и ему понятны и близки томленія Каина?.. Онъ закрывалъ

глаза, стараясь не видѣть даже лицъ спящихъ... Но такъ еще слышнѣе звучалъ въ его душѣ голосъ невидимаго обличителя. Точно въ его грудь проникла холодная мертвая рука и безпощадно сжимала живое сердце... „Ты никогда не забудешь этого дня... Никогда!.. Погаснутъ громы войны, и всякій разъ, когда ты будешь оставаться одинъ на одинъ, я буду приходить къ тебѣ, я буду тебѣ напоминать о томъ, что случилось сегодня...“ И онъ самъ чувствовалъ, что эти поля никогда не изгладятся изъ его воспоминаній... Самъ чувствовалъ, что въ самыя счастливыя минуты торжества, эти кроткія, робкія звѣзды будутъ смотрѣть на него съ такимъ-же печальнымъ укоромъ, эта холодная мертвая рука также будетъ сжимать его живое, горячею кровью обливающееся сердце.

Шелъ мимо раненый... Холодно ему казалось... Мигнулъ и на него умирающій огонекъ костра... Мигнулъ и замеръ. Побрелъ на него раненый солдатъ... Видитъ начальство какое-то... Чтожъ ему! Послѣ такого боя развѣ оно страшно?

— Разступись, братцы, дай отогрѣться!.. И думать не хочетъ, какое тутъ офицерство собралось... Привалился къ огню, разгребъ его... Что ему, можетъ быть умретъ сейчасъ. Упало все внутри—тоска!

— И огня-то мало! угрюмо звучитъ его голосъ... Не умѣли разложить... Эхъ!.. Доля ты, доля солдатская!..

Смотритъ на него генералъ... Краснымъ шрамомъ исполосованъ лобъ... Плечо въ крови... На ногѣ кровь.

— Гдѣ раненъ? тихо спрашиваетъ... Въ редутѣ?

— Раненъ?.. Тебѣ не все равно, гдѣ?.. Не въ резервахъ-же... И не въ домекъ ему, что генералъ свой—не различаетъ воспаленный взглядъ...

Молча смотритъ генералъ въ красные угли точно

проснувшагося костра... Онъ и не слышалъ отвѣта солдата, такъ, машинально спросилъ.

— Раненъ!.. Всѣ ранены... Не сочтешь!.. угрюмо говоритъ солдатъ, разгребая ихъ... Понавалено... Тыщи—лежатъ.

„Да, не сочтешь!.. Ты ихъ велъ на смерть... Гдѣ они?.. Зачѣмъ, за что... Что имъ за дѣло, имъ расплатившимся за тебя, до идей, которымъ ты служишь... Необходимыя жертвы!.. Да кому-же они необходимы... Тебѣ... Такимъ какъ ты... Солдату необходимы?..“

И опять таже холодная мертвая рука!..

Забылся было, къ костру привалился... Что это... Кто-то шинель съ него тянетъ...

— Что?.. машинально отзывается генералъ...

— Ты здоровъ... Мнѣ надо... еще угрюмѣе отзывается солдатъ, снимаетъ шинель съ него, завертывается и идетъ далѣе...

Генералъ слѣдитъ за фигурою раненаго, все больше и больше сливающеюся съ темнотой и опять молча продолжаетъ вглядываться въ красные угли, вновь покрывающіеся сѣрымъ наметомъ золы... Умирающій огонекъ слабѣе и слабѣе вздрагиваетъ подъ нею, точно ему холодно, точно онъ также спѣшитъ завернуться въ эту золу...

И опять безотвязныя думы... Ахъ, какъ кричитъ это воронье... Ноетъ внутри, въ душѣ еще громче грозится ему кто-то... безотвязно!..

Далеко-далеко, откуда-то слышится музыка... Что это кому вздумалось праздновать? Должно быть—ужинаютъ тамъ веселые люди... Странное дѣло, какъ эти мотивы подстать къ крикамъ вороньихъ стай... Что-то жадное и въ первыхъ, что-то неумолимо насмѣшливое... Звонъ

бокаловъ въ нихъ чудится, довольный, веселый говоръ... Вездѣ воронье!..

А огонекъ уже совсѣмъ завернулся въ сѣрую золу и заснулъ... Ахъ, если-бы и *ему*, съ его безотвязными думами, можно было заснуть... Если-бы и его оставила эта холодная, мертвая рука... Не щемила-бы сердца... Помолчи хоть на минуту, укоряющій голосъ!.. Закройте свои кроткія печальныя очи, небесныя звѣзды... О тучи, тучи!—гдѣ вы? Зачѣмъ теперь открыли вы этихъ безмолвныхъ свидѣтелей!..

XV.

После третьей Плевны, я встрѣтилъ Скобелева въ Букарештѣ.

Онъ отправился туда отдохнуть, собраться съ силами, привести въ порядокъ разбитые нервы... Впрочемъ, этотъ отдыхъ былъ — очень своеобразенъ. Онъ и тутъ не переставалъ работать и учиться. Румыны, видѣвшія его въ ресторанѣ Брофта и у Гюга за стаканомъ вина, въ шумномъ кружкѣ молодежи, скоро очень полюбили Скобелева, румынки еще больше. Отъ этихъ — не было отбоя. То и дѣло, онъ получалъ записки отъ той или другой бухарештской львицы, съ назначеніемъ встрѣчъ тамъ или здѣсь, но записки эти сжигались безъ всякихъ дальнѣйшихъ результатовъ... Ему иногда положительно приходилось запираться отъ этихъ дамъ. Хотя онъ вовсе не

былъ цѣломудреннымъ Іосифомъ... „Это какая-то Капуя!“ повторялъ онъ.

— Нужно бѣжать отъ порядочныхъ женщинъ! говорилъ Скобелевъ... Именно отъ *порядочныхъ*.

— Вотъ-те и на!

— Военному непремѣнно. Иначе — привяжешься, а двумъ богамъ — нѣтъ мѣста въ сердце... Война и семья— понятія несовмѣстныя!

Я не могу забыть, весьма комическаго недоразумѣнія случившагося тогда же. Какая-то валашка изъ Крайовы, весьма молодая, красивая и еще болѣе эксцентричная особа, наслушавшись разныхъ чудесъ о Скобелевѣ и узнавъ, что онъ въ Букарештѣ, разлетѣлась туда... Скобелевъ получаетъ отъ нее восторженное письмо, въ которомъ его поклонница сообщаетъ, что завтра она сама явиться къ нему лично выразить свое удивленіе... Посланіе — сожгли, а объ ней — забыли. На другой день Скобелевъ сидитъ у себя съ старымъ и дряхлымъ генераломъ С***. Это послѣдній — уже надоѣлъ ему безконечными разсказами о всевозможныхъ компаніяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, начиная чуть не со временъ очаковскихъ и покоренія Крыма и кончая Севастополемъ. Вдругъ входитъ къ Скобелеву лакей.

— Васъ спрашиваетъ дама...

— Какая.

— Она передала свою карточку...

На карточкѣ фамилія той-же, которая вчера прислала письмо. Генералъ поморщился. Слишкомъ уже однообразно и скучно выходило это, но тутъ-же ему пришла блистательная мысль, однимъ ударомъ избавиться и отъ стараго генерала и отъ румунской красавицы. Онъ зная слабость перваго къ хорошенькимъ личикамъ, обращается къ нему...

— Ваше-ство, выручите меня!

— Въ чемъ.

— Да, вотъ, ко мнѣ обратилась одна женщина... Мнѣ—нѣкогда... Совсѣмъ нѣкогда... Выйдите къ ней вы... Она меня никогда не видала... Скажите ей что нибудь, ну, хоть скажите, что вы Скобелевъ... Или просто извинитесь за меня.

С*** улыбается... Ему нравиться эта мысль... Я ужь лучше скажу что я — вы?.. А?

Онъ выходитъ къ румункѣ, а Скобелевъ въ это время запирается и садится за работу.

Генералъ, явившійся Скобелевымъ, потомъ разсказывалъ свои впечатлѣнія.

— Помилуйте, дура какая-то... Набитая!.. Я вѣдь не такихъ какъ она въ Венгріи видывалъ... Въ 48-мъ. Что она думаетъ себѣ, на диво мнѣ все это?.. Мнѣ только захотѣть... У меня въ Сегединѣ такая была!..

— Что-же, эта-то сдѣлала?

— Посмотрѣла на меня, да какъ расхохочется... Съ тѣмъ и ушла!.. Болтаетъ что-то по своему, сорока!..

Румунка, встрѣтила на другой день генерала Черкесъ — командовавшаго калафатскими каларашами.

— У русскихъ, понятіе о молодости очень оригинальное.

— А что.

— Помилуйте... Скобелевъ по ихнему — молодой генералъ... Я его видѣла — просто старая обезьяна, да и къ тому-же еще, съ облезшею шерстью... Хороша молодость... Что-же у нихъ называется старостью.

Не смотря на эти комическія эпизоды — Скобелевъ былъ точно раздавленъ впечатлѣніемъ 30-го августа.

— Оно все время стоитъ передо мною... Не могу забыть... Кажется пьешь, пьешь — захмѣлѣешь даже... А

тутъ опять выростетъ въ глазахъ этотъ брустверъ, сложенный изъ труповъ... Горталовъ поднятый на штыки... Ужасно!..

— Я вѣдь, знаете, совсѣмъ не сантименталенъ... Я сознавалъ необходимость и возможность 30-го августа... А все-таки! Вѣдь и вина не моя—а спать не могу... Такъ все и чудится передо мною картина отступленія отъ редутовъ... Крики въ ушахъ эти...

Онъ пожелтѣлъ въ это время, похудѣлъ...

— Нѣтъ тутъ плохой отдыхъ.

— Почему.

— На дѣлѣ скорѣй забудется... А тутъ всѣ впечатлѣнія этого проклятаго дня донимаютъ...

Въ Букарештъ пріѣхалъ Тотлебенъ. По пути за Дунай, онъ останавливался тутъ на нѣсколько дней... На первыхъ порахъ онъ сошелся очень коротко со Скобелевымъ. Они даже казались неразлучны. Вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ ужинали. У обоихъ было одно общее—отвага и привычка къ боевой жизни. Оба одинаково недовѣрчиво относились къ штатскимъ генераламъ, и тѣмъ героямъ мирнаго режима, которые нося военный мундиръ, явились на боевыя нивы съ невинностью младенцевъ и кротостью голубей. Къ сожалѣнію двѣ эти боевыхъ силы—Тотлебенъ и Скобелевъ, не долго шли рядомъ. Слишкомъ не схожи были ихъ натуры, слишкомъ разны взгляды на войну, на солдата... Одинъ—весь осторожность, даже медлительность, спокойствіе, заранѣе обдуманный планъ. Другой—орелъ, жадно накидывающійся на врага, находчивый, геніальный, даже способный въ самомъ бою—создать новую диспозицію, нервный, алчущій сильныхъ впечатлѣній... Любимцемъ войскъ, разумѣется, былъ второй, хотя роль перваго подъ Плевной, была несомнѣнно полезнѣе... Потомъ подъ Геокъ-Тепе—

и Скобелевъ сталъ инымъ. Съ годами пришла разсудительность, поэтъ войны сталъ и ея математикомъ... Въ концѣ концовъ—онъ показалъ себя только въ послѣднее время и настоящаго Скобелева — мы бы увидѣли потомъ въ первую большую войну... До 1880 года — онъ только развивался, складывался, росъ... Всѣ блестящія его качества до этого времени, были лишь вспышками генія, отдѣльными лучами этой военной звѣзды, столь яркой, столь быстро взошедшей, чтобы тотчасъ-же потухнуть.

Нужно было видѣть, какъ въ Букарештѣ его встрѣчали раненые 30-го августа, чтобы понять, до какой степени солдатъ вѣрно умѣетъ цѣнить своихъ друзей и враговъ... Впрочемъ и не одинъ солдатъ. У „Брофта“ за обѣдомъ, какой-то изъ штабныхъ героевъ съ громадными протекціями и потому блестящею карьерой, вздумалъ было заговорить о молодомъ генералѣ въ томъ пошловатомъ тонѣ, который почему-то считается у насъ признакомъ самостоятельности мнѣній и даже принадлежностью хорошаго общества... Говорилъ, говорилъ да и разоврался... Безъ удержу!..

Вдругъ передъ нимъ выростаетъ армейскій офицеръ съ подвязанной рукой...

— Молчать!.. Гниль!.. Когда вы надѣваете на себя кресты, принадлежащіе намъ, когда вы снимаете пѣнки со всего кругомъ, когда вы пользуетесь всѣми выгодами дѣла—гдѣ мы знаемъ только одни тяжкія обязанности, мы представляемъ вамъ полную свободу дѣйствій. Мы не завидуемъ вашимъ лаврамъ... Но Скобелева—не трогать!.. Слышите-ли—не трогать!..

Тотъ растерялся, сконфузился и извинился...

— Помилуйте, это фанатизмъ какой-то... Они не позволяютъ говорить...

Увы!.. Несчастный не понялъ, что ему не позволяли только клеветать!..

— У кого больше перебили солдатъ, какъ не у Скобелева... заявлялъ другой. Это было еще до замороженія 24-й дивизіи на Шибкѣ, до Горнаго Дубняка, до перехода гвардіи черезъ Балканы.

— Да, но вѣдь никому другому и такихъ задачъ не полагалось, трудно исполнимыхъ и стоющихъ столькихъ жертвъ...

Любовь солдатъ къ нему была безпримѣрна.

Разъ шелъ транспортъ раненыхъ. На встрѣчу — ѣхалъ Скобелевъ съ однимъ ординарцемъ. Желая пропустить телѣги съ искалеченными и умирающими солдатами, онъ остановился на краю дороги...

— Скобелевъ... Скобелевъ! послышалось между ранеными.

И вдругъ изъ одной телѣги, куда они какъ телята свалены были, гдѣ они бились въ нечеловѣческихъ мукахъ, вспыхнуло „ура"... Перекинулось въ другіе... И какое ура это было. Кричали его простреленные груди, губы сведенные предсмертными судорогами, покрытыя запекшеюся кровью!..

Послѣ одной изъ рекогносцировокъ едва-едва идетъ солдатъ раненый въ голову и грудь. Пуля прошла у него подъ кожей черепа. Другая засѣла ниже лѣваго плеча. Увидѣвъ генерала — раненый выпрямляется и дѣлаетъ „на плечо" и на „краулъ!" Совершенно своеобразное выраженіе солдатскаго энтузіазма.

Офицера, смертельно раненаго приносятъ на перевязочный пунктъ.

Докторъ осматриваетъ его — ничего не подѣлаешь... Конецъ долженъ наступить скоро.

— Послушайте, обращается несчастный къ врачу... Сколько времени мнѣ жить.

— Пустяшная рана, началъ было тотъ, по обыкновенію.

— Ну... довольно... Я не мальчикъ, меня утѣшать нечего. Самъ понимаю... Я одинъ — жалѣть некому... Скажите правду, сколько часовъ проживу я?

— Часа два, три... Не нужно-ли вамъ чего.

— Нужно.

— Я съ удовольствіемъ исполню...

— Скобелевъ далеко...

— Шагахъ въ двухстахъ...

— Скажите ему, что умирающій хочетъ его видѣть...

Генералъ далъ шпоры коню, подъѣхалъ. Сошелъ съ сѣдла... Въ глазахъ у раненаго уже затуманилось...

— Какъ застилаетъ... Генералъ гдѣ?.. Не вижу.

— Я здѣсь... Чего вы хотите.

— Въ послѣдній разъ... Пожмите мнѣ руку, генералъ... Вотъ такъ... Спасибо!..

Подъ Плевной—умирающій офицеръ приподымается...

— Ну, что наши...

— Отступаютъ...

— Не осилѣли?

— Да... Турковъ тьма тьмущая со всѣхъ сторонъ...

— А Скобелевъ, цѣлъ?

— Живъ...

— Слава Богу... Не все еще потеряно... Дай ему...

Опрокинулся и умеръ съ этою молитвой на губахъ за своего вождя...

Въ бою подъ Плевной, когда генералъ уже въ пятый разъ бросился впередъ въ огонь, его обступили солдаты.

— Ваше-ство...

— Чего вамъ, молодцы.

— Невозможно на конѣ... Всѣ съ коней посходили...

— Ладно...

И пробирается впередъ верхомъ. Турки цѣлятъ въ близкаго къ нимъ всадника. Цѣлый рой свинцовыхъ шмелей летаетъ у его головы.

— Чего на него смотрѣть, глухо заговорили солдаты...

— Эй, ребята... Ссади-ко генерала съ коня... Этакъ и убьютъ его.

Не успѣлъ Скобелевъ и опомниться, какъ его сняли съ сѣдла...

— Виноваты, ваше-ство!.. Иначе никакъ не возможно... оправдывались они.

Потомъ въ траншеяхъ: Станетъ Скобелевъ на банкетъ бруствера... А турецкіе позиціи шагахъ въ трехстахъ. Начинается огонь по немъ...

Солдаты смотрятъ, смотрятъ.

— Этакъ не ладно будетъ.

И становятся рядомъ съ генераломъ... Туда-же... Тотъ, чтобы не подвергать ихъ напрасной смерти — сходитъ и самъ внизъ...

Раненому въ обѣ ноги нужно было отрѣзать ихъ; одну выше колѣна, другую ниже. Ампутируемый рѣшительно отказался отъ хлороформа, потребовалъ трубку; докторъ далъ ему громадную. Страдальцу отрѣзали одну ногу — онъ и не простоналъ. Начинаютъ рѣзать другую. Солдатъ только затягивается табакомъ. Были при этомъ и сестры милосердія. Молоденькая не выдержала, ужь слишкомъ подѣйствовало на нервы. Начинаетъ рыдать: ее останавливаютъ.

— Вѣдь это на раненаго скверно подѣйствуетъ... Молчите.

— Не замай! солдатъ вынимаетъ трубку изо рта,— извѣстно, ее бабье дѣло — пущай голоситъ!..

До того это было неожиданно, что всѣ, не смотря на тяжелую обстановку всего окружающаго, улыбнулись.

— Отчего это ты отказался отъ хлороформа... Вѣдь легче было-бы.

— Намъ нельзя этого.

— Почему-же... Вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ...

— То всѣ... А мы на особомъ положенiи, мы скобелевскiе!

Разъ отрядъ снимался съ караула, чтобы идти въ рекогносцировку, донецъ останавливается и раскрываетъ подушку своего сѣдла. (У донцовъ въ этихъ подушкахъ все ихъ боевое имущество).

— Чего ты?.. недоумѣваетъ сотникъ.

— Да вотъ, новый мундиръ выну, все лучше умереть въ новомъ-то.

— Зачѣмъ новое-то портить.

— Да какже, ваш-сбродiе... Вонъ генералъ говоритъ. Каждый въ бой, какъ къ причастiю долженъ идти... И самъ онъ всегда въ новое одѣвается... Невозможно.

Въ скобелевскомъ отрядѣ — заботились не только быть храбрыми, но и красивыми въ бою. „Надо вездѣ и показомъ брать!“ говаривалъ онъ. На показную сторону даже солдаты обращали вниманiе. Тотъ-же самый донецъ, одѣвавшiйся во все новое передъ боемъ, не успѣлъ еще договорить своего отвѣта сотнику, какъ вдругъ ему — шальная пуля въ животъ. Раны такого рода смертельны и мучительны. Везутъ на перевязочный пунктъ. Въ это время главнокомандующiй объѣзжаетъ позицiи.

— Ваше высокоблагородіе! обращается онъ къ офицеру, тоже раненому.

— Чего тебѣ?

— Чего-бы мнѣ отвѣтить получше великому князю, когда онъ спроситъ меня? заботится раненый...

За своихъ — Скобелевъ всегда стоялъ горой... Ихъ участь положительно была больна ему. Эта армейская молодежь, беззавѣтно вѣрующая въ дѣло, беззавѣтно смѣлая, стала для генерала — семьей, даже ближе семьи, если хотите.

— Я ихъ не брошу и не оставлю никогда, говорилъ онъ...

— Они всѣ на моей душѣ теперь... Такъ работать, какъ они — почти невозможно.

— Ну, имъ и отличій больше!.. замѣчали другіе при этомъ... Будетъ съ чѣмъ домой вернуться.

— Ну, чтожь. Кто изъ нихъ и останется цѣлымъ, вернется домой, что толку? Какая у нихъ будущность. Папенекъ, маменекъ, титулованныхъ родственниковъ — нѣтъ. Самые счастливые выйдутъ изъ службы съ пансіономъ въ 350 рублей или попадутъ въ становые пристава... А вѣдь какая это честная и даровитая молодежь.

И дѣйствительно, близь Скобелева и типы вырабатывались совсѣмъ особые.

Вотъ напримѣръ, хорошо образованный солдатъ. Онъ не хочетъ держать офицерскаго экзамена. Почему-бы, думали вы?

— Развѣ позорно быть солдатомъ? По моему — это великая честь, я и остаюсь имъ.

Штабъ, канцелярія скобелевской дивизіи — въ ста шагахъ отъ непріятеля, дни и ночи жили въ тран-

шеяхъ. Писаря подъ огнемъ!.. Я уже въ „Годѣ войны“ разсказывалъ много объ этомъ, теперь по неволѣ приходится повторять многія изъ этихъ эпизодовъ.

Вотъ напримѣръ, вольноопредѣляющійся рядовой Иванченко. До войны за годъ онъ былъ воспитанникомъ классической гимназіи въ Москвѣ. Ему только что наступило 15 лѣтъ, когда увлеченный сербскимъ дѣломъ и зная, что его такъ не отпустятъ, онъ бѣжалъ отъ грековъ и латинянъ, безъ паспорта пробрался черезъ австрійскую границу, для того, чтобъ въ Лембергѣ узнать объ окончаніи войны. Что ему было дѣлать? Назадъ возврата нѣтъ, да и семья приметъ крайне не ласково. Мальчикъ еще, — онъ принимается за сельскія работы, поступаетъ къ какому-то русину и въ потѣ лица зарабатываетъ хлѣбъ свой. Потомъ онъ попадаетъ въ Румынію къ нашимъ старообрядцамъ. Они его дѣлаютъ у себя учителемъ русскаго языка. Даютъ ему избу, кормятъ, дѣло идетъ такъ хорошо, что у Иванченки оказывается уже тѣлежка и лошадь. Въ это время начинается война съ турками. Иванченко продаетъ все, продаетъ телѣгу, лошадь и опредѣляется добровольцемъ-солдатомъ въ румынскую армію. Вмѣстѣ съ румынами онъ участвуетъ въ гривицкихъ дѣлахъ, ходитъ въ секреты, наконецъ, тамъ ему становится не въ терпежъ. Румынскіе офицеры такъ грубы съ своими солдатами, что наши армейцы — идеалъ вѣжливости сравнительно съ ними. Притомъ-же Иванченкѣ, какъ добровольцу, отпускается не пища, а по франку въ день, и притомъ отпускается на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Не умирать-же съ голоду. Явился въ 16-ю дивизію къ Скобелеву.

— Я ѣсть хочу! обращается онъ къ генералу. Возьмите меня къ себѣ въ дивизію.

— Ну, вотъ что, я вамъ дамъ денегъ, отправляйтесь къ роднымъ домой.

— Значитъ, тогда прощайте.

— А что.

— Потому что я драться хочу, болѣе чѣмъ ѣсть... Останусь въ такомъ случаѣ съ румынами.

— Что-же мнѣ дѣлать съ вами.

— Возьмите къ себѣ.

— Да какже взять-то. Вѣдь вы числитесь въ румынскихъ войскахъ.

— Вашему-ству, стоитъ только захотѣть.

Тотъ его и опредѣлилъ въ Углицкій полкъ. Съ полкомъ мальчикъ неразлученъ и въ траншеяхъ, и на турокъ ходитъ, и съ солдатами, недавній классикъ чувствуетъ себя какъ нельзя лучше... Его очень любили и берегли. Встрѣчается опять со Скобелевымъ.

— Ну, послушайте, маленькій... Я васъ хочу домой отправить. Къ роднымъ.

— Они меня не примутъ.

— Я вамъ дамъ средство, кончить курсъ. Назначу вамъ стипендію.

— А я сбѣгу все-таки и опять сюда... Вѣдь изъ классической гимназіи Скобелевымъ не выйдешь.

Такъ его Скобелевъ и оставилъ въ походѣ...

Ѣду я разъ со Скобелевымъ по Брестовцу — на встрѣчу офицеръ. Истомленный, усталый...

— Ваше-ство... Посланъ къ вамъ.

— Обѣдали?..

— Нѣтъ... Посланъ къ вамъ...

— Ну, ѣдемъ обѣдать, сначала...

— Помилуйте, я весь оборванъ?..

— У меня дамъ не будетъ.

Послѣ третьей Плевны идетъ Скобелевъ по Бука-

решту. Поровнялся съ офицеромъ... Худой, въ пыли весь, все старо на немъ, отрепано...

— Какого полка.

Тотъ сказалъ.

— Что-же вы здѣсь дѣлаете?..

— Обѣдать пріѣхалъ... Наголодались мы на позиціи-то...

— Гдѣ-же вы обѣдать будете?

— Да... не знаю... Совался я... Дорого, помилуйте... Невозможно даже... Да и какъ войдешь-то... въ хорошій ресторанъ стыдно и показаться...

— Вотъ еще. Чего-же это стыдиться? Трудовъ да боевыхъ лишеній?.. Пойдемъ со мною.

Беретъ того подъ руку, ведетъ къ Брофту, угощаетъ... Рекомендуетъ знакомымъ.

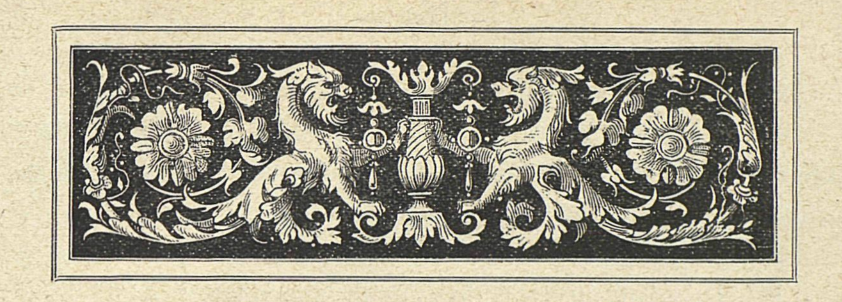
Сытый и довольный выходитъ офицеръ... Пріймдя домой, въ жалкій отелишко, гдѣ остановился — застаетъ пакетъ отъ Скобелева.

„Обѣдая, вы позабыли около своей тарелки восемь полуимперіаловъ... Денегъ терять не слѣдуетъ. Посылаю ихъ къ вамъ!..“ М. Скобелевъ.

Понятно — какое впечатлѣніе все это производило на молодежь.

Очевидно, что за любовь и Скобелевъ отвѣчалъ заботливостью. Кстати одинъ характерный фактъ: Въ скобелевскихъ траншеяхъ, когда генералъ проходилъ мимо, солдатамъ было приказано не вставать. Это возмутило Скалозубовъ. Скобелевъ-же объяснилъ просто:

— Солдату отдыхъ нуженъ. Коли онъ будетъ вскакивать; такъ или генералъ не показывайся на позицію, не живи съ ними, или солдатъ вѣчно будетъ въ устали...

XVI.

Въ октябрѣ 1877 года побывавъ на лѣвомъ фланіѣ нашей Дунайской арміи и объѣхавъ затѣмъ позиціи Гурко вокругъ Плевно, я встрѣтилъ въ главной квартирѣ М. Д. Скобелева. Штабъ его былъ расположенъ въ Брестовцѣ.

— Вы меня совсѣмъ позабыли.... А Макъ-Гаханъ пріѣхалъ уже въ Брестовецъ...

— И я буду на дняхъ.

— Отлично... Я вотъ къ „генералу“ пріѣхалъ, указалъ онъ на отца...

Я сообразилъ что отношенія между ними колеблются, требованіемъ денегъ съ одной и скупостью съ другой стороны.

— Пріѣхалъ и жалѣю... Его Превосходительство сегодня не въ духѣ...

— Ладно...

— А вы-бы къ старшимъ, генералъ, относились по-почтительнѣе... Вы знаете, что воинская дисциплина не допускаетъ неумѣстныхъ замѣчаній...

И оба расхохотались.

Въ Брестовецъ я выѣхалъ на другой-же день...

— Гдѣ генералъ? спрашиваю я на улицахъ этого села, сплошь осыпавшихся гранатами съ ближайшихъ турецкихъ позицій... Иной разъ нельзя было выйти изъ болгарской землянки, чтобы у самыхъ ногъ не шлепнулась пуля или не просвисталъ мимо ушей осколокъ разорвавшагося гдѣ-то артиллерійскаго снаряда.

— Гдѣ генералъ?

— А вишь перестрѣлка съ лѣваго хлангу идетъ!.. замѣтилъ солдатъ.

— Ну?

— Значитъ это онъ объѣзжаетъ позицію.

Я поѣхалъ на огонь. Наши громили Крышино, изъ ближайшихъ турецкихъ траншей, дѣйствительно, били по Скобелеву... Били залпами. Указаніе довольно ясное, гдѣ искать Михаила Дмитріевича. Дѣйствительно, смотрю и оказывается, что съ лѣваго фланга нашего на бѣлой лошади своей несется Скобелевъ, осматривая позиціи. Мчится онъ не за цѣпью, а передъ ней, не обращая вниманія на градъ осыпающихъ его пуль... Издали уже я вижу фигуру генерала... Вотъ онъ остановился какъ вкопанный шаговъ за двѣсти отъ ложемента турокъ. Лошадь не шевельнетъ ушами. Самъ онъ высматриваетъ турецкую позицію — а выстрѣлы неистово такъ и гремятъ оттуда...

— Что-вы это напрасно подвергаете себя опасности! замѣтилъ ему кто-то.

— Нужно-же показать своимъ, что турки не умѣютъ стрѣлять!

Въ сущности, онъ высматриваетъ такимъ образомъ непріятельскія позиціи и потому всегда хорошо оріентированъ и знаетъ расположеніе турокъ столько-же, сколько и свое...

Въ четыре часа мы отправились къ нему.

„Акъ-паша", какъ называли его турки, бѣлый генералъ, занималъ въ Брестовцѣ землянку. Тамъ онъ спалъ и работалъ. Во дворѣ большой шатеръ, куда ежедневно сходятся обѣдать по сорока, по пятидесяти офицеровъ. Гостепріимство Скобелева не знало границъ въ этомъ отношеніи.

— А я жду теперь непріятностей изъ главной квартиры! сообщалъ онъ.

— За что.

— Поддался личному впечатлѣнію. Отдано приказаніе ни кого не выпускать изъ Плевно, ни турокъ ни болгаръ...

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы еще тяжелѣе сдѣлать положеніе осажденныхъ... А тутъ изъ Крышина подъѣхало сорокъ подводъ съ ранеными христіанскими женщинами и окровавленными дѣтьми. Голодное все, жалкое... Они ревутъ просятъ, ихъ выпустить изъ этаго желѣзнаго кольца, которымъ мы охватили городъ...

— Вы ихъ разумѣется и выпустили?

— На всѣ четыре стороны... А теперь за это влетитъ.

— Почему-же узнаютъ.

— Вотъ! Я самъ донесъ объ этомъ.

И кстати, я вспомнилъ сцену виденную нѣсколько дней назадъ. Несчастную старуху, вышедшую изъ Плев-

но и попавшую на позицію другаго генерала, по его приказанію гнали казаки назадъ въ осажденный городъ — нагайками.

Не успѣлъ я здѣсь пробыть и трехъ дней, какъ 27 октября вечеромъ, было получено изъ главной квартиры приказаніе занять первый кряжъ Зеленыхъ горъ и укрѣпиться на немъ. Подробности и значеніе этаго дѣла разсказаны въ моемъ „Годѣ Войны". Здѣсь же я заимствую изъ него только эпизоды, относящіеся непосредственно къ Скобелеву.

Приготовленія къ дѣлу начались съ утра. Чистили ружья, перевозили поближе къ батареямъ снаряды, собирали какъ можно болѣе шанцевыхъ инструментовъ, солдаты перемѣняли, по стародавнему обычаю, бѣлье, надѣвали на себя все, что имѣли лучшаго. Начальники обходили свои части, приготовляя ихъ къ не совсѣмъ обычному ночному бою. Большинство солдатъ были новички. За нихъ боялись особенно. Въ офицерахъ тоже оказывался большой недочетъ, потому что убыль между ними еще не пополнена была, да и пополнить ее не изъ чего. Это особенно смущало. „Ахъ, гдѣ тѣ, съ которыми мы брали Ловецъ и плевненскіе редуты!" поминутно повторялъ Скобелевъ... Большинство ихъ лежало уже въ чужой землѣ, другіе томились въ лазаретахъ — назадъ рѣдко кто возвратился; или раны еще не залѣчены, или послѣ ампутацій пришлось уйти на родину калѣкой. Многіе изъ нынѣшнихъ офицеровъ были еще вновѣ, ихъ не знали вовсе, на оставшихся старыхъ боевыхъ товарищей смотрѣли съ сожалѣніемъ. Первыми пойдутъ въ бой — показывая примѣръ, первыми, разумѣется, и лягутъ. Со стороны въ Брестовцѣ и лагеряхъ — не было замѣтно ничего особеннаго. Также цѣлый день играла музыка, а въ въ углицкомъ полку съ утра заливался

хоръ пѣсенниковъ... День начался холодный, сырой и мрачный...

Въ четыре часа Скобелевъ выѣхалъ изъ Брестовца, по своему обыкновенію одѣтый съ иголочки, свѣжій, даже раздушенный. Тонкая фигура его на бѣлой лошади, дѣйствительно, производила сильное впечатлѣніе въ этотъ сѣрый день, когда кругомъ до такой степени густился туманъ, что въ полуверстѣ деревья казались какими-то смутными пятнами, точно тамъ еще гуще лежала мгла. Скобелевъ тогда составлялъ для меня загадку. Неужели въ этой желѣзной груди нѣтъ мѣста страху, опасеніямъ, тоскѣ, охватывающимъ каждаго передъ боемъ? Я обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ.

— Жутко, разумѣется. Не вѣрьте, кто скажетъ вамъ иначе...

— Знаете, продолжалъ онъ потомъ, припоминая разговоръ за обѣдомъ съ англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ:—теперь не время разсуждать, критиковать, отчаяваться... Вы говорите — талантливымъ людямъ беречь себя слѣдуетъ... Умирать надо — и мы умремъ съ радостью, лишь-бы не срамили Россіи, лишь-бы высоко держали ея знамя! Хорошо умереть за свою родину... Нѣтъ смерти лучше этой...

Въ сѣрой мглѣ—какія-то темныя массы. Подъѣзжаемъ ближе — бараки-землянки, стоги сѣна... Передъ ними стоятъ въ боевомъ порядкѣ роты и батальоны... Видишь только переднихъ, позади все уходитъ въ туманъ. Лишь-бы не заблудиться — а то погода самая благопріятная. Можно подойдти на сто шаговъ къ непріятелю незамѣченными, броситься на ура и еще двадцать шаговъ пробѣжать до перваго залпа оторопѣвшихъ турокъ. А въ восьмидесяти—ихъ пули уже менѣе грозны, всѣ полетятъ надъ головами. Отъ нихъ больше вреда будетъ дальнимъ

резервамъ, чѣмъ атакующимъ частямъ. Прямо передъ нами взводъ охотниковъ. Эти вызвались первыми броситься въ турецкіе шанцы, и при поддержкѣ стрѣлковой цѣпи переколоть непріятеля. Всматриваюсь въ лица охотниковъ, этихъ завѣдомо отчаянныхъ людей — и ничего въ нихъ суроваго, грознаго, воинственнаго. Простыя, сѣрыя, солдатскія лица, нѣкоторыя съ наивной улыбкой, всѣ — довѣрчивыя... Охотники вытянулись, провожаютъ глазами генерала. Одинъ старается особенно — а на смерть идетъ... Видимо хочется ему, чтобы на выправку его вниманіе обратили. Скобелевъ гладитъ его по лицу — солдатикъ вполнѣ доволенъ. Генералъ проѣзжаетъ по рядамъ, разговариваетъ съ ротами, именно не рѣчи произноситъ, не ораторствуетъ, а разговариваетъ.

— Ну, что, братцы... Какъ пойдемъ сегодня?..

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Не осрамитесь?..

— Зачѣмъ-же... Мы рады, ваше превосходительство...

— Помните, братцы, одно — не зарываться. Мы не Плевно брать идемъ, а только выбить турокъ изъ ихъ траншеи и занять ее... Поняли... Слѣдовательно, дорветесь вы до траншеи и садитесь туда...

— Постараемся...

— Ну, то-то... Помните, что тутъ не въ храбрости, а въ послушаніи дѣло. Сказалъ тебѣ начальникъ: „стой“ — такъ хоть и желалось-бы погнать непріятеля дальше — ни съ мѣста... А турокъ бояться нечего...

— Мы ихъ не боимся.

— Ну, то-то... Помните Ловецъ, какъ мы ихъ били.

— Помнимъ, ваше-ство! бодро звучитъ изъ рядовъ.

— Помните какъ погнали ихъ, а?..

— Они отъ насъ тогда всей ордой побѣжали, отзывается улыбающійся солдатъ.

— Ты былъ тогда со мною... Изъ старыхъ должно быть?

— Я съ вашимъ превосходительствомъ и редуты эти самые подъ Плевно бралъ.

Тотъ только тяжело вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Ну, вотъ, братцы, видите. Дѣло не трудное. Разъ уже мы эту Зеленую гору брали... Наша была...

— И опять будетъ, ваше-ство.

Бесѣда, похожая на эту, повторялась въ каждомъ батальонѣ. Скобелевъ узнавалъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей, припоминалъ съ ними прежнія атаки, просилъ солдатъ не забывать, что сегодняшнее дѣло не нападеніе на Плевно, а только занятіе ближайшихъ турецкихъ позицій.

— Знаете, я ужасно боюсь за молодыхъ солдатъ, обращается къ своимъ Скобелевъ.—Очень ужъ рискованное дѣло... Ночное, въ туманѣ. Тутъ и старому, если онъ не привыкъ — можно растеряться. Я не останусь, какъ хотѣлъ, въ резервѣ, а самъ поведу ихъ... Ахъ, если-бы здѣсь были туркестанскія войска!.. Помните Андижанъ, Махрамъ?.. спросилъ онъ у Куропаткина.

Старые боевые товарищи только переглянулись молча, но видно было по лицамъ, что при однихъ названіяхъ этихъ мѣстъ, цѣлый рой воспоминаній возникъ у обоихъ... „Помните, какъ при началѣ кампаніи думали у насъ о туркестанцахъ. Про меня говорили, что мнѣ и батальона поручить нельзя. На офиперовъ нашихъ свысока смотрѣли — а они первыми легли здѣсь. Гдѣ всѣ эти Калитины, Федоровы, Поликарповы, Поповы? Кто въ Эски-Загрѣ, кто въ Балканахъ зарытъ!..

— А все-таки хорошее время было! закончилъ Скобелевъ.

Владимірскій полкъ мы встрѣтили, уже проѣхавъ съ полверсты впередъ. Онъ выстроился боевыми колоннами на скатахъ лощины, тамъ гдѣ долженъ былъ оставаться резервъ. Въ туманѣ очень красивы были эти сомкнутыя черныя массы, молчаливыя, ни однимъ громкимъ звукомъ не выдающія своей близости непріятелю. Турецкія позиціи не болѣе какъ въ шестистахъ шагахъ впереди. Мы тревожно вглядываемся въ непроницаемую мглистую даль, съ бьющимся сердцемъ ждемъ — вотъ-вотъ грянетъ оттуда первый выстрѣлъ чуткаго часоваго, вся линія непріятельскихъ траншей и ложементовъ одѣнется негаснущими молніями залповъ и подъ градомъ пуль, съ глухими стонами направо и налѣво, впереди и позади станутъ падать въ этихъ неподвижныхъ еще толпахъ безотвѣтные солдаты. На насъ могъ наткнуться разъѣздъ или секретъ непріятельскій. Еще нѣсколько минутъ—и присутствіе нашего отряда уже не будетъ тайной... Красивое зрѣлище перейдетъ въ настоящую драму и уже не до любованья будетъ, когда длинною вереницей потянутся внизъ носилки съ ранеными и въ хриплыхъ крикахъ атаки, въ кровожадномъ рокотѣ барабановъ замрутъ предсмертные вопли умирающихъ.

Скобелевъ останавливается передъ полками, снимаетъ фуражку и крестится... Точно шелестъ пронесся въ воздухѣ — крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про себя молитву... каждый уходитъ въ самого себя... кто знаетъ, можетъ быть нѣкоторымъ не останется даже мгновенія, чтобы, падая, обратить взглядъ свой къ этому сѣрому небу, по которому теперь тяжело ползутъ низко нависшія тучи... Даже иностранцы поддаются торжественности этой минуты. Снимаютъ шапки

вмѣстѣ съ другими... Въ памяти почему-то неотступно встаютъ картины далекаго теперь прошлаго. Родной домъ, близкіе и дорогіе люди... Но это только минута.

— Стройся!.. тихо звучитъ команда и длинная цѣпь стрѣлковъ вѣеромъ разбрасывается впереди... На лицахъ уже нѣтъ грусти, нѣтъ раздумья. Въ глазахъ у нѣкоторыхъ офицеровъ энтузіазмъ, команда звучитъ металлическими тонами, Скобелевъ уже впереди, красивая фигура его мелькаетъ далеко передъ цѣпью...

Высмотрѣлъ — вернулся... Что-то подробно объясняетъ охотникамъ.

Я въ этотъ рѣшительный часъ опять внимательно всматриваюсь въ лица „охотниковъ", этихъ людей, сознательно обрекающихъ себя смерти. Ищу въ нихъ одушевленія — ничего не бывало! Такія-же сѣрыя, зауряднымя, казенныя лица. Нѣкоторые смотрятъ растерянно, озабоченно, другіе только ждутъ команды и по обыкновенію готовы ее исполнить какъ и на ученьи. Ни одного выдающагося. Точно на часы въ караулъ идутъ, — а вѣдь такъ сказать „добровольцы"... Невольно думается, что-же ихъ тянетъ туда — первыми въ огонь, въ силу чего они вызвались принять на себя залпы и грудью встрѣтить турецкіе штыки?..

Цѣпь тихо двинулась впередъ. Фигура генерала все больше и больше уходила въ туманъ... Скоро мгла окутала и черныя черточки разсыпанныхъ стрѣлковъ. Стало смеркаться, но ночь еще боролась съ сѣрымъ маревомъ...

— Слава Богу! турки не замѣчаютъ нашего отряда... Я начинаю вѣрить, что дѣло обойдется безъ большихъ потерь, шепчетъ кто-то около... Но какъ разъ въ эту минуту будитъ окрестность неувѣренный, одиночный выстрѣлъ турецкаго часоваго. Мгновеніе полнаго без-

молвія... Сердце щемитъ... Другой выстрѣлъ — съ другой стороны... Третій... Но всѣ въ разбродъ... Вотъ завязывается трескотня направо... но только съ одной стороны... Наши не отвѣчаютъ... По звуку выстрѣловъ, по интерваламъ, по одиночности ихъ, видимо, что турки еще не знаютъ въ чемъ дѣло, а только насторожились, почуяли что-то такое... Точно люди стрѣляютъ не сгоряча, не желая предупредить противника огнемъ, а прислушиваясь и еще не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ они посылаютъ свои молніи...

— Наши подошли, должно быть, уже близко.

— Не видать... Впереди сѣрый неясный туманъ...

— О, Господи! раздается чей-то вздохъ позади.

Выстрѣлы все еще въ перемежку.

— Ребята, за мной!.. съ одного конца до другого металлически звучитъ гдѣ-то въ туманѣ громкій голосъ Скобелева, покрываемый общимъ ура атаки, оглушающимъ грохотомъ, словно разомъ вспыхнувшихъ залповъ непріятеля и раскатомъ барабановъ. Значитъ, опять онъ самъ повелъ ихъ, обрекая себя на первую пулю, на первую смерть... Мы ничего не видимъ, но первые выстрѣлы уже обдали резервы горячимъ градомъ пуль... Нѣсколько стоновъ замерло въ общемъ стихійномъ шумѣ незримой атаки... Отдаемъ коней казакамъ и двигаемся впередъ. Ничего на пути. Свищутъ пули, доносится отголосокъ битвы... Вонъ что-то выдѣлилось отъ тумана. Ближе и ближе... Раненый въ ногу солдатъ идетъ назадъ, опираясь на ружье... Кто-то около корчится на землѣ...

— Батюшки, не оставьте... Не бросьте, голубчики...

— Гдѣ Скобелевъ?

— Гдѣ? Лезомъ-лезетъ впередъ... Что ему!.. Енъ не боится.

Иной разъ сквозь грохотъ битвы мы слышимъ одушевляющій голосъ Скобелева. Точно — орлиный клекотъ носится гдѣ-то въ высотѣ.

— Куда проѣхать на батареи? раздается въ туманѣ.—О, чортъ васъ возьми... Да откликайтесь-же, наконецъ, кто-нибудь... Какъ къ батареѣ проѣхать?! кричитъ кто-то. Фигура всадника на минуту вырѣзывается изъ тумана и пропадаетъ уже позади... Посылаютъ приказаніе батареямъ залпами начать артиллерійскій огонь противъ турокъ.

Стрѣлковая цѣпь сдѣлала свое дѣло. Она выбила турецкіе аванпосты изъ нѣсколькихъ ложементовъ, которые едва можно было различить въ густомъ туманѣ и сумракѣ осенней ночи. Можно сказать, что на нихъ наталкивались ощупью, такъ, что напримѣръ, когда весь рядъ ихъ былъ уже захваченъ нами, по серединѣ оказался одинъ, незамѣченный. Турки, разумѣется, оттуда убрались назадъ. Промедли теперь маленькій отрядъ охотниковъ съ своимъ резервнымъ взводомъ и дѣло обошлось-бы намъ очень дорого. Къ счастью, какъ только маленькіе ложементы были захвачены цѣпью, изъ-за нихъ выдвинулась партія охотниковъ со Скобелевымъ и поодаль отъ нея взводъ резерва. Всего ихъ было по пятидесяти человѣкъ въ каждомъ. Трудно представить себѣ, какъ часто у Скобелева большія дѣла совершаются ничтожными силами. Изъ ста человѣкъ, двинувшихся впередъ на турецкую траншею, по пятамъ за отступавшими турецкими аванпостами шло не болѣе двадцати. Это — самые рѣшительные; поодаль двигалось человѣкъ тридцать, считавшихъ постыднымъ отстать отъ своихъ. А половина—осталась въ пространствѣ между аванпостными ложементами и турецкой траншеей. Залегла на землю и притаилась. Человѣкъ въ этомъ слу-

чаѣ дѣлается очень глупымъ. Лежать тутъ гораздо опаснѣе, чѣмъ идти впередъ. Практика настоящей войны вполнѣ убѣдила насъ, что главная опасность для атакующихъ частей является въ трехъ стахъ шагахъ отъ непріятеля и далѣе. Ближе начинается мертвое пространство. Пули снопами летятъ надъ головой, вы слышите только ихъ свистъ, жужжаніе, шипѣніе — но можете даже не наклоняться. Развѣ случайная ранитъ васъ. Всѣ это знаютъ, всѣ это видѣли, но трусы всетаки ложатся тамъ, гдѣ пули падаютъ и не рѣшаются идти туда, гдѣ онѣ менѣе вредятъ. Это просто паника, когда человѣкъ теряетъ голову. Охотники бросились на непріятельскую траншею и въ первый моментъ однимъ крикомъ „ура“ выгнали оттуда турокъ. Оставшихся прикололи, потому что при сравнительной слабости партіи очень опасно было брать въ плѣнъ. Выбѣжавъ изъ своего закрытія, турки бросились въ разсыпную. Въ это время отставшія части стали одиночками подходить сюда, и по бѣгущимъ открыли сначала пальбу залпами, а потомъ непрекращавшуюся пальбу рядами. Охотники быстро вошли во вкусъ. Извѣстно, что какъ скоро возникаетъ паника, такъ-же скоро она и исчезаетъ; между людьми, лежавшими еще недавно позади своихъ товарищей, нашлись такіе, которые теперь бросались изъ траншеи въ погоню за бѣглецами, настигали ихъ у слѣдующаго ряда турецкихъ укрѣпленій и тамъ уже били въ упоръ, мало заботясь, что, опомнившись, турки могутъ забрать ихъ живьемъ. Позади атаковывавшихъ частей, т. е. стрѣлковой цѣпи, партіи охотниковъ и взвода резерва, двигалось десять ротъ Владимірскаго пѣхотнаго полка. Онѣ не должны были принимать участія въ наступленіи, но тѣмъ не менѣе роль ихъ была въ высшей степени серьезна. Снабженные каждый шанцевымъ ин-

струментомъ, онѣ должны были какъ можно скорѣе вырыть траншею на томъ мѣстѣ, которое еще ранѣе боя было опредѣлено на планѣ, какъ крайній пунктъ нашихъ будущихъ позицій. Траншея должна была вырости на глазахъ.

Десять ротъ Владимірскаго полка привели сюда, разставили ихъ въ одну шеренгу по всей линіи будущей траншеи, и въ то время, какъ охотники съ своимъ резервомъ, бывшіе впереди, изъ наступленія перешли въ оборону и уже въ свою очередь залпами отбивались отъ атакующихъ таборовъ турокъ, неистово стремившихся отнять назадъ важную позицію перваго кряжа Зеленыхъ горъ, владимірцы нервно, быстро работали лопатами, съ каждою минутою все выше и выше воздвигая передъ собою сѣрый окопъ бруствера. Турки ихъ въ это время буквально осыпали свинцовымъ дождемъ... По яркой линіи огня въ эту мглистую тьму, прорѣзывавшагося впередъ, они видѣли, что въ наступленіе перешли значительныя силы враговъ. Пули поражали людей, съ злобнымъ шипѣніемъ уходили въ рыхлую массу свѣжаго окопа, жужжа точно пчелы, носились у самыхъ ушей, сливая свои разнообразные звуки съ глухими стонами раненыхъ и пронзительными воплями непріятельской атаки—а работа все-таки шла не переставая.

Скобелевъ все это время находился впереди работающихъ.

— Онъ дерется какъ прапорщикъ! говорили о немъ въ тотъ день.

— За то не прячется, какъ генералъ, замѣчали другіе.

Никто не отдыхалъ, никто ни на минуту не оставлялъ лопаты. Многія работавшія шеренги не прерывались ни на одномъ мѣстѣ. Только откуда нибудь разда-

вался стонъ, и солдатъ только что захвативши лопатою комъ земли, падалъ въ вырытую имъ яму—на его мѣсто сейчасъ-же выдвигался новый: жертву боя санитары уносили назадъ и работа опять шла упорно, безотходно... Черезъ часъ турецкая атака была такъ сильна, что казалось воздухъ могъ-бы раскалиться отъ этого сплошного дождя горячаго свинца; направо и налѣво, впереди и позади падали такія густыя массы, что на этомъ пространствѣ трудно было держаться чему-нибудь живому, но героизмъ и сила сдѣлали свое дѣло. Пока проходилъ этотъ часъ, окопъ росъ, а въ моментъ самаго ожесточеннаго огня, брустверъ новой траншеи поднялся уже такъ высоко, что затомившіеся владимірцы могли, сложивъ свои лопаты, прислониться къ нему и отдохнуть *въ полной безопасности.* Дѣло было сдѣлано, позиція для насъ спасена... Уже въ этотъ часъ, хотя все еще было въ началѣ, мы могли торжествовать побѣду...

Между тѣмъ нашъ артиллерійскій огонь тоже дѣлалъ свое дѣло. Съ баттарей праваго и лѣваго фланговъ у Брестовца, съ радишевскихъ и тученицкихъ позицій, съ Пернина и Медвена—громили турокъ.

Уже черезъ часъ, когда насыпь была почти готова, отъ охотниковъ прибѣжали назадъ сказать, что у нихъ мало осталось патроновъ. На мѣстѣ была организована доставка ихъ; все время остального боя, десять, пятнадцать человѣкъ проползали во тьмѣ отъ строившейся траншеи на огни турецкихъ залповъ, отыскивали впереди нашихъ охотниковъ, снабжали ихъ патронами и также ползкомъ возвращались назадъ за новыми запасами. Благодаря этому, почти всю ночь продолжалась перестрѣлка не ослабѣвая, огонь поддерживался неустанно и туркамъ ни разу не дали подойдти слишкомъ близко къ отнятой у нихъ высотѣ.

Въ два часа ночи турецкая атака особенно усилилась. Къ непріятелю подошли значительныя подкрѣпленія. Но наши были уже прикрыты брустверомъ новой траншеи. Стрѣлковъ вернули назадъ и начался второй періодъ боя, уже болѣе правильный въ смыслѣ обороны.

Во второмъ періодѣ дѣла бой вела уже новая траншея. Противъ турецкой атаки, направившей теперь главныя свои силы противу нашего лѣваго фланга, на строющуюся соединительную траншею, дѣйствовали сплошнымъ огнемъ изъ-за бруствера десять ротъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, остальныя пять ротъ его были въ резервѣ. Солдаты, стоя за валомъ, били выдержанными залпами. Волненіе уже улеглось, горячки первыхъ минутъ не было, ждали команды и по ней верхній гребень бруствера точно разомъ вспыхивалъ снопами огня, озаряя на одно мановеніе непроницаемую тьму.

Спросятъ, гдѣ-же все это время былъ Скобелевъ?— Тамъ-же, гдѣ и всегда. Сначала съ охотниками; потомъ въ траншеѣ, лично командуя ея обороной. Во время самыхъ жестокихъ атакъ непріятеля, молодой генералъ вскочилъ на брустверъ, и, весь въ пороховомъ дыму, въ перебѣгающемъ огнѣ вѣстрѣловъ, ободрялъ солдатъ. Въ минуты сравнительной тишины онъ проходилъ за траншеей, бесѣдовалъ съ владимірцами, слѣдилъ за тѣмъ, какъ росла грозная профиль бруствера, посѣщалъ резервы... Въ одинъ изъ такихъ обходовъ онъ замѣтилъ, что въ центрѣ новыхъ траншей у Нечаева люди стоятъ слишкомъ жидко. Лично распорядился послать ему еще роту. Пройдя направо, онъ обращается къ солдатамъ:

— Смотрите, братцы... Сейчасъ опять станетъ наступать непріятель. Я буду на лѣвомъ флангѣ. У меня

стоять молодцами. Умирать на своихъ мѣстахъ, но не уступать позиціи. Слышите...

— Слышимъ, ваше-ство... Не безпокойтесь... Мы съ Маневскимъ! раздаются въ отвѣтъ голоса солдатъ.

Скобелевъ жметъ руку Маневскому и идетъ дальше.

Въ это-то самое время наступилъ сравнительно моментъ тишины.

Скобелевъ, пользуясь имъ, скачетъ въ Брестовацъ, чтобы послать оттуда донесеніе въ главную квартиру главнокомандующему и въ Тученицу—Тотлебену. Не успѣли еще написать двухъ словъ, какъ на Зеленыхъ горахъ опять разгорѣлась перестрѣлка. Вскочивъ на перваго коня, Скобелевъ перегоняетъ своихъ ординарцевъ, мчится назадъ, боясь за судьбу новой позиціи. Весь путь—осыпаютъ пули. Ночью, турки стрѣляютъ и въ Брестовацъ и въ лощины за Зелеными горами. Пули ложатся налѣво и направо, шрапнели рвутся въ высотѣ, но спустя нѣсколько минутъ цѣлыми и невредимыми они домчались до подъема на занятый сегодня кряжъ.

Вотъ что случилось въ отсутствіе генерала на Зеленыхъ горахъ.

Турки стали бить амфиладными выстрѣлами по солдатамъ, которые только-что начали рыть соединительныя траншеи отъ главной къ резервнымъ. Двѣ роты изъ новичковъ вслѣдствіе этого дрогнули, бросили ружья и давай Богъ ноги. Это было не изъ передовыхъ позицій—тамъ въ траншеѣ отлично выдержали турецкую атаку солдаты Маневскаго и Нечаева, а, такъ сказать, изъ средняго промежутка между траншеями и резервами. Такимъ образомъ, когда впереди горѣлъ бой—вторая линія наша его не выдержала.

Только что начальство стало взбираться на скатъ

Зеленой горы, какъ на встрѣчу—разстроенная масса. Бѣгутъ въ разсыпную, во всѣ стороны.

— Посмотрите, они бѣгутъ! крикнулъ Скобелевъ.

И тутъ-то я удивился отъ души боевому психологу... Объятую паникою толпу — не остановишь угрозами, еще пуще напугаешь, пожалуй.

— Здорово, молодцы! крикнулъ имъ на встрѣчу Скобелевъ.

Крикнулъ весело, радостно даже.

Тѣ пріостановились... Даже послышалось „здравія желаемъ“ только въ раздробь... Не смѣло...

— Спасибо вамъ, орлы, за службу!.. Героями поработали сегодня.

Еще минуту назадъ растерявшаяся толпа, стала подбираться, показалось что-то на подобіе строя.

— Горжусь я, братцы, что командую вами. Такихъ молодцовъ еще и не было.

Бѣглецы совсѣмъ оправились уже. Строй — правильный... Видимо очнулись.

Тутъ генералъ дѣлаетъ видъ, что только сейчасъ замѣтилъ у нихъ отсутствіе ружей.

— Это что-жь такое? Гдѣ-же ваши ружья, ребята?

Молчаніе.. Солдаты стоятъ потупившись.

— Гдѣ же ружья, васъ спрашиваю!..

Тоже томительное безмолвіе. Полная перемѣна декорацій и у Скобелева.

— Вы это что же?.. Ружья кинули — трусы... Бѣжать — отъ турокъ... Позоръ, стыдъ! Сволочь вы этакая... Не хочу я командовать этакою дрянью... Вонъ отъ меня...

Солдаты совсѣмъ уничтожены. Стоятъ какъ приговоренныя къ смерти.

— Маршъ за мной.

Рота безъ ружей стройно идетъ за генераломъ, не перестающимъ честить ихъ... Пришли на позицію, взяли ружья.

— За мной.

Вывелъ ихъ Скобелевъ, въ промежутокъ между турецкой и нашей траншеей, въ самое опасное мѣсто, выстроилъ и давай производить имъ ученье. Самъ сталъ въ наиболѣе подломъ пунктѣ,—между ними и турками.

— На плечо!..

Команда исполнена, но неувѣренно... Не стройно...

— Еще разъ къ ноги... На плечо!

Исполнено лучше.

— Еще разъ... Вы у меня какъ на парадѣ будете... На плечо!

Исполнено превосходно.

— На краулъ.

Тоже самое.

Такимъ образомъ, онъ добился, что они подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, исполнили все ученье какъ слѣдуетъ, съ отчетливостью парада и тогда уже онъ пустилъ ихъ обратно въ траншею.

Валы были уже готовы—но внутри могли помѣщаться только одни солдаты, работавшіе ихъ. Еще слишкомъ узокъ былъ ровъ. Такъ что генералъ, офицеры, начальникъ его штаба проходили передъ траншеей—рискуя получить пулю въ голову или верхнюю часть груди. Въ это время капитанъ Куропаткинъ замѣчаетъ, что впереди, не смотря на приказаніе отступать, есть еще нѣсколько стрѣлковъ, не рѣшающихся идти назадъ. Онъ выходитъ передъ траншеей.

— Капитанъ Домбровскій! зоветъ онъ къ себѣ ихъ командира. — Потрудитесь отвести остальныхъ оттуда.

— Сдѣлаю что могу, отвѣчаетъ тотъ и поднимаетъ руку къ козырьку. Въ это мгновеніе точно что-то щелкнуло около Куропаткина и Домбровскій падаетъ внизъ безъ стона.

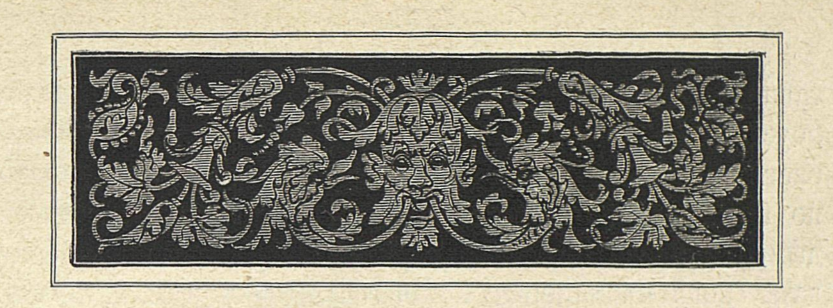
Подбѣгаютъ къ нему — пуля, ударивъ въ високъ, убила Домбровскаго на поваль.

Черезъ полчаса нашъ отрядъ могъ заснуть спокойно. Соединительная траншея отъ траншеи Маневскаго къ резервамъ была уже готова. Турки, повторивъ атаку въ значительно большихъ силахъ, могли-бы отнять лѣво-фланговую, нечаевскую траншею — это было-бы уже не важно. Маневскаго и соединительная остались-бы въ нашихъ рукахъ. Опираясь на радишевскій оврагъ, куда уже шли шуйцы, мы заснули спокойно... Бой на сегодняшнюю ночь былъ конченъ. Турки, потерявъ вѣру въ возможность сбить насъ съ Зеленыхъ горъ, стали сновать съ своими атакующими частями на другія наши позиціи. Сунулись было на брестовацкій лѣвый флангъ— отбили ихъ; массами, точно тучи, надвинулись на правый флангъ и тоже бѣжали, оставивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ, они были отброшены сидѣвшими въ своихъ траншеяхъ суздальцами. Кинулись было на право-фланговую батарею, но тоже изъ передовыхъ траншей ихъ встрѣтили такимъ убійственнымъ огнемъ, что турки не дошли даже и на пятьсотъ шаговъ.

Возвращаясь назадъ въ туманѣ, мы чуть не заблудились. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя ничего видно не было. Благодаря этому обстоятельству, въ руки нашихъ солдатъ попалась турецкая кухня, которую везли съ запасами вареной фасоли на позицію. Турокъ возни-

ца спокойно прiѣхалъ въ нашъ отрядъ и давай кричать на солдатъ, чтобы они посторонились. Замѣтивъ ошибку — онъ было задергалъ возжами, чтобы повернуть лошадей, но его уже обступили со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ хохотомъ приступили къ изслѣдованiю турецкихъ котловъ.

XVII.

Сѣро и туманно было утро послѣ этой памятной ночи, въ которую защитники только что взятыхъ позицій не знали отдыха. Кончился бой— опять за лопаты. Работа продолжалась и днемъ. Нужно было уширить и углубить траншею, утолщить ея брустверы, особенно наверху, гдѣ турецкія пули пронизывали гребень, прорѣзать банкеты, на которые-бы могли становиться часовые, а въ случаѣ тревоги, и всѣ дежурныя части отряда. Приводились въ извѣстность наши потери, при чемъ оказывалось, что изъ строя выбыло около 130 человѣкъ. Кто не работалъ, тотъ чистилъ ружья. Только немногіе счастливцы могли заснуть на сырой и холодной землѣ, кое-какъ завертываясь въ сѣрыя шинели. Въ семь часовъ еще было темно, а солдатамъ уже дос-

тавили горячую пищу. Сверхъ того, владимірцы въ брустверѣ продѣлали маленькія ниши—печурки. Тамъ раскладывались дрова, которыя приходилось собирать подъ выстрѣлами, позади траншеи. Оттуда курились дымки и около огонька грѣлись зябнущія группы солдатъ, пока въ манеркахъ поспѣвалъ имъ чай. Для генерала въ центрѣ траншеи было убито точно въ родѣ скамьи небольшое пространство земли, въ нарочно прорытой ямкѣ. Сюда положили соломы и здѣсь именно, завернувшись въ бурку, отдыхалъ Скобелевъ.

Ему, впрочемъ, спать не пришлось. Поминутно онъ вставалъ и обходилъ позицію.

Разъ даже самъ взялся за лопату и показалъ какъ нужно обминать веркъ бруствера.

— Вотъ видите, обернулся онъ ко мнѣ:—Изученіе сапернаго дѣла и пригодилось.

Къ полудню уже нельзя было узнать траншею. Внутри широкій ходъ. Трое могутъ идти рядомъ. Брустверъ высокъ и толстъ настолько, что въ срединѣ его не пробьетъ граната. Ружья лежатъ не на гребнѣ бруствера, а въ нарочно для того продѣланныхъ въ немъ отверстіяхъ. Банкеты по брустверу всюду. На нихъ подъ ружьемъ можетъ стать цѣлый полкъ. Самая траншея продолжена на версту и загнулась на правомъ и на лѣвомъ флангахъ. Это египетская работа, сравнительно съ малымъ временемъ, потраченнымъ на нее. Тѣмъ не менѣе, не довольствуются этимъ.

— Вдвиньте мнѣ сюда баттарею... Ради Бога, устройте поскорѣе для нея амбразуры и брустверы, чтобы завтра ночью мы могли уже привѣтствовать турокъ и отсюда гранатами... торопитъ Скобелевъ Мельницкаго, хотя солдаты сильно утомлены.

Мельницкій тоже усталъ до послѣдней возможности, но сейчасъ-же принялся за дѣло.

— Во сколько часовъ будетъ готово?..

— Къ полуночи.

— Нельзя-ли поскорѣй... Я знаю, что какъ только стемнѣетъ, турки попробуютъ отнять у насъ траншею... Встрѣтить-бы ихъ картечною гранатой...

— Часамъ къ десяти завтра постараемся...

— Какой унтеръ-офицеръ у васъ будетъ завѣдывать работой?

— Митрофанъ Колокольцевъ.

— Покажите мнѣ его.

Красивый саперный унтеръ-офицеръ былъ приведенъ къ генералу.

— Это ты, голубчикъ, вчера подъ огнемъ рылъ траншею?

— Я, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ что, молодецъ. Если ты мнѣ къ завтрашней ночи кончишь баттарею, а ночью передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ выроешь небольшой ложементикъ, послѣ завтра я поздравлю тебя георгіевскимъ кавалеромъ.

— Постараюсь...

— Ну, помни же...

— Коли не убьютъ—сдѣлаю.

— А убьютъ,—такъ умрешь честно, за свою родину...

— Слушаю-съ...

— Ужъ если Колокольцевъ взялся—такъ все будетъ сдѣлано, успокоиваетъ волнующагося генерала Мельницкій.

Мѣстность между нашей новоявленной зеленогорской траншеей и турецкими позиціями представляетъ унылую полосу поблекшихъ кустовъ, мелкаго дубняка, сухой

листъ на которомъ падаетъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Въ нѣсколькихъ пунктахъ высятся грушевыя деревья, тоже совершенно голыя. Этими деревьями стали пользоваться турецкіе стрѣлки. Они забирались туда и сверху внизъ прямо уже въ траншеѣ били людей, мнившихъ себя въ полной безопасности. Наконецъ, это надоѣло нашимъ солдатамъ — они отправились на охоту „за дичью". Перепрыгнутъ за брустверъ и подползаютъ сквозь кусты къ дереву. Только-что турецкій стрѣлокъ намѣтитъ новую жертву въ траншеѣ и наводитъ на нее дуло своего Пибоди — какъ изъ-за кустовъ гремитъ выстрѣлъ и дичь, ломая сучья, съ глухимъ стономъ падаетъ внизъ...

Вдоль траншеи вообще выросло уже много могилъ. Убитыхъ зарывали тутъ-же; читали надъ ними молитву, солдаты крестили свѣже выкопанную яму — и затѣмъ отъ человѣка уже не оставалось ничего на божьемъ свѣтѣ, ничего кромѣ воспоминанія, да слезъ въ далекой деревушкѣ, гдѣ напрасно будетъ ждать семья своего радѣльца и кормильца...

Чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, тѣмъ все становились безпокойнѣе. Офицеры постоянно выходили на брустверъ, всматривались въ сумерки, уже сливавшія дали въ одну непроглядную мглистую полосу. Часовымъ было велѣно глазъ не спускать съ пространства передъ траншеей. Унтеръ-офицерамъ приказано не спать и постоянно провѣрять часовыхъ.

Скобелевъ нѣсколько разъ обошелъ траншею.

— Отнюдь не стрѣлять, приказывалъ онъ. Лучше скажи... Подходятъ турки — только приготовьтесь. Чѣмъ они ближе, тѣмъ лучше. Дула держите ниже, чтобы по командѣ не бить воронъ черезъ голову, а прямо въ непріятеля попадать. Безъ команды отнюдь не смѣй кур-

ка спустить никто. Вскочутъ турки на брустверъ—тутъ-то и праздникъ, прямо на штыки ихъ принимай... Не первый разъ намъ ихъ бить, ребята!.. Ну, какъ ты станешь цѣлить, если турки наступать начнутъ? обращается онъ къ часовому.

Тотъ взялъ прицѣлъ.

— Ну, въ ворону и попадешь. Вотъ какъ нужно!

И онъ показалъ ему.

— Пожалуйста, гг. офицеры, объясните солдатамъ, какъ дѣлать это, добивался Скобелевъ.

Стрѣльба со стороны турокъ все усиливается и учащается. Солдатамъ иной разъ и хотѣлось-бы открыть перестрѣлку, да начальство строго слѣдитъ за этимъ. Нервы у отряда напряжены. Нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ со стороны нашихъ часовыхъ и всѣ вскочатъ на брустверъ для безтолковой трескотни, воображая, что турки вотъ-вотъ близко и готовится нападеніе. Турки тоже подхватываютъ—и пошла писать. Въ результатѣ — лишняя тысяча зарядовъ, усталь и — раненые.

Когда совершенно стемнѣло, Скобелеву доставили обѣдъ въ траншею; тутъ-же согрѣли самоваръ. Туманъ все густѣлъ и густѣлъ; шумъ шаговъ въ траншеѣ, говоръ замирали; зарево костровъ, разложенныхъ тутъ, высоко отражалось во мглѣ осенней ночи. По этому отсвѣту преимущественно цѣлили турецкіе часовые...

Скоро стало очень холодно. Сидя на банкетахъ и опираясь спиною о брустверъ—спали солдаты, точно на сѣрой массѣ торчали сѣрые выступы земляныхъ горбинъ.

Впереди, по направленію къ турецкимъ позиціямъ, въ пятидесяти шагахъ еще можно различить кусты и деревья,—дальше только огоньки выстрѣловъ, въ раз-

стояніи двухсотъ или трехсотъ шаговъ обнаруживаютъ присутствіе непріятеля. Когда въ кустахъ слышится шорохъ, часовой настораживается. Минуту спустя оказывается, что это нашъ секретъ перебирается, или какой-нибудь звѣрекъ ползетъ подальше отъ этихъ безпокойныхъ мѣстъ.

Темнѣе и темнѣе становилось... тише — турецкая стрѣльба. Точно и имъ надоѣло... До меня доносится бредъ офицеровъ... Видно и у нихъ расходились нервы послѣ всѣхъ пережитыхъ ощущеній... „Стойко держись...“ шепчетъ кто-то... и опять тишина, точно все притаилось здѣсь, точно въ этой траншеѣ стоялъ я одинъ въ царствѣ мертвыхъ... Потухли и костры, не шелохнется и сухой листъ на деревѣ... Только часовые все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываются въ темную даль... Чу! что-то словно шарахнулось за брустверомъ — и замерло опять... Нѣтъ, вотъ опять шорохъ... положительно слышны чьи-то крадущіеся шаги... Часовой встрепенулся и пониже, по направленію шороха передвинулъ дуло ружья... Прислушиваешься съ бьющимся сердцемъ, широко раскрытые глаза пристально всматриваются въ туманъ и тьму.

— Не стрѣляй... доносится шопотъ изъ-за бруствера... свой... изъ секрета.

— Чего тамъ?..

— Не стрѣляй... разбуди генерала... Турки выходятъ изъ своей траншеи, строются...

— Къ ружью! грянуло позади.

Оборачиваюсь — Скобелевъ уже у бруствера.

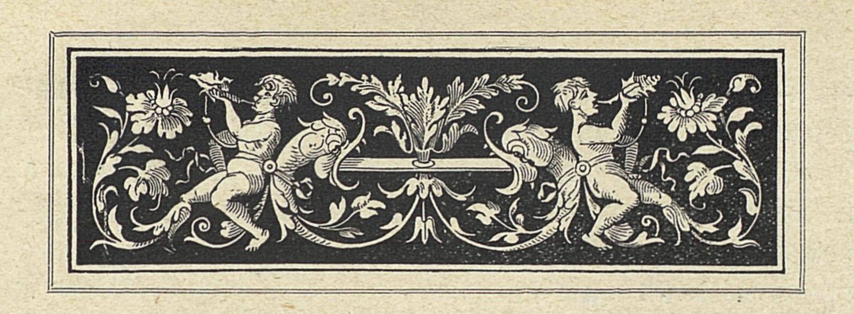
— Къ ружью, ребята!.. На брустверъ... Снять секреты!..

Генералъ сквозь сонъ разслушалъ шопотъ, проснул-

ся, во время подхвативъ послѣднюю фразу солдата, передававшаго свѣдѣніе о движеніи турокъ.

Суматоха на минуту — проснувшіеся солдаты стали на банкетъ и взялись за ружья. Головы ихъ надъ гребнемъ бруствера. Точно въ заколдованномъ царствѣ, все проснулось въ одну минуту.

XVIII.

Я зналъ, что сегодня будетъ атака, шепчетъ Скобелевъ. — Смотрите-же, братцы, молодцами стоять! Выдерживай его на близкомъ разстоянiи, стрѣляй по командѣ. Господа офицеры — къ своимъ частямъ...

— Сунется врагъ на брустверъ, въ штыки принимай! Ну, какъ ты его встрѣтишь? обращается генералъ къ новичку.

— А вотъ! и тотъ показалъ снизу вверхъ штыкомъ.

— Молодецъ... Однако я боюсь, что турки могутъ прорваться гдѣ-нибудь, говоритъ генералъ Куропаткину.—Мы ихъ разумѣется выгонимъ, но на полчаса они надѣлаютъ суматоху. Приблизить резервы...

Нѣсколько минутъ еще — и точно ожили дали... Все, что впереди было погружено въ мертвое молчанiе, за-

гремѣло выстрѣлами. Турки обнаружили себя. По свойственной имъ манерѣ, они и теперь подходятъ—стрѣляя.

— Сколько ихъ?..

— По линіи огня нужно опредѣлить, и Скобелевъ высматриваетъ таборы, стоя на брустверѣ.

Впереди во тьмѣ дымится линія зловѣщихъ ружейныхъ огней. На версту по крайней мѣрѣ, они растянуты... По густотѣ огня видно, что и въ глубину наступающія части значительны, что это не развернутый строй, а сомкнутыя массы подходятъ. Огни все ближе и ближе. Надъ головами у насъ свистятъ, жужжатъ и стонутъ тысячи пуль.

Пули ударяются въ валы и съ шипѣніемъ уходятъ въ нихъ, другія о деревья бьются... Будто кто-нибудь расплавленный свинецъ въ воду льетъ,—точно такой-же звукъ...

Чѣмъ тише наша траншея, тѣмъ неистовѣе трескотня у турокъ. Мы молчимъ и выдерживаемъ ихъ ближе...

Турки уже видны близко. Линіи ихъ—шагахъ въ семидесяти... При красномъ блескѣ выстрѣловъ видны дула ружей и какія-то массы позади. Съ трескотней ружейнаго огня сливаются ожесточенные крики „алла!“... Гдѣ-то на правомъ флангѣ у турокъ даже „ура“ наше гремитъ...

— Баталіонъ – пли!

Моментъ оглушительнаго залпа. Черный гребень траншеи на мгновеніе весь одѣвается въ золотую кайму...

Залпы также слышатся и направо, и налѣво...

— Не давайте имъ успокоиваться. Пальба рядами! командуетъ Скобелевъ.

Вотъ заговорили картечницы... Вотъ грянули наши брестовацкія батареи... Турки изъ Кришина тоже отвѣ-

чать стали... Нѣсколько шрапнелей разорвало далеко впереди. Одна турецкая граната прямо въ массы своихъ попала.

— Еще залпъ.

Опять трескъ, точно земля рушится подъ вами. Но сегодня турки удивительно настойчивы. Они уже въ сорока шагахъ. Въ рядахъ ихъ смерть,—а они все идутъ впередъ... Положеніе становится серьезнымъ. Скобелевъ вскакиваетъ уже на брустверъ и командуетъ обороной траншеи. Точно ореолъ для него — эти огни залповъ и ихъ отсвѣты, защитники траншеи въ дыму, озаренномъ краснымъ блескомъ огня. Мимо нихъ несутся тысячи пуль, нѣкоторыя у самой головы впиваются въ брустверъ, извлекая искры изъ его землистой массы... Голосъ Скобелева не смолкаетъ ни на одну минуту. Онъ слышенъ и на правомъ, и на лѣвомъ флангѣ траншеи. Онъ прямо въ лицо врагу кидаетъ свои бѣшенные звуки. Залпы становятся чаще. Какой-то хаосъ царитъ кругомъ, теряешь голову—и сознаніе отказывается служить тебѣ.

— Слава Богу! отбили... слышится около...

Всю ночь за брустверомъ по пространству, гдѣ шла атака турокъ, двигаются огоньки. Сначала было наши часовые встревожились и раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

— Не смѣть стрѣлять, развѣ вы турки! Они своихъ убитыхъ и раненыхъ убираютъ...

Въ семь часовъ, въ траншеѣ, послѣ утомительной ночи солдаты — пріуныли. Во всемъ усталь и томленіе... Сыро, холодно. Пахнетъ кровью... — Вотъ я ихъ подбодрю! говоритъ Скобелевъ и черезъ часъ — является оркестръ владимірскаго пѣхотнаго полка. Музыка — въ окопахъ, въ ста шагахъ отъ непріятеля! Но если-бы

вы видѣли, какъ ободряюще подѣйствовало это на утомленныхъ солдатъ. Народный гимнъ акомпанировался залпами нашихъ батарей, перестрѣлкой часовыхъ и громкими аплодисментами картечницъ*). Только-что онъ кончился, съ конца въ конецъ грянуло оглушительное ура, въ которомъ, точно въ морѣ утонули и выстрѣлы ружей, и ревъ нашихъ орудій... Потомъ — знакомые уже этому отряду звуки плевненскаго марша. Музыка сегодня играла до вечера и съ тѣхъ поръ каждый полкъ является въ траншею съ своимъ оркестромъ. Сами солдаты стали просить музыки.

— Мы забыли войну, говоритъ Скобелевъ. Наши отцы были лучшими боевыми психологами и понимали вліяніе музыки на солдата. Она поднимаетъ духъ войскъ. Наполеонъ — богъ войны — хорошо сознавалъ это и водилъ атаки подъ громкіе звуки марша...

Немного спустя, Скобелевъ отправился на другія позиціи. Какъ только онъ показался у ложементовъ — турки сейчасъ-же по акъ-пашѣ открыли трескотню безпорядочныхъ выстрѣловъ. Генералъ поблагодарилъ солдатъ за отбитыя ими атаки, построилъ ихъ и приказалъ выбрать двухъ наиболѣе выдавшихся молодцевъ въ георгіевскіе кавалеры. Когда въ ложементѣ солдаты построились и указанные ими двое кавалеровъ вышли впередъ, скомандовали „на краулъ" и приказали гарнистамъ играть „честь". Подъ акомпаниментъ турецкихъ выстрѣловъ на солдатъ были навѣшены кресты, причемъ генералъ заявилъ, что онъ началъ съ этого полка именно потому, что онъ не принадлежитъ къ его дивизіи. „Своимъ онъ роздастъ — потомъ". Назадъ въ Траншею Зеленой горы было два пути: сравнительно безопасный, черезъ Бре-

*) Выстрѣлы изъ картечницы очень похожи на аплодисменты.

стовацъ, мимо правофланговой батареи, и очень опасный, напрямикъ, какъ разъ посрединѣ между нашими и турецкими траншеями. Нечего было и сомнѣваться въ томъ, что Скобелевъ выберетъ второй путь, воспользовавшись случаемъ осмотрѣть: не измѣнили-ли и турки своихъ позицій. Когда мы вернулись въ траншею — батарея была уже почти готова. „Сегодня ночью мы имъ покажемъ свои пушки", радовался Скобелевъ.

Въ два часа ночи рѣшили „показать непріятелю пушки". Изъ четырехъ орудій дали залпъ. Огнемъ его на минуту выхватило изъ тьмы и грозный профиль нашей траншеи, и полосу поблекшихъ кустовъ позади него... Зарево разрыва обнаружило также черные гребни турецкаго бруствера... Картечь, повидимому, причинила непріятелю нѣкоторый вредъ, ибо залпы оттуда стихли и было замѣтно, что въ центрѣ турки отодвигаются назадъ.

Баттарея, такимъ образомъ, была готова и Митрофану Колокольцеву — саперному унтеръ-офицеру, слѣдовалъ Георгій. Колокольцевъ честно подъ огнемъ сдѣлалъ свое дѣло и уцѣлѣлъ только чудомъ. Генералъ съ утра спрашивалъ его—оказалось, что онъ посланъ въ Брестовацъ. Скобелевъ вложилъ Георгія въ пакетъ, на которомъ написалъ:

„Въ траншеяхъ, 31 октября 1877 года.

„Унтеръ-офицеру Колокольцеву, согласно обѣщанію, за распорядительность, мужество и храбрость, оказаную въ дѣлѣ съ 29 на 30 октября. За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ. Отъ души поздравляю, тебя уважающій Михаилъ Скобелевъ".

Когда дописывался этотъ конвертъ, Колокольцевъ явился самъ. Сейчасъ-же были построены солдаты въ траншеѣ и подъ звуки „военной чести" полковаго орке-

стра Колокольцеву надѣли Георгія. — Ну, теперь, позволь пожать твою руку! обратился къ нему генералъ. И Скобелевъ дружно протянулъ ее Колокольцеву. Когда уже съ крестомъ на груди Колокольцевъ шелъ назадъ, сами солдаты въ траншеяхъ вставали и дѣлали ему честь. На глазахъ у него были слезы.

XIX.

На обоихъ флангахъ своихъ турки роются въ землѣ. По направленію и характеру работъ видно, что здѣсь собираются поставить баттареи, чтобы привѣтствовать насъ продольными выстрѣлами. Докладываютъ Скобелеву.

— Пускай ставятъ орудія. Все равно наши будутъ. Пойдемъ ночью и отнимемъ.

Къ вечеру началась опять гибельная работа нашихъ баттарей; брестовацкія и радишевскія били по зеленогорскимъ позиціямъ турокъ. Пристрѣлялись отлично: почти не было безполезныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ въ нашей траншеѣ, слышалось торжественное „Отче нашъ" и „Коль славенъ Богъ".

Пѣлъ весь полкъ, стоявшій сегодня здѣсь. Съ его пѣніемъ сливалось пѣніе резервовъ на Зеленой горѣ и

суздальцевъ въ Брестовцѣ. Ночь была тиха и звуки разносились далеко въ ея величавомъ безмолвіи. Луна свѣтила ярко, тумана не было. Ночью Скобелевъ пробовалъ свои орудія и картечницы, обстрѣливая турецкую траншею продольными выстрѣлами. Только что всѣ было успокоились, непріятель ни съ того, ни съ сего сталъ насъ угощать залпами. Гребень ихъ траншеи освѣтился весь краснымъ заревомъ несмолкающаго ружейнаго огня. Нашъ брустверъ тоже одѣлся въ золотую кайму. Вѣтромъ относило назадъ сѣрые клубы дыма. Пострѣляли съ полчаса—а толку никакого. Наши уже давно не отвѣчаютъ, а турки все не могутъ успокоиться. Наконецъ, и у нихъ стала замирать перестрѣлка. Только нѣсколько часовыхъ со стороны непріятеля забрались на деревья и оттуда бьютъ прямо въ траншею. Сначала въ гребень стали попадать, потомъ ухитрились прорѣзывать тонкіе люнеты гребня пулями, зарывавшимися въ глину рядомъ съ безмятежно спавшими солдатами.

— Должно быть секреты плохо поставлены у насъ, слышенъ голосъ Скобелева.

— Почему?

— Одного убило... Ихъ могутъ видѣть турки. Нужно сейчасъ-же найдти другія мѣста для секрета.

— Я сейчасъ пойду, говоритъ Гренквистъ.

— Нѣтъ, этимъ уже я распоряжусь...

— Турки по васъ начнутъ бить прицѣльно. Вѣдь тутъ разстояніе до нихъ самое малое.

— Пускай бьютъ.

И Скобелевъ съ своими ординарцами перепрыгнулъ черезъ брустверъ. Сердце щемило за него. Вотъ-вотъ—шальная пуля, которыхъ такъ много носится теперь по всему этому пространству, положитъ конецъ этой блестящей жизни. И досада брала на молодого генерала.

Точно безъ него некому развести секретовъ и выбрать имъ мѣста. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ все дѣлать самому. Эти полчаса, которые Скобелевъ пробылъ за брустверомъ подъ огнемъ—весь отрядъ провелъ въ крайнемъ безпокойствѣ. Нечего и говорить, что мы сейчасъже по всей линiи прекратили огонь. Иначе и свои пули могли-бы задѣть генерала и его спутниковъ.

— Ахъ, ты, Господи! мутило солдатъ. Ну, какъ они уложутъ его сердешнаго...

— Никто, какъ Богъ... Бережетъ его—ну, и цѣлъ...

— Заговоренный. Что ему!

— Въ Хивѣ, сказываютъ, заговорили. По солдатской легендѣ, „хивинецъ" девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по „Хивѣ невѣрной" и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и все заговаривали, пока совсѣмъ не заговорили, такъ что пули проходятъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда.

Пока генералъ разводитъ секреты, опишемъ его оригинальное жилье въ траншеяхъ.

Сегодня оно уже улучшено. Вырыта яма, въ которой можно вытянуться во весь ростъ, Земля въ ней убита очень плотно. Изъ Брестовца перевезли кровать. Поставили столъ и нѣсколько табуретовъ. Крышу настлали изъ плетня, добытаго въ сосѣдней деревнѣ. На плетень навалили соломы, на солому землю. Передняя часть крыши открыта и черезъ отверстiе въ землянку залетаютъ пули. Кто-то доставилъ сюда желѣзную печку, къ которой мы ночью приходили грѣться, когда ужь слишкомъ пронимало холодомъ. На столѣ карты, планы и бумаги. Скобелевъ почти не отдыхалъ. Онъ, во время свободное отъ турецкой атаки и нашихъ работъ, или читаетъ, или пишетъ. Какъ не похожъ онъ на тѣхъ

воинственныхъ генераловъ, которые обыкновенно устраиваются съ полнымъ комфортомъ, верстахъ въ десяти за линіей огня, и если пріѣзжаютъ въ свои дивизіи, то въ нарочито спокойное время. Передъ землянкой, въ болѣе широкомъ мѣстѣ траншеи, на холоду ежились всѣ мы: ординарцы Скобелева, штабные изъ главной квартиры, начальникъ штаба Куропаткинъ, полковникъ Мельницкій. Сегодня на этой высотѣ семь градусовъ. На мое счастье мнѣ уступили бурку, а то пришлось бы мерзнуть. Да и въ буркѣ коробитъ отъ холоду. Солдаты сидятъ у огней и грѣютъ руки.

— Знаете что, господа? слышится въ темнотѣ чей-то голосъ.

— Кто это говоритъ?

— Давайте, отъучимъ генерала рисковать собой.

— Какъ его отъучишь?

— А вотъ замѣтили вы, что онъ терпѣть не можетъ, если рядомъ съ нимъ въ опасныхъ пунктахъ выставляются и другіе.

У Скобелева дѣйствительно есть эта черта. Рискуя собою, онъ всегда заботится о безопасности другихъ.

— Всякій разъ, какъ онъ выставится на банкетѣ, либо за брустверъ уйдетъ — сейчасъ же давайте и мы съ нимъ гурьбой.

— Чудесно.

Скобелевъ не заставилъ себя ждать. Онъ вернулся оттуда, изъ-за бруствера — разставивъ наши секреты. Въ эту минуту разгорѣлась перестрѣлка и генералъ выставился надъ брустверомъ, какъ разъ противъ непріятельскаго огня. Вокругъ сейчасъ же образовалась цѣлая толпа; ординарцы, штабные, офицерство все тутъ было.

— Что вы, господа, стоите тутъ... Пули дожидаетесь что-ли? обращается къ нимъ Скобелевъ.

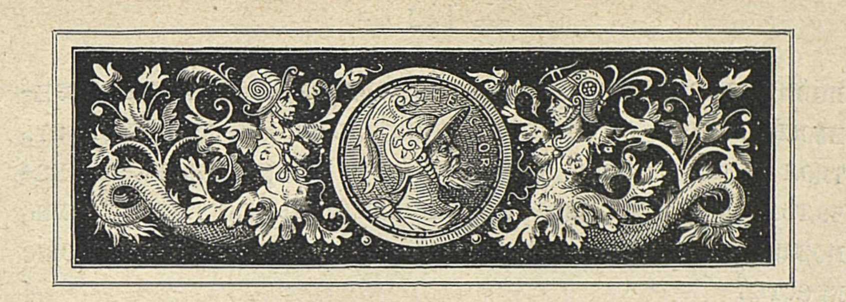
— Мы имѣемъ честь находиться при вашемъ превосходитсльствѣ, отвѣчаетъ одинъ изъ ординарцевъ, прикладывая руку къ козырьку.

Понялъ и расхохотался.

Повторили другой и третій разъ — и Скобелевъ, пожимая плечами, долженъ былъ сходить съ бруствера.

Скажутъ, что человѣкъ бравируетъ. Это разумѣется такъ, но все таки дѣлается не безъ толку: началась стрѣльба у непріятеля и онъ хочетъ по линіи огня узнать, какими силами тотъ располагаетъ. Доносятъ ему о работахъ у турокъ — лично убѣждается, что они предпринимаютъ. Другой бы положился на донесенія своихъ подчиненныхъ; онъ полагается только на себя и на свой глазъ.

XX.

На сегодняшній день была назначена раздача георгіевскихъ крестовъ. Больше всѣхъ получили саперы, потому что при занятіи и укрѣпленіи Зеленыхъ горъ, они оказали самыя важныя услуги. Потомъ слѣдуютъ — артиллеристы скорострѣльной батареи картечницъ.

Вслѣдъ затѣмъ розыгрался совсѣмъ неожиданный эпизодъ, который произвелъ на солдатъ сильное впечатлѣніе. Надѣвая кресты владимірскому полку, Скобелевъ дошелъ до унтеръ-офицера одной изъ ротъ, дрогнувшихъ въ памятную ночь 28 октября.

— Извини меня, но я не могу дать тебѣ Георгія!..

Того ошеломило... Потемнѣлъ весь, бѣдняга.

— Ты можетъ быть и заслуживаешь его, пусть тебя ротный командиръ представитъ къ именному кресту. Но

пойми, что теперь я роздаю ордена людямъ, выбраннымъ самими солдатами. А имѣетъ-ли право выбирать твоя рота, которая хотя потомъ и поправилась, но вначалѣ осрамила себя отступленіемъ? Какъ ты думаешь, можно позволить трусамъ присуждать георгіевскіе кресты?

— Никакъ нѣтъ... Нельзя, ваше превосходительство...

— Такъ ты ужь извини меня, а креста я тебѣ не дамъ.

Потомъ наступилъ чередъ тѣхъ ротъ, которыя въ ночь 28 октября бѣжали, бросивъ работу на соединительныхъ траншеяхъ.

— Я ихъ не хочу знать, передайте имъ это. Слышите?

— Слышимъ, ваше-ство.

— Я не считаю ихъ своими... Я не буду здороваться съ ними. Я не хочу замѣчать ихъ... Они опозорили вашъ славный полкъ, который такъ доблестно дрался подъ Ловцемъ... Помните эту битву?

— Помнимъ! грянуло со всѣхъ сторонъ.

— Передайте-же имъ... Господинъ полковникъ, обратился Скобелевъ къ полковому командиру, я васъ прошу разъ навсегда сообщить офицерамъ: кто изъ нихъ въ дѣлѣ будетъ оставаться позади — тому не мѣсто въ моей дивизіи... Пусть у меня отберутъ ее, а иначе я не хочу командовать, какъ такимъ образомъ...

Я забѣгу нѣсколько впередъ.

Скобелевъ послѣ этого дѣйствительно не замѣчалъ опальныхъ ротъ. Здороваясь съ остальными, мимо этихъ онъ проходилъ молча и не глядя на нихъ. На солдатъ это дѣйствовало.

— Долго-ли это продлится?

— Когда мнѣ нужво будетъ сдѣлать что нибудь

смѣлое, гдѣ потребуются надежные люди — я возьму именно эти роты и убѣжденъ, что они пойдутъ за мною всюду. Ну, потомъ разцѣлуемся и всему конецъ... Это хорошая наука. Послѣ неудачъ нашихъ я замѣчаю, что войска, особенно-же пополненные резервами, совсѣмъ не тѣ, что прежде. Ихъ нужно опять воспитать...

Въ защиту этихъ ротъ нельзя было не привести того обстоятельства, что дѣло было ночное, въ туманѣ, что резервами пополнены эти роты болѣе другихъ. Всѣ обстоятельства были тутъ для неуспѣха дѣла.

— Вѣдь именные георгіи выше голосовыхъ?

— Да.

— Отчего-же вы лучшимъ солдатамъ даете именно менѣе важные голосовые кресты? спрашиваю я у одного офицера.

— А вотъ отчего. Голосовой онъ получитъ сейчасъ и счастливъ, а къ именному представишь—ранѣе трехъ мѣсяцевъ не утвердятъ, а въ это время бѣднягу двадцать разъ убить могутъ.

Сегодня Скобелевъ придумалъ какъ обезпечить отъ неожиданнаго штурма свой отрядъ, именно передъ траншеей разбросать телеграфные проволоки. Турецкій телеграфъ кстати-же остался тутъ. Пусть хоть эту службу сослужитъ.

Въ франко-прускую войну, говоритъ Скобелевъ, германскія войска дѣлали то-же самое и результаты были удовлетворительные. Въ самыя темныя ночи, французы, подходя, путались въ проволокѣ и шумъ ея предупреждалъ часовыхъ объ опасности.

Черезъ часъ, когда я проходилъ по траншеѣ, нѣсколько связокъ проволоки лежало на готовѣ.

На сегодняшнюю ночь, наконецъ, было получено разрѣшеніе произвести эспланаду.

Ночь скверная. Сырая, дождливая... Грязь; — въ грязи люди. На банкетахъ мокро—на этой мокротѣ сидимъ... Сверху брызжетъ крупными каплями. Бурку хоть выжми... Виноградные сучья въ печуркахъ, продѣланныхъ въ массѣ бруствера, только дымятъ, не давая тепла и свѣта. Чадъ такъ и стелется — дышать трудно... Часовые ежатся — солдаты привалились одинъ къ другому...

Часовъ въ десять — вызвали цѣпь, которая должна будетъ прикрывать наши работы передъ бруствером̆ъ.

Въ полномъ безмолвіи, темныя фигуры поднялись на темную насыпь, въ сѣромъ туманѣ ночи на одно мгновеніе мелькнули надъ брустверомъ съ прямыми линіями ружей, торчкомъ чернѣвшими въ воздухѣ и—не успѣли мы еще вглядѣться, какъ гребень былъ пустъ... Минуту за брустверомъ слышался шорохъ, крадущійся, подбиравшійся точно къ чему-то... Наша траншея погрузилась въ мертвую тишину. Приказано было не отвѣчать туркамъ. Сегодня вообще не желательно вызывать ихъ. Позади, шагахъ въ двухстахъ отъ нашей траншеи, роется и возводится редутъ. Если начнутся безтолковые залпы непріятелей — въ траншею попадетъ не много, а въ работающихъ позади — все. Я слышу звуки лопатъ и шуршанье взбрасываемой земли, только подойдя къ самому редуту. Роютъ чрезвычайно тихо, такъ что послѣ завтра это укрѣпленіе будетъ не совсѣмъ пріятнымъ сюрпризомъ для турокъ, хотя оно и предпринимается съ исключительно оборонительною цѣлью. Въ темнотѣ слышится нервный, недовольный голосъ Скобелева, онъ опять не спитъ всю ночь.

Рабочихъ для эспланады сосредоточили на томъ-же лѣвомъ флангѣ. Имъ слѣдовало производить работу какъ можно тише. Также тихо перевалили черезъ брустверъ.

Сейчасъ-же за брустверомъ начинались перепутавшіеся между собою кусты виноградниковъ, чрезвычайно затруднявшихъ движеніе изъ траншеи впередъ, если-бы мы предприняли его. Сверхъ того, этими кустами могъ-бы воспользоваться непріятель и подобраться къ намъ незамѣченный. Тихій шорохъ работы скоро разгорѣлся. Мы отличали за брустверомъ и шелестъ осыпающейся листвы, и трескъ обламываемыхъ сучьевъ, и стукъ лопатъ въ перепутанную корнями почву, и скрипъ стволовъ подъ пересѣкавшими ихъ ножами... Чѣмъ громче становилась работа въ унылой молчаніи этой сырой и холодной ночи, тѣмъ тревожнѣе — мы. Санитары были уже наготовѣ съ своими носилками. Тревога сообщилась всей траншеѣ. Солдаты, въ началѣ ночи спавшіе—встали и, прислонясь къ брустверу, слѣдятъ за работой. Они сдержаннѣе насъ... Развѣ только вырвется у кого-нибудь: „И чего они шумятъ, дьяволы!“

Шумъ работы, производимой эспланадой, точно все удаляется и удаляется отъ насъ, ближе къ туркамъ... Это еще страшнѣе. Тише у насъ — громче туда по направленію къ этимъ, вѣроятно не спящимъ уже, таборамъ.

— Ну, теперь борони Боже!.. вздыхаетъ часовой... Совсѣмъ должно быть подошли... Чуть ошибка — сейчасъ будетъ тамаша.

— Кто это сказалъ тамаша? спрашиваетъ въ темнотѣ голосъ Скобелева. Я не понимаю какъ это онъ ухитряется оказываться вездѣ.

— Я, оборачивается часовой.

— Вѣрно изъ Туркестана?

— Точно такъ...

— Что-же ты безъ Георгія... оттуда?..

— Два есть... обиженно возражаетъ часовой...

Скобелевъ не выдержалъ. Еще минута—и онъ перелѣзаетъ за брустверъ и присоединяется на той сторонѣ къ солдатамъ, уже подсѣкающимъ кусты въ ста шагахъ отъ насъ.

— Слава Богу, сегодня кажется все удастся... слышится опять его нервный голосъ. Вернулся...

Но какъ нарочно, въ эту самую минуту у турокъ, на ихъ правомъ флангѣ, соотвѣтствующемъ нашему лѣвому, участились выстрѣлы. Видимо, уже не одинъ человѣкъ стрѣляетъ... видимо, тревога ростетъ и расползается по всей ихъ траншеѣ... Вотъ залпъ... Другой...

— Ахъ, скверно... слышится около.

На нашемъ брустверѣ показываются нѣсколько фигуръ.

— Вы что? встрѣчаетъ ихъ Скобелевъ.

— Съ работы, ваше благородіе... не различаютъ они его.

— Кончили?

— Нѣтъ... турки стрѣляютъ... нельзя... говорятъ порывисто, задыхаясь. „Видимо невидимо“ турокъ... слышится стеоретипная въ такихъ случахъ фраза начинающейся паники... Солдаты грузно опускаются въ траншею.

— Вамъ страшно... Товарищи работаютъ — а вамъ страшно... злится Скобелевъ. — Стройся!

Перевалившіе къ намъ солдатики строются.

— Маршъ опять на работу, да живо, а то, вотъ вамъ Богъ, пойду и предъ турецкой траншеей произведу вамъ ученье... Вы меня вѣдь знаете...

Четверо или пять фигуръ идутъ опять черезъ брустверъ.

— Господа офицеры, слѣдите за тѣмъ, чтобы люди дѣлали свое дѣло какъ слѣдуетъ...

Немного спустя, послышался стукъ топоровъ. На звуки ихъ — направились выстрѣлы турокъ. Еще немного — и на нашемъ брустверѣ опять цѣлый рядъ черныхъ фигуръ.

— Ну, что?

— Все кончили отлично...

— Раненыхъ нѣтъ?

— Ни одного. Перекличку сдѣлали по пути. Эспланаду кончили, мѣсто очистили... Деревья порублены.

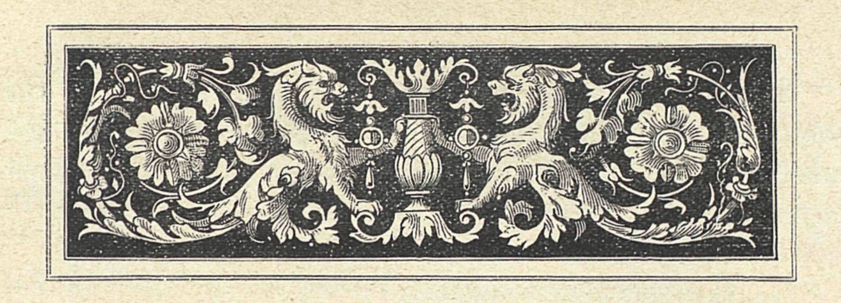
— Слава Богу. Спасибо вамъ, братцы! благодаритъ ихъ Скобелевъ.

Солдаты послѣ удавшагося предпріятія очень оживлены. Говорятъ, смѣются. Но это только на минуту... Усталь беретъ свое и траншея опять погружается въ мертвое молчаніе... Рабочіе какъ есть ложатся въ грязь, дождикъ все чаще и крупнѣе, плотнѣе завертываются въ шинели и безъ того намокшія... Стрѣлки, защищавшіе рабочихъ, остались въ ложементахъ за брустверомъ. Намъ еще хуже теперь...

Оказывается, мы какъ разъ во-время вздумали строить землянки. Еще нѣсколько такихъ ночей и въ отрядѣ бы появились больные.

Солдаты послѣ работы, возвращались назадъ ползкомъ, такъ что выстрѣлы турокъ всѣ пронеслись у нихъ надъ головами.

XXI.

Туманное сѣрое утро 2-го ноября... Кажется еще холоднѣе, чѣмъ ночью. Все встало сегодня сумрачнымъ. Солдаты принялись варить чай въ манеркахъ. Дымъ стелется по траншеѣ и ѣстъ глаза — начали топить печурки.

Турки приготовили намъ сюрпризъ. Шагахъ во ста отъ насъ, въ сѣромъ туманѣ, выдвигается грозный профиль непріятельской траншеи. Земляной валъ видѣнъ довольно хорошо весь, съ своимъ зубчатымъ гребнемъ, съ отверстіями для ружей. Вонъ у нихъ часовой выставился весь. На сѣромъ фонѣ—сѣрая фигура въ шинели. Капишонъ опущенъ на голову. Какъ близко...

Смѣло они приблизились своими земляными укрѣпленіями къ нашимъ траншеямъ. Скобелевъ волнуется. „Нужно наказать ихъ за эту дерзость“, говоритъ онъ.

„Да еще кстати и обезопасить себя на будущее время отъ подобныхъ работъ съ непріятельской стороны. Ставъ въ такой близости отъ нашей траншеи, турки легко могли начать обстрѣлъ нашего отряда продольно. Фронтальный огонь ихъ за брустверомъ безопасенъ, амфиладный могъ бы вырывать у насъ изъ строя ежедневно пятьдесятъ, шестьдесятъ человѣкъ“.

Задумали опять ночную атаку. Но войска состоятъ преимущественно изъ молодыхъ солдатъ. Ночное дѣло можетъ ихъ спутать. Генералъ нашелъ средство сдѣлать каждому солдату вполнѣ понятнымъ планъ атаки и всѣ подробности предпріятія.

Всѣмъ унтеръ-офицерамъ и фельдфебелямъ той части, которая должна будетъ идти ночью, приказано собраться на правомъ флангѣ близъ митральезъ.

— Садитесь, ребята, вокругъ, приказалъ онъ имъ.

Я первый разъ присутствовалъ при военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ дивизіоннаго командира и—его солдатъ!.. Судя по непринужденности послѣднихъ, видно было, что это повторяется уже не первый разъ, что они къ этому привыкли. И дѣйствительно, мнѣ потомъ разсказывали, что передъ всѣми своими предпріятіями, этотъ генералъ дѣлаетъ тоже самое.

Вокругъ Скобелева сѣли фельдфебель и унтеръ-офицеры суздальскаго полка. Солдаты разсѣлись потомъ кучками за ними. Все это вперило взгляды на генерала, все это жадно ловило его слова.

— Вотъ что, братцы. Ночью сегодня будетъ дѣло и мнѣ надо потолковать съ вами, чтобы все вышло толкомъ...

— Мы рады... послышалось кругомъ.

— Я не доволенъ своей дивизіей. Совсѣмъ она не та, что была прежде...

— Новыхъ много! Пришли изъ Россіи... Небывалые еще.

— Ваше дѣло, дѣло старыхъ солдатъ, учить ихъ...

— Пріобыкнутъ, ваше-ство.

— Ну, вотъ, видите. Турки подошли къ нашему лѣвому флангу на сто шаговъ. Видѣли вы ихъ траншею?

— Видѣли... Нѣтъ не видѣли...

— Кто не видѣлъ, тому полковой командиръ покажетъ. Траншея ихъ, можетъ сильно мѣшать намъ и потому надо ихъ наказать во-первыхъ, за дерзость, а во-вторыхъ, отвадить ихъ отъ этого на-предки.

— Какъ не надо... надо! Онъ нонче оттуда прямо къ намъ стрѣляетъ, ваше-ство...

— Ну, вотъ видите. Для этого я задумалъ вотъ что. Отрядъ, въ которомъ и вы, унтеръ-офицеры, будете, ночью сегодня съ барабанами позади, долженъ пробраться къ туркамъ. Дойдти до траншеи какъ можно тише. За двадцать шаговъ крикнуть ура, барабанщики забьютъ тревогу. Броситься въ траншею, переколоть кто попадется подъ руки, выгнать оттуда турокъ. Захватить ихъ ружья... За каждое ружье я даю по три рубля самъ, слышите.

— Слышимъ ваше-ство.

— Вся сила турокъ въ ружьѣ. Они не солдаты. Отнялъ у него ружье — вредъ; убилъ ты его, а ружье имъ оставилъ—они и не почешутся. Сейчасъ-же новаго найдутъ... Какъ только замѣтите, что турки переходятъ въ наступленіе и идутъ на васъ большими силами — сейчасъ-же за траншею и залечь за ихъ брустверомъ съ этой стороны. Отнюдь не стрѣлять — слышите. Когда начальникъ скомандуетъ — тогда только бить залпами. Наступитъ ихъ много — отступайте, но толково, медленно отстрѣливаясь. Если-же долго не будетъ атаки турокъ, то

траншею ихъ и зарыть можно... Если увидите, что идетъ табора два на васъ—подавайтесь назадъ, но тихо, стройно, отстрѣливаясь по командѣ, помните, что залповъ да еще дружныхъ, онъ страсть не любитъ.

— Ему залпы за первую непріятность... отзывается молодой солдатъ.

— Ну, то-то... Отступая, забрать не только всѣхъ раненыхъ, но и убитыхъ тоже, если будутъ. Помните, что если вы хотя одного тамъ оставите, лучше мнѣ и на глаза не показывайтесь. И видѣть я васъ не хочу..

— Зачѣмъ оставлять, ваше-ство.

— То-то, христіанами *) будьте... Поняли вы теперь мою мысль?

— Поняли.

— А ну-ка ты, повтори, что нужно дѣлать? обратился онъ къ рыжему громадному унтеру, все время точно въ ротъ вскочить къ Скобелеву собиравшемуся. Тотъ повторилъ; оказывается, понялъ толково.

— Ну, а ты, что станешь дѣлать, если турки наступать начнутъ?

И на это послѣдовалъ удовлетворительный отвѣтъ.

— Смотрите-же, ребята... Вы должны быть молодцами; докажите, что вы тѣ-же молодцы, съ которыми я Ловецъ бралъ и плевненскіе редуты.

— Докажемъ.

— Ну, братцы, можетъ кто-нибудь, что сказать хочетъ?

— Я, ваше-ство! выдвинулся молодой унтеръ-офицеръ.

— Въ чемъ дѣло?

---

*) Очень оригинальное сопоставленіе христіанства съ только что отданнымъ приказаніемъ переколоть турокъ...

— Выходить изъ траншеи черезъ брустверъ прямо нельзя. Турецкіе секреты близко, они сейчасъ и замѣтятъ... Лучше мы съ фланговъ выйдемъ и прокрадемся...

— Молодецъ! Спасибо за совѣтъ... поблагодарилъ его Скобелевъ... Не всегда только такъ дѣлать можно!

— Ну, теперь, г. полковникъ, покажите имъ турецкую траншею и всю мѣстность отъ нашего бруствера до нихъ. Только осторожно, изъ амбразуръ. А унтеръ-офицеры потомъ объяснятъ солдатамъ.

— Я въ первый разъ въ жизни вижу такой военный совѣтъ, обратился я къ Скобелеву.

— Иначе нельзя съ толкомъ дѣлать дѣло. Я и тридцатаго августа точно также, передъ взятіемъ турецкихъ редутовъ, поступилъ.

Когда мы шли назадъ, попался фельдфебель.

— Ну, смотри-же... Чтобы все у тебя вышло чисто. Выбери надежныхъ. Дряни съ собой не бери.

— Татаръ позвольте оставить здѣсь.

Скобелевъ поморщился. Видимо, это предложеніе было ему крайне непріятно.

— Да развѣ ты на нихъ не надѣешься?

— Не надѣюсь.

— Твое дѣло, только мнѣ это, куда какъ не нравится.

И дѣйствительно—его коробило ужасно...

— Да много ихъ у тебя?

— Человѣкъ восемь...

— Ну оставь ихъ... Экая гадость какая, съ перваго-же раза недовѣріе показывать; а нельзя—дѣло рискованное, слишкомъ рискованное...

Сегодня въ нашей траншеѣ музыка суздальскаго полка. Она вмѣстѣ съ полкомъ ходила еще недавно въ

атаки. Нѣкоторыя трубы прострѣлены—и Скобелевъ настоялъ, чтобы онѣ остались такими-же; какъ и пробитыя знамена, онѣ не должны мѣняться на новыя...

Совсѣмъ темно уже... Мы замѣчаемъ, что туманъ, стоявшій нѣсколько дней и столь желательный для дѣла нынѣшней ночи, начинаетъ разсѣеваться. На небѣ мелькаетъ нѣсколько робкихъ звѣздъ, мѣсяцъ прорѣзывается сквозь серебристый паръ.

— Скверно...

— Въ десять часовъ нельзя начать... Нужно около двѣнадцати. Тогда стемнѣетъ навѣрное.

Кашинъ, полковой командиръ, суетится больше всѣхъ.

Обходятъ траншею. Солдаты, которые должны идти, уже собраны—въ трехъ пунктахъ. Но еще одиннадцать часовъ — и очень свѣтло. Туманъ, какъ нарочно, разсѣялся...

Траншея погружалась въ мертвое молчаніе. Въ лицахъ—что-то тоскливое, пріуныли люди...

И не повѣрю я, чтобы на душѣ у кого-бы то ни было, не было жутко. Скобелеву жутко, всѣмъ жутко. „Нужно"—потому и идутъ.

— Ну, ребята, пора... Смотрите-же — молодцами... слышится шепотъ Скобелева. Теперь я посмотрю какъ выходить лучше, черезъ брустверъ или съ фланговъ.

И Скобелевъ перебирается черезъ брустверъ. Все тихо у турокъ, только обычные разсѣянные выстрѣлы... Скобелевъ прошелъ черезъ всю линію и вошелъ въ траншею съ лѣваго фланга ея.

— Нѣтъ, черезъ брустверъ лучше. Ну, съ Богомъ!..

Двадцать пять человѣкъ авангарда перебираются туда.

Часть отряда переходитъ брустверъ въ другомъ мѣстѣ, остальные справа присоединяются къ нимъ.

— Смотрите-же, даетъ послѣднее приказаніе Скобелевъ:—за брустверомъ выстроиться, идти въ одну линію, такъ чтобы локоть къ локтю былъ, чтобы солдатъ чувствовалъ своего товарища. (Какъ военный психологъ, онъ понимаетъ все ободряющее значеніе этого пріема).

Тихо все тамъ за брустверомъ. Притаились они что-ли. Становимся на банкетъ, вперяемъ взгляды въ даль... нѣтъ, вотъ они — движутся впередъ смутною линіей... Минуты, мгновенія или часы проходятъ?.. Вся душа перешла въ глаза и въ ухо... Только видишь и слышишь, чувствуя, что внутри все замерло.

— Урра! неистово гремитъ въ торжественномъ молчаніи ночи, ура—подхватываемое зловѣщимъ рокотомъ барабановъ и моментально вспыхивающими тамъ ружейными залпами, выстрѣлами...

— Урра! И тутъ-же обрывкомъ, диссонансомъ, доносится чей-то громкій, отчаянный стонъ.

Какъ и во всякомъ боѣ, часть отряда поддалась паникѣ, отстала и назадъ лѣзетъ на брустверъ съ стонами и восклицаніями: „батюшки, убили, голубчики, смерть!“

— Кого убили?

— Всѣхъ убили, всѣхъ; мы только вышли...

Другіе просто молча пробираются назадъ и прячутся въ траншею.

— Назадъ! кричатъ имъ.

Но стоны дѣлаются еще громче. Паника, какъ кругъ на водѣ, разливается по траншеѣ. Солдаты соскакиваютъ съ банкета и кучатся внизу... Въ это-же время болѣе мужественные дѣйствительно дерутся и умираютъ тамъ впереди.

Судя по этимъ вернувшимся людямъ, намъ въ первую минуту кажется, что дѣло не удалось. Сейчасъ нужно ожидать атаку непріятеля.

— На бруствѣръ, молодцы! бодро звучитъ команда Скобелева,—встрѣтимъ ихъ какъ слѣдуетъ русскимъ. На бруствѣръ, ребята! Ружья на прицѣлъ, стрѣлять по командѣ. Дула ниже.

Нѣсколько выстрѣловъ слышится изъ нашей траншеи, выстрѣловъ безъ команды, со страху, паническихъ.

— Кто тамъ стрѣляетъ? Въ своихъ попадетъ. Наши тамъ.

— Братцы, чтоже вы въ своихъ-то? слышится отчаянный крикъ за бруствѣромъ. Смятеніе въ траншеѣ на лѣвомъ флангѣ сильное. На правомъ люди стоятъ молодцами.

Минуты проходятъ какъ мгновенья. Хрипло раздается команда. По всей непріятельской линіи залпы. Нѣсколько гранатъ уже разорвались позади насъ. Вотъ шрапнель яркой звѣздой вспыхиваетъ надъ нами.

— Ахъ, это ужь не тѣ! вздыхаетъ Скобелевъ...

— Напрасно; останавливаетъ его Куропаткинъ.— Правый флангъ и центръ траншеи въ полномъ порядкѣ...

Черезъ бруствѣръ лѣзетъ цѣлая кучка.

— Куды вы? Трусы... наскакиваютъ на нихъ.

— Да мы раненаго несемъ, сурово, злобно звучитъ отвѣтъ.

Дѣйствительно, въ суматохѣ слышны болѣзненныя жалобы и въ душу проникающіе стоны.

Раненаго сносятъ внизъ, но въ это время по траншеѣ для подкрѣпленія лѣваго фланга, идетъ рота. Ей на встрѣчу безпорядочная кучка только что вернувшихся, объятыхъ паническимъ страхомъ солдатъ, слѣпо, безъ толку пробирающихся на правый флангъ. Раненый

ускользаетъ изъ рукъ носильщиковъ и падаетъ на землю. Масса проходитъ во тьмѣ черезъ него. На немъ суетятся, топчатъ его. Изъ подъ ногъ всей этой массы слышатся болѣзненные стоны, отчаянный вопль, мольбы... Но кому какое дѣло! Всякъ рвется скорѣе добиться до мѣста.

— Господи, Господи... замираетъ внизу все тише и тише голосъ раненаго; подъ конецъ, онъ только хрипитъ, видно силы нѣтъ кричать отъ боли...

А испуганная толпа, какъ рѣка, несется черезъ несчастнаго.

— Да есть-ли въ васъ душа, дьяволы! оретъ кто-то. Люди приходятъ въ себя.

Паники этой на лѣвомъ флангѣ было нѣсколько минутъ, но онѣ выросли въ цѣлые часы... Такъ живо отпечатлѣлась въ душѣ каждая подробность этого ужаснаго эпизода... Прошли эти минуты — и порядокъ водворился всюду...

Только теперь вернулись назадъ тѣ, кто дѣйствительно побывалъ въ непріятельской траншеѣ и сдѣлалъ свое дѣло. Кашинъ—какой-то растерянный, безъ шапки.

Вотъ какъ все было:

Наступающія двѣ роты за сорокъ шаговъ дошли до траншеи незамѣченными. Тутъ часовые дали по нимъ два залпа. Они крикнули „ура“ и смѣло бросились на брустверъ. Турки разбѣжались направо и налѣво, точно отхлынули отъ нашей атаки. Солдаты, вскочивъ въ траншею, перекололи въ ней оставшихся и, согласно программѣ, захвативъ ружья, перешли опять черезъ брустверъ и залегли за нимъ. Въ это время одинъ изъ командировъ ротъ (въ дѣлѣ были двѣ), Цытовичъ, падаетъ и опять подымается. Пуля прошла ему въ ногу. Онъ подъ вліяніемъ жгучей боли, теряетъ на минуту сознаніе и

инстинктивно идетъ назадъ. Его догоняетъ фельдфебель.

— Ваше благородіе! вернитесь, за вами вся рота хлынула. Отступаютъ.

Цытовичъ ничего не слышитъ...

Другая рота лежитъ и выжидаетъ непріятеля. Только-что онъ двинулся — встрѣтила его залпомъ. Но таборы турокъ ростутъ и ростутъ. Точно туча выплываетъ изъ-за горизонта... Приходится отступать и этой ротѣ. Все пространство между нашей траншеей и турецкой покрывается возвращающимися назадъ солдатами. Раненыхъ большею частію подбираютъ. Двухъ убитыхъ несутъ. Непріятель захватываетъ опять свою траншею — торжествующее „алла“ его разносится по окрестностямъ. Залпы оттуда... Оказывается раненымъ и второй ротный командиръ. Солдаты отступаютъ медленно — отстрѣливаясь, чтобы удержать непріятеля отъ атаки съ его стороны — это удается пока...

— Всѣ ли раненые здѣсь?

— Двое, кажется, тамъ остались.

Санитаровъ посылаютъ за ними. Тѣ покорно перелѣзаютъ за брустверъ. Раненыхъ собираютъ...

Вернувшихся изъ огня солдатъ, натерпѣвшихся страху, отсылаютъ въ соединительныя траншеи. Турки навѣрное перейдутъ въ наступленіе и очень энергическое, а разъ уже побывавшіе въ огнѣ и отступившія войска только распространяютъ панику между защитниками траншеи.

— Ну что? набрасываются на Кашина, когда онъ показывается въ траншеѣ.

— А вотъ! и онъ къ самому носу вопрошающаго поднесъ рукавъ своего мундира — простреленный.

— А рука самая цѣла?

— Рука цѣла... Ахъ, подлецы!

— Да кто подлецы?

— Нѣтъ, гдѣ моя шапка? хватается онъ за голову.

— Напрасно вы думаете, что дѣло не удалось, слышится въ сторонѣ чей-то хладнокровный голосъ. Солдаты исполнили все, что имъ было приказано. Ворвались въ траншею, перекололи кого застали тамъ, взяли нѣсколько турецкихъ ружей и вернулись назадъ. Вѣдь въ этомъ и была суть сегодняшняго предпріятія.

— Я боюсь за лѣвый флангъ, и иду туда! слышится голосъ Скобелева.

Куропаткинъ принимаетъ на себя правый, въ центрѣ распоряжается Мельницкій. Траншея — уже въ порядкѣ. Солдаты оправились — ждутъ. Мы въ одномъ ошиблись. Хотѣли наказать турокъ — и вызвали ихъ рѣшительную атаку... Видимо, они готовятся броситься на насъ съ превосходными силами. Такимъ образомъ, мы сегодня наказываемъ ихъ своими боками и если они одолѣютъ, то поплатимся вновь пріобрѣтенными позиціями... Сейчасъ долженъ рѣшиться вопросъ — кому будетъ принадлежать первый кряжъ Зеленыхъ горъ.

Густой огонь турецкихъ выстрѣловъ все ближе и ближе.

Турки идутъ на насъ въ атаку со всѣхъ сторонъ.

Силы ихъ громадны...

Стройныхъ, красивыхъ атакъ я не видалъ. Все это дѣлается въ величайшей суматохѣ. Кучка рѣшительныхъ людей идетъ впередъ, остальные мечутся, снуютъ, бѣгутъ назадъ, поселяя въ резервныхъ частяхъ панику. Въ безобразномъ хаосѣ, все дѣлается какъ бы стихійно, само собою. Иногда сами атакующіе думаютъ, что дѣло потеряно, когда оно выиграно. Часто въ траншеяхъ позади громко бранятъ наступающія роты, судя по разска-

замъ бѣжавшихъ назадъ трусовъ, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, предпріятіе оказывается исполненнымъ хорошо. Такъ точно и въ ночь на 3-е ноября. Гдѣ же тутъ изображенія нашихъ баталистовъ съ стройными рядами солдатъ, красиво рвущихся впередъ за картинно-развѣвающимися въ воздухѣ знаменами?

Не успѣли наши солдаты вскочить на брустверъ— какъ на правомъ флангѣ, въ сорока шагахъ, на лѣвомъ въ шестидесяти — открылась линія непріятельскаго огня. Съ неистовыми криками, въ количествѣ самое меньшее двѣнадцати таборовъ, турки ломились на насъ. Ломились безпорядочною массою, осыпая насъ тысячами пуль, точно рои пчелъ, жужжавшихъ надъ головами. Огонь былъ такъ силенъ, что освѣщалъ не только дула, но лица и линіи непріятельской атаки. Одновременно съ этимъ показали себя и кришинскія пушки. Съ пронзительнымъ стономъ перелетали гранаты и рвались далеко позади, тамъ, же лопались въ высотѣ и шрапнели, вспыхивая красными огнями надъ погруженными въ мракъ лощинами... Только одна граната лопнула противъ нашей баттареи, между нею и брустверомъ, выхвативъ изъ траншеи шесть жизней... Признаюсь, въ тотъ самый моментъ, когда я ждалъ безпорядочной защиты, суматохи судя по недавней нашей атакѣ, солдаты въ траншеѣ поразили меня изумительною правильностью дѣйствій. Что значитъ разница — между нападеніемъ и обороной. Тѣ же самые, которые бѣжали тогда назадъ въ паническомъ страхѣ, теперь хладнокровно стояли на банкетахъ бруствера, выдерживая, *на себя*, непріятеля.

— Ребята, не стрѣлять безъ команды... Возьми дула ниже... слышались позади приказанія офицеровъ.

Непріятель близится. Мертвое молчаніе нашей траншеи точно не наводитъ ужаса на таборы. Самъ Османъ-паша

здѣсь. Слышатся привѣтственные клики низама и ободряющее властное слово. Огонь турецкихъ выстрѣловъ выдаетъ эти таборы, освѣщая даже массу атакующихъ. Они вотъ — вотъ здѣсь у самой траншеи. И жутко стоять тутъ лицомъ къ лицу — но ноги точно приросли, не хочется сойти назадъ за бруствѣръ.

— Рота-а-а — пли!.. такъ и сѣло у меня въ ушахъ. Оглушающій трескъ залпа...

Рота-а-а — пли! слышится правѣе и такой-же грохотъ тамъ.

Команда точно удаляется отъ насъ къ флангамъ.

— Заряжай, ребята, скорѣе.

Въ сѣромъ пороховомъ дыму я вижу нервно, порывисто работающихъ солдатъ. Въ теченіи шести минутъ оттуда, гдѣ стою я, уже четыре залпа пустили прямо въ лицо турецкой атакѣ — вдругъ новыя команды, но въ отвѣтъ слышатся разсѣянные, одиночные выстрѣлы.

— Это что?

— Да экстракторы не дѣйствуютъ, жалуется одинъ изъ солдатъ.

Ружья Крнка показали себя. Послѣ четвертаго выстрѣла — щелкаетъ, щелкаетъ солдатъ экстракторомъ— патронъ все сидитъ себѣ въ дулѣ. Нужно выбивать его шомполомъ. И теряется, въ самую горячую кипень, масса дорогого времени.

Атака на правомъ флангѣ подошла къ намъ на двадцать шаговъ. Но тутъ уже не ротѣ, а цѣлому баталіону скомандовалъ самъ Скобелевъ:

— Баталіонъ — пли!

И тысяча выстрѣловъ слилась въ одинъ оглушающій хаосъ; тысяча пуль изъ хорошо положенныхъ дулъ вырвала десятки и сотни жизней въ непріятельскихъ таборахъ. Моментъ молчанія, затѣмъ, только стукъ экс-

тракторовъ... Громкіе стоны и вопли впереди, во тьмѣ передъ траншеей и—точно вся мѣстность всколыхалась тамъ... Топотъ, крики, удаляющійся шумъ людной массы... Аттака отбита... Но не надолго... Не прошло еще и пяти минутъ, какъ мы слышимъ опять впереди движеніе лавины шагахъ во ста, останавливающейся передъ нами.

— Ихъ строютъ для новаго наступленія. Я боюсь одного, чтобы они не прорвали гдѣ-нибудь траншею. Положеніе серьезно, можетъ быть придется лично защищаться каждому. Совѣтую вынуть револьверы, говоритъ намъ Скобелевъ шепотомъ.

Мы это и дѣлаемъ. Нервное волненіе ростетъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стараемся разсмотрѣть, что такое впереди за черной линіей бруствера. Унылые рожки турокъ запѣли свои сигналы, и во тьмѣ вспыхнула опять густая полоса ружейнаго огня... Полоса эта все ближе и ближе... Но она движется гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый разъ, видимо, что турки хотятъ взять стремительностью натиска. У насъ съ глухими стонами падаютъ люди въ глубь траншеи съ брустверовъ... Раненыхъ окажется много. Прямо на встрѣчу мнѣ идетъ кто-то, шатаясь какъ пьяный... Уже лицомъ къ лицу различаю я солдата, схватившагося рукою за грудь. Точно онъ хочетъ удержать въ ней что-то... А сквозь прижатые къ груди пальцы струится нѣчто, кажущееся ночью чернымъ... Онъ даже не стонетъ...

Скобелевъ проходитъ мимо... Залпы наши идутъ стройно... Атака турецкая и на этотъ разъ отбита. Я отправляюсь за генераломъ.

— Сегодня, они, очевидно задались цѣлью выбить насъ... Они еще никогда не нападали такъ настойчиво... Сейчасъ вѣрно начнется третья атака... Ай!.. схваты-

вается генералъ за бокъ. Я услышалъ передъ этимъ только звукъ, точно что-то шлепнуло около.

— Что такое, что съ вами?.. заговорили всѣ.

— Тише... Меня сильно задѣло... Скобелевъ прижимаетъ ладонь къ боку... Мельницкій подхватываетъ его.

— Оставьте... Развѣ можно?.. Солдаты видятъ... шепотомъ говоритъ онъ. — Здорово, молодцы! особенно громко привѣтствуетъ онъ солдатъ... Поздравляю васъ, славно отбили атаку.

— Рады стараться, слышится съ бруствера.

— Смотрите-же, честно стоять!.. Послужите, братцы, Россіи! И еще бросятся—и еще отобьемъ. Вѣдь турки — сволочь, ребята.

— Точно такъ ваше-ство!

— Ну, то-то же... Чего ихъ бояться...

— Вы ранены? подбѣгаетъ Гренквистъ...

— Ваше превосходительство!.. На свое мѣсто!.. Чтобы ни случилось ребята—дружно стоять, держись одинъ другого... Помните — умереть на мѣстахъ и не отдать траншеи... Вся Россія смотритъ теперь на насъ...

— Ура! вспыхиваетъ около Скобелева, и гулкими перекатами разносится по флангамъ.

— Ахъ, какъ больно, однако, шепчетъ Скобелевъ подъ этотъ крикъ.

— Идите въ землянку скорѣй.

— Нѣтъ. Вѣсть, что я раненъ, распространится по всей траншеѣ. Нужно идти на лѣвый флангъ. И онъ отправляется туда, ободрять солдатъ: „Сохранимъ это мѣсто для нашихъ братьевъ... Мы его кровью добыли. Не дешево оно намъ стоитъ...“ Минута была дѣйствительно торжественная. Въ эту ночь, будь турки посмѣлѣй и понастойчивѣй, они могли бы броситься въ самую траншею и намъ каждому пришлось бы самому за-

щищать себя лично. Разумѣется, мы бы опять отняли траншею. Но чего бы намъ это стоило?

— Не отдадимъ, ваше-ство! слышится откликъ. Траншея была пройдена, мы всѣ, наконецъ, вошли въ землянку. При огнѣ лицо Скобелева казалось слегка поблѣднѣвшимъ. Снимаютъ полушубокъ, Скобелевъ раздѣвается и...

— Да гдѣ-же она?..

— Что такое?.. кто она?

— Раны нѣтъ, радостнымъ голосомъ замѣчаетъ Куропаткинъ.

— Какъ нѣтъ? Кровь кидается въ лицо Скобелеву.

— Такъ... Поздравляю съ контузіей, громко выкрикиваетъ кто-то.

Тутъ только Скобелевъ опускается на кровать.

— Но какъ больно было, какъ далеко отдалась, а я думалъ, что она оцарапала глубоко. Скорѣе одѣваться. Болитъ да дѣлать нечего, нужно идти. Мы осматриваемъ полушубокъ: оказывается, что пуля ударилась въ правый бокъ, тамъ гдѣ клапанъ застежки, отодрала его и, пробивъ полушубокъ, сильно ушибла тѣло. Контуженъ былъ Скобелевъ внутри траншеи, гдѣ спятъ обыкновенно, гдѣ считалось пребываніе самымъ безопаснымъ.

— Здорово, молодцы! Спасибо за службу! черезъ нѣсколько мгновеній уже звучалъ опять въ траншеѣ голосъ Скобелева, подъ гвалтъ и трескъ новой атаки турокъ. Она теперь гораздо неистовѣе, чѣмъ въ первые два раза и направлена главнымъ образомъ на фланги. Скобелевъ, Мельницкій и Куропаткинъ берутъ подкрѣпленіе и кидаются туда усилить ихъ. Неопытные ротные командиры дѣлаютъ ошибку, торопятъ стрѣлять — отъ этого опять много возни съ экстракціей ружья Крнка и огонь не такъ густъ. Въ эту минуту я наблюдаю въ

первый разъ залпъ у турокъ. До сихъ поръ они стрѣляли сплошнымъ огнемъ, часто, но не залпами. Впрочемъ, это былъ изъ очень неудачныхъ и больше не повторялся... Фитильныя гранаты изъ гладкоствольныхъ турецкихъ орудій, какъ ракеты, взвиваются надъ нами, оставляя огнистый слѣдъ въ высотѣ... Турки переняли наше ура и выкрикиваютъ его на своемъ правомъ флангѣ.

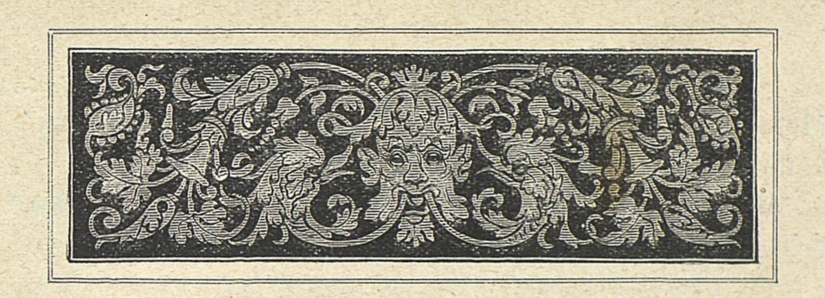
Еще нѣсколько минутъ — и атака отбита. Непріятель уходитъ, чтобы не возобновлять ее сегодня, но изъ своихъ траншей бьетъ насъ ружейнымъ огнемъ. Всѣ съ томленіемъ ждутъ утра. Всѣхъ мучитъ одна мысль — о потеряхъ этой ночи. Хорошо, если выбыло человѣкъ двѣсти... Только-что разсвѣло, произвели повѣрку и оказалось, что эта ночь стоила намъ ста тридцати человѣкъ убитыми и ранеными.

Еще однѣ сутки я провелъ здѣсь — и на слѣдующую ночь Скобелевъ былъ вновь контуженъ въ плечо. Эта контузія въ первый моментъ сшибла его съ ногъ...

Зеленогорская траншея уже теряетъ для меня, какъ для корреспондента, интересъ. Дѣло въ томъ, что окончательно рѣшена блокада и штурмовать мы ничего не будетъ. Всѣ жертвы, принесенныя здѣсь, оказались напрасными...

8-го ноября я уѣхалъ въ Бухарестъ — отдохнуть дня три-четыре.

XXII.

Скобелевъ обладалъ рѣдкою справедливостію по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Онъ никогда не приписывалъ себѣ успѣха того или другаго дѣла, никогда не упускалъ случая выдвинуть на первый планъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Всякій разъ, когда его благодарили — онъ и въ частномъ разговорѣ, и при офиціальныхъ торжествахъ заявлялъ прямо:

— Я тутъ непричемъ... Все дѣло сдѣлано — такимъ-то...

Нѣсколько разъ онъ при подобныхъ случаяхъ — прямо указывалъ на Куропаткина какъ на виновника даннаго успѣха, и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, такъ что никому не приходило въ голову, что это только скромность побѣдителя...

— Я вамъ, братцы, обязанъ! Это вы все сдѣлали... Мнѣ за васъ дали мои кресты! говорилъ онъ солдатамъ, и не только для того, чтобы воодушевить ихъ...

Онъ дѣйствительно вѣрилъ въ громадное значенiе солдата...

— Генералъ можетъ только подготовить свой отрядъ, дать ему боевое воспитанiе, затѣмъ выбрать позицiю и намѣтить первые моменты боя... Потомъ, вся его роль— въ массированiи войскъ, въ сохраненiи резерва на готовѣ. Въ каждомъ сраженiи ставятъ моментъ — стихiйный. Тутъ уже — никто не при чемъ. Можно подавать примѣръ личнымъ мужествомъ, находчивостью — но это и каждый офицеръ тогда можетъ и долженъ!.. Дѣйствуетъ масса — она идетъ, она какъ-то безсознательно выбираетъ направленiе, она крушитъ непрiятеля, она выигрываетъ побѣду... И зачастую генералъ здѣсь уже не при чемъ.

Все время послѣ занятiй Зеленыхъ горъ, вплоть до паденiя Плевно — Скобелевъ дружится и, какъ говорятъ, на короткую ногу сходится со своими солдатами. Да и не со своими, съ чужими также. Въ этомъ не было заискиванiя популярности, нѣтъ. Его органическая потребность тянула его къ солдату, онъ хотѣлъ изучить его до самыхъ послѣднихъ изгибовъ его преданнаго сердца. Онъ не ограничивался биваками и траншеями. Сколько разъ видѣли Скобелева, слѣдующаго пѣшкомъ съ партiями резервныхъ солдатъ, идущихъ на пополненiе таявшихъ подъ Плевно полковъ. Бывало, ѣдетъ онъ верхомъ... Слякоть внизу — снѣгъ сверху... Холодно... Небо въ тучахъ... Впереди въ бѣломъ маревѣ показываются сѣрыя фигуры солдатъ, совсѣмъ оловянныхъ, отъ голодовки, дурной погоды и устали.

— Здравствуйте, кормильцы!.. Ну-ка, козакъ, возьми коня!

Скобелевъ сходитъ съ сѣдла и присоединяется къ „хребтамъ". Начинается бесѣда. Солдаты сначала мнутся и стѣсняются, потомъ генералу удается ихъ расшевелить и, бесѣдуя совершенно сердечно, они добираются до позицій. Въ концѣ концовъ, каждый такой солдатъ, попадая въ свой баталіонъ — несетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣсть о доступности бѣлаго генерала, о любви его къ этой сѣрой, невидной, но упорной силѣ. Войска такимъ образомъ, еще не зная Скобелева, уже начинаютъ платить ему за любовь — любовью...

Или, бывало, ѣдетъ онъ — на встрѣчу партія „молодыхъ солдатъ", по прежнему, новобранцевъ.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравія желаемъ, ваше-ство...

— Эко, молодцы какіе!.. Совсѣмъ орлы... Только что изъ Россіи?..

— Точно такъ, ваше-ство.

— Жаль, что не ко мнѣ вы!.. Тебя какъ зовутъ? останавливается онъ передъ какимъ-нибудь курносымъ парнемъ. Тотъ отвѣчаетъ.

— Въ первомъ дѣлѣ вѣрно Георгія получишь?.. А? получишь Георгія?

— Получу, ваше-ство!..

— Ну, вотъ... Видимое дѣло, молодецъ... Хочешь ко мнѣ?

— Хочу!..

— Запишете его фамилію... Я его къ себѣ въ отрядъ возьму...

И длится бесѣда... Съ каждымъ переговоритъ онъ, каждому скажетъ что-нибудь искреннее, пріятное...

— Со Скобелевымъ и умирать весело! говорили солдаты... Онъ всякую нужду твою видитъ и знаетъ...

И дѣйствительно, видѣлъ и зналъ. Отъ интендан-

товъ онъ отдѣлывался всѣми мѣрами. Просто, не пускалъ ихъ къ себѣ иной разъ. Ротные и баталіонные командиры были озабочены продовольствіемъ своихъ солдатъ.

— Они наживаться вѣдь могутъ? замѣтилъ ему какъ-то сторонникъ интендантскаго режима въ арміи.

— Кто — командиры? Да мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

— Какъ это дѣла нѣтъ?

— Разумѣется — нѣтъ. Если солдатъ получаетъ у меня хлѣба и мяса въ волю, чай и водку, если на моихъ офицеровъ нѣтъ жалобъ ни откуда, если населеніе ими довольно — что-же мнѣ за дѣло до остальнаго...

И дѣйствительно, его солдатъ — кормили какъ ни гдѣ. Меньше всего болѣла его дивизія; и послѣ Балканскаго перехода, и двухдневнаго боя подъ Шейновымъ, среди истомленныхъ, блѣдныхъ и голодныхъ другихъ отрядовъ, скобелевскій предсталъ передъ главнокомандующимъ въ такомъ видѣ, что Великій князь изумился и воскликнулъ:

— Это что за краснорожіе!.. Видимо — сытые совсѣмъ... Слава Богу, хоть одни на мертвецовъ не похожи.

За то же и солдаты понимали и цѣнили эту заботливость.

Если кто-нибудь изъ чужихъ генераловъ спрашивалъ ихъ:

— Вы какой дивизіи?.. Или: какіе вы?..

Они не называли ни дивизіи, ни полка, ни роты. На все былъ одинъ отвѣтъ.

— Мы — Скобелевскіе, ваше-ство!..

И въ этихъ немногихъ словахъ звучала гордость,

слышалось сознаніе своихъ заслугъ, своего привилегированнаго, добытаго кровью положенія...

Скобелевецъ — солдатъ, какъ солдатъ четырнадцатой дивизіи на Шипкѣ — были совершенно отдѣльными типами арміи. Эти и ходили козырями, и говорили молодцами, не стѣсняясь, и вообще ни при какихъ обстоятельствахъ не роняли своего достоинства... „Это что за пѣтухи такіе“, „ну и ферты!“ вырывались восклицанія у тѣхъ, кто еще не былъ знакомъ съ ними. Къ солдатамъ другихъ отрядовъ, даже къ гвардіи — они относились съ нѣкоторымъ превосходствомъ... Они и одѣты были чище, и больше слѣдили за собою... Нравственность ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Когда былъ занятъ Андріанополь — въ теченіи первой недѣли исключительно 16-ою дивизіей, ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ не случилось ни одной кражи, ни одного грабежа. Уже потомъ, когда на смѣну пришли другіе войска, началось остальное хозяйничанье... Съ плѣнными Скобелевцы обращались тоже гораздо лучше, чѣмъ другіе... Тѣ ѣли съ ними изъ одного котла.

— Такіе же солдаты, какъ и мы, только въ несчастіи значитъ... Ему ласка нужна. Разъ я самъ слышалъ эти сердечныя выраженія ихъ сочувствія къ участи бѣдняковъ — аскеровъ.

— Бей врага безъ милости — пока онъ орудіе въ рукахъ держитъ, — внушалъ имъ Скобелевъ. Но какъ только сдался онъ, амину запросилъ, плѣннымъ сталъ — другъ онъ и братъ тебѣ. Самъ не доѣшь — ему дай. Ему нужнѣе... И заботься о немъ, какъ о самомъ себѣ!..

И заботливость эта сказалась послѣ шейновскаго боя — когда плѣнные были распредѣлены по-ротно и ѣли у солдатскихъ котловъ вмѣстѣ съ нашими... Я помню въ этомъ отношеніи одинъ весьма разительный примѣръ.

Когда на Шейновскомъ курганѣ былъ уже поднятъ бѣлый флагъ — Скобелевъ поскакалъ по направленію къ круглому редуту. На встрѣчу — партія плѣнныхъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ ее солдатъ ударилъ турецкаго аскера прикладомъ. Боже мой! Какъ разомъ освирѣпѣлъ Скобелевъ.

— Это что за нравы? г. офицеръ...

Конвоировавшій офицеръ подошелъ къ Скобелеву.

— Я отниму у васъ саблю вашу... Вы позоръ русской арміи... За чѣмъ вы смотрите?.. Стыдъ!.. У васъ солдаты бьютъ плѣнныхъ... Это чортъ знаетъ что такое...

Офицеръ что-то забормоталъ въ свое оправданіе.

— Молчать! и онъ далъ шпоры своему коню. Я думалъ, что онъ растопчетъ офицера.

— Еще оправдываться!.. Бываютъ случаи —когда въ плѣнъ нельзя брать, когда силы малы и плѣнные могутъ быть опасны, тогда плѣнныхъ по печальной необходимости разстрѣливаютъ... Слышите? Но не бьютъ. Бить плѣнныхъ можетъ только мерзавецъ и негодяй. Офицеръ, спокойно глядящій на такую подлость — не долженъ быть терпимъ... Палачи!.. Фамилія ваша?

Тотъ пробормоталъ ее.

— Не совѣтую вамъ никогда попадать въ мой отрядъ... А ты — какъ ты могъ ударить плѣннаго? наскочилъ онъ на солдата... Ты дѣлалъ ему честь, дрался съ нимъ однимъ оружіемъ, онъ такой же солдатъ, какъ и ты, и только потому, что судьба противъ него, потому, что сила на твоей сторонѣ—ты бьешь безоружнаго!..

Послѣ уже я говорю ему:

— Какъ согласить это противорѣчіе. Вы сами говорите, что врага добить надо.

— Да, врага вооруженнаго, врага который можетъ

еще вредить. Врага—слабаго, разбитаго, беззащитнаго, нельзя тронуть. Плѣнный—разъ вы его взяли въ плѣнъ, а не убили—святой человѣкъ... Объ немъ надо заботиться, также какъ и о своихъ...

И дѣйствительно, плѣнные всегда были накормлены и укрыты отъ непогоды у Скобелева.

Только не подъ Плевной.

Тамъ сразу на нашихъ рукахъ осталось 40,000 плѣнныхъ и при какихъ обстоятельствахъ, когда продовольствіе даже своей арміи внушало серьезныя опасенія... Для плѣнныхъ приготовлено ничего не было. Главнокомандующій поручилъ ихъ отцу Скобелева, и между нимъ и сыномъ были постоянныя препирательства изъ-за этого.

Скобелевъ-сынъ, назначенный военнымъ губернаторомъ Плевны, постоянно добивался у отца:

— Ну, чѣмъ, ваше превосходительство, вы сегодня накормите турокъ?

— А тебѣ что за дѣло?

— Одного барашка на 40 тысячъ человѣкъ прислали?

— Ну, ужь пожалуйста! Къ тебѣ не обратимся.

— Да мнѣ и дать вамъ нечего... Я тебѣ, отецъ, знаешь что посовѣтую, въ интересахъ военной дисциплины и нравственнаго воспитанія ввѣренныхъ тебѣ турокъ.

— Что?

— А ты имъ брось барана, они съ голоду на него накинутся, ты за безпорядокъ, барана назадъ... Такимъ образомъ, и бараны будутъ цѣлы, и туркамъ жаловаться не на что — сами виноваты...

Онъ тогда же предложилъ помѣстить плѣнныхъ въ ихъ редуты, гдѣ бы въ землянкахъ они могли быть ук-

рыты отъ снѣга и холода, но это почему-то не было принято.

На его позицію не разъ являлись турки-перебѣжчики и этихъ кормили, прежде чѣмъ отправить дальше.

Когда четвертый актъ плевненской трагедіи окончился и Плевна пала — румуны бросились въ городъ и начали грабить кого ни попало. Тотчасъ по назначеніи Скобелева военнымъ губернаторомъ — онъ позвалъ румунскихъ офицеровъ.

— Господа! Я долженъ васъ предупредить, чтобы не ссориться больше съ вами... Ваши солдаты — грабятъ городъ.

— Мы побѣдители, а побѣдители имѣютъ право на имущество побѣжденныхъ...

— Ну, во-первыхъ, вы съ мирными жителями не воевали, слѣдовательно, и не побѣждали ихъ, а во-вторыхъ, подите и предупредите своихъ, что я такихъ побѣдителей буду разстрѣливать... Всякій пойманный на мародерствѣ будетъ убитъ, какъ собака... Такъ и помните... Постойте... Ваши обижаютъ женщинъ — предоставляю вамъ судить, насколько это гнусно... Знаете — ни одна жалоба не останется безъ послѣдствій, ни одно насиліе — не будетъ безнаказанно.

Турки его прозвали справедливымъ...

— Для него нѣтъ различія... Что свои, что чужіе... Если мирные — онъ не дастъ въ обиду... говорили они объ акъ-пашѣ. Одно только, зачѣмъ онъ болгарскимъ дружинамъ приказалъ конвоировать плѣнныхъ.

Когда Скобелеву передали это, онъ очень ясно объяснилъ свой взглядъ на дѣло.

— Болгары до сихъ поръ были рабами. Нужно, — чтобы они поняли, что теперь они граждане и воины. Я приказываю именно имъ сопровождать прежнихъ сво-

ихъ господъ въ плѣнъ, не для того, чтобы послѣднимъ дать почувствовать всю его тяжесть, а чтобы первые выросли до сознанія своей независимости и равноправности съ нами.

Въ Плевнѣ мы нашли массы турецкихъ раненыхъ и больныхъ... Частію они уже умирали, частію уже умерли, частію подавали надежды на выздоровленіе. Болгары забили окна и двери этихъ госпиталей, да и самъ Османъ, пока былъ еще въ городѣ, не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія.

— Когда нужно драться—лечить некогда, говорилъ онъ. Раненые и больные—лишняя тягость. Султану и Турціи они не нужны. Лучше, если скорѣе умрутъ... И безъ нихъ дѣла много.

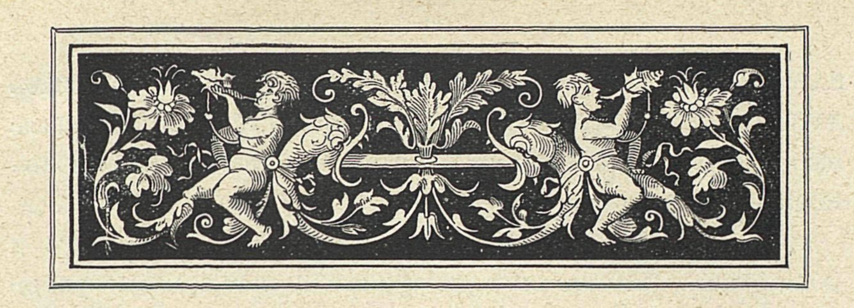
Скобелевъ относился иначе. Онъ сейчасъ-же принялся за устройство гигіеническихъ пунктовъ и командировалъ цѣлую тучу врачей и санитаровъ, занявшихся турками. Послѣ его посѣщенія мечети, гдѣ были сложены раненые турки, они говорили.

— У васъ лучше, чѣмъ у насъ, теперь мы видимъ это.

— Почему?

— Вашъ акъ-паша и турокъ посѣщаетъ, враговъ своихъ, а нашъ Османъ, никогда не видалъ насъ!

XXIII.

Въ день боя подъ Плевно, послѣдняго, закончившаго эту страшную эпопею плевненскаго сидѣнія, Скобелеву было приказано принять въ командованіе гвардейскую бригаду. По первоначальной диспозиціи — она должна была составить резервъ. Когда полковникъ Куропаткинъ доставилъ Михаилу Дмитріевичу приказаніе Ганецкаго — вести ее за середину расположеній гренадерскаго корпуса, вмѣстѣ съ 16-ой пѣхотной дивизіей, и они уже двинулись—тогда на мѣстѣ боя залпы замерли, тишина смѣнила недавній стихійный грохотъ сраженія и только опанецкія орудія изрѣдка еще посылали свои гранаты за Видъ... Скобелеву дали знать, что турецкая армія сдается. Гвардейская бригада и 16-ая дивизія остановились.

Это потомъ поставили въ упрекъ Скобелеву.

Командующій этою бригадою написалъ даже рапортъ на Скобелева, обвиняя его въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать возможность отличиться его войскамъ, не ввелъ ее въ бой сейчасъ-же, желая будто-бы выгодно выдѣлить свою 16-ую дивизію...

Уже по пути на Балканы я спросилъ объ этомъ у Скобелева.

— Да, во-первыхъ, и 16-ая дивизія не принимала никакого участія въ дѣлѣ... возразилъ Скобелевъ. А во вторыхъ, я почитаю за величайшій военный талантъ того, кто возможно меньше жертвуетъ людьми. Достигать большихъ результатовъ съ возможно меньшими потерями—вотъ моя задача, какъ я ее понимаю... Не такъ-ли?..

— Я самъ думаю, что солдаты этой гвардейской бригады далеко не раздѣляли воинственныхъ претензій своего командира.

— Еще-бы... Сверхъ того, знаете: удайся Осману прорваться—все вѣдь нужно было предвидѣть—важнѣе всего было-бы, что: имѣть подъ руками свѣжія войска. Что тутъ разсказывать—вотъ вамъ примѣръ: при Маренго Меласъ вездѣ прорвалъ линіи французовъ. Австрійцы считали уже сраженіе выиграннымъ; поручивъ побѣдоносно шествовавшую впередъ армію и преслѣдованіе французовъ Цаху, генералъ Меласъ самъ уѣхалъ въ Александрію писать реляцію о полномъ пораженіи французовъ... Наполеонъ—тоже считалъ дѣло проиграннымъ, но соперникъ его по военнымъ талантамъ, Дезе, остановилъ перваго консула. „Одно сраженіе мы проиграли—начнемъ сейчасъ-же другое!“ У Дезе оставалась нетронутой и не потерпѣвшей, одна дивизія въ 9.000 человѣкъ... Останови онъ въ тотъ-же моментъ

австрійцевъ—они-бы его разомъ смяли... Но вѣдь никакой побѣдоносный маршъ не выдерживаетъ разстояній. Черезъ нѣсколько верстъ, австрійцы запыхались... Дезе отступилъ и занялъ Маренго. Австрійцы, наконецъ, изъ развернутаго боеваго строя свернулись въ походныя колонны и когда поравнялись съ Маренго—Дезе бросился на нихъ съ консульской гвардіей и разбросалъ недавнихъ побѣдителей, такъ что реляцію о пораженіи врага нужно было писать уже Наполеону.

— Чтожь, изъ этого?

— А то, что въ сраженіяхъ такого рода всегда надо имѣть подъ руками сосредоточенный и свѣжій резервъ, который и рѣшитъ въ случаѣ чего побѣду. Если-бы я ввелъ, т. е. если-бы я имѣлъ время ввести въ боевую линію свою дивизію и гвардейскую бригаду—у насъ резервовъ-бы уже не было вовсе!.. А впрочемъ, если-бы я получилъ приказаніе какъ слѣдуетъ—я-бы его исполнилъ... Въ такихъ случаяхъ, не дѣло подчиненнаго разсуждать...

Хотя, разумѣется, есть таланты, которые не могутъ быть подчиненными... Слишкомъ рано они обнаруживаютъ орлиный взглядъ и насквозь видятъ промахи своихъ начальниковъ... Какъ при этихъ условіяхъ безпрекословно исполнять ихъ приказанія?..

При первой встрѣчѣ съ Османомъ пашею въ Плевнѣ, Скобелевъ обратился къ нему съ искреннимъ привѣтствіемъ.

— Я радъ видѣть доблестнаго турецкаго генерала, отваги и талантамъ котораго такъ завидовалъ во время осады...

Османъ тоже не остался въ долгу.

— Русскій генералъ еще молодъ, но слава его уже велика... Скоро онъ будетъ фельдмаршаломъ своей ар-

міи и докажетъ, что другіе могутъ ему завидовать, а не онъ другимъ...

Въ Плевно, Скобелевъ занималъ небольшой домъ... Въ первые же дни, Государь Александръ II выразилъ желаніе—по пути на смотръ гренадерскаго корпуса, позавтракать у Михаила Дмитріевича. Онъ пріѣхалъ къ нему въ полдень. Самаго генерала къ завтраку не пригласили, онъ какъ хозяинъ только распоряжался имъ... Скобелевъ было принялъ это за немилость, какъ вдругъ къ нему обращается покойный Императоръ.

— Покажи-ко мнѣ свой домъ! Вы, господа, оставайтесь.

Скобелевъ повелъ его въ другія комнаты; затѣмъ Государь порывисто обнялъ и поцѣловалъ его...

— Спасибо тебѣ, Скобелевъ!.. за все... за всю твою службу — спасибо! И онъ еще разъ поцѣловалъ его.

Михаилъ Дмитріевичъ глубоко цѣнилъ расположеніе Его. Въ данномъ случаѣ онъ и понялъ и душевно благодаренъ остался Государю. Явно при всѣхъ обнаруженная милость надѣлала бы генералу еще болѣе враговъ, которыхъ у него было и безъ того достаточно... Еще болѣе потому достаточно, что въ это время М. Д. былъ уже любимцемъ главнокомандующаго Великаго князя.

Въ Плевнѣ Скобелеву — не пришлось отдохнуть совсѣмъ. Готовился переходъ черезъ Балканы, ему доставалась въ этомъ блистательномъ дѣлѣ прошлой войны одна изъ главныхъ ролей. Онъ писалъ въ главную квартиру, дѣлалъ заготовки, исполнялъ вооруженія и снабженія своего отряда цѣлою массой необходимыхъ вещей. Въ тоже время, ему приходилось заботиться о порядкѣ въ только что занятомъ городѣ, водворять на жительство возвращавшихся туда турокъ, мирить ихъ съ мѣ-

стными жителями... Въ последнемъ случаѣ, онъ впрочемъ, не церемонился. Тѣхъ, кто обижалъ возвращавшихся — подвергали строжайшей отвѣтственности...

— Это, ребята, помните, говорилъ онъ своимъ солдатамъ. Это уже не враги... Это друзья... Пока это такіе-же подданные Государя какъ и вы... И обязаны вы поэтому защищать ихъ, какъ своихъ родныхъ... А кто ихъ обидитъ — такъ будетъ имѣть дѣло со мною. Чего я не совѣтую вамъ...

Отдыхалъ онъ только за обѣдомъ, и тогда къ столу его собиралась самая разношерстная публика. Тутъ были и генеральскіе погоны съ вензелями, и полушубки случайно толкавшихся въ Плевно армейскихъ офицеровъ. Бархатный воротникъ генеральнаго штаба рядомъ съ оборваннымъ кафтаномъ вольноопредѣляющагося солдата, черные сюртуки корреспондентовъ, съ бараньими куртками какого-нибудь болгарина, тоже приглашеннаго сюда. Но не одно это отличало общество, собиравшееся у Скобелева. Здѣсь всюду чувствовался духъ боеваго товарищества — различій не было, не было и исключительныхъ вниманій... Шумъ стоялъ въ столовой, говорилъ и возражалъ кто хотѣлъ. Полуграмотный казацкій хорунжій чувствовалъ себя дома, какъ дома чувствовалъ себя наѣзжавшій сюда образованнѣйшій изъ прусскихъ военныхъ Лигницъ.

— У тебя кухмистерская какая-то! шутилъ старикъ Скобелевъ, попадая въ эту разношерстную толпу.

Самъ Скобелевъ, съ каждаго своего объѣзда Плевны, возвращался къ себѣ съ цѣлою толпою гостей. Случайно встрѣченный офицеръ, ординарецъ, молніеносный марсъ полеваго казначейства — все это „привлекалось къ законной отвѣтственности", т. е. къ обѣду.

— У меня всѣмъ за столомъ есть мѣсто! говорилъ

онъ, и гости, потѣснясь немного, пропускали вновь прі-ѣхавшихъ.

Въ виду такого широкаго гостепріимства — не послѣднимъ лицомъ былъ Жозефъ, типъ всесвѣтнаго авантюриста, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ тому, на ослѣ пріѣхавшаго къ Скобелеву и черезъ мѣсяцъ на ослѣ-же уѣхавшаго отъ него. Это былъ полуфранцузъ, полуитальянецъ, уроженецъ Каира, воспитавшійся въ Бруссѣ, бывшій поваромъ въ Тунисѣ, открывшій потомъ кафе—въ Варнѣ. Не заплативъ своимъ кредиторамъ, изъ Варны онъ бѣжалъ въ Индію—тамъ занимался какими-то темными промыслами и въ концѣ концовъ, попалъ въ Румунію, оттуда явился поваромъ къ Скобелеву. Это былъ какой-то шутъ гороховый, потѣшавшій всѣхъ отъ генерала до деньщика... Когда Скобелевъ былъ въ зеленогорской траншеѣ — этотъ Ватель, ни разу не рѣшался посѣтить его, отсылая свой обѣдъ съ казаками. Когда турки довольно старательно начали обстрѣливать Брестовецъ — Жозефъ совсѣмъ потерялъ голову. Желая пошутить надъ нимъ, Скобелевъ потребовалъ личнаго его появленія въ траншеѣ.

— Скажите генералу, что если онъ прикажетъ мнѣ самому пойти въ это „глупое мѣсто", то я возьму свой чемоданъ и осла и скажу адье.

Немного погодя, онъ прислалъ другое заявленіе.

„Mon général!.. Мнѣ надоѣли и турецкія пули, и русскіе солдаты, которые даже и подъ гранатами спятъ, „comme les ours". Это не входило въ наши условія, почему я и прошу ваше превосходительство принять мѣры, чтобы турки отнюдь не обстрѣливали моей кухни, ибо я человѣкъ свободный и умирать вовсе не желаю...

Въ слѣдующій разъ, когда Скобелевъ пріѣхалъ въ Брестовецъ, самъ — къ нему явился мосье Жозефъ.

— Ну, мосье Жозефъ, что вамъ угодно?

— Я пришолъ узнать, mon general, вошли-ли вы въ сношеніе съ турками, чтобы они не стрѣляли въ мою кухню...

— Входилъ... Но Османъ-паша сказалъ, чтобы я лично послалъ васъ къ нему для объясненій... Будьте готовы. Завтра утромъ вамъ завяжутъ глаза и...

— Я не согласенъ... Я не могу быть парламентеромъ, я не хочу, наконецъ.

— Завяжутъ глаза и отведутъ въ Плевно...

— Я буду протестовать... Я обращусь ко всей Европѣ...

Кругомъ расхохотались. Жозефъ понялъ, что надъ нимъ смѣются.

— Вы, трусъ, мосье Жозефъ.

— Быть храбрымъ я не обязывался по условію...

Когда Плевно пало, мосье Жозефъ опять подалъ поводъ къ безконечнымъ насмѣшкамъ на свой счетъ. Какъ-то является онъ къ Скобелеву.

— Что вамъ?..

— Я пришелъ требовать должнаго!.. И Жозефъ принялъ мрачный видъ.

— Именно?

— Я мѣсяцъ держался здѣсь подъ огнемъ... Въ мою кухню спеціально стрѣляли турки... Для нихъ, вы знаете, mon general, для нихъ нѣтъ ничего святаго! Но я все-таки держался. Вы на Зеленыхъ горахъ, а я здѣсь, въ Брестовцѣ... И потому — мнѣ слѣдуетъ крестъ!..

— Какой крестъ?

— Георгіевскій... St. George! какой дается всѣмъ храбрымъ...

— Да, но вѣдь вы не обязались быть храбрымъ по условію...

— Если-бы это входило въ условіе — то за храбрость мнѣ-бы полагалось жалованіе... Такъ какъ это сверхъ условія—то я требую себѣ крестъ... Вы всѣмъ медвѣдямъ солдатамъ дали кресты, я тоже себѣ хочу...

— Вы съ ума сошли, мосье Жозефъ!..

— Mon général... У меня есть въ Каирѣ престарѣлая мама... Обрадуйте ее. Если она увидитъ меня съ крестомъ — она проститъ мнѣ увлеченіе моей юности!..

XXIV.

Въ скобелевскомъ отрядѣ ни разу не практиковался обычай вѣшать кресты на прислугу. Въ другихъ — крестами щеголяли деньщики и кучера разныхъ генераловъ, здѣсь — никогда. Круковскій, деньщикъ Скобелева, жившій съ нимъ въ траншеѣ — не смѣлъ и думать о такомъ отличіи... Разъ было онъ заикнулся...

— Ступай въ строй и заслужи... За чистку сапогъ георгіевскіе кресты не вѣшаютъ...

Вообще — тутъ они доставались не даромъ.

Обыкновенно, когда присылаютъ *голосовые* кресты на роту, то солдаты приговариваютъ ихъ не наиболѣе храбрымъ, а наиболѣе вліятельнымъ и богатымъ вольноопредѣляющимся. Скобелевъ никогда недопускалъ ничего подобнаго... Вотъ какъ это дѣлалось... Подъѣзжаетъ онъ къ ротѣ.

— Выбрали, ребята, кому кресты?

— Выбрали, ваше-ство...

— Кому-же?

— Фельдфебелю — первый! рапотуетъ ротный командиръ, потомъ вольноопредѣляющемуся такому-то...

— Вотъ что, ребята, кресты должны доставаться не фельдфебелямъ, а тѣмъ, кто дѣйствительно стоитъ этого... Слышите? Самымъ храбрымъ... Поняли меня?

— Поняли, ваше-ство!..

— Ну вотъ... Такъ опять сдѣлайте-ко выборъ при мнѣ. Господа офицеры — уйдите, пусть солдаты сами.

По второму выбору — кресты достаются тѣмъ-же.

— Смотрите, ребята, не честно, если вы лучшихъ оставите безъ крестовъ... Сдѣлайте еще разъ выборъ.

И если по третьему все-таки кресты достаются вліятельнымъ людямъ, тогда Скобелевъ и навѣшивалъ ихъ.

Разъ, въ одномъ такомъ случаѣ, на вопросъ Скобелева:

— Кому, молодцы, кресты приговорили?

— Я назначилъ ихъ такому-то и такому-то... сунулся было ротный командиръ.

— А вы какое право имѣете на это?.. Вы, капитанъ, чего суетесь не въ свое дѣло?.. Отнюдь не смѣть впередъ! Назначать голосовой крестъ — священное право солдата, а не ваше...

За частую, если не смотря на переголосовку, кресты все-таки доставались вольноопредѣляющимся и фельдфебелямъ, Скобелевъ приказывалъ представить этихъ отличившихся къ *имяннымъ*, а голосовыя все-таки давали простой армейской кирилкѣ.

— А то, имъ ничего и никогда не достанется!

На георгіевскіе кресты Скобелевъ смотрѣлъ въ высшей степени серьезно...

— Главное, чтобы они не попадали шуллерамъ!.. говорилъ онъ. Или осторожнымъ игрокамъ.

— Какъ это?

— А такъ... Часто иной при генералѣ бросится впередъ—ну и крестъ... А такъ, онъ за другими прячется. Это и есть—шуллера. Осторожными игроками я называю тѣхъ офицеровъ, которые храбры до креста, получивъ-же его, успокаиваются и начинаютъ опочивать на лаврахъ, берегутъ свою драгоцѣнную жизнь... Поняли вы меня? Это все равно, что игрокъ сорветъ крупный кушъ и забастуетъ... Георгіевскій крестъ обязываетъ... Кто носитъ его на груди, долженъ быть во всемъ примѣромъ... Его мѣсто въ бою—впереди...

И дѣйствительно, такой взглядъ на „кавалеровъ“ былъ и у скобелевскихъ солдатъ. Во время сраженій въ смутные моменты, когда человѣческому стаду нужны вожаки, солдаты сами кричали: егорьевцы, впередъ!.. Кавалеры—показывай дорогу!..

Такимъ образомъ, серебрянный крестъ былъ зачастую только вѣстникомъ, предтечей креста деревяннаго. Во всякомъ бою первыми убитыми оказывались въ свалкѣ—георгіевскіе кавалеры...

— Отчего вы не дадите такому-то георгіевскаго креста? часто просили Скобелева люди, власть имѣющіе,

— Почему... Да мой Круковскій больше его заслуживаетъ. Хоть въ траншеяхъ со мною былъ.

— Да вѣдь солдатскій крестъ—что онъ стоитъ!

— Стоитъ, если мои солдаты за него жизнью жертвуютъ... Пускай въ другихъ дивизіяхъ онъ достается даромъ—я у себя этого разврата не потерплю...

И тотчасъ-же начинается потѣха.

— Круковскій, ты хочешь крестъ!

— Хочу, ваше-ство!..

— Ну, иди въ строй... Заслуживай...

— Въ строй, не хочу...

— А я тебя отправлю отъ себя.

— Какъ-же вы-то сами безъ меня обойдетесь... Не можетъ этого быть.

Съ близкими къ нему лицами — Скобелевъ былъ совсѣмъ юношей. Избытокъ жизни сказывался въ этомъ. Онъ постоянно шутилъ, смѣялся, школьничалъ. Если не съ кѣмъ было—съ деньщикомъ.

— Обезьяна! (Круковскій не отзывается—молчитъ).

— Обезьяна, тебѣ говорятъ...

Тоже молчаніе.

— Круковскій...

Тотъ мрачно подходитъ...

— Отчего-же ты не являлся?

— Потому, ваше-ство, обезьяну кликали...

— Значитъ, ты обидѣлся?..

— Звѣстно, обидѣлся!..

— Ну такъ, поцѣлуй меня!.. И Скобелевъ протягиваетъ ему щеку.

Круковскій цѣлуетъ.

— Ну, теперь не обижаешься?

— Никакъ нѣтъ.

— А все-таки обезьяна...

Особенное удовольствіе доставляло Скобелеву выходить по утрамъ умываться въ промежутокъ между нашей и турецкой траншеей... Круковскій долженъ былъ слѣдовать туда за нимъ. Турки, разумѣется, тотчасъ-же начинали обстрѣливать ихъ.

— Ваше превосходительство... А, ваше превосходительство?

— Ну? чего тебѣ.

— Что я вамъ сказать хочу.

— Что?

— Вы бы шли въ траншею мыться...

— Мнѣ и здѣсь хорошо... А хочешь, я тебя тутъ за трусость на часы поставлю...

Круковскій мнется...

— Ну, чего-же ты молчишь. Хочешь?

— Не хочу...

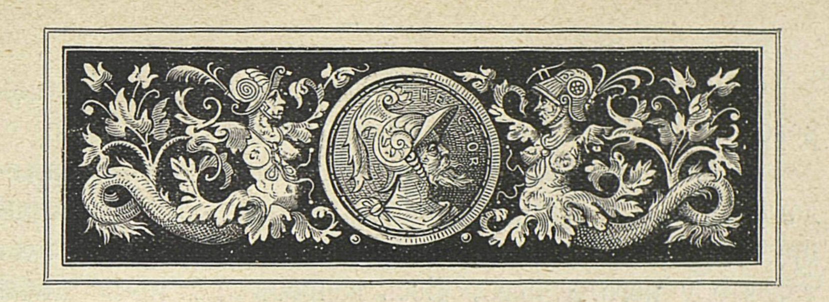
— А я все-таки поставлю...

— А тогда кто-же вамъ служить будетъ... Кто?..

— Ну, пошелъ вонъ, трусъ!..

И осчасливленный позволеніемъ уйти съ опаснаго мѣста, Круковскій живо убирался оттуда.

XXV.

Приготовленіе къ походу за Балканы *) шли безостановочно. Со дня занятія Плевно до дня выступленія — дивизія не отдыхала. Приготовляли и чистили оружіе — скупили все деревянное масло въ городѣ для этого... Ружья Крнка — никуда не годились, Скобелеву пришла въ голову блестящая мысль вооружить хоть одинъ баталіонъ превосходными Пибоди — Мартини, во множествѣ находившимися въ арсеналѣ Плевны.

Я помню, какой гвалтъ подняло это въ нѣкоторыхъ кружкахъ.

— Это позоръ! кричали тамъ. Русскую армію вооружать турецкими ружьями.

---

*) Я не разсказываю здѣсь всѣхъ эпизодовъ этого достопамятнаго перехода — имъ посвящено двадцать пять главъ втораго тома «Года Войны».

Скобелевъ слушалъ ихъ и совершенно спокойно перевооружилъ стрѣлковъ Углицкаго полка.

— Если-бы было достаточно артиллерійскихъ снарядовъ, такъ я и артиллерію свою снабдилъ бы турецкими орудіями. Я не считаю позоромъ отнять у непріятеля то, что у него лучше... Весь вопросъ въ томъ, чтобы сдѣлать ему побольше вреда.

— Этакъ вы и подъ турецкими знаменами пойдете? замѣчали ему.

— Нечего сказать, хорошо сравненіе!.. Развѣ знаменами дерутся, развѣ знамена оружіе?..

— Въ исторіи не было примѣра...

— Ну, это вы врете, и онъ сейчасъ-же выставилъ цѣлый рядъ доказательствъ того, что величайшіе полководцы прибѣгали къ этому средству... У себя нѣтъ— возьмемъ у непріятеля. Если у насъ, положимъ, не хватитъ своего хлѣба—такъ постыдно пользоваться складами турецкими, потому что это не наше, а непріятельское!..

— Я и ранцы уничтожу.

— Совсѣмъ по-турецки, значитъ.

— Да, хорошему учиться не мѣшаетъ... Если-бы я не съ турками, а съ китайцами воевалъ, да подмѣтилъ-бы у нихъ что-нибудь порядочное, сейчасъ-же перенялъ-бы... Сдѣлайте одолженіе.

И дѣйствительно, страшно отягощающіе солдата ранцы были уничтожены—и замѣнены холщевыми мѣшками, что вышло и легче и удобнѣе... Закупка сапоговъ, полушубковъ, фуфаекъ шла—повсюду. За три недѣли, въ Габровѣ были заказаны вьюки и вьючныя сѣдла, заготовлялся неприкосновенный запасъ сухарей, крупы, наливался въ боченки спиртъ... И главное, заслуга Скобелева была въ томъ—что все это было сдѣлано поми-

мо интендантства... У интендантства требовали того, другаго...

— У насъ ничего нѣтъ! откровенно отвѣтили эти господа Скобелеву.

Предусмотрительность генерала дошла до того, что заранѣе было куплено на каждый полкъ по 60 головъ рогатаго скота. До горъ—они должны были везти запасы, а въ горахъ служить пищей... Остальные дивизіонные командиры, приходя въ какую-нибудь мѣстность, требовали продовольствія и подводъ. Населеніе, совсѣмъ реквизированное уже, оказывалось несостоятельнымъ. Движеніе войскъ замедлялось, начиналось истребленіе неприкосновеннаго запаса сухарей... Здѣсь-же подводы и кормъ являлись въ одномъ и томъ-же. Кормъ шолъ на ногахъ и везъ войсковые грузы. Заботливость Скобелева о солдатѣ дошла даже до того, что весь запасъ уксуса и кислоты, бывшій у плевненскихъ торговцевъ, всѣ сапоги, всю кожу, всѣ бараньи шкуры были куплены... По всему пути Скобелевъ самъ лично наблюдалъ, чтобы солдаты отнюдь не оставались безъ горячей пищи. Въ мятель, на вершинахъ Балканъ, гдѣ у другихъ вымораживались цѣлые полки, у Скобелева солдаты имѣли похлебку и вдоволь мяса! Сдѣлано было еще и другое распоряженіе, надъ которымъ на первыхъ порахъ смѣялись ужасно. Солдатамъ приказано было нести на себѣ по полѣну сухихъ дровъ.

— Чего онъ еще не придумаетъ! говорили о генералѣ.

— Ужь если Скобелевъ приказалъ, значитъ у него есть что-нибудь въ виду! замѣтилъ на это главнокомандующій.

И дѣйствитетьно! Когда дошли до балканскихъ вершинъ, то изъ этихъ сухихъ полѣньевъ солдаты сразу

устроили великолѣпные костры. У другихъ отрядовъ— рубили росшій на горахъ лѣсъ. Сырой, только чадившій и курившійся, не дававшій углей. У насъ—сразу получались массы угля. Солдаты приваливались къ нему и до утра засыпали въ сравнительномъ теплѣ. *Замороженныхъ* по этому не было вовсе!

— Новые сапоги берите!.. предупреждалъ солдатъ генералъ, проѣзжая мимо нихъ, когда они выступили уже изъ Плевно за Балканы.

Переходъ этотъ былъ настолько превосходно организованъ, что по всему пути, хотя отрядъ останавливался въ маленькихъ деревушкахъ, отъ ихъ населенія не поступило ни одной жалобы...

— Смотрите, братцы, не обижайте болгаръ и турокъ... Они — мирные жители... За первыхъ вы деретесь, свободу имъ своей кровью завоевываете, слѣдовательно они вамъ друзья и братья; а вторые, если остались на своихъ мѣстахъ, не ушли отъ васъ, значитъ, они вѣрятъ добротѣ и чести русскаго солдата... А обманывать такую вѣру и грѣшно и стыдно...

Картины нашего перехода до Габрова я оставляю въ сторонѣ. О нихъ было уже сказано мною и я описалъ ихъ достаточно во второмъ томѣ „Года Войны". Разскажу только нѣкоторые эпизоды, не вошедшіе туда. Въ Сельви — заболѣлъ тифомъ одинъ изъ лучшихъ скобелевцевъ — докторъ Студитскій, который потомъ былъ убитъ подъ Геокъ-Тепе.

— Что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ его оставить здѣсь... волновался Скобелевъ, очень любившій покойнаго.

— Прикажите начальнику округа — позаботиться о немъ...

— Начальникъ округа здѣсь хамъ... Онъ ничего не сдѣлаетъ... Послушайте — это ваша обязанность, поду-

майте, какъ устроить это?.. Вы и онъ — носите черный сюртукъ, вамъ ближе всего... Мнѣ некогда: весь отрядъ на моихъ рукахъ вѣдь...

Я отправляюсь къ начальнику округа. Это былъ жандармскій капитанъ, служившій по гражданскому управленію и зависѣвшій отъ кн. Черкасскаго. Разсказываю ему о болѣзни Студитскаго.

— А мнѣ что за дѣло? Помѣстите его, гдѣ хотите... У меня на рукахъ свое дѣло.

Я начинаю краснорѣчиво излагать ему заслуги больнаго, работавшаго въ Черногоріи, въ Сербіи, у насъ на Зеленыхъ горахъ, подъ Плевно.

— Онъ и заболѣлъ-то отъ любви къ человѣчеству. Онъ заразился, подавая помощь туркамъ на плевненскомъ боевомъ полѣ...

— Все это прекрасно... А только мнѣ нѣтъ никакого дѣла... У меня нѣтъ времени на это... Я не братъ милосердія!..

„Ну, погоди-же, думаю!.. Ты у меня зашевелишься".

— Жаль, очень жаль капитанъ!.. Какъ будетъ огорченъ князь Черкасскій, когда узнаетъ о болѣзни Студитскаго.

— А что?.. При чемъ тутъ князь... навострилъ уши начальникъ округа.

— Да я не знаю, могу-ли я... Это семейная тайна...

— О, мнѣ можете... заволновался тотъ... Я умѣю хранить тайны...

— Знаете... Студитскій вѣдь женихъ... У Черкасскаго есть племянница...

— Я сейчасъ... Сейчасъ... Велю его перенести къ себѣ... Сію минуту... Назначу надежнѣйшихъ болгарокъ ходить за нимъ... Бѣдный, бѣдный молодой человѣкъ!.. Какъ жаль... какъ жаль... Скажите генералу, чтобы онъ

былъ спокоенъ... Я сдѣлаю все... Все сдѣлаю... Какъ роднаго сына!..

По ревностной энергіи, вдругъ охватившей моего капитана — я убѣдился, что все дѣло устроено и Студитскаго будутъ беречь, какъ зеницу ока.

Вернулся къ Скобелеву. За обѣдомъ, когда всѣ собрались, разсказалъ это. Громкій хохотъ встрѣтилъ великодушную готовность капитана...

Послѣ уже, подъ Константинополемъ, когда Студитскій былъ совершенно здоровъ, Скобелевъ говоритъ мнѣ.

— А вы знаете, финалъ этой исторіи?

— Нѣтъ...

— Князь Черкасскій встрѣчается со мною и спрашиваетъ меня: у васъ есть докторъ Студитскій?.. Есть, говорю. Ну такъ поздравляю васъ съ такимъ подчиненнымъ. А что?.. Да то, что онъ самозванецъ. Я изумился.—Какъ-же помилуйте. Пріѣзжаю я въ Сельви... Встрѣчаетъ меня капитанъ, начальникъ округа, и съ перваго слова: Ваше Сіятельство, здѣсь женихъ вашей племянницы докторъ Студитскій, долгое время болѣнъ у меня... Я съ своей стороны... И давай живописать свое усердіе... Помилуйте, говорю, — у меня никакой племянницы!.. Тотъ даже ошалѣлъ...

Разумѣется, Скобелевъ объяснилъ князю, въ чѣмъ дѣло.

— Знаете, говорилъ потомъ по этому поводу Скобелевъ, надо всегда умѣть пользоваться не только способностями, доблестями и достоинствами людей — но и ихъ пороками... Разумѣется — ради частнаго дѣла. Не для себя и не въ свою пользу... Это въ военномъ дѣлѣ — необходимость...

— Слѣдовательно, рыцарь Баяръ былъ не на высотѣ требованій боевыхъ... возразилъ кто-то.

— Рыцарь Баяръ дѣйствовалъ за свой счетъ, только, арміей онъ не командовалъ. Я бы посмотрѣлъ теперь на рыцаря Баяра!

И сейчасъ-же — цѣлый арсеналъ историческихъ указаній, фактовъ, примѣровъ.

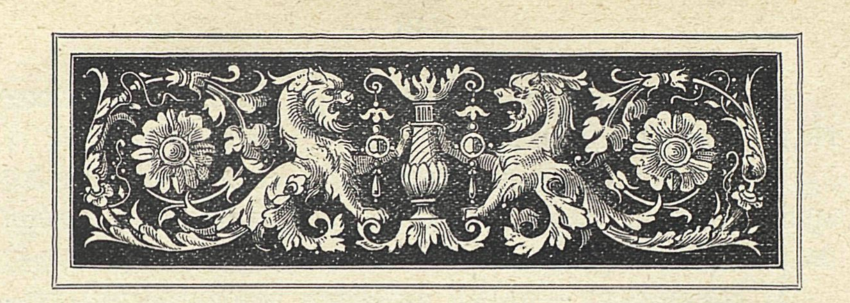
Память у него была необычайная... Это позволяло ему при каждомъ случаѣ обращаться къ прошлому. Исторія была для него школой, историческія событія — уроками. Онъ находилъ въ нихъ подтвержденія своихъ предпріятій... Ошибки прежнихъ полководцевъ являлись для него предупрежденіями...

— Послушайте, да это какой-то профессоръ! изумился Лигницъ послѣ перваго знакомства со Скобелевымъ.

— Трудно сказать, чего въ немъ больше, ума или знаній! Резюмировалъ свои впечатлѣнія военный агентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, Грантъ.

Все это завоевывало Скобелеву симпатіи однихъ и напротивъ, раздражало противъ молодаго генерала, другихъ. Для меня Скобелевъ былъ отличнымъ мѣриломъ для опредѣленія ума и бездарности. Какъ только начинаютъ бывало ругать его, отрицать его талантъ — такъ и знаешь, что дуракъ, или завидущая душа! Все-же молодое, умное, способное — относилось къ нему съ понятнымъ уваженіемъ и даже обожаніемъ.

XXVI.

Солдаты Радецкаго и Скобелева — въ ущельяхъ Янтры побратались между собою. Одни другихъ считали достойными товарищами. Постоянно по пути встрѣчались эпизоды, характеризовавшіе эту боевую дружбу. Идетъ напримѣръ, углицкій полкъ, на встрѣчу солдатъ 14-й дивизіи, отстоявшей Шибку. Сталъ фертомъ и ноги раздвинулъ, по словамъ извѣстной армейской пѣсни: „руки въ боки, ноги врозь!"

— Ну, братцы, четырнадцатая дивизія не выдала, смотри и шестнадцатая не выдавай!

— Не бось, не выдадимъ... Защитимъ... слышится изъ рядовъ.

Въ другомъ случаѣ встрѣчаются двѣ партіи солдатъ.

— Вы скобелевскіе?

— Точно.

— Ну, а мы Радецкаго... Все равно, значитъ, что одно...

— Таперича, коли-бы да насъ вмѣстѣ, чтобы сдѣлать можно!.. На Шибкѣ насъ мало было...

Взглядъ солдатъ былъ какъ нельзя больше вѣренъ.

Скобелевъ и Радецкій — дѣйствительно въ то время были двумя боевыми противоположностями. Скобелевъ — весь пылъ, огонь, находчивость, боевой геній, Радецкій — терпѣніе, мудрая осторожность, разсчетъ. Оба — одинаково храбры, одинаково любимы солдатами. Въ послѣдствіи, и Скобелевъ подъ Геокъ-Тепе усвоилъ себѣ и осторожность и разсчетливость стратега, отчего разумѣется, еще болѣе выросъ... Разница между этими двумя натурами, лучше всего обнаружилась въ Габровѣ. Скобелевъ, хорошо знавшій положеніе дѣлъ, рвался за Балканы, горой стоялъ за немедленный перевалъ черезъ горы и затѣмъ движеніе къ Адріанополю. Радецкій—былъ противъ этого. Зимній походъ такого рода, черезъ кручи и вершины, засыпанныя снѣгомъ, по ущельямъ, куда и лѣтомъ не забирается живая душа— пугалъ его. Онъ писалъ и телеграфировалъ въ главную квартиру, умоляя оставить это предпріятіе, называлъ его невозможнымъ, неисполнимымъ. Онъ ставилъ на видъ, что турки сами уйдутъ, когда Гурко прогонитъ Сулеймана, что Вейсиль-пашѣ вовсе не будетъ разсчета держаться въ своихъ орлиныхъ гнѣздахъ и пустить въ тылъ къ себѣ русскую гвардію. Генералъ только опускалъ изъ виду, что, отступивъ, турки займутъ превосходно укрѣпленный редутами и башенными фортами Адріанополь, а тогда нечего будетъ и думать о скоромъ окончаніи войны... Люди, окружавшіе Радецкаго, держа-

лись того-же мнѣнія. Начальникъ его штаба, храбрый и симпатичный генералъ Дмитровскій — прямо говорилъ намъ, что или мы всѣ погибнемъ въ долинѣ Казанлыка, или не дойдемъ до нее, застрянувъ въ горахъ. Когда Скобелеву говорили о возможности отступленія — онъ рѣзко отвѣтилъ.

— Отступленія не будетъ ни подъ какимъ видомъ!.. Я иду такимъ путемъ, по которому спуститься можно, а назадъ подняться нельзя...

— Что-же вы сдѣлаете въ крайнемъ случаѣ?

— Пойду впереди своихъ солдатъ — въ лобъ турецкихъ позицій, возьму штурмомъ гору св. Николая. Или погибну... Тутъ выбора не можетъ быть...

Великій князь поддержалъ Скобелева и переходъ былъ рѣшенъ безповоротно. Въ тотъ-же день генералъ отдалъ по войскамъ своего отряда приказъ, который я привожу здѣсь цѣликомъ.

„Намъ предстоитъ трудный подвигъ, достойный постоянной и испытанной славы русскихъ знаменъ. Сегодня, солдаты, мы начнемъ переходить Балканы съ артиллеріей, безъ дорогъ, пробивая себѣ путь въ виду у непріятеля, черезъ глубокіе снѣговые сугробы... Въ горахъ насъ ожидаетъ турецкая армія. Она дерзаетъ преградить намъ путь. Не забывайте, братцы, что намъ ввѣрена честь отечества, что за насъ теперь молится самъ Царь-Освободитель, а съ нимъ и вся Россія. Отъ насъ они ждутъ побѣды. Да не смущаетъ васъ ни многочисленность, ни стойкость, ни злоба враговъ. Дѣло наше — свято, съ нами Богъ!..“

Болгарскіе дружинники! вамъ извѣстно, зачѣмъ державною волею русскія войска посланы въ Болгарію! Вы съ первыхъ дней показали себя достойными участія русскаго народа. Въ битвахъ въ іюлѣ и августѣ, вы за-

служили любовь и довѣріе вашихъ ротныхъ товарищей—нашихъ солдатъ. Пусть будетъ также и въ предстоящихъ бояхъ. Вы сражаетесь за освобожденіе вашего отечества, за неприкосновенность роднаго очага, за честь вашихъ матерей, сестеръ и женъ, за все, что на землѣ есть цѣннаго и святаго. Вамъ Богъ велитъ быть героями...“

Нужно было слышать какое ура гремѣло въ отвѣтъ на чтеніе этого приказа по войскамъ, въ виду громадныхъ горъ, вершины которыхъ уходили въ небеса, закутавшись въ снѣговыя тучи. По головокружительнымъ скатамъ едва намѣчивались сѣрыя полоски дороги, пропадающей въ маревѣ вечерняго тумана... Дальше—и пути уже не было.

— Кручи и пропасть будутъ по сторонамъ!.. говорилъ Скобелевъ солдатамъ... Мы съ вами пройдемъ тамъ, гдѣ и звѣрю нѣтъ пути...

— Пройдемъ, ваше-ство! кидали они своему любимому вождю...

— Орлы мои!.. Насъ не собьетъ и буря съ пути... Нѣтъ намъ преграды...

— И не будетъ, ваше-ство!..

— Вотъ такъ... Хорошо съ вами жить и умирать легко... Покажемъ имъ, что русскаго солдата ни горы, ни зимнія мятели, остановить не могутъ...

— Урра! гремѣло изъ десятковъ тысячъ грудей, уже достаточно истомившихся на прежнихъ походахъ.

Слезы выступили на глазахъ Скобелева.

— Какже съ этими солдатами, обернулся онъ къ намъ, не надѣлать чудесъ... Вы посмотрите на эти лица. Развѣ есть для нихъ невозможное... Спасибо, товарищи, я горжусь что командую вами!.. Низко кланяюсь вамъ!

И снявъ шапку, онъ поклонился своему отряду.

Еще болѣе громкое, стихійное ура всколыхнуло вечерній туманъ и разлилось по ущельямъ, въ даль, заставленную мрачными вершинами...

Тѣмъ не менѣе, трудности пути—были ясны каждому солдату, и скоро, очень скоро, оживленіе смѣнилось сосредоточеннымъ молчаніемъ людей, готовящихся къ мучительному подвигу.

— Идемъ товариство выручать!.. изрѣдка только слышалось въ рядахъ... Семой мѣсяцъ на Шибкѣ сидятъ — ослобонить надо!..

Перевалъ черезъ Балканы, признанный такимъ военнымъ авторитетомъ какъ Мольтке, невозможнымъ—останется навсегда въ исторіи. Скобелевцы могутъ съ гордостью сказать, что они совершили его безъ всякихъ потерь, благодаря превосходной организаціи этого похода... Взойдя на первый холмъ, они увидѣли передъ собой крутой подъемъ. Вѣтеръ свѣялъ съ него недавній снѣгъ, осталась скользкая облѣденелая поверхность. Солдаты скатывались и падали съ нея гремя ружьями, котелками, шанцевымъ инструментомъ. Добравшіеся до верху тяжело дышали, отдыхали прислонясь къ деревьямъ или просто ложились въ снѣгъ въ полномъ безсиліи. Падая и скатываясь, напрасно хотѣли удержаться руками — руки скользили по гладкой поверхности... Одолѣвъ это — находили передъ собой еще болѣе пугающую крутизну, но уже засыпанную глубокимъ снѣгомъ. Въ снѣгъ этотъ уходили по грудь, шли впередъ въ его рыхлой массѣ. Поворачивали направо, налѣво, уходили опять назадъ, огибая отвѣсы дикихъ скалъ, вспалзывали по лѣстницамъ, образуемымъ выступами ихъ, падали съ этихъ лѣстницъ, скользя по льду образовавшемуся на нихъ... Въ лѣсу — тропа была до того узка, что солдатамъ пришлось идти гуськомъ. Отдыхали черезъ каж-

дые двадцать пять, тридцать шаговъ. И какіе это шаги были, солдатъ съ натугой выхватывалъ ногу изъ снѣговой глыбы, потомъ ступалъ впередъ опять погружаясь въ вязкую массу. Подъ ногами снѣгъ расползался, ноги расходились, приходилось падать и скрипя зубами подниматься опять. Какое-то хрипѣнье слышалось кругомъ. Падая, каждый принимался прямо съ земли ѣсть снѣгъ. Въ чащѣ нужно было кусты раздвигать руками, какія-то колючки впивались въ лицо, рѣзали его, обращали платье въ лохмотья. Съ артиллеріей была мука, десятифунтовки бросили позади. Ихъ нельзя было и думать взвести сюда. Горныя орудія на саночкахъ — тѣло отдѣльно отъ лафетовъ — шли лямкой. Солдаты наклонившись головой впередъ, хрипя, тащатъ ихъ на лямкахъ... Всего мучительнѣе было взбираться на горы, послѣ того какъ поскользнувшись скатывались внизъ. Иной, разъ пять-шесть совершаетъ такое восхожденіе и все съ одинаковымъ неуспѣхомъ... По сторонамъ зіяли бездны. Вдоль нихъ пришлось лѣпиться, точно муха ползти по горѣ. Одолѣли это — попали въ такіе сугробы, гдѣ тонули по горло въ снѣгу. Двигались уже не ногами въ нихъ, а какъ-то напирались всѣмъ корпусомъ впередъ, выдавливали для себя мѣсто... Все было мокро на себѣ: и самъ, и платье... А выберешься — морозомъ охватываетъ, такъ что шинель коробится, рубашка деревянѣетъ и на волосахъ разомъ образуются куски льду. Солдаты пробовали садится отдыхать на снѣговыя глыбы, такъ онѣ сползали внизъ. Стали наконецъ садится и ложится на дорогу. Черезъ нихъ и по нимъ ходили, наступали на лицо, на грудь, на руки, тѣ только стонали и опять подымались, чтобы до послѣднихъ силъ идти впередъ. Иной разъ снѣгъ проваливался и солдаты попадали на дно воронки... Скобе-

левъ тутъ же между солдатами, ободряетъ однихъ, понукаетъ другихъ; посмѣивается надъ третьими. Откуда берутся у него силы. Онъ болѣе другихъ утомленъ, потому что у него не было отдыха вовсе... Разъ онъ какъ-то заснулъ въ снѣгу... Кругомъ сейчасъ-же стали солдаты, чтобы на генерала не наступили проходящіе мимо...

— Невозможный переходъ!.. обратился къ нему кто-то.

— Тѣмъ лучше, что невозможный! отвѣчалъ онъ.

— Почему?

— А потому, что турки не ждутъ насъ отсюда. Полководецъ именно при защитѣ и долженъ опасаться якобы невозможныхъ позицій. Невозможныхъ для штурма, для обхода... Ихъ-то онъ и долженъ имѣть въ виду...

— Обыкновенно на нихъ не обращаютъ вниманія.

— И глупо дѣлаютъ. Умный врагъ съ нихъ-то и начнетъ... Смотря какіе солдаты, если такіе какъ мои— съ ними всякую невозможность одолѣешь...

На одной площадкѣ солдаты совсѣмъ упали духомъ. Усталь дошла до крайности... Казалось нельзя было ступить шагу...

— Еще одну гору, голубчики...

— Трудно... ваше-ство! упавшими голосами отвѣчаютъ ему.

— На верху каша будетъ, товарищи... Ну-ко, для меня, постарайтесь...

И солдаты поднимались и шли съ новыми силами...

Дошли до перваго ночлега на Вѣтропольѣ—и дѣйствительно, тамъ были и супъ и каша. Дорылись до земли, изъ готовыхъ полѣньевъ дровъ разложили костры и живо въ котелкахъ сварили себѣ похлебку. Говя-

дина и крупа были для этого на солдатахъ... За ночь, несмотря на морозъ—ни одного больнаго не было.

На другой день—такой-же утомительный переходъ — но уже подъ огнемъ турецкихъ позицій.

Тутъ ужь весь путь цѣликомъ, даже звѣриныхъ тропокъ не было.

Куруджа ужасающей кручей обрушивается внизъ. На днѣ пропасти—бѣлый паръ. Вчера еще могла-бы здѣсь пролетѣть только птица. Ночью уральскіе казаки устроили тропу. Легли въ снѣгъ и проползли, обмявъ его подъ собою по отвѣсу. Назадъ прошли на ногахъ, продолжая обминать, потомъ провели своихъ коней. Когда солдаты шли по этому карнизу, направо стѣной поднималась гора, налѣво стѣною она обрушивалась внизъ. Бездна тянула къ себѣ, голова кружилась, тошнило. Двое сорвались туда — и безвозвратно. Кое-гдѣ тропа эта идетъ наклонной плоскостью, тутъ — развѣ крылья ангеловъ могли удержать солдатъ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ они миновали эти мѣста. И когда—большая часть отряда была еще на этой адской крутизнѣ—Скобелевъ впереди уже производилъ рекогносцировку по направленію къ Имитлѣ. Подъ нимъ опять убили лошадь; ранили Куропаткина... Тутъ ужь каждый шагъ доставался съ бою...

— Богъ его знаетъ, откуда у него это равнодушіе и спокойствіе!.. говорили офицеры.

Стоя на выступѣ горы подъ густымъ огнемъ турокъ, Скобелевъ здѣсь набрасывалъ кроки долины Розъ. Ему оно нужно было для дальнѣйшихъ соображеній... Завтра—бой, всякая неровность мѣстности имѣло громадное значеніе.

— Онъ чертитъ подъ огнемъ также увѣренно, изящно, какъ-бы у себя въ кабинетѣ...

Подробнаго разсказа о переходѣ Балканъ, о бояхъ 26-го, 27-го декабря, о занятіи Имитли, я здѣсь не передаю. Этому посвящена значительная часть втораго тома моего „Года Войны“. Отмѣчу только здѣсь, что этотъ героическій походъ—не сломилъ энергіи Скобелева. Въ ночь на 27-е я его засталъ уже въ ущельи, выходившемъ въ долину Казанлыка. Онъ лежалъ у костра, слегка прикрывшись пальто... Рядомъ хрипѣла и билась умирающая лошадь... Откуда-то назойливо садился въ ухо крикъ раненаго солдата... Съ нимъ кто-то заговорилъ.

— Не мѣшайте! оборвалъ онъ...

— Да... вдумчиво проговорилъ онъ, наконецъ, завтра или послѣ завтра рѣшится дѣло... Или запишемъ еще одну славную битву въ нашу военную исторію, или... умремъ!.. Честнѣйшая смерть еще честнѣе побѣды, дешево доставшейся... Во всякомъ случаѣ—отступленія нѣтъ... Спуститься можно было... Подняться—нельзя...

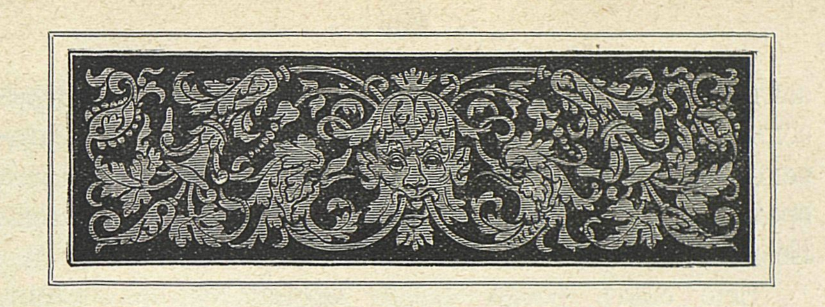
— Генералъ Столѣтовъ... Возьмите двѣ роты казанскаго полка и одну углицкаго... Выбейте турокъ изъ Имитли и займите его...

— Вамъ-бы заснуть теперь? посовѣтовалъ ему кто-то.

— Казакъ, коня... Некогда спать... Въ Казанлыкѣ выспимся...

И онъ поѣхалъ осмотрѣть выходъ въ долину.

XXVII.

Я не буду описывать ни рекогносцировки 26 декабря 1877 г., ни послѣдовавшаго затѣмъ занятія Имитли, ни дѣла 27 числа, когда Скобелевъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь князю Мирскому, но имѣя подъ руками еще слишкомъ мало войскъ (три четверти отряда еще оставалось въ горахъ), сдѣлалъ демонстрацію на шейновскій лѣсъ. Всему этому отведено достаточно мѣста въ прежнихъ моихъ описаніяхъ войны; я возьму изъ нихъ только нѣсколько строкъ о боѣ 28 декабря, едва-ли не самомъ блестящемъ дѣлѣ шибкинской эпопеи. Это было послѣднее крупное сраженіе въ эпоху 77—78 года и тутъ Турція потеряла свою послѣднюю армію.

Сырый и туманный былъ этотъ славный день. Мгла окутывала дали, сѣрое небо точно давило вершины Бал-

канъ. Въ ущельяхъ курился туманъ; сады и рощи деревень въ долинѣ Розъ казались облаками охваченные отовсюду мглою... Лысая гора рѣзко обрисовывающаяся среди окружающихъ ее вершинъ, тогда вся пряталась... Ее мы не видали.

Еще свѣтъ робко-робко пробивался на востокѣ, когда Скобелевъ уже объѣзжалъ шейновское поле. Съ зарею поднялись солдаты, изъ Имитли едва-едва доносился грохотъ горныхъ орудій, стучавшихъ по окрѣпшей за ночь почвѣ... Суздальскій полкъ еще находился въ Балканахъ, какъ и вся наша артиллерія, за исключеніемъ баттареи вооруженной горными орудіями. Тамъже еще застряли стрѣлковый баталіонъ и двѣ дружины болгарскаго ополченія...

Не успѣло солнце подняться, какъ полки уже выстроились... Солдаты были очень оживлены; зная ихъ суевѣріе, Скобелевъ, объѣзжая, ряды повторялъ.

— Поздравляю васъ, молодцы! Сегодня день какъ разъ для боя — двадцать восьмое число... Помните, двадцать восьмаго мы взяли Зеленыя горы, двадцать восьмаго сдалась Плевна... А сегодня мы возьмемъ въ плѣнъ послѣднюю турецкую армію!.. Возьмемъ вѣдь?

— Возьмемъ... ура! звучало изъ рядовъ...

— Заранѣе благодарю васъ, братцы...

Въ десять часовъ, передовая позиція была уже занята отрядомъ графа Толстаго, выстроившимся въ боевой порядокъ.

— Выдвиньтесь, на хорошій ружейный выстрѣлъ! приказалъ ему Скобелевъ.

Самъ генералъ сталъ въ центрѣ. По обыкновенію, вокругъ сгрупировались ординарцы, позади его развернутъ былъ его значекъ, слѣдовавшій за нимъ всюду и въ Ферганѣ, и въ Хивѣ, и въ Плевно. Среди мертваго

безмолвія, разомъ заговорили горныя пушки нашей баттареи, когда впереди показалась турецкая кавалерія, развертывавшаяся передъ Шейновымъ... Противу насъ оказалось пятнадцать турецкихъ орудій... Сосредоточенный огонь ихъ былъ направленъ сегодня исключительно противу группы Скобелева...

— Господа! обернулся онъ, не угодно-ли вамъ раздаться... Разбросайтесь пошире... Иначе перехлопаютъ насъ...

— Сегодня моя жизнь нужна! въ видѣ поясненія сказалъ онъ потомъ. Куропаткинъ раненъ, его нѣтъ. Если меня убьютъ, некому будетъ принять команды...

Мы разъѣхались на довольно большое пространство...

— Сейчасъ къ туркамъ подойдетъ подкрѣпленіе! озабоченно проговорилъ Скобелевъ.

— Почему вы знаете?

— А слышите?

Въ грохотѣ турецкихъ баттарей стали выдѣляться отдаленные звуки рожковъ. Турки подавали сигналы. Скобелевъ усилилъ нашъ лѣвый флангъ и выдвинулъ ополченіе къ Шибкѣ, гдѣ по его мнѣнію были три табора турокъ.

— Они, подлецы, догадаются, что у насъ только орудія малаго калибра!.. Нужно обмануть непріятеля... Поставьте людей у орудій! приказалъ генералъ.

Вторая боевая линія вышла на позицію съ музыкой и пѣснями. Развернутыя знамена слегка колыхалъ вѣтеръ... Около 11 часовъ, турки сосредоточили свой огонь противу нашего лѣваго фланга. Туда Скобелевъ послалъ стрѣлковъ углицкаго полка... Люди начали падать... По массѣ пуль, несущихся на встрѣчу, видно, что турки собрались здѣсь не менѣе, какъ въ количествѣ пятнадцати

таборовъ... Да сколько ихъ еще позади — въ редутахъ и фортахъ, защищающихъ съ юга Шибкинскія позиціи. Скобелевъ дѣлается все серьезнѣе и серьезнѣе... Лицо его озабочено, какъ никогда...

— Если меня убьютъ, снова оборачивается онъ къ окружающимъ, то слушаться графа Келлера. Я ему сообщилъ все...

На нашемъ лѣвомъ флангѣ все разгорается и разгорается перестрѣлка, тамъ уже перешли линію огня и находятся въ самомъ пеклѣ. Шейново кажется отсюда примыкающимъ къ Балканамъ. Передъ этимъ пунктомъ нѣсколько холмовъ, они заняты турками. Ихъ слѣдуетъ взять во чтобы то ни стало... Оттуда — особенно сосредоточенный огонь... Роты, видимо, хотятъ ихъ обойдти съ фланга; ни на минуту ружейный огонь не стихаетъ, напротивъ ростетъ и ростетъ, сливаясь съ отголоскомъ маршей, вступающихъ въ боевую линію полковъ. Наши „Пибоди" пока идутъ не стрѣляя. Мы подъ огнемъ, но сами огня не открываемъ. На одну минуту передъ курганами — стрѣлки углицкіе пріостанавливаются... Слышится команда, развертывается цѣпь и бѣглымъ шагомъ бѣжитъ, охватывая курганы дугою... Залпы и бѣглый огонь у турокъ доходятъ до изступленія. Наконецъ, наши у кургановъ — бой въ штыки — слышно „ура" и на вершинѣ холмовъ показываются угличане, радостно размахивая ружьями и созывая отсталыхъ. Турки вереницами бѣгутъ къ лѣсу и занимаютъ его опушку... По этому пути — легко узнать ихъ отступленіе. Мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ уложилъ ихъ такъ густо, что еще издали видишь, среди бѣлѣющихъ снѣговъ какую-то черную полосу до самаго лѣса.

— Молодцы, угличане! замѣчаетъ Скобелевъ... Меня винили за Зеленыя горы... Вы помните, какихъ нагнали

ко мнѣ солдатъ, для пополненія уничтоженныхъ подъ Плевною полковъ... Что это были за трусы... Развѣ можно было съ ними драться... А теперь полюбуйтесь на нихъ... Какъ стойки они... Вотъ вамъ и Зеленыя горы. Въ двѣ недѣли дивизія получила боевое воспитаніе...

Курганы почернѣли отъ людей, занявшихъ ихъ. Снизу до верхушекъ густо засѣли стрѣлки, но не надолго. Нужно было пользоваться минутой и продолжать атаку... Вотъ цѣпь опять развернулась, двинулась впередъ — идетъ шибко, хорошо... Позади двигаются еще люди... Огонь у турокъ дѣлается отчаяннѣе. Вдругъ точно къ нимъ явилось подкрѣпленіе — залпы зачастились, турки выбѣгаютъ изъ опушки лѣса; наше наступленіе встрѣчаютъ убійственнымъ огнемъ съ фронта. На лѣвомъ флангѣ угличанъ показываются черкесы, на правомъ наши точно пріостановились, колыхнулись... Двинулись назадъ... Еще минута, и наша цѣпь, отстрѣливаясь, волнообразно отступаетъ за курганы. Одну минуту Скобелевъ боится, чтобы они и ихъ не отдали... Нѣтъ, курганы остаются за нами.

Непріятельская кавалерія и не думаетъ отступать... Она заскакала во флангъ намъ, и теперь маневрируетъ между нами и Шибкой... Подскакиваютъ черкесы въ одиночку, ругаются по-русски и сейчасъ-же во всю мочь улепетываютъ назадъ. Кинулись было за ними казаки—и давай тоже джигитовать...

— Ну, я этихъ фокусовъ на сѣдлѣ не люблю... Прикажите, чтобы слушали команду, а не кувыркались... Мнѣ акробатовъ не надо. Пошлите прямо двѣ сотни донцовъ въ атаку!

Всѣ опустивъ пики помчались, развернувъ фронтъ, на турокъ... Точно ураганъ просвисталъ мимо. Турки ихъ выдержали шаговъ на двѣсти и давъ глупый залпъ на

удачу, опрометью шарахнулись по направленію къ Шибкѣ.

— Графъ Толстой раненъ! подъѣзжаетъ ординарецъ къ Скобелеву...

— Э!.. съ досадой проговорилъ генералъ... Терять Толстого въ такую минуту... Онъ нуженъ... Жаль, жаль... Пускай Панютинъ приметъ команду... Резервы ближе и ближе передвигаются къ линіи боя...

— Какъ стройно идутъ они... любуется ими генералъ...

Каждый подходитъ съ музыкой и ложится въ лощину—„до востребованія"... Туманъ разсѣевается... Горныя стремины обнажаются и въ эту минуту замѣтно, какъ къ нимъ, точно тѣнь отъ облака, скользятъ внизъ турецкіе таборы.

Изъ второй линіи въ передовую посланъ для усиленія весь углицкій полкъ... Дѣло близко къ рѣшающему моменту; смотря на обстановку боя, мы любуемся стройностью движенія угличанъ, которые развертываются какъ на парадѣ и съ развернутыми знаменами подъ музыку красиво входятъ въ боевую линію... Сраженіе распространяется по всей линіи передоваго отряда. На лѣвомъ флангѣ у отступавшихъ къ курганамъ стрѣлковъ вспыхиваетъ ура и перекидывается изъ роты въ роту по всему расположенію войска, изъ передовой линіи въ резервы. Скоро вся долина, занятая нами, гремитъ отъ восторженныхъ криковъ. Стрѣлки на лѣвомъ флангѣ вторично кидаются въ атаку, неудержимо выбиваютъ первую линію турокъ, вскакиваютъ на брустверъ траншеи, заложенной въ лѣсу, оттуда скоро вырываются къ намъ сюда красные языки пламени... Слышны вопли побѣжденныхъ и новое торжествующее ура владимірцевъ и углицкихъ стрѣлковъ. Начинается тотъ періодъ боя,

когда стихійная сила замѣняетъ одну волю, когда управляющій боемъ можетъ только усилить, направить, но не прекратить движеніе, не помѣшать ему. Солдаты видимо рвутся впередъ... Скобелевъ еще хочетъ выдержать моментъ, зная, что позади резервовъ мало.

— Суздальскій полкъ и двѣ болгарскія дружины пришли... докладываетъ ординарецъ.

— Турки окружены нашей кавалеріей съ тылу... сообщаетъ другой...

— Мы вошли въ соединеніе съ Мирскимъ — вотъ записка отъ князя...

— Ну, съ Богомъ теперь!..

И Скобелевъ перекрестился.

Точно дрогнуло все, подъ гулкій рокотъ барабановъ, возвѣстившихъ общую атаку... Пришлось останавливать солдатъ, кипѣвшихъ боевою энергіей. „Ну, теперь — побѣда вѣрная!“ крикнулъ Скобелевъ, глядя на своихъ солдатъ.

Я не описываю здѣсь эпизодовъ этого колоссальнаго боя, совершившихся въ горныхъ туманахъ у Радецкаго, и въ лѣво-фланговой обходной колоннѣ у князя Мирскаго. Книга эта исключительно посвящена Скобелеву, почему въ этомъ наброскѣ я говорю только о его участіи въ шейновскомъ боѣ.

Углицкій и казанскій полки и пятая дружина болгарскаго ополченія, съ изумительно-красивою стройностью двинулись впередъ подъ густымъ огнемъ непріятеля. Наши шли безъ выстрѣла. Въ этотъ день они не выпустили почти ни одного патрона и исключительно работали штыками... До опушки лѣса они шли точно церемоніальнымъ маршемъ, подъ музыку, въ ногу... На парадѣ — такъ не ходятъ... У опушки полки развернулись побаталіонно и почти подъ сплошнымъ огнемъ, про-

низавшимъ ихъ, кинулись бѣглымъ шагомъ впередъ... Чтобы менѣе было потерь въ извѣстные моменты, люди залегали въ канавы и потомъ по командѣ перебѣгали къ слѣдующей... Съ еще большимъ ожесточеніемъ рвались въ бой болгары... Одинъ баталіонъ, противъ котораго былъ направленъ особенно сосредоточенный огонь, пріостановился... Два раза отдали ему приказаніе „впередъ" — ни съ мѣста. Точно столбнякъ напалъ. Тогда командиръ подскакалъ къ баталіону, выхватилъ знамя изъ рукъ знаменщика и съ нимъ кинулся въ огонь. Какъ одинъ человѣкъ, бросились солдаты... Ихъ напоръ былъ такъ неудержимъ, что первый рядъ ложементовъ и траншей моментально оказался у насъ въ рукахъ... Передовая — турецкая позицiя была атакована по приказанію Скобелева одновременно, казанцами съ лѣва, угличанами, съ права.

Закипѣлъ штыковый бой. Не просили и не давали пощады. Кололи безмолвно, сжавъ зубы... Солдаты только старались не глядѣть въ глаза защищавшимся. Это очень характерная черта. Закалывая — солдатъ никогда не смотритъ въ глаза врагу. Иначе „взглядъ убитаго всю жизнь будетъ преслѣдовать"; это — убѣжденіе, общее всѣмъ.

Линія непріятельскихъ стрѣлковъ, стоявшая все время здѣсь, не ушла никуда — вся осталась на мѣстѣ. Какъ она сбилась къ брустверу, такъ и легла тамъ. Густо легла—точно второй валъ у вала... Раненые, падая, схватывали враговъ и душили ихъ, въ безсиліи находили еще возможность зубами вцѣпиться въ солдата — пока тяжелый прикладъ не раскраивалъ черепа... Болгарское ополченіе дралось столь же ожесточенно, еще злобнѣе, если хотите, потому что тутъ вспыхивала племенная ненависть...

Когда первые ложементы были взяты, до отдыха еще оказывалось далеко... Передъ солдатами оказался укрѣпленный лагерь турокъ и ихъ редуты.

Укрѣпленный лагерь былъ ничто иное, какъ деревня, гдѣ каждый плетень, заваленный землею, являлся брустверомъ траншеи, каждый домъ блокгаузомъ. Тутъ бой шолъ—разбиваясь на мелкіе схватки. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ. Тутъ можно было затеряться... Упорно защищали эту позицію турки, но угличане и казанцы выбили ихъ штыками оттуда.

— Знаете, оборачивается Скобелевъ,—опушки рощъ, деревни, часто переходятъ изъ рукъ въ руки... Я боюсь, чтобы турки не бросили сюда все, что у нихъ есть, и не отняли занятыхъ угличанами позицій... Съ свѣжими силами они могутъ сдѣлать много противъ изнуренныхъ солдатъ...

Въ виду этого, генералъ передвинулъ изъ резервовъ еще баталіонъ, который, дойдя до мѣста, сейчасъ-же окопался.

— Если наши войска дрогнутъ, траншея эта будетъ служить имъ опорой, чтобы придти въ себя и опять броситься на турокъ.

Но опоры не понадобилось.

Увлеченіе солдатъ росло. Они крошили все на своемъ пути. За укрѣпленнымъ лагеремъ попался имъ редутъ... Никто не знаетъ, вскакивали ли сюда первыми тѣ, или другіе солдаты—полкъ какъ будто прошелъ черезъ редутъ, не останавливаясь въ немъ; минуты остановки не было, а между тѣмъ, позади, когда угличане шли на слѣдующій—остались между брустверами груды тѣлъ и раненыхъ. Оказывается, что защитники редута были перебиты штыками... Налѣво былъ другой редутъ, сильнѣе. Взять его съ фронта было невозможно. Бата-

ліонъ казанскаго полка обошелъ его съ тылу, и такъ неожиданно кинулся на турокъ оттуда, откуда его никто не ожидалъ, что таборы бросили оружіе и въ ужасѣ только подымали руку вверхъ, крича на встрѣчу нашимъ солдатамъ: „аманъ! аманъ!“

Еще два редута было взято штыками... Въ слѣдующемъ турки, замѣтивъ, что наши ихъ обходятъ, бросились было всѣ на угличанъ, но казанцы развернулись въ длинную линію и открыли такой огонь по бѣжавшимъ, что рѣдкій изъ нихъ спасся. Въ этомъ единственномъ случаѣ наши стрѣляли. Повторяю еще разъ, вся работа 28 декабря была сдѣлана штыками. Поэтому и потеряли мало! Я нарочно останавливаюсь на этомъ, чтобы показать, до какого идеальнаго совершенства Скобелевъ довелъ своихъ солдатъ. Солдатъ — аттакующій врага безъ выстрѣла—образецъ дисциплины и выдержки. Трудно повѣрить, какой соблазнъ стрѣлять по непріятелю, а не ждать штыковаго боя... Хотя за закрытіемъ редутовъ ружейный огонь наступающаго врага приноситъ очень незначительный вредъ обстрѣливаемымъ.

Въ два безъ четверти, деревня, со всѣми ея укрѣпленіями, была взята.

Движеніе угличанъ и остальныхъ на правомъ флангѣ было геніальною диверсіей Скоболева. Онъ сначала массировалъ свои войска на лѣвомъ флангѣ и упорно повторялъ аттаки тамъ. Затѣмъ, замѣтивъ, что турки сосредоточили свои силы противъ нашего лѣваго фланга, онъ внезапной перемѣной фронта перешелъ въ наступленіе съ праваго. Такимъ образомъ, турки были не только обмануты, но обнажили и обезсилили ключь своихъ позицій. Безъ этого блестящаго хода—игра этого дѣла, пожалуй, не могла-бы быть выиграна, и турецкой арміи не былъ-бы данъ этотъ послѣдній и рѣшитель-

ный шахъ и матъ. Послѣ блистательныхъ атакъ, Скобелевъ выстроилъ передъ Шейновомъ владимірскій полкъ, и во главѣ его, уже самъ хотѣлъ нанести туркамъ рѣшительный ударъ въ ихъ центръ.

— Ну, братцы, за мной теперь. Ваши товарищи честно сдѣлали свое дѣло,—кончимъ и мы какъ слѣдуетъ.

— Постараемся...

— Смотрите-же... Идти стройно... Турки почти уже разбиты... Благословясь, съ Богомъ!

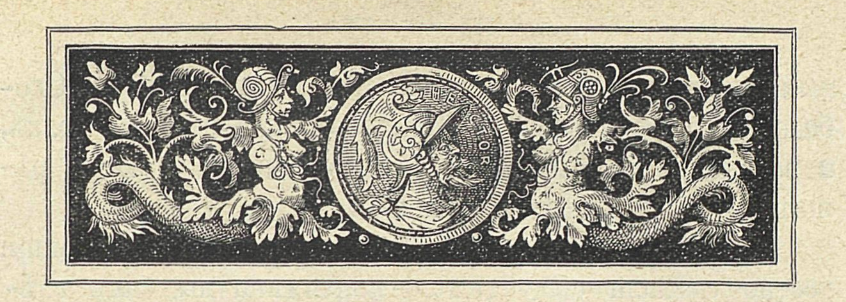
Солдаты сняли шапки, перекрестились. Оркестръ заигралъ маршъ и подъ звуки его стройно двинулась атака. Настроеніе солдатъ было дѣйствительно восторженное. Шли смѣло, блестяще, отсталыхъ не было...

Не успѣли мы доѣхать до лѣсу, какъ на встрѣчу намъ стремглавъ скачетъ ординарецъ *Скобелева*—Харановъ, безъ папахи, и издали еще машетъ рукой. А подъѣхалъ—говорить не можетъ отъ устали.

— Ваше-ство... турки подняли... бѣлый флагъ...

— Какъ, гдѣ?.. Не можетъ быть, такъ скоро... Ну, господа, за мной скорѣе.

XXVIII.

Я до сихъ поръ не могу забыть этого безумнаго, радостнаго чувства побѣды. Несешься впередъ, дышешь полною грудью и все-таки кажется, что воздуха и простора мало... Скобелевъ рветъ шпорами бока своему коню... Конь стрѣлой мчится впередъ, а генералу все кажется медленно. Вѣтви ему хлещутъ въ лицо... Не чувствуешь, даже какъ позади остаются ручьи и овраги. Въ одномъ мѣстѣ брызнуло водой — даже и не моргнули... Впередъ и впередъ... Изъ рядовъ несется радостное торжествующее ура владимірцевъ, бѣгомъ слѣдующихъ за генераломъ... Не замѣчаешь труповъ, разбросанныхъ по сторонамъ. Уже потомъ, анализируя пережитыя ощущенія, смутно припоминаешь, что чуть не изъ-подъ копытъ коня подымались какіе-то люди — съ прострѣлен-

ными грудями, съ окровавленными головами, протягивали къ тебѣ руки... Приходятъ на память другія, схватившіеся другъ съ другомъ, да въ моментъ смерти такъ и закостенѣвшіе... А тамъ въ горахъ еще не знаютъ... Тамъ еще идетъ бойня, люди падаютъ, умираютъ, мучатся, дерутся...

— Вся ли армія сдается? голосъ Скобелева сталъ хриплымъ какимъ-то.

— Таборовъ десять бѣжало.

— Хароновъ! Стремглавъ сейчасъ же къ Дохтурову... Слышите... Пусть кавалерія въ догонку... Чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ у меня... Поняли?

И еще глубже шпоры вонзаются въ бѣлую кожу коня и еще бѣшеннѣе мчитъ онъ генерала впередъ и впередъ.

— Имѣю честь поздравить ваше-ство! наскакиваетъ какой-то офицеръ.

— Съ чѣмъ?

— Казачій № 1 полкъ, подъ начальствомъ самаго Дохтурова, обскакалъ бѣгущихъ турокъ съ тылу, бросился въ шашки, нѣсколько сотъ положилъ на мѣстѣ и взялъ въ плѣнъ...

— Сколько? нетерпѣливо перебиваетъ генералъ.

— Шесть тысячъ человѣкъ.

— Спасибо... Счастливый день...

Впереди — депутація намъ на встрѣчу. Докторъ и санитары со знаками красной луны. Высоко надъ головами держатъ они большіе листы бумаги — женевскія свидѣтельства. Около наши солдаты толпятся.

— Пусть убираютъ своихъ и чужихъ раненыхъ... Обѣщать полную безопасность... Солдаты! это не плѣнные, слышите?

— Слышимъ, ваше-ство!

— Это свободные люди... Доктора! Они будутъ помогать и нашимъ и туркамъ, поняли... Они—друзья наши... Смотрите-же у меня, не обижать!

И опять безумная скачка впередъ... Тутъ уже груды труповъ... Массы раненыхъ... Опушка — громадная долина... Мы останавливаемъ коней...

Вспоминаешь ли ты, ты недвижно лежащій теперь подъ этимъ парчевымъ покровомъ, ты сомкнувшій зоркіе очи свои—эту минуту счастливаго торжества, когда такъ легко дышалось тебѣ, когда, казалось, весь просторъ передъ тобою былъ тѣсенъ для твоего счастія... Гдѣ твоя сила, гдѣ эта мысль, быстрая какъ молнія и могучая, какъ она?.. Хотѣлось взять его за плечи... Крикнуть прямо въ это мертвое лицо... Побѣда, генералъ, побѣда!.. Но, увы!.. Онъ уже не шевельнется на знакомый привѣтъ, и восторженное ура торжествующихъ полковъ, уже не способно зажечь этотъ тусклый, изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, едва-едва свѣтящійся взглядъ...

Душно... Душно... Тоска давитъ, плакать хочется надъ тобою... Кто уложилъ тебя такъ рано, тебя, передъ которымъ въ безконечную даль уходили подвиги, торжества... Тебя, вѣнчаннаго славою, тебя, такъ рано узнавшаго ея терніи...

Хороша была эта долина, рядомъ у опушки оставленнаго позади лѣса, открывшаяся передъ нами... Вонъ налѣво руины Шибки, подъ грозными массами крутыхъ отсюда и рѣзко очерченныхъ Балканъ... Вонъ внизу на холмахъ цѣлый фронтъ редутовъ... Изъ-за ихъ брустверовъ видны солдаты, тускло мерещутся штыки... Но это солдаты наши и штыки наши. Въ другихъ еще стоятъ красноголовые турки, но уже молча, сложивъ свои ружья... Залпы только гремятъ еще на вершинахъ шибкинскаго перевала.

— Гдѣ же бѣлый флагъ? нетерпѣливо спрашиваетъ Скобелевъ.

— Правѣе.

Тамъ за рѣкой — правильныя колонны какихъ-то войскъ... Тамъ еще туманъ. Не разобрать въ его желтоватомъ освѣщеніи, свои или чужіе...

— Была не была, ѣдемъ! и Скобелевъ рѣшительно даетъ шпоры коню.

Вода ручья брызжетъ изъ-подъ копытъ лошадей, прямо въ лицо намъ... Съ того берега гремитъ ура— наши!..

— Гдѣ же бѣлый флагъ? кидаетъ имъ съ вѣтру, съ бѣгу Скобелевъ.

— Позади, ваше-ство!

Мы проскакали мимо... Опять бѣшеный карьеръ... Вотъ редутъ, сплошь наваленный мертвыми и ранеными... Вонъ большой холмъ, точно сахарная голова. Съ низу вверхъ спираль траншеи... Не видать земли, все усыпано красными фесками... Ярко, пестро. Съ верхушки во всѣ стороны грозно смотрятъ крупповскія орудія, выше ихъ еще медленно развертываются и полощутся въ воздухѣ два бѣлыхъ флага.

— Мерзавцы! срывается съ губъ у Скобелева.

— Кто мерзавцы... удивляюсь я.

— Развѣ можно было сдать такую позицію...

— Да и защищать нельзя... Обошли кругомъ...

— Защищать нельзя... Драться можно, умереть должно!..

Какъ будто изъ тумана, выдвигается фигура какого-то офицера... Онъ подноситъ Скобелеву саблю плѣннаго паши...

— Кто командуетъ?..

— Вейсиль-паша.

— А Эйюбъ?

— Эйюба давно нѣтъ.

— Какъ онъ сдался?

— Безъ всякихъ условій... На милость побѣдителя.

— На милость?..

— Точно такъ.

— Возвратить сабли плѣннымъ, свято сохранить ихъ имущество, чтобы ни одной крохи у нихъ не пропало... Предупредите, за грабежъ буду разстрѣливать!..

На встрѣчу кавалькада... Только не наши... Совсѣмъ не наши... И кепи чужіе и мундиры не тѣ, къ которымъ уже привыкъ взглядъ.

Впереди Вейсиль. Мясистое лицо, съ низко нависшими бровями. Суровое, некрасивое.

Скобелевъ подаетъ ему руку и говоритъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

Турки мрачны. Имъ тяжело, невыносимо тяжело.

— Сегодня гибнетъ Турція, такова воля Аллаха! Мы сдѣлали все.

— Вы дрались славно, браво... Переведите имъ, что такіе противники дѣлаютъ честь... Они храбрые солдаты.

Имъ переводятъ...

— А все-таки, мерзавцы, что сдали такія позиціи! заканчиваетъ онъ про себя.

Отовсюду восторженные крики... Отовсюду стихійное ура... Лица солдатъ возбуждены, лучезарны.

— Спасибо, друзья, спасибо товарищи... Спасибо, мои орлы! кричитъ имъ Скобелевъ въ свою очередь.

— Сколько у нихъ было людей и пушекъ? спрашиваетъ онъ, кивая на плѣнныхъ. Тѣмъ переводятъ.

— Тридцать пять тысячъ войска, и сто тринадцать орудій!

— И сдались!.. Хороши генералы...

Турки, сходя съ редута, окружали насъ сплошною стѣною... Въ ихъ массахъ слышалось „Акъ-паша, Акъ-паша"... Всѣ они нетерпѣливо пробивались взглянуть на Скобелева.

— Что они говорятъ? обернулся Скобелевъ къ переводчику.

— Говорятъ, не мудрено, если ихъ побѣдили, русскими командовалъ Акъ-паша, а съ Акъ-пашей драться нельзя...

На верху еще шелъ бой... Скобелевъ слушалъ-слушалъ и вспыхнулъ.

— Передайте пашѣ: если черезъ два часа турки, въ селеніи Шибка и на высотахъ, не положатъ оружіе, я ихъ буду штурмовать и — никому пощады!..

— Они сейчасъ-же сдадутся... струхнулъ Вейсиль...

Издали послышалась музыка: развернутый, подъ распущенными знаменами, стройно подходилъ владимірскій полкъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Я хочу имъ самъ отдать приказаніе положить оружіе... Господа, останьтесь здѣсь... Передайте туркамъ, что я самъ ѣду съ ними...

И Скобелевъ поѣхалъ, со всѣхъ сторонъ окруженный вооруженными турками...

Двое или трое слѣдовало за нимъ изъ русскихъ.

— Однако, наше положеніе странно!..

— Ну, вотъ еще!..

— Да какъ бы вы поступили на мѣстѣ турокъ? спрашиваю я.

Скобелевъ расхохотался.

— Во-первыхъ, на ихъ мѣстѣ я бы не былъ...

— Ну, а если-бы.

— Разумѣется... Сейчасъ-бы въ шашки...

Впослѣдствіи, подъ Геокъ-тепе онъ сдѣлалъ еще лучше. Послѣ штурма и взятія этой крѣпости, Скобелевъ ѣдетъ въ еще не сдавшійся Асхабатъ. Ему на встрѣчу — семьсотъ текинцевъ, въ полномъ вооруженіи въ праздничныхъ костюмахъ—цвѣтъ текинскаго войска...

Скобелевъ обратился къ нимъ съ какими-то укорами... Они изъявили свою покорность...

— А если вы попробуете возстать — то я васъ накажу примѣрно...

— Текинцы никогда не лгутъ!..

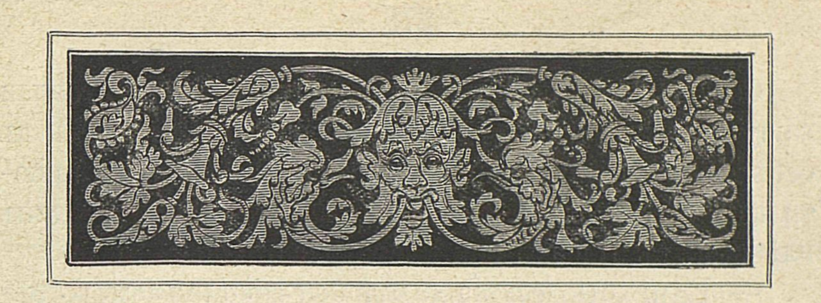
— Если такъ, то, господа, неугодно ли вамъ ѣхать обратно... Передайте текинцамъ, что они составятъ мой конвой...

И совершилось небывалое. Генералъ одинъ, окруженный семьюстами отчаянныхъ враговъ — верхомъ, поѣхалъ въ Асхабатъ... Двадцать верстъ они сопровождали его...

И разумѣется, ни его прежнія побѣды, ни страхъ его имени, — не могли ему создать такой популярности между ними, какъ эта поѣздка...

Съ той минуты онъ сталъ кумиромъ уже всего племяни *текке*.

XXIX.

Какая разница съ Плевно. Тамъ плѣнные долго оставались не накормленными. Имъ пришлось жить на открытомъ воздухѣ, въ грязи и снѣгахъ болгарской зимы. Здѣсь все было сдѣлано, чтобы смягчить участь несчастныхъ. Они ѣли вмѣстѣ съ нашими солдатами у котловъ; наканунѣ еще Скобелевъ отдалъ приказаніе:

— Заготовить въ солдатскихъ котлахъ двойной запасъ пищи.

Черезъ три часа по сдачѣ, турки уже получили ее, ночью они спали въ землянкахъ и редутахъ, а утромъ подъ конвоемъ болгарскаго ополченія ихъ отправили дальше, въ Габрово.

— Горе узнали мы потомъ, у Акъ-паши горя не было! говорили они.

Солдаты, усталые отъ боя, не ложась спать, готовили кашу туркамъ, наши офицеры разобрали турецкихъ къ себѣ и оказали имъ широкое гостепріимство, паши пріютились у генераловъ. На Шибкѣ не умеръ ни одинъ плѣнный, въ Плевнѣ они умирали сотнями.

— Если хоть десятая доля такой заботливости, встрѣтитъ насъ въ Россіи — наши семьи могутъ быть спокойны! говорили они.

— Смотрите, ребята, турки теперь друзья вамъ! говорилъ Скобелевъ солдатамъ.

— Слушаемъ, ваше-ство! отвѣчали они.

— Нѣтъ большаго позора, чѣмъ бить лежачаго... А они теперь несчастные, лежачіе... Такъ вѣдь?

— Точно такъ, ваше-ство!

— Пока у нихъ были ружья въ рукахъ — ихъ слѣдовало истреблять; разъ они безоружны, никто не смѣй ихъ пальцемъ тронуть... Оскорблять плѣннаго — стыдно боевому солдату...

И дѣйствительно, отношеніе скобелевскихъ солдатъ къ нимъ, было искренно и задушевно.

Черезъ день послѣ боя — вдоль Балканъ, въ долинѣ Казанлыка, въ двѣ шеренги выстроились легендарные солдаты, легендарнѣйшаго изъ вождей... Одушевленный, счастливый, снявъ шапку, мчался мимо нихъ Скобелевъ.

— Именемъ отечества, благодарю васъ, братцы!.. бросалъ онъ имъ свой привѣтъ.

— Урра! звучало вслѣдъ ему и фуражки летѣли въ воздухъ и въ глазахъ этихъ новыхъ легіонеровъ русскаго цезаря — было столько любви и преданности, что у Скобелева долго, потомъ, навертывались слезы на глазахъ.

Этотъ моментъ, талантливый В. В. Верещагинъ выбралъ для своей картины...

Потомъ уже въ Казанлыкѣ я встрѣтилъ Скобелева. Онъ былъ мраченъ... Интриги опять начались кругомъ, но это уже достояніе исторіи. Теперь пока я молчу о нихъ... Пусть нечистая совѣсть его враговъ при жизни и его друзей послѣ смерти, сама заговоритъ. Болѣе безпощадной Немезиды, нѣтъ и не будетъ.

— Разумѣется, вы съ нами? обратился ко мнѣ Скобелевъ.

— Да...

— Завтра я выступаю въ Адріанополь...

— Развѣ отрядъ вашъ отдохнулъ?

— Я сегодня объѣхалъ свои войска: спрашиваю, нуженъ-ли вамъ отдыхъ, братцы... хотите-ли вы дать туркамъ время оправиться?.. Никакъ нѣтъ, отвѣтили они... Ну, и поведу ихъ... У нихъ есть свой point d'honneur...

— Именно?

— Имъ хочется раньше гвардіи придти... Куда придти не знаютъ, потому что о существованіи Адріанополя, они узнали только теперь... Думаютъ, что въ Константинополь веду ихъ...

— Да вѣдь въ Константинополь мы и идемъ.

Скобелевъ вспыхнулъ.

— Да развѣ иначе можно?.. Иначе нельзя... Нужно дать Россіи это удовлетвореніе... Мы можемъ остановиться только на Босфорѣ.

И остановились потомъ на Босфорѣ, только не дойдя до Стамбула!..

Въ Казанлыкѣ Скобелеву не было ни минуты отдыху, да во время отдыха — онъ и самъ никуда не годился, становился нестерпимо капризенъ, всѣмъ недоволенъ... Это была дѣятельная, боевая натура, которую спокойствіе утомляло гораздо болѣе, чѣмъ самая кипучая, самая безотходная работа... Если не было дѣла—онъ выдумывалъ

его... Любимою въ то время поговоркою его было: „Россія не ждетъ, отдыхать некогда, отдыхъ — въ могилѣ...“ И, дѣйствительно, онъ нашолъ свой отдыхъ только подъ парчевымъ покровомъ, доставленнымъ въ отель Дюссо изъ Заиконоспасскаго монастыря. Онъ боялся отдыха...

— Ничто такъ не развращаетъ, какъ спокойствіе; ничто такъ не обезсиливаетъ, какъ отдыхъ.

Борьба была для него необходимостью, жизнью... Я думаю, всѣ помнятъ, что онъ дѣлалъ въ рѣдкіе антракты между двумя походами, сраженіями. Другіе, высунувъ языкъ, падаютъ бывало отъ устали, а онъ сядетъ въ сѣдло, да отмахнетъ на подставныхъ лошадяхъ карьеромъ верстъ сто двадцать. Это у него называлось отдыхомъ. Вернется, обольется водой, проспитъ нѣсколько часовъ—и опять свѣжъ, опять готовъ на трудное предпріятіе... Или отправится куда-нибудь къ офицерамъ своего отряда, и вмѣстѣ съ ними и солдатами проводитъ цѣлые дни. Для него, въ это время, не было болѣе задушевнаго общества. Кружокъ главныхъ квартиръ — тяготилъ его. Тамъ не свое. Тамъ онъ или спорилъ, рѣзко, безцеремонно обрывая фазановъ, или угрюмо, сосредоточенно молчалъ. Отводилъ душу только, попадая къ отцу. Тутъ, или онъ трунилъ надъ нимъ, или старикъ прохаживался на счетъ сына...

— Ну, что хвостъ-то тебѣ обрубили, наконецъ? спрашивалъ отецъ, когда молодой Скобелевъ возвращался отъ Непокойчицкаго.

— Нѣтъ.

— Жаль!

— Почему это жаль?

— А потому, что ужь очень ты распустилъ его...

— Ты, вотъ-что... Денегъ не даешь, а смѣяться смѣешься...

Д. И. СКОБЕЛЕВЪ.

(Съ фотографіи С. Левицкаго грав. Ю. Барановскій.)

— И не дамъ.

— Подожду я, отецъ, когда тебя отдадутъ мнѣ подъ команду.

— Ну?

— Тогда я тебя за непочтительность подъ арестъ посажу...

И оба смѣются...

Когда на Зеленыхъ горахъ, Скобелева, въ ночь на 8 ноября, контузили, пріѣзжаетъ къ нему отецъ, Скобелевъ лежалъ въ постелѣ, больной совсѣмъ.

— Ну, наткнулся, наконецъ... И чего суешься... чего суешься... началъ выговаривать старикъ.

— А все твой полушубокъ...

— Какъ, это мой?

— Такъ, твой...

Скобелевъ былъ очень суевѣренъ. На канунѣ, отецъ ему подарилъ черный теплый полушубокъ, въ которомъ его контузили—тотчасъ-же. Черезъ два дня онъ опять надѣлъ его — его контузили опять.

— Возьми, пожалуйста, свой полушубокъ... Ты дай мнѣ лучше деньгами...

— Неужели ты вѣришь, что тебѣ полушубокъ этотъ принесъ несчастіе?..

Въ Казанлыкѣ, отцу Скобелева дали отдѣльный отрядъ...

— Ну, отчего, отецъ, ты ко мнѣ вчера не явился?

— Какъ это? удивился тотъ.

— Какъ являются къ начальству, въ полной парадной формѣ...

— Да, вѣдь, я не къ тебѣ подъ начальство.

— Жаль!..

— Почему это?

— По всей справедливости, слѣдовало бы.

Поздно ночью въ Казанлыкѣ, возвращаюсь я къ себѣ домой верхомъ. Ни зги не видно. На встрѣчу мнѣ другой всадникъ. Улочка узенькая.

— Эй, кто тамъ, кричу я... Держи правѣй...

— Это вы?.. называетъ меня по имени Скобелевъ. Я тоже сейчасъ узналъ его по голосу.

— Куда вы.

— А тутъ въ одну деревню.

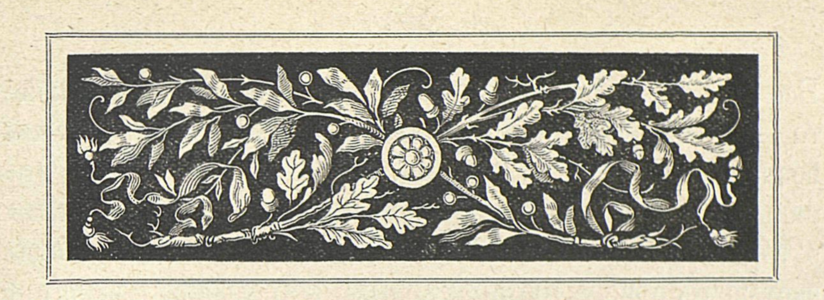
— Зачѣмъ?

— Попаду къ разсвѣту... Хочу узнать какъ моихъ солдатъ кормятъ теперь; какъ начнутъ варить имъ. похлебку и кашу, я уже тамъ буду... Ненарокомъ. Поѣдемъ вмѣстѣ.

И мы отправились.

Чѣмъ дальше, тѣмъ его заботливость о солдатѣ все больше и больше росла. Онъ сердцемъ болѣлъ за него. И всякая несправедливость, нанесенная солдату — живо чувствовалась имъ, точно эта обида направлена была именно на него одного... Онъ блѣднѣлъ, когда при немъ разсказывалось о томъ, какъ въ такой-то дивизіи солдаты голодаютъ, какъ въ другой ихъ сѣкутъ, какъ въ третьей ихъ изводятъ на безполезной муштрѣ...

XXX.

Переходъ Скобелева отъ Казанлыка къ Адріанополю — навсегда останется въ военной исторіи. Никогда еще не случалось пѣхотѣ совершать съ такою быстротою походы, которые едва-ли подъ силу и кавалеріи. Масса силы воли и энергіи, обнаруженная при этомъ случаѣ генераломъ, едва ли привела бы къ подобнымъ результатамъ, если бы дивизія его не получила такого блестящаго военнаго воспитанія. Отдыхать ей совсѣмъ не пришлось. 28-го декабря была взята въ плѣнъ армія Вейсиль-паши, послѣ утомительнаго перехода отъ Плевны къ Габрову, трехдневнаго мучительнаго пути по Балканамъ и упорнаго сраженія въ долинѣ Казанлыка. А перваго января — авангардъ скобелевскаго отряда уже выступилъ изъ этого города къ малымъ Балканамъ.

Все это движеніе со дня паденія Плевно носитъ какой-то головокружительный характеръ. Мы точно хотѣли вознаградить себя за долгія стоянки передъ арміей Османа. Главная квартира Великаго князя помѣщается чуть не на аванпостахъ, наши войска частью съ запада, частью съ сѣвера, безпримѣрными переходами стремятся поскорѣе стать у воротъ Константинополя...

— Вотъ, такой походъ по мнѣ, это я понимаю! говорилъ Скобелевъ. Еще нѣсколько дней подобнаго перехода и насъ никто не остановитъ. Мы докатимся до Босфора.

По всему этому пути — то съ боя брали турецкія позиціи, мосты, желѣзнодорожныя станціи, то занимали новые города, поспѣшно очищавшіеся турками. Кавалерійскіе отряды, стараясь освѣтить мѣстность — уходили какъ можно дальше впередъ, но къ крайнему удивленію ихъ, вечеромъ густыя массы пѣхоты настигали всадниковъ и располагались на ночлегъ въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ съ ними. Одушевленныя недавними побѣдами войска скобелевскаго отряда, дѣлали чудеса. Михаилъ Дмитріевичъ, котораго трудно было удивить чѣмъ нибудь, разсказывалъ о нихъ съ восторгомъ.

— Чего нельзя сдѣлать съ такими солдатами! Помилуйте, Тырновскій мостъ адріанопольской желѣзной дороги — одинъ эскадронъ нашей кавалеріи аттаковалъ такъ стремительно, что четыреста пѣхотинцевъ турецкихъ не выдержали и отступили... Вообще, напрасно думаютъ, что кавалерія безсильна относительно пѣхоты... У меня, на этотъ счетъ, свои взгляды. Я въ эту войну присмотрѣлся къ способу дѣйствій кавалеріи... Въ мирное время — займусь ея маневрами, и въ первую большую европейскую компанію покажу, что можетъ сдѣлать съ пѣхотою конница, хорошо приспособленная и

умѣющая пользоваться мѣстностью. Говорятъ, что у насъ кавалеріи нѣтъ... Оно, если хотяте, правда. Гдѣже будетъ настоящая кавалерія, если все въ ней сводится къ тому, чтобы лошадь была въ тѣлѣ, подобрана какъ слѣдуетъ... Тутъ парадъ убиваетъ дѣло... Но уже и теперь я знаю полки, совсѣмъ иначе дѣйствующіе. Дохтуровъ, вотъ, понимаетъ, что нужно дѣлать.

Кавалерія на этотъ разъ, дѣйствительно, показала себя. Она брала стремительной аттакой, уже горѣвшіе мосты. Обскакивала отступавшихъ турокъ... Становилась впереди ихъ обозовъ. Отхватывала цѣлые поѣзды, съ вагонами и локомотивами. Какъ только начиналось дѣло и на нее насѣдала турецкая пѣхота — откуда не возьмись являлись скобелевцы и поддерживали своихъ... Часто кавалерія врывалась въ города, еще занятые турецкой пѣхотой — и не отступала отъ превосходныхъ силъ ея, а держалась, зная, что черезъ часъ, черезъ два, по пятамъ ея явятся свои — и дѣло будетъ выиграно... Изумительные переходы этаго періода прошлой войны я думаю до сихъ поръ памятны и солдатамъ и офицерамъ. Случалось, сдѣлаютъ тридцать, сорокъ верстъ и только что расположатся на отдыхъ — какъ ихъ опять двигаютъ дальше. И при какихъ условіяхъ совершалъ Скобелевъ этотъ походъ. По поясъ въ грязи, подъ холоднымъ дождемъ, въ насквозь измокшихъ шинеляхъ. По пути то и дѣло встрѣчались наполненныя жидкою слякотью ямы и ухабы... Лошади отказывались служить — а люди все шли да шли, исполняя и за измученныхъ коней трудную работу. Дѣлая шестидесяти-верстные переходы въ день, сверхъ того, еще тащили пушки... Одинъ полкъ, напримѣръ, только что добрался до Хаскіоя, только что было расположился на отдыхъ, какъ вдругъ — назадъ въ Германлы. Вернулись въ Гер-

манлы, провели часть ночи. Нужна была дневка, чтобы возстановить упавшія силы, какъ вдругъ выѣзжаетъ самъ Скобелевъ.

— Поздравляю, братцы, съ походомъ въ Адріанополь...

Ни съ однимъ другимъ генераломъ солдаты не сдѣлали бы подобнаго... Съ нимъ мрачные, сосредоточенные, усталые, но шли и шли... Когда ужь слишкомъ было трудно, тогда сходилъ съ коня Скобелевъ, вмѣшивался въ ряды... Разъ, послѣ семидесяти верстнаго перехода—силы у людей окончательно упали, а впереди явились свѣдѣнія о движеніи таборовъ египетскаго принца Гассана. Скобелевъ подъѣхалъ къ людямъ.

— Голубчики... На послѣдокъ... Неужели-же у самаго Адріанополя, да мы осрамимся...

Поднялись солдаты... Пошли... Ноги отказываются, едва-едва бредутъ.

— Товарищи... Ну-ко, еще переходъ; вечеромъ кашей накормлю...

И солдаты, смѣясь, пошли такъ быстро, что не только нагнали Гассана, но еще отрѣзали у него хвостъ, т. е. захватили громадные обозы и сто верблюдовъ... Въ послѣдствіи они всѣ были у Скобелева въ дивизіи.

— Это наши верблюды... Походные... Она животная добрая, настоящая солдатская скотина... хвалили они верблюдовъ.

Одно, о чемъ заботился по всему этому пути Скобелевъ, чтобы солдаты у него были постоянно накормлены. Всюду на походѣ, въ бою, въ пустынномъ безлюдьѣ, и только что занятомъ городѣ одинаково—горячая пища являлась въ свое время и люди ѣли до отвала.

— Съ ними все можно сдѣлать, нужно умѣть.

— Отчего-же другимъ не удавалось дѣлать такіе переходы?

— Видите-ли, душенька, (любимое слово Скобелева), нужно чтобы генералъ пользовался громаднымъ авторитетомъ у солдатъ, чтобы они его любили... Тогда сдѣлаемъ все. А то и другое, пріобрѣтается не сразу... И не даромъ. Разъ это есть и въ самомъ, сверхъ того, энергія ключемъ бьетъ—бояться нечего. Чудеса сдѣлать можно... Понимаете, чудеса... Развѣ не чудо—сравнять пѣхоту съ кавалеріей. Никуда у меня кавалерія уйти не могла, чтобы ее полки мои не нагнали... А это для меня—практика...

— Для чего?

— А для того, чтобы въ большой европейской войнѣ, неожиданно сосредоточивать и массировать войска въ самыхъ немыслимыхъ пунктахъ. Если придется намъ схватиться съ нѣмцами—я всегда постараюсь противъ одной ихъ дивизіи, поставить своихъ двѣ. А для этого нужно пріучить солдата къ неутомимости... Ни разстояніе, ни погода, не должны его пугать... Въ этомъ залогъ успѣха...

Когда отдыхалъ и спалъ Скобелевъ, во время этого сказочнаго похода—неизвѣстно... Силы его отряда во всякомъ случаѣ были такъ незначительны, что помимо этихъ громадныхъ переходовъ, солдатамъ, останавливавшимся на ночлегъ, приходилось еще окапываться...

— Чего же торопиться такъ. Три дня не сдѣлалибы разницы? спришивали его.

— Какъ... По другую сторону Марицы, параллельно съ нами, шли таборы Абдулъ-Керимъ-паши... Адріанополь являлся, такимъ образомъ, призомъ, который достанется быстрѣйшему. Явятся они раньше—засядутъ въ

адріанопольскіе форты и тогда прощай надежда на скорое окончаніе войны!.. Тутъ разсѣдлать коней некогда.

Движеніе это было столь быстро, что воображавшіе встрѣтить русскихъ только въ Казанлыкѣ, Серверъ и Намыкъ паши, пришли въ ужасъ, встрѣчая массы бѣглецовъ по дорогѣ.

— Гдѣ московъ? спрашивали они.

— Московъ близко!..

Наконецъ, въ шестидесяти верстахъ за Адріанополемъ, Намыкъ и Серверъ, пораженные, наткнулись на аванпосты Скобелева.

— Чей отрядъ? спросили у своихъ.

— Акъ-паши!

До того это было неожиданно и такъ потрясло старика Намыка, что онъ зарыдалъ, откинувшись въ глубь кареты... Черезъ часъ, къ нимъ подъѣхалъ почетный конвой отъ Скобелева. Генералъ принялъ ихъ у себя...

— Не хотятъ-ли паши отдохнуть и переночевать здѣсь? обратился онъ къ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни за что!

— Почему-же?

— Если мы остановимся на ночь, то вы будете уже за Адріанополемъ... А когда мы доѣдемъ до главной квартиры — то вы и къ Стамбулу подойдете!

И, дѣйствительно, не успѣли паши добраться до главной квартиры, не успѣли выслушать условій перемирія, первымъ пунктомъ котораго была сдача Адріанополя, не успѣли они еще расположиться на отдыхъ, какъ ихъ разбудилъ, кажется, полковникъ Орловъ.

— Что такое? всполошились тѣ.

— Великій князь, главнокомандующій, приказалъ сообщить вамъ, что уступка Адріанополя больше уже не требуется...

— Что значитъ это?

— Сегодня утромъ, Скобелевъ уже занялъ Адріанополь.

— Этого не можетъ быть. Въ Эдирнэ вѣрно уже Сулейманъ...

— Сулейманъ разбитъ и бѣжалъ въ Ѳракійскія горы.

Скобелевъ торжественно вступилъ въ Адріанополь. Массы народа высыпали ему на встрѣчу. Цвѣты и вѣнки летѣли подъ ноги его коня. Болгарки, осиротѣвшія послѣ казненныхъ и убитыхъ отцовъ, мужей и братьевъ, прорывались къ нему, цѣловали ему руки и ноги, тысячи благословеній слышались кругомъ... У самаго города генералъ обратился къ своимъ войскамъ.

— Я надѣюсь, братцы, что вы не опозорите себя здѣсь самоуправствомъ. Насъ принимаютъ, какъ друзей, и мы должны себя держать, какъ друзья. Не смѣть ничего и никого трогать... Если найдутся между вами люди, способные красть и грабить, чему я не вѣрю, не хочу вѣрить—я безъ церемоній разстрѣляю ихъ... Но я знаю, что этого не будетъ... Солдаты мои — не способны на это!..

— Рады стараться, ваше-ство!

— Первое время васъ помѣстятъ въ дома, изъ которыхъ, пока населеніе не привыкнетъ къ вамъ — не выходите...

И дѣйствительно — солдатъ первый день не видно было вовсе на улицахъ города.

Запертые лавки — открылись, спрятанные товары— появились на прилавкахъ, торговля закипѣла во всю. Населеніе города благодарило войска за изумительный порядокъ, прислало солдатамъ всевозможныхъ припасовъ. Черезъ два дня, когда солдаты стали уже ходить по городу ихъ всюду принимали, какъ друзей. Въ нѣкото-

рыхъ лавкахъ отказывались принимать отъ нихъ деньги. Солдаты насильно отдавали ихъ.

— Бери, бери нечего. Мы, братъ, свои... Не говори потомъ, что братушко обидѣлъ тебя... У насъ, братъ, на это строго...

Двѣ недѣли — порядокъ въ Адріанополѣ не нарушался вовсе...

Ни одного грабежа, ни одной кражи, ни одной драки въ городѣ... Ни разу и ни кто не явился съ жалобой на солдатъ... „Намъ и при туркахъ не было такъ хорошо. Еще никогда торговлѣ и промышленности такъ не покровительствовали въ Эдирно!" говорили адріанопольцы. Ушолъ Скобелевъ — городъ заняли другіе отряды и недавнее спокойствіе смѣнилось совсѣмъ инымъ...

Это, впрочемъ, уже не входитъ въ программу нашей книги...

— Спасибо, ребята, говорилъ Скобелевъ своимъ полкамъ, оставляя Адріанополь. Отъ души спасибо. Вы высоко подняли честь русскаго солдата... Вы доказали, что мирному населенію вы не враги, а друзья, что вы защита каждому, кто не идетъ на васъ съ оружіемъ въ рукахъ... Спасибо вамъ, страшнымъ въ бою и добрымъ на отдыхѣ!..

— Ну, пол-дѣла кончено! Говорилъ онъ въ Адріанополѣ. Мои солдаты имѣютъ полное право гордиться этимъ переходомъ отъ Казанлыка сюда... И главное, знаете, почему?

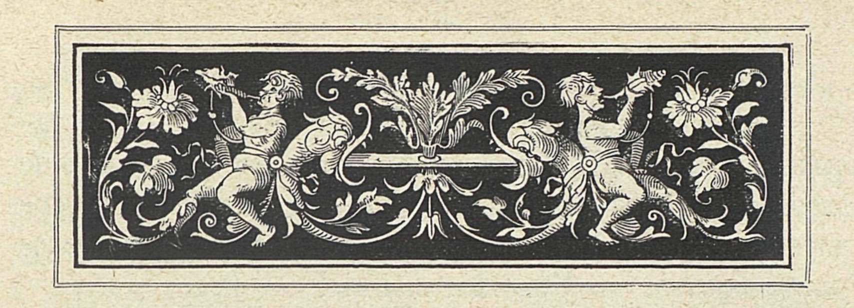
— Быстротою и стремительностію?

— Этого мало... При быстротѣ и стремительности, мы не растеряли солдатъ... У насъ не было отсталыхъ... Скажите, пожалуйста, встрѣчали моихъ солдатъ, или струковскихъ кавалеристовъ — позади?..

— Нѣтъ.

— Вотъ, оно и есть... Въ такомъ походѣ — и отсталыхъ не было... Пришли въ Адріанополь — больныхъ не оказалось. Вотъ почему, я и мои солдаты можетъ гордиться этимъ эпизодомъ... А теперь, давай Богъ поскорѣй добраться до Константинополя!

XXXI.

Адріанополь, турецкое Эдирнэ, до сихъ поръ мерещится намъ какою-то далекой поэтической грезой... это — городъ изящныхъ Джамій, вѣнчанный словно короной мечетью Селима, съ ея четырьмя дивными минаретами. Это—мусульманская Москва, вторая столица султановъ, полная для оттоманскаго народа воспоминаній о прежнемъ блескѣ и славѣ... Мы въѣзжали туда съ понятнымъ волненіемъ. Скобелевъ тамъ остановился въ домѣ Амедъ-Юнусъ-бея — пустомъ, оставленномъ его жителями. Хозяинъ, извѣстный предводитель баши-бузуковъ, одинъ изъ ренегатовъ, бывшій христіанинъ, теперь озлобленный, ненавистный христіанамъ турокъ, палачъ мирнаго населенія, разумѣется, не имѣлъ права разсчитывать на любезность русскихъ. За то домъ его—

былъ идеаломъ восточнаго жилья. Невиданную до тѣхъ поръ роскошь—обнаруживалъ этотъ мусульманскій палаццо, съ его переполненными тропическими растеніями зимними садами, мраморными залами, поэтическими фонтанами, полными тишины и нѣги келліями гарема, зеркальными стѣнами и красивыми лѣстницами. Лѣпные и расписанные потолки смотрѣлись въ кристальныя воды внутреннихъ бассейновъ, тропическіе цвѣты, орошаемые алмазною пылью фонтановъ, распространяли тонкое благоуханіе по широкимъ заламъ... Скобелевъ выбралъ тутъ самую простую комнату, въ другой помѣстился его штабъ. Въ Адріанополѣ—отдыха было мало. Съ перваго-же дня дѣлались поѣздки въ окрестности, рекогносцировки къ Чорлу и Гадемъ Кіой. Сверхъ того, возня съ консулами и администраціей турецкаго города, тоже не мало отнимала времени у Михаила Дмитріевича. Тутъ онъ въ первый разъ и совсѣмъ неожиданно для главной квартиры, обнаружилъ свои административныя способности. Короткій періодъ его управленія Адріанополя былъ замѣчателенъ, въ полномъ смыслѣ слова. Потомъ, начиная отъ послѣдняго мусульманскаго бейгуша и кончая банкирами и капиталистами Эдирно, всѣ вздыхали о немъ.

— При Акъ-пашѣ было гораздо лучше. Акъ-паша не давалъ насъ въ обиду...

— Скобелевъ справедливъ. Для него нѣтъ своихъ или чужихъ... При немъ никакихъ недоразумѣній не случалось.

Здѣсь же Скобелеву пришлось разстаться съ оригинальнымъ ординарцемъ изъ турокъ. Въ шейновскомъ бою — онъ спасъ отъ смерти молодого турецкаго офицера.

— Куда мнѣ дѣться? спросилъ тотъ.

— Пусть ѣдетъ за мной!

Тотъ и остался при Скобелевѣ. Мы много смѣялись—видя съ какою важностью турокъ слѣдуетъ всюду за генераломъ, не оставляя его ни на шагъ. Потомъ оказалось, что онъ серьезно привязался къ Михаилу Дмитріевичу. Онъ не отставалъ отъ него, какъ не отстаетъ собака отъ господина, шелъ по пятамъ. Въ Казанлыкѣ—онъ былъ всюду, гдѣ былъ генералъ. Въ концѣ концовъ, онъ сталъ передавать порученія туркамъ, собирать всевозможныя справки... Сдѣлался совсѣмъ ординарцемъ.

Стали было его распрашивать о позиціяхъ турокъ въ шейновскомъ бою—отвѣчаетъ охотно. Самъ указываетъ, куда лучше идти, откуда удобнѣе атаковывать.

— Вотъ, патріотизмъ!.. злился Скобелевъ... А вѣдь храбрый офицеръ былъ... Съ превосходными солдатами и такими офицерами турецкая армія уйдетъ не далеко. Бросьте—не распрашивайте его... Офицеръ не долженъ быть лазутчикомъ!.. А впрочемъ...

И Скобелевъ расхохотался, поймавъ себя на этой сантиментальности.

Тотчасъ-же онъ чудесно воспользовался свѣдѣніями, сообщенными ему туркомъ...

— Ихъ нельзя судить съ нашей точки зрѣнія!

Тѣмъ не менѣе, меня интересовалъ этотъ субъектъ. Я черезъ переводчика, по окончаніи боя, обратился къ нему съ вопросомъ: „какъ онъ можетъ служить врагамъ своего отечества“.

— Потому, что это—Акъ-паша... А Акъ-пашѣ всякій служить поставитъ себѣ за честь... Такихъ генераловъ нѣтъ... И по корану выходитъ тоже.

— Вотъ-те и на... Это же, какимъ образомъ?

— Коранъ говоритъ: побѣдителю повинуйся... Нѣтъ силы высшей, какъ сила меча.

Въ Адріанополѣ было полное убѣжденіе, что Турціи уже не будетъ, что всѣ ея европейскія провинціи присоединяются къ Россіи. Когда Скобелевъ созвалъ къ себѣ улемовъ, они ему отвѣтили тоже, что и ординарецъ изъ турокъ отвѣтилъ мнѣ.

— Мы обязаны повиноваться побѣдителю! говорили они.

— А если Адріанополь отдадимъ болгарамъ? возразилъ Скобелевъ.

— Болгары насъ не завоевали и по корану мы возстанемъ и истребимъ ихъ... Насъ завоевали русскіе силою меча, и они только имѣютъ право быть нашими господами...

— И если они будутъ такъ же справедливы, какъ ты, отозвался сѣдой, какъ лунь старикъ, то мы благословимъ Аллаха, карающаго насъ... Съ русскими жить можно.

— Ничего не тронулъ, ни имущества нашего, ни нашихъ женъ. Когда армяне и греки вздумали было вмѣстѣ съ болгарами обидѣть насъ, воспользоваться нашимъ достояніемъ — ты вступился за турокъ, ты сталъ намъ защитой... Пусть бѣлый царь отдастъ тебѣ въ управленіе этотъ вилайетъ — мы ничего не хотимъ больше.

— Сами турки не вѣрятъ, говорилъ Скобелевъ, что мы когда-нибудь вернемъ имъ Адріанополь... Неужели мы его не удержимъ за славянами... Этого не можетъ быть...

Потомъ я встрѣтилъ его на фортахъ Адріанополя... Адріанополь — укрѣпленъ геніально и еслибы Сулейманъ, или Абдулъ Керимъ, или Вейсиль отступая заняли ихъ—

здѣсь бы выросла такая Плевна, что первая, остановившая насъ на шесть мѣсяцевъ, поблѣднѣла бы передъ нею. Ихъ всѣхъ двадцать семь и они расположены правильнымъ фронтомъ вокругъ города, на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другаго. Каждый полкъ, который двинулся бы въ атаку — подвергнулся бы огню, по крайнѣй мѣрѣ, двухъ такихъ редутовъ. Они поразили Скобелева удивительными приспособленіями къ мѣстности... „Вотъ мастера-то...“ „Вотъ геніальные инженеры!“ повторялъ онъ, осматривая ихъ.

— Не такъ, какъ у насъ!..

— Почему?

— А потому, русскій инженеръ начнетъ строить, впередъ можно знать — по книжкѣ выстроитъ... какъ въ книжкѣ, такъ и у него... А тутъ и форму, и расположеніе форта опредѣляетъ не книжка, а мѣстность.

И дѣйствительно, мы видѣли здѣсь и четырехугольные, и овальные, и вытянувшіяся длинною волнистою линіей. Вездѣ чистота и изящество работы было удивительное. Всюду каменные траверсы разсчитанные такъ, что откуда бы не былъ огонь, ни орудія, ни склады, ни люди не подверглись бы малѣйшей опасности... Изъ каждой амбразуры, открывался обстрѣлъ дороги, лощины, горъ. Амбразуры были прорѣзаны такъ, что полоса обстрѣла могла быть опредѣляема произвольно. Насыпи башенныхъ редутовъ — были сдѣланы въ совершенствѣ.

— Лучше нельзя... Луше нельзя... повторялъ Скобелевъ. Посмотрите, у нихъ каждый фортъ имѣетъ свою физіономію. Нѣтъ рутинныхъ утвержденныхъ чертежей. Просторъ частной инцiативы талантливыхъ инженеровъ полный!.. Посмотрите-ко на № 5-й... Онъ вытянутъ извилиной по узкому гребню горы... Съ одной стороны онъ обстрѣливаетъ Марицу и ея берега, съ другой всѣ эти

оставленныя и раззоренныя деревушки. Каждая извилина его дастъ новое направленіе огню... *).

— Какъ можно сдать такія позиціи... злился Скобелевъ... Знаете... Досадно, что Сулейманъ не занялъ ихъ...

— Вотъ-те и на...

— Вы меня не поняли... Я радъ... Но инстинкты военнаго — совсѣмъ иное... У меня сейчасъ-же вотъ явилось желаніе взять ихъ боемъ... Какая слава!.. Взять штурмомъ такой редутъ—не то, что плевненскій...

И воодушевившись, онъ началъ уже располагать войска, указывать пункты, откуда бы онъ началъ атаку, подступы, по которымъ бы повелъ ее, оврагъ, который бы далъ ему возможность укрыть резервы и предпринять обходныя движенія...

— Они воображаютъ, что этого редута нельзя разгромить артиллерійскимъ огнемъ... А я бы вонъ тамъ поставилъ дальнобойную баттарею... Отсюда бы могъ подходить тихою сапой... Рылся бы, рылся. Носъ къ носу сталъ, а тамъ — первая удобная ночь — ура и въ штыки...

И планъ за планомъ, такъ и посыпались у Скобелева...

Ничего, ни малѣйшей неровности мѣстности, ни малѣйшаго пригорка, не упускалъ его зоркій, орлиный взглядъ... Невозможное дѣйствительно становилось возможнымъ и недоступное доступнымъ.

— Вѣрьте мнѣ, при хорошихъ войскахъ и опытныхъ генералахъ и офицерахъ — нѣтъ неприступныхъ крѣпостей... Гибралтаръ можно взять, не то что эти

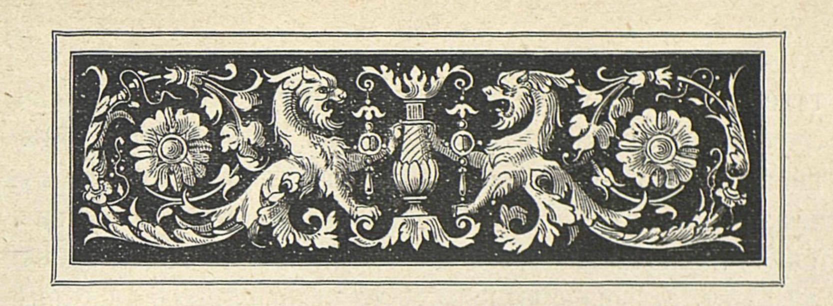
*) Я хорошо помню всѣ подлинныя выраженія Скобелева, потому что, тогда-же внесъ ихъ въ свой «дневникъ корреспондента».

форты... Разумѣется, если увѣрить себя, что этого вотъ нельзя—такъ и умъ утратитъ силу... Прежде всего нужно имѣть дерзость, при знаніяхъ и талантѣ—а остальное все приложится... Разсчетъ и дерзость. Масса войска, превосходное вооруженіе, чудесную артиллерію... Вонъ видите лощина...

— Вижу.

— Вотъ этой лощиной, я бы въ тылъ къ нимъ пробрался и сталъ хозяйничать... Еще разъ повторяю: нѣтъ неприступныхъ позицій... Рѣшительно нѣтъ. Бываютъ позиціи, которыя требуютъ слишкомъ много жертвъ, такъ что овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Это вѣрно. Но если уже говорить о принципѣ, такъ всякую позицію взять можно... При современномъ состояніи вооруженія, Измаилъ былъ совсѣмъ неприступенъ, а разчесалъ же Суворовъ турокъ и взялъ крѣпость!

XXXII.

Изъ Адріанополя Скобелевъ двинулся на Чатальджу.

— Если это этапъ, дневка, я готовъ помириться, но если послѣ придется остановиться, не дойдя до Византіи — то готовъ извѣриться во всемъ. Посмотрите, что это за чудная страна. Со временъ Олега, русскіе стремились сюда... Неужели же мы остановимся у цѣли!

И дѣйствительно, чудную страну проходили мы.

Стоялъ еще январь—а уже безоблачныя голубыя небеса, благоговѣйною тишиною вѣяли на еще непроснувшуюся землю.

Сады и рощи—стояли безлистные, но въ воздухѣ уже изрѣдка проносился тонкій ароматъ какихъ-то раннихъ цвѣтовъ... Города и села поражали насъ художе-

ственною пестротою. Тонкіе минареты стройно рисовались въ прозрачномъ воздухѣ, арки мечетей красиво изгибались надъ прохладными входами, за которыми густился загадочный мракъ, едва-едва озаряемый маленькими лампочками турецкихъ мечетей. Плоскіе кровли казались ступеньками какихъ-то чудовищныхъ лѣстницъ, разбѣгавшихся во всѣ стороны. Вѣтеръ несъ на встрѣчу теплыя волны иного, не нашего воздуха: немного, ласкающаго. По ночамъ откуда-то доносилась нервная, печальная, вздрагивающая пѣсня мусульманскаго юга, и изъ-подъ низко опущенныхъ покрывалъ, порою, женщины метали на насъ, то полные ненависти, то сверкавшіе любопытствомъ взгляды... Зеленые чалмы и халаты муллъ, красные куртки албанцевъ, пестрые накидки молодежи, все это сливалось въ какой-то яркій, красивый калейдоскопъ... По вечерамъ, когда утихалъ гомонъ многоязычной толпы — издали доносилось меланхолическое роптаніе фонтановъ... Кристальныя струи, выбѣгая изъ жолобовъ, продѣланныхъ въ мраморныхъ, золотою вязью покрытыхъ, доскахъ, падали въ такіе же мраморные водоемы. Въ одномъ мѣстѣ, по пути, Скобелеву прислали букетъ невѣдомо какъ собранныхъ цвѣтовъ... Еще не пришла ихъ пора и такихъ въ окрестностяхъ не было.

— Откуда это?

— Благодарность... Отъ турецкихъ женщинъ...

— Отъ какихъ турецкихъ женщинъ, изумился онъ.

— Отъ женщинъ Казанлыка, Ески-Загры и Адріанополя... За то, что честь ихъ не была нарушена, за то что неприкосновенность гаремовъ свято соблюдалась вашими войсками.

„Совершенно напрасно, русскіе вѣдь съ женщинами не воюютъ!..“

Скобелевъ, далеко не равнодушный къ прелестямъ природы, восхищался этими мѣстами по своему.

— Какія позиціи! восклицалъ онъ. Вотъ гдѣ Турція должна была бы защищать свою неприкосновенность. Первая линія защиты—Дунай, вторая Балканы, третья малые Балканы и четвертая здѣсь... Если бы у нихъ было такъ организовано—долго еще война бы не кончилась...

По пути—онъ велъ упорные споры съ окружающими по совершенно отвлеченнымъ вопросамъ, скакалъ въ карьеръ и злился на возможность того, что дальше Чатальджи мы не двинемся.

Только что пріѣхавъ въ Чатальджу и получивъ приказаніе не двигаться дальше, онъ ночью, съ однимъ ординарцемъ, отправился тайкомъ на нейтральную полосу. Произвелъ рекогносцировку Гадемъ-Кіойскихъ позицій и всей мѣстности, такъ что не удайся перемиріе, найди турки войска, чтобы поставить ихъ здѣсь—Скобелевъ уже имѣлъ понятіе о томъ, какъ отбить эти позиціи, какъ вести атаку на нихъ... Въ то самое время, когда, глубоко вѣруя въ ненужность дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, всѣ успокоились, полковникъ Гродековъ вмѣстѣ съ генераломъ сняли планы этой линіи и изучили всѣ ея детали...

Послѣ Адріанополя—я уже могъ любоваться только на Константинопиль... На остальное не хотѣлось и смотрѣть. Въ памяти вставала все время чудная картина Эдирне, только какимъ я его видѣлъ въ послѣднюю минуту, когда только что поднявшееся солнце облило розовымъ заревомъ своимъ мраморныя мечети этой мусульманской Москвы... Точно окрашенные румянцемъ крови, висѣли надъ городомъ четыре граціозные минарета Селима... Вспоминались и сѣрые силуэты башень Эски-

Серая и развалины римской крѣпости... Тянуло опять назадъ...

Чатальджа въ трехъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги. Отрядъ весь расположился кругомъ, въ самомъ городѣ, дома тотчасъ же переполнились массою офицеровъ, штабовъ, канцелярій... Не прошло нѣсколькихъ дней, предпріимчивые греки и левантинцы открыли здѣсь безчисленные кафе, еще немного погодя—чуть не въ каждой улочкѣ закрасовались рестораны, а еще спустя немного изъ Царьграда налетѣла сюда международная саранча—дѣвицы легкаго чтенія, нѣмки, француженки, итальянки, армянки, гречанки... Войска, натерпѣвшіяся отъ невольнаго поста въ Болгаріи и на Балканахъ—стали отводить душу во всю. Червонцы тратились щедрою рукою, вино лилось повсюду, отъ генерала до прапорщика—всѣмъ жилось весело... Какъ вдругъ, словно громъ грянулъ надъ отрядомъ, разнеслась вѣсть о перемиріи.

— Неужели мы не займемъ Константинополя!.. взволновался Скобелевъ.

Ему говорили о возможности коалиціи... Онъ повторялъ свое.

— Слѣпому счастіе служитъ... Мы не можемъ отступать. Это вопросъ нашей народной чести... Мы не можемъ опустить своего знамени; мы можемъ подписать самый великодушный миръ (пока великодушія я не понимаю), но подписать его въ Византіи!.. Не иначе. Это удовлетвореніе должно быть дано войскамъ. Слѣдуетъ занять Галлиполи — и ни одно англійское судно не прорвется въ Босфоръ... Теперь или никогда... Правъ тотъ, кто владѣетъ!.. Европа — не подымется. Она вся уйдетъ на брюжжанье и дипломатическія угрозы.

— А если?

— А если... Вѣрнѣе, что она только отхватитъ себѣ тоже клочекъ медвѣжьяго ушка...

— Это невозможно... Я не вѣрю, не хочу вѣрить этому... Неужели намъ — тріумфаторамъ, старыя дѣвы дипломатіи и публичные женщины биржи будутъ предписывать условія... Не можетъ, не должно этого быть... Иначе — почти стыдно быть русскимъ...

— Будьте увѣрены, что проигрываютъ всегда малодушные и уступчивые...

— Уступка эта крута. Начнешь сбѣгать — не остановишься, пока внизу не окажешься... А намъ уступать теперь, послѣ блестящаго похода, послѣ столькихъ пожертвованій... Полноте!..

Торжество перемирія здѣсь не было торжествомъ!.. Ему не радовались. Не радовались покою, отдыху, безопасности... Здѣсь предпочли бы новыя побоища, только, чтобы дѣло было кончено съ честью для Россіи.

Демаркаціонная линія и нейтральная полоса — представлявшія собою совсѣмъ пустынную и безлюдную мѣстность, тянули къ себѣ Скобелева... Деревни, на разстояніи этихъ пятнадцати верстъ — были очищены. Ни одного часоваго, ни одного солдата на редутахъ и фортахъ, ни одной старухи въ селахъ. Только одичавшіе голодные псы — прятались въ оставленныхъ домахъ. А между тѣмъ, турки могли смѣло гордиться укрѣпленіями этой полосы. Даже адріанопольскія уступали имъ...

Скобелевъ приходилъ въ восторгъ отъ нихъ...

— Вотъ бы этого строителя къ намъ... Это геній инженернаго искуства.

Я слышалъ, что потомъ въ Константинополѣ Скобелевъ познакомился съ нимъ. Это оказался природный турокъ, Ахметъ-паша, толстый, опухшій, повидимому не-

подвижный... Полуграмотный турокъ — не знавшій ни одного иностраннаго языка...

— Турки опередили въ этомъ отношеніи даже европейское военное искусство. Они, въ послѣднія два столѣтія, вели только оборонительныя войны. Было время научиться... Съ турецкимъ Тотлебеномъ Скобелевъ сошелся отлично... Тотъ даже показалъ ему укрѣпленія Константинополя и планы, еще имѣвшіеся въ проектѣ.

— Какъ это удалось вамъ?

— А я подпоилъ его! Онъ, какъ и всѣ турки, не совсѣмъ равнодушенъ къ шампанскому.

Главный изъ фортовъ этой полосы, имѣвшій позицію Санджакъ-Тепе, былъ срисованъ самимъ Скобелевымъ...

— Знаете, этимъ ключемъ ничего не отопрешь.

— Почему?

— А потому, что добраться до него трудно, нужно взять пять большихъ фортовъ. А займемъ Санджакъ-Тепе, окажется, что этотъ ключъ къ замку не приходится вовсе, потому, что за нимъ такіе же ключи...

Скоро объяснилось, что приказаніе остановиться на пути къ Константинополю и не идти далѣе, было получено изъ Петербурга... Оно вовсе не слѣдовало изъ главной квартиры дѣйствующей арміи. Потомъ, его объясняли измѣнившимися политическими условіями.

— Жаль, что Государя нѣтъ здѣсь при войскахъ!.. говорилъ Скобелевъ.

— Все равно. Дипломатія работала бы также.

— Нѣтъ... Тутъ окружающая среда уравновѣсила бы вліяніе дипломатовъ...

— Имъ вѣдь все равно, дипломатамъ... У нихъ своя наука, свои таинства... А у нашихъ, сверхъ того, и отечества нѣтъ вовсе... Имъ главное, чтобы ихъ считали не русскими варварами, а образованными европейцами.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ДѢТСТВѢ.

(Съ портрета писаннаго на фарфорѣ грав. А. Даугель.)

И ради этого, они на все готовы... Вы ихъ не знаете— я росъ съ ними. Всѣ эти господа мои хорошіе знакомые... Для нихъ Россія—ноль. Нѣтъ болѣе эгоистической среды, какъ эта... Оно понятно—иностранное воспитаніе, вѣчно жизнь за границей.

— Да вѣдь и вы воспитывались за границей.

— У Жирарде, да!.. Но вы знаете, каково было мое воспитаніе? Не слышали?

— Нѣтъ.

— Сначала у меня, воспитатель былъ нѣмецъ—несправедливый, грубый, подлый... Положительно подлый. Я ненавидѣлъ его, какъ только можно ненавидѣть... Съ тѣхъ поръ уже, нѣмцы были мнѣ не по душѣ. Потомъ, какъ-то, онъ ударилъ меня, тринадцатилѣтняго мальчика при дѣвочкѣ, которая мнѣ ужасно нравилась... Ударилъ безъ всякаго повода съ моей стороны. Я не помню, что я сдѣлалъ... Вцѣпился въ него и закостенѣлъ. А знаете-ли, чему училъ меня этотъ прохвостъ? Тому, что Германія для Россіи все. Что все въ Россіи сдѣлали нѣмцы, что въ будущемъ Россія или должна служить Германіи или погибнуть. Не было цѣлаго міра—была одна Германія... И ненавидѣлъ же я ее, отъ души ненавидѣлъ!..

— Это издавна у васъ развивалось.

— Да!.. А потомъ, отецъ прогналъ нѣмца, котораго приставили ко мнѣ, чтобы дисциплинировать меня, и который только ожесточилъ меня... Меня послали къ Жирарде... въ Парижъ. Вотъ противоположность-то! Я до сихъ поръ люблю Жирарде, больше чѣмъ родныхъ моихъ. Этотъ, напротивъ, училъ меня любить родину, внушалъ, что выше отечества нѣтъ ничего на свѣтѣ, говорилъ, что какъ бы ни было унижено оно—нужно съ гордостію носить его имя... Это былъ *человѣкъ* въ полномъ смыслѣ этого слова... Въ полномъ! Послѣ гру-

быхъ ругательствъ и побоевъ — я встрѣтилъ мягкость, внимательность, деликатность. Мнѣ если что и запрещали, то не съ вѣтру, не потому, что такъ хотѣлъ воспитатель, а тотчасъ же объясняли, почему нельзя. Я съ нимъ свѣтъ увидѣлъ... Я глубоко благодаренъ этому человѣку. Онъ меня заставилъ учиться. Внушилъ любовь въ наукѣ, къ знанію... Вотъ въ Петербургѣ или въ Парижѣ я съ нимъ познакомлю васъ...

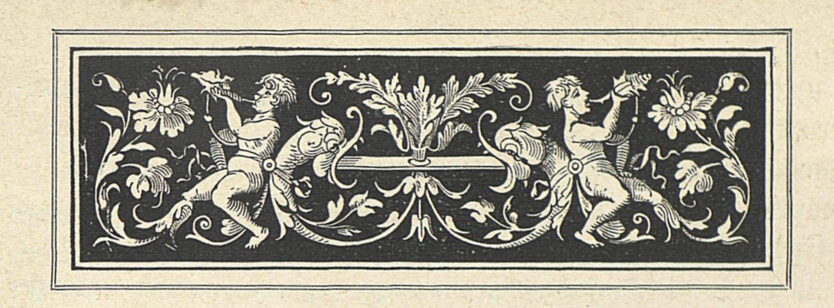
Увы, познакомиться съ этимъ благороднымъ воспитателемъ геніальнаго вождя пришлось при иныхъ условіяхъ! Надъ изголовьемъ мертваго, надъ недвижнымъ уже лицомъ Михаила Дмитріевича — я увидѣлъ плачущаго старика.

— Кто это, спрашиваю.

— Жирарде! отвѣчали мнѣ...

И онъ пережилъ его... Онъ — больной старикъ, этого полнаго жизни и силы, молодаго человѣка!..

XXXIII.

Нашу стоянку у Константинополя—долго не забудутъ войска скобелевскаго отряда.

Со дня на день ждали приказа — двинуться и занять Царь-градъ. Турки уже очищали тамъ свои казармы для войскъ... Населеніе готовило цвѣты и флаги, христіане подняли головы, на азіатскомъ берегу Босфора, отдѣлывали дворецъ для султана... Ночью, по узкимъ улицамъ Стамбула, низко опустивъ свои капюшоны, ходили патрули, потому что само отоманское правительство хотѣло удержать народъ отъ могущихъ быть при вступленіи русскихъ, или въ виду его безпорядковъ. Даже нашимъ врагамъ казалась дикою мысль остановиться у воротъ столицы и не занять ее, хотя на время... На берегахъ Босфора толпы солдатъ и офицеровъ стояли у пристани въ

яркомъ маревѣ чуднаго, сказочнаго города, сверкавшаго впереди подъ полнымъ тишины и нѣги безоблачнымъ небомъ. У самыхъ ногъ нашихъ, съ поэтическимъ шумомъ, разбивались голубыя волны Мраморнаго моря. Бѣлый маякъ гордо высился изъ его пѣнистой массы... Дальше, въ лазуревомъ просторѣ, сіяли полные, невиданной до того роскоши острова Принцевы, далеко-далеко за Мармарой, чуть мерещился азіатскій берегъ своими снѣговыми вершинами. Можно было бы подумать, что это серебрянныя облака, если бы онѣ не были такъ неподвижны... А прямо на сѣверъ раскидывалась Византія, съ ея безчисленными мечетями и дворцами. Та Византія, о которой такъ мучительно, словно задыхаясь на своемъ безграничномъ просторѣ, столько вѣковъ мечтала, отыскивающая выхода къ южному морю Россія, та Византія, къ которой правы или неправы, но постоянно стремились лучшіе люди славянскаго міра. Мы различали и бѣломраморныя стѣны ея кіосковъ и тонкіе минареты ея безчисленныхъ джамій и величавые купола Софіи, Изеддина, Омара, Мурада, Баязида, вокругъ которыхъ, легкими кружевами, нависла рѣзная изъ камня паутина... Десятки тысячъ кровель и башень всползали на ея холмы и терялись въ темныхъ пятнахъ кипарисовыхъ рощь, въ зеленыхъ облакахъ садовъ... Дивнымъ сномъ какимъ-то, казался этотъ Римъ европейскаго востока, этотъ Римъ славянства, за который пролилось такъ много слезъ и крови, такъ много, что казалось слейся вмѣстѣ—они бы затопили его до самыхъ верхушекъ мусульманскихъ храмовъ, до самой башни Сераскеріата и Галаты... По ночамъ — туда же обращались восторженные взгляды — миріады огней зажигались на этомъ берегу, точно какое-то легендарное чудовище лежало тамъ у тихихъ, ласкающихся волнъ

Босфора, сторожа его своими безчисленными, пламенными очами... Мы постоянно ѣздили въ Константинополь. Военные надѣвали, разумѣется, штатскія платья, представляя что-то, до такой степени нелѣпое, что при одномъ видѣ другъ друга принимались неудержимо хохотать... Я уже жилъ въ Grande Hôtel de Luxembourg... Разъ утромъ, я еще былъ въ постелѣ — какъ кто-то постучалъ ко мнѣ.

— Войдите!

Смотрю, Скобелевъ въ штатскомъ платьѣ.

— Вотъ какимъ образомъ русскіе генералы должны появляться въ завоеванномъ городѣ... Я, знаете, все-таки не вѣрю... Мнѣ кажется, что даже наша дипломатія, наконецъ, опомнится... Я со дня на день жду приказанія вступить въ Константинополь...

— Говорятъ, наши войска не готовы.

— Не знаю, чьи это наши. У меня подъ ружьемъ сорокъ тысячъ. Я черезъ три часа могу быть здѣсь... Позоръ, стыдъ!..

Какъ это ни странно, могу засвидѣтельствовать, что я въ св. Георгіи (около Византіи) видѣлъ, какъ Скобелевъ разрыдался, говоря о Константинополѣ, о томъ, что мы безплодно теряемъ время и результаты цѣлой войны, не занимая его.

— Теперь уже нельзя занять, послѣ мира...

— Какъ это миръ!.. Развѣ такого мы вправѣ были ждать... Вы увидите, что цѣною нашей крови, мы дадимъ все врагамъ Россіи и ничего не получимъ сами... Наконецъ, чего они стѣсняются. Я прямо предложилъ: самовольно занять Константинополь, а на другой день пусть меня предадутъ суду и разстрѣляютъ, лишь бы не отдавали его... Я хотѣлъ это сдѣлать, не предупреж-

дая—но почемъ знать, какія виды и предположенія есть. Можетъ быть, это и такъ сбудется!..

Дѣйствительно, когда даже турки вокругъ Константинополя возвели массы новыхъ укрѣпленій, Скобелевъ нѣсколько разъ дѣлалъ примѣрные атаки и маневры, занималъ эти укрѣпленія, показывая полную возможность овладѣть ими безъ большихъ потерь. Разъ такимъ образомъ, онъ ворвался и занялъ ключъ непріятельскихъ позицій, съ которыхъ смотрѣли на него аскеры, ничего не предпринимавшіе. Порою, Скобелевъ тогда живѣе другихъ чувствовалъ всю нелѣпость нашего великодушія или трусости—называйте какъ хотите, живѣе потому, что лучше всѣхъ понималъ, что дѣйствительную силу на всякаго рода конгрессахъ, намъ можетъ дать только обладаніе Константинополемъ.

— Я бы созвалъ сюда конгрессъ и самъ бы предсѣдательствовалъ на немъ. А вокругъ триста тысячъ штыковъ на всякій случай... Тогда бы и разговаривать можно!

— А если бы Европа пошла противъ насъ?

— Бываютъ въ исторіи моменты, когда нельзя, даже преступно быть благоразумными, т. е. слишкомъ осторожнымъ. Наша честь не позволяетъ намъ отступиться. Нужно еще нѣсколько столѣтій ждать, чтобы обстоятельства сложились также выгодно, какъ теперь... Вы думаете, бульдоги полѣзутъ воевать съ нами... Никогда. Они много, много, что сорвутъ куртажъ, въ видѣ клочка Сиріи... Да наконецъ — теперь и разсуждать некогда. Мы здѣсь — это наше... И защищать это свое мы должны до послѣдней капли крови...

— Вы же не думаете, чтобы теперь же Константинополь сдѣлался русскимъ городомъ.

— Я не дипломатъ... Я не знаю, почему бы ему не

быть вольнымъ городомъ съ русскимъ гарнизономъ... А относительно коалиціи — не такъ легко ее составить, какъ вы думаете. Вопервыхъ, некому пока и невыгодно воевать съ нами... Разумѣется, если мы станемъ малодушничать, такъ до коалиціи доплетемся. А пока я не вижу ея необходимости... Представьте, чтобы сказала Европа, если бы въ виду ея требованій, оскорбительныхъ для нашей народной чести, Государь обратился бы къ своему народу...

— То есть, какъ?

— А такъ... Созвалъ бы своихъ людей — да и сказалъ: довелъ я русское дѣло до конца, теперь вся Европа на насъ ополчается. Отдаю дѣло въ ваши руки... Какой бы взрывъ патріотизма послѣдовалъ, какія бы невиданныя силы явились... И не отступились ли бы сентиментальные дѣла европейской дипломатіи отъ нашей народной воли, отъ нашей всенародной защиты своего противу всякихъ покушеній...

Говоря, что онъ не дипломатъ, Скобелевъ былъ оченъ скроменъ. Въ Константинополѣ онъ такъ съумѣлъ сойтись съ Лейярдомъ, что невѣдомо какими путями, но зналъ всю подноготную англійскихъ разсчетовъ, надеждъ и происковъ. Лейярдъ — этотъ врагъ нашъ по преимуществу, души не чаялъ въ Скобелевѣ, англійская колонія Константинополя носила его чуть не на рукахъ... Онъ былъ кумиромъ даже женщинъ, принадлежащихъ къ этой колоніи. Онѣ всѣ были за него...

— Я должна сказать откровенно, что ненавижу русскихъ! встрѣтила его одна изъ нихъ, когдъ Скобелева знакомили съ нею.

— А я — въ красавицѣ вижу только красавицу... И преклоняясь передъ нею — не думаю, къ какой націи она принадлежитъ... Отвѣтилъ ей Скобелевъ.

На завтракахъ у Скайлера, на обѣдахъ у Лейярда Скобелевъ знакомился съ англичанами — и вывелъ одно:

— Они сами боятся, они сами не готовы къ войнѣ вовсе... Они, какъ азартные игроки, будутъ рѣшительны, но только до рѣшительнаго момента.. Когда онъ настанетъ, они *на все* не пойдутъ...

Въ этотъ день, когда онъ посѣтилъ меня въ Константинополѣ, онъ былъ особенно взволнованъ.

— Намъ остается одно, говорилъ онъ, или перейти въ разрядъ второстепенныхъ державъ и потерять все свое значеніе, или же — пойти на все... Иногда, пораженіе не бываетъ такъ пагубно, такъ ужасно, какъ сознаніе своего униженія, своего безсилія... Вы знаете, если мы теперь отступимся, если постыдно сыграемъ роль вассала передъ Европой, то эта побѣдоносная въ сущности война, гораздо сильный ударъ нанесетъ намъ, чѣмъ Севастополь... Севастополь разбудилъ насъ... 1878 годъ — заставитъ заснуть... А разъ заснувъ, когда мы проснемся, знаетъ одинъ аллахъ, да и тотъ, никому не скажетъ...

— Скверно, скверно. Подъ Плевной лучше себя чувствовалъ я, чѣмъ теперь... Душно, выйдемте на улицу... Пойдемъ завтракать къ Макъ-Гахану.

Я одѣлся, мы вышли...

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по Grande rue de Pera, какъ на встрѣчу намъ — что-то совсѣмъ необычайное по платью. Красная феска на головѣ, разорванный офицерскій сюртукъ русскій, сверху офицерское турецкое пальто. Скобелевъ даже забылъ, что онъ представляетъ собою въ данный моментъ мирнаго штатскаго.

— Это что, кто вы такой?..

— Плѣнный... русскій.

— Не стыдно-ли вамъ такъ одѣваться... Не стыд-

но-ли... Ужъ если выходите, то не надѣвали бы на себя непріятельскаго мундира... Срамъ!.. И это русскіе... обернулся онъ ко мнѣ, когда мы подходили къ Hôtel d'Angletter, гдѣ стоялъ Макъ-Гаханъ.

— А знаете... немного спустя, обернулся онъ ко мнѣ:—Можетъ быть ему бѣдному просто нечего надѣть было... Я ужасно каюсь въ своей вспышкѣ... Какъ залѣзешь въ душу къ плѣнному... Настрадался онъ здѣсь, поди... За что я его оборвалъ.

— Мнѣ ужасно стыдно! заговорилъ онъ опять, уже у Макъ-Гахана... Сдѣлайте, ради меня, о чемъ я васъ попрошу, обратился онъ ко мнѣ.

— Что вамъ угодно?

— Сколько у насъ у всѣхъ есть денегъ... У меня двадцать золотыхъ, этого мало. Впрочемъ, я займу у Макъ-Гахана...

Взялъ у того столько-же или больше, не помню...

— Съѣздите въ Сераскеріатъ, гдѣ наши плѣнные, тамъ ихъ трое или четверо офицеровъ и нѣсколько солдатъ и передайте имъ это... И онъ вручилъ мнѣ сорокъ или пятьдесятъ полуимперіаловъ. Главное, выразите имъ отъ меня сожалѣніе... Скажите, что я извиняюсь... Вы это съумѣете... Я бы сдѣлалъ это—но мнѣ въ Сераскеріатъ показываться нельзя.

Я сѣлъ верхомъ на первую попавшуюся лошадь, которые на улицахъ Константинополя замѣняютъ извозчиковъ, и поѣхалъ въ турецкую часть города „Стамбулъ". До Сераскеріата—едва добрался. Массы войскъ собрались туда зачѣмъ-то... Въ Сераскеріатѣ обратился къ чиновникамъ. Тѣ сначала и ухомъ не повели, но узнавъ, что я русскій, моментально измѣнили свое обращеніе.

— Нужно разрѣшеніе отъ Реуфъ-паши, чтобы видѣть плѣнныхъ.

— А гдѣ Реуфъ?

— Уѣхалъ въ Санъ-Стефано къ вашему главнокомандующему.

— Кто завѣдуетъ плѣнными?

— Маіоръ такой-то...

— Ведите меня къ нему.

Толстый маіоръ, неподвижный и флегматичный, даже и не слышалъ кажется, что я ему говорю. Я повторилъ еще разъ, таже исторія.

— Да, говоритъ ли онъ по-французски? оборачиваюсь я къ провожатому.

— Нѣтъ!..

— Есть ли кто здѣсь, знающій этотъ языкъ?

— Есть, даже хорошо владѣющій русскимъ.

Позвали этого. Оказался изъ нашихъ крымскихъ татаръ. Теперь офицеръ.

Онъ изложилъ мое требованіе „маіору".

— Маіоръ, говоритъ, что нельзя.

— Передайте ему, что я отсюда не уйду, до тѣхъ поръ, пока не увижу плѣнныхъ. Останусь здѣсь и днемъ и ночью.

И въ подтвержденіе своихъ словъ я постарался принять на софѣ болѣе удобное положеніе.

Миръ-алай (маіоръ) всколыхнулся немножко... Сталъ сосать свою трубку и съ недоумѣніемъ поглядывать на меня.

— Можете вы ему дать какой-нибудь пешкешъ? спросилъ у меня крымскій татаринъ.

— Не дамъ и этого! показалъ ему кончикъ ногтя...

Они заговорили между собою... Прошло нѣсколько минутъ.

— Хорошо, онъ согласенъ васъ пустить къ плѣннымъ, но съ условіемъ, что я васъ буду конвоировать и еще двое...

— Это мнѣ все равно.

Два черкеса султанской гвардіи повели меня въ казематъ, гдѣ были наши плѣнные.

Въ корридорѣ они мнѣ указали одну дверь... Сами за мною не пошли.

Я засталъ тамъ двухъ офицеровъ, одного изъ нихъ именно того, котораго такъ оборвалъ Скобелевъ.

Это былъ, кажется, казацкій хорунжій. Я передалъ порученіе Скобелева и деньги... Вернулся...

— Ну, что... нетерпѣливо бросился ко мнѣ Скобелевъ.

— Ничего... Отдалъ деньги...

— Обиженъ онъ... Вы извинились отъ меня...

— Да...

— А онъ-то, онъ?

Я успокоилъ Скобелева.

— Все-таки это непростительная выходка, что тамъ не говорите... Напишите мнѣ, въ видѣ записки, въ какомъ видѣ вы застали плѣнныхъ... Это позоръ, что до сихъ поръ мы ихъ не вытребовали... Хотя я не одобряю...

— Чего это?

— Какъ можно въ плѣнъ сдаваться, офицеру...

— А чтожъ дѣлать?

— Что дѣлали на Шибкѣ. Въ револьверѣ шесть патроновъ, пять въ непріятеля, шестой въ себя...

— А можетъ быть, ему жить хочется...

— Тутъ принципъ важенъ... Что жизнь... Нужно всегда быть готовымъ къ смерти... Жизнь одного — ноль...

Спустя нѣсколько дней, Скобелеву пришлось разъиграть довольно комическую роль.

Пріѣхалъ онъ въ Константинополь, остановился у меня.

— Пойдемъ вечеромъ въ Конкордію, тамъ поютъ француженки...

— Ѣдемъ.

— Ну вотъ...

Мы отправились... Одна изъ этихъ интернаціональныхъ дѣвицъ, пристала къ Михаилу Дмитріевичу... Тотъ сталъ ее снабжать полуимперіалами, которые она тутъ же проигрывала въ рулетку.

— А знаете... Очень пріятно сознавать, что никто тебя здѣсь не знаетъ... Быть въ положеніи le bon bourgeois... Я отдыхаю въ этомъ отношеніи здѣсь... Положительно въ неизвѣстности есть доля хорошаго...

Въ разговорѣ съ француженкой, онъ то и дѣло употреблялъ фразы: мы штатскіе...

Наконецъ, надоѣло... Сходимъ мы внизъ по лѣстницѣ... Вдругъ интернаціональная дѣвица догоняетъ насъ сверху.

— У меня къ вамъ просьба!.. начинаетъ она.

— Какая...

— Позвольте съ нашей труппой пріѣхать къ вамъ и дать нѣсколько концертовъ...

— Это куда-же ко мнѣ? За кого вы меня принимаете?

— O, mon general!... Мы всѣ васъ знаемъ... Вы—генералъ Скобелевъ, акъ-паша.

— Мы, кажется, разъиграли сцену изъ „Птичекъ пѣвчихъ“, обратился ко мнѣ Скобелевъ. Вотъ тебѣ и вся прелесть неизвѣстности!..

На бездѣлье, какъ и всегда у него, впрочемъ, ухо-

дило мало времени. Съ утра до ночи, онъ со своими офицерами рекогносцировалъ позиціи вокругъ Константинополя, объѣзжалъ свои войска, дѣлалъ маневры, примѣрные аттаки, занимался организаціей нѣсколько растрепанныхъ въ походахъ полковъ и, спустя самый непродолжительный срокъ, довелъ ихъ опять до блестящаго состоянія. Потомъ, когда все кругомъ болѣло тифомъ и лихорадками — одинъ скобелевскій отрядъ не давалъ ничего лазаретамъ... Стоило только гдѣ-нибудь показаться болѣзни, чтобы Скобелевъ сейчасъ же появлялся тамъ, поднималъ врачей и ставилъ на ноги весь медицинскій персоналъ. Мѣста расположенія его солдатъ—всегда были образцомъ по тому порядку, который царствовалъ въ нихъ. Все было предусмотрѣно. Совершенно оправившіеся люди—готовы были опять къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

— Нельзя успокаиваться, господа... Будетъ время отдыхать потомъ... А теперь зорко смотрите вокругъ.

Между прочимъ, тогда же я слышалъ одну, очень мѣткую фразу.

— Что дѣлаетъ Скобелевъ?.. спрашиваю у какого-то солдата.

— А ёнъ какъ котъ округъ мышеловки, у этого самого Константинополя ходитъ... То лапкой его пощупаетъ, то такъ потрется...

— Я очень боюсь одного... говорилъ одинъ изъ вліятельныхъ въ арміи генераловъ.

— Чего?

— Да какъ бы Скобелевъ намъ бенефиса не устроилъ.

— Какого это?

— Да въ одно прекрасное утро проснемся мы — и узнаемъ, что Скобелевъ залѣзъ ночью въ Константинополь, со всѣмъ своимъ отрядомъ.

По отношенію къ этому, даже разгулъ константинопольскій принесъ ему извѣстную пользу.

Я потомъ видѣлъ его кроки и записки, гдѣ были означены всѣ улицы, которыми надо было идти въ Стамбулъ, намѣчены пункты для разныхъ боевыхъ операцій... Короче, гуляя по Константинополю, якобы для собственнаго удовольствія, онъ его изучилъ такъ, что начнись бой на его улицахъ — Скобелевъ съумѣлъ бы воспользоваться каждою ихъ извилиной, каждымъ ихъ закоулкомъ...

— Онъ ничего мимо ушей и глазъ не пропуститъ! говорили о немъ послѣ...

И дѣйствительно — ничего не пропускалъ.

Онъ такъ любилъ знать, что дѣлается кругомъ, быть всегда на сторожѣ всякаго рода событій, знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что не прошло двухъ недѣль, какъ онъ уже до тла изучилъ весь Константинополь. Всѣ его партіи, мусульманскіе кружки, глухой протестъ поселившихся тамъ черкесовъ, сплоченную силу улемовъ, незамѣтное каждый разъ наростаніе и наслоеніе новыхъ началъ въ населеніи этого восточнаго города, чиновниковъ блистательной порты, военныхъ Сераскеріата. Казалось, что онъ собирается быть турецкимъ министромъ — до того точны и обстоятельны были его свѣдѣнія. Редакція Бассирета и Вакита, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ газетъ, издававшихся тамъ, греческихъ писателей, живущихъ въ Византіи, купцовъ — все и всѣхъ уже зналъ Скобелевъ, ихъ взгляды, со всѣми ихъ мечтами, программами...

— Зачѣмъ это вамъ? спрашивали его.

— Такая привычка... Я вездѣ люблю быть дома... Терпѣть не могу пробѣловъ и недомолвокъ...

Я уже выше говорилъ, что быть при немъ офицеру—

значило учиться. Нигдѣ справедливость этого такъ не подтверждалась, какъ въ Константинополѣ. Туда офицеровъ, молодежъ отпускали обыкновенно на два на три дня — кутнуть на просторѣ и затѣмъ вернуться на работу... Бѣда была, если такой отдыхающій, вернувшись, не привезетъ съ собой какихъ-нибудь полезныхъ свѣдѣній.

— Васъ, душенька, и отпускать не стоитъ... Ничѣмъ-то вы воспользоваться не съумѣете...

— Онъ у васъ удивительный! говорилъ о Скобелевѣ одинъ грекъ, кажется Варварци...

— Почему это?

— Я у него вчера былъ... Случайно зашла рѣчь о чисто хозяйственныхъ интересахъ города, оказалось, что онъ ихъ знаетъ, понимаетъ... Я совсѣмъ потерялся, когда онъ началъ говорить мнѣ о проектахъ водопровода, поданныхъ нашими греками, о новомъ шато вмѣсто галатскаго, который мы хотимъ строить... Я даже спросилъ его, не жилъ ли онъ прежде въ Константинополѣ...

Одинъ изъ стамбульскихъ улемовъ, бывшій въ Георгіи — выразился также.

— Акъ-паша могъ бы быть хорошимъ мусульманиномъ.

— Отчего?

— Онъ коранъ знаетъ.

И не только зналъ, но и цитировалъ его зачастую...

Въ Скобелевѣ въ это время, уже сказывались замѣчательныя черты характера. Одинъ изъ военныхъ, которые обладаютъ незавидною способностью лазить безъ мыла въ глотку — сошелся съ нимъ въ Константинополѣ. Генералу онъ очень понравился, потому что это обстоятельство не мѣшало оному быть храбрымъ человѣкомъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Завтракая въ Hôtel An-

gletter, онъ, какъ-будто нечаянно, началъ передавать Скобелеву всевозможныя сплетни..

— Вы знаете, генералъ, вы бы остановили своихъ рыцарей!

— Какихъ это моихъ рыцарей?

— Офицериковъ, близкихъ къ вамъ.

— Въ чемъ я ихъ долженъ останавливать?

— Во-первыхъ, они здѣсь кутятъ...

— А мы съ вами, полковникъ, что теперь дѣлаемъ?..

— Какое-же сравненіе!..

— Намъ, значитъ, можно, потому что у насъ есть деньги на шампанское, а имъ нельзя, потому что у нихъ хватаетъ только на коньякъ.

— Ну, и еще за ними водится грѣшокъ.

— Какой?

— Они вовсе вамъ не такъ преданы, какъ вы думаете.

— Ну, ужь это вы напрасно... Я ихъ всѣхъ хорошо знаю.

— Да вотъ-съ, не угодно ли, одинъ изъ нихъ про васъ разсказывалъ...

И началось самое безцеремонное перемываніе грязнаго бѣлья...

— А теперь, я назову вамъ фамилію этого человѣка...

Но Скобелевъ въ это мгновеніе, схватилъ того за руку...

— Пожалуйста — ни одного слова больше и ради Бога — безъ фамилій... Я слишкомъ люблю своихъ рыцарей, слишкомъ обязанъ имъ, слишкомъ. Всю компанію они, по одному приказанію моему, шли на смерть... Я не хочу знать—кто это говорилъ, потому что не желаю

быть несправедливымъ. По неволѣ, такая несправедливость можетъ прорваться когда-нибудь, въ отношеніи къ человѣку, повинному только въ томъ, что подъ вліяніемъ стакана вина, онъ разоткровенничался при человѣкѣ, незаслуживавшемъ такой откровенности...

И Скобелевъ тономъ голоса, нарочно подчеркнулъ эту фразу.

— Да-съ... Незаслуживавшемъ.

Когда завтракъ кончился, и полковникъ откланялся Скобелевъ позвалъ человѣка.

— Замѣтилъ ты, лицо этого господина?

— Точно такъ-съ.

— Помни, что для него меня никогда нѣтъ дома!

Занимая уже довольно высокій постъ, онъ не разъ уже сталкивался съ людьми, которые старались выиграть въ его мнѣніи и выдвинуться впередъ, унижая своихъ товарищей...

— Я ихъ слушаю по неволѣ, ушей не заткнешь, говорилъ Скобелевъ, но въ умѣ своемъ, въ графѣ противъ ихъ фамиліи, ставлю аттестацію „подлецъ и дуракъ". Подлецъ потому, что клевещетъ про другихъ и главное, про своихъ товарищей, дуракъ — потому, что передаетъ мнѣ это, точно у меня у самаго нѣтъ глазъ во лбу, точно я не умѣю отличить порядочнаго человѣка отъ негодяя...

Одинъ изъ его подчиненныхъ очень нуждался въ то время; Скобелевъ хотѣлъ ему помочь и не зналъ какъ. Призываетъ, наконецъ, того и говоритъ: „вамъ присланы деньги изъ Россіи... Вотъ они" — и придвигаетъ горсть золота... Тотъ, разумѣется, схватился за нее, даже не спросивъ отъ кого. Проходитъ нѣсколько времени, онъ является опять къ Скобелеву.

— Что вамъ?

— Я пришелъ узнать, не прислали ли мнѣ еще денегъ изъ Россіи.

— Прислали... Я забылъ отдать вамъ... Вотъ они...

Потомъ, этотъ франтъ отблагодарилъ по своему Скобелева, обокравъ его...

Въ слѣдующій разъ, онъ поручилъ веденіе своего хозяйства офицеру. Тотъ недѣли въ двѣ накаталъ ему счетъ тысячъ въ пять, шесть.

— Это невозможно... Прикажете провѣрить? спросили у него.

— Ни подъ какимъ видомъ. Вина прежде всего моя—потому что я его назначилъ самъ... Заплатить, и ни слова объ этомъ. Разумѣется, впередъ ему денежныхъ порученій не давайте никакихъ. Это разъ... Если бы это были деньги общественные или чужія — другое дѣло... Немного погодя, я найду, что ему не къ лицу моя дивизія, и онъ самъ уберется изъ нея.

Разставался со своими онъ вообще неохотно, и долго не прощалъ тѣмъ, кто оставлялъ его самъ...

— Я люблю N. N. И онъ храбрый человѣкъ, полезный, только я не возьму его къ себѣ.

— Отчего?

— Онъ меня оставилъ... Это было сдѣлано не по товарищески...

О тѣхъ же, которые мѣняли свой мундиръ на полицейскій, Скобелевъ потомъ и слышать не могъ.

— Не говорите мнѣ о нихъ... Храбрый боевой офицеръ—и такъ кончить!..

Когда у него просили за нихъ, онъ обрывалъ прямо:

— Ни слова, господа... Впередъ говорю, ничего не сдѣлаю... Онъ съ голоду не умиралъ... Я этого рода оружія терпѣть не могу, вы сами это знаете.

Одинъ изъ такихъ явился къ нему и, „рыдая“, на-

чалъ разсказывать обо всѣхъ условіяхъ своей новой службы.

— Жаль мнѣ васъ...

— Примите меня опять къ себѣ...

— Ну, ужь это извините... За что же я буду оскорблять своихъ офицеровъ... Я вамъ дамъ одинъ совѣтъ—выходите въ отставку...

Въ Константинополѣ и подъ нимъ, шли у него нескончаемые споры...

Начиналась эпоха берлинскаго конгреса, уступокъ, дипломатическихъ подвоховъ... Скобелевъ мучился, злился... Онъ не спалъ цѣлыя ночи...

— Что будетъ съ Россіей, что будетъ съ Россіей, если она отдастъ все!.. И даже не все, если отдастъ часть, уступитъ хоть кроху изъ сдѣланнаго ею... Зачѣмъ тогда была эта война и всѣ ея жертвы!..

Я помню послѣдній вечеръ, въ который я видѣлъ его.

Мы сидѣли на балконѣ доиа, въ Санъ-Стефано... Прямо передъ нами уходили въ лазоревый сумракъ далей, ласковыя, полныя нѣги волны Босфора... Точно женщина съ мелодическимъ шопотомъ текли они къ тихому берегу... У пристани едва-едва колыхались лодки... На горизонтѣ серебрянныя вершины малоазійскаго Олимпа, прорѣзывали ночную темень... Зашелъ разговоръ о будущности славянъ. Скобелевъ разумѣется, стоялъ за объединеніе—племенъ малыхъ въ большіе...

— Никогда, ни сербъ, ни чехъ, не уступятъ своей независимости и свободы за честь принадлежать Россіи.

— Да объ этомъ никто и не думаетъ... Напротивъ, я рисую себѣ въ будущемъ, вольный союзъ славянскихъ племенъ. Полнѣйшая автономія у каждаго—одно только

обще—войска, монеты и таможенная система. Въ остальномъ живи какъ хочешь и управляйся внутри у себя какъ можешь... А что касается до свободы, то вѣдь я говорю не о завтрашнемъ днѣ... Къ тому-то времени, пожалуй, Россія будетъ еще свободнѣе ихъ... Ужь и теперь вольный воздухъ широко льется въ нее, погодите... Разумѣется, мы все потеряемъ, если останемся въ прежнихъ условіяхъ... Племена и народы не знаютъ платонической любви... Этакъ они сгрупируются вокругъ Австріи и вмѣстѣ съ нею оснуютъ южнославянскую монархію... Тогда мы пропадемъ.

— Почему же?

— Потому, что при помощи Австріи, католичество широко разольется у нихъ... Оно захватитъ все и всѣхъ, и въ первомъ спорномъ вопросѣ, славяне южные пойдутъ противъ сѣверныхъ и будетъ эта братоубійственная война торжествомъ всякой нѣмецкой челяди... Но это невозможно и невозможно... Если мы запремся, да отъ всѣхъ принциповъ новой государственой жизни стѣной заслонимся—дѣло плохо... На это хватитъ у насъ государственной мудрости... А пока наше призваніе охранять ихъ, именно ихъ... Безъ этого—мы сами уйдемъ въ животы, въ непосредственность, потеряемъ свой историческій raison d'être.

— Мой символъ кратокъ: любовь къ отечеству, свобода, наука и славянство!.. На этихъ четырехъ китахъ мы построимъ такую политическую силу, что намъ не будутъ страшны ни враги, ни друзья. И нечего думать о брюхѣ; ради этихъ великихъ цѣлей — принесемъ всѣ жертвы... Если намъ плохо живется, потомкамъ лучше будетъ, гораздо лучше.

Мы замолчали...

Волны, какъ ночь становилась темнѣе, громче и

громче ластились къ берегамъ... Двурогій мѣсяцъ прорѣзался на горизонтѣ, тихій, красивый...

— Да, у него хорошо сказалось это! проговорилъ Скобелевъ точно про себя.

— Что, у кого?

— У Хомякова... Пришло на память его... Помните его орла?

Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!..

Совсѣмъ тихо началъ онъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ голосъ его все крѣпъ и крѣпъ.

На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ брегъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ!
И ждутъ окованныя братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Простремь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ громкій свой привѣтъ!..
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!..
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!..
Ихъ часъ придетъ! Окрѣпнутъ крылья,
Младыя ногти подростутъ,
Вскричатъ орлы и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ...

И это будетъ!.. И это будетъ непремѣнно.

— Когда? нѣсколько скептически переспросилъ я.

— А вотъ, когда у насъ будетъ настолько много „пищи силъ духовныхъ", что мы будемъ въ состояніи подѣлиться съ ними ею; а во-вторыхъ, когда „свободы нашей яркій свѣтъ", дѣйствительно будетъ ярокъ и цѣлому міру вѣдомъ...

— А до тѣхъ поръ?

— А до тѣхъ поръ надѣяться, вѣрить, не опускать голову и не терять своего сродства съ народомъ, сознанія своей національности.

Въ это время издали, съ моря, послышалась вдохновенная пѣсня, смѣлыми взмахами своихъ крылъ, уносившаяся въ это темное южное небо, съ его яркими звѣздами... Пѣло ее нѣсколько голосовъ... Видимо, пѣвцы были одушевлены, видимо всѣхъ ихъ соединяло что-то общее...

— Вы знаете, что это поютъ они? спросилъ Скобелевъ.

— Нѣтъ.

— Я тоже не зналъ. Но спросилъ, мнѣ сказали... Слышу ужь не въ первый разъ... Это греки, молодые греки изъ константинопольскихъ лавокъ. Торгаши, а поютъ о будущей славѣ эллиновъ, о всеміpномъ могуществѣ Греціи — о томъ, что и это море, и этотъ вѣчный городъ, будутъ принадлежать имъ, о томъ, что

всѣ народы придутъ и поклонятся имъ, и дастъ имъ новая Греція, этимъ новымъ варварамъ, свѣтъ науки, сладость мира и величіе свободы... Вотъ о чемъ поетъ маленькая, совсѣмъ крошечная Греція, эта инфузорія Европы... И посмотрите, съ какимъ увлеченіемъ, силой и страстью!.. А мы!.. Эхъ, скверно дѣлается даже...

Вскорѣ я долженъ былъ уѣхать въ Россію.

Скобелевъ прощался съ мною у себя въ отрядѣ... Я оставилъ его тогда сильнаго, здороваго, бодраго...

Онъ еще складывался. Онъ не былъ великъ, но уже въ немъ являлись задатки великаго вождя... За годъ войны онъ сталъ гораздо серьезнѣе. Многое увидалъ и многому научился.

— Чего вамъ послать изъ Питера?..

— Книгъ, книгъ и книгъ... Все, что за это время было выдающагося и талантливаго... Большаго удовольствія вы мнѣ не можете сдѣлать...

Я вывезъ съ собою нѣсколько восторженное удивленіе къ этой богато одаренной натурѣ и все, что я слышалъ потомъ о дѣйствіяхъ Скобелева, все, о чемъ онъ писалъ мнѣ, только питало это чувство. Въ эпоху общаго недовольства, когда всѣ подъ вліяніемъ берлинскаго конгресса и малодушія нашей дипломатіи, опускали руки и вѣшали головы, когда будущее заволакивалось тучами и послѣдніе лучи солнца безслѣдно пропадали въ ихъ мглистомъ сумракѣ, Скобелевъ не потерялъ ни своей энергіи, ни жажды дѣла. Напротивъ онъ, какъ солдатъ, стоялъ на своемъ посту. Когда жены мироносицы дипломатіи расчленили Болгарію — Скобелевъ сейчасъ же занялся тамъ организаціей гимнастическихъ союзовъ, вольныхъ дружинъ, общихъ стрѣлковъ... Онъ самъ училъ ихъ ратному дѣлу, неутомимо бросался изъ

одного города въ другой, въ одномъ дѣлалъ имъ смотры, назначалъ имъ для обученія своихъ офицеровъ, въ другомъ заставлялъ рыть укрѣпленія, пріучалъ окапываться, сажалъ своихъ солдатъ за валы этихъ траншей и редутовъ и по нѣскольку дней производилъ съ болгарами маневры, пріучая ихъ брать такія укрѣпленія; потомъ онъ сажалъ туда болгаръ и командуя ими, приказывалъ русскимъ солдатамъ нападать, а самъ съ болгарами отбивался отъ нихъ. Въ антрактахъ, онъ мирилъ сербовъ съ болгарами, воодушевлялъ румелійцевъ одушевленными рѣчами; обладая удивительною способностью кратко и мѣтко формулировать цѣлыя понятія въ одну энергическую фразу, вводилъ въ сознаніе народа убѣжденіе его кровнаго родства, съ тѣми, или другими славянскими племенами... умѣлъ поднять въ нихъ духъ и главное дѣлился съ ними тою жизненностью, которая ключемъ била въ немъ самомъ... „Вы тамъ совсѣмъ растерялись, писалъ онъ мнѣ въ Петербургъ, до того запутались, что и разобраться не можете, а мы тутъ не теряемъ времени и замазываемъ бреши, пробитые берлинскимъ конгрессомъ... Если мы и оставляемъ имъ Болгарію расчлененной, четвертованной, то за то оставляемъ въ Болгарахъ такое глубокое сознаніе своего родства, такое убѣжденіе въ необходимости рано или поздно слиться, что всѣ эти господа скоро восчувствуютъ, сколь ихъ усилія были недостаточны. А въ добавокъ, къ этому оставимъ мы, въ такъ называемой Румеліи, еще тысячь тридцать хорошо обученныхъ народныхъ войскъ... Эти къ оружію привыкли и научатъ при случаѣ остальныхъ. Всѣ эти гимнастическія дружества и союзы, разумѣется, могутъ быть разогнаны, но они свое дѣло сдѣлаютъ и при первой необходимости всплывутъ на верхъ... Пріѣдете, увидите сами!..“

— Вы знаете, кто меня научилъ не терять бодрости и не опускать рукъ? говорилъ онъ въ послѣдствіи.

— Кто?

— Паукъ.

— Какъ паукъ?..

— Да такъ... Гулялъ я разъ, вижу паутину, взялъ я да и снялъ ее прочь... Вы думаете, паукъ растерялся. Нѣтъ. Забѣгалъ по уцѣлѣвшимъ нитямъ и давай опять работать живо, живо... Безъ всякаго антракта... На другой день — я иду, на этомъ-же мѣстѣ новая паутина, только гораздо лучше укрѣпленная... Вотъ вамъ примѣръ!..

Такимъ образомъ, Скобелевъ оставилъ по себѣ въ Болгаріи — такую память, какую удается рѣдкимъ...

— Когда намъ нужно будетъ возстать — онъ явится къ намъ... Онъ поведетъ и насъ, и сербовъ, и черногорцевъ... И тогда горе будетъ швабамъ.

Это могъ сказать всякій мальчишка въ Румеліи.

— Онъ съумѣетъ сплотить и научить насъ.

И за нимъ дѣйствительно пошелъ бы весь южнославянскій міръ... Представляю себѣ, какое ужасное впечатлѣніе тамъ произвела эта нежданная смерть!.. Какъ тамъ рыдали и молились за него...

Въ первый-же день, послѣ его смерти, выхожу я изъ гостинницы Дюссо...

На улицѣ бросается ко мнѣ Станишевъ — образованный болгаринъ... Онъ схватилъ меня за руку и зарыдалъ...

— Мы все потеряли въ немъ, все... Онъ былъ нашей надеждой, онъ былъ нашимъ будущимъ...

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ меня обступили другіе, живущіе въ Москвѣ болгары...

— Вы видѣли его, неужели онъ, онъ умеръ...

Едва-ли по комъ-нибудь лились такіе искреннія слезы...

— Болгарія плачетъ теперь, какъ осиротѣлая мать надъ единственнымъ своимъ сыномъ.

Уже въ Петербургѣ я получилъ телеграмму изъ Тырнова. „Правда-ли, что нашъ Скобелевъ умеръ... Весь городъ въ слезахъ, въ каждомъ домѣ стенанія... Крестьяне толпой идутъ изъ Самоводъ и другихъ селъ убѣдится въ этомъ народномъ несчастіи... Изъ горной деревушки Рышъ — прислали ко мнѣ депутата узнать... Женщины и дѣти — въ слезахъ... Въ церквахъ за него молятся... Долго не будетъ у славянства такого героя!..“

И еще безсмысленнѣе казалась эта смерть, еще ужаснѣе...

Я возвратился къ нему, сталъ надъ нимъ, всматривался въ это покойное, неподвижное лицо, допытывался, зачѣмъ ушолъ онъ, онъ до такой степени необходимый, дорогой. Кругомъ, къ вечерней панихидѣ устанавливали комнату цвѣтами и деревьями, явились лавровые вѣнки, приподымали эту безпорочную голову, декорируя ее розами... Въ углу монахиня читала псалтирь... Пахло ладономъ...

И эта рука — пугавшая цѣлый міръ, безсильно сложена теперь на груди... Въ кровавомъ блескѣ сраженій она уже не укажетъ торжествующимъ легіонамъ врага, этотъ громкій голосъ, сзывавшій орлятъ, стихъ въ разбитой и неподымающейся больше груди... зоркій взглядъ застылъ и только тускло слезится изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.

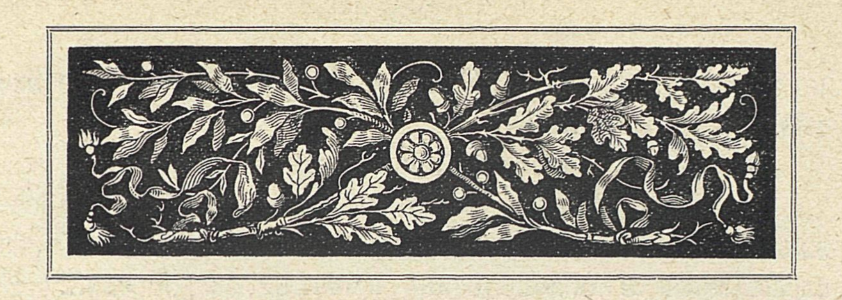
— Знаете, мнѣ кажется, это сонъ какой-то! шеп-

четъ рядомъ кто-то... Сонъ, мы проснемся — и все это выйдетъ чепухой...

Ввели двухъ часовыхъ, поставили надъ тѣломъ.

Одинъ изъ нихъ — смотрѣлъ-смотрѣлъ на это безжизненное лицо... Плакать не смѣетъ — на часахъ, а слезы такъ и падаютъ по щекамъ на бороду... И смахнуть ихъ нельзя!..

XXXIV.

Послѣ войны, я долго не видалъ Скобелева... Онъ въ это время ужь совсѣмъ опредѣлился и наши убѣжденія далеко разошлись. Въ его письмахъ, очень рѣдкихъ, онъ также рѣзко и безповоротно ставилъ вопросы и также удачно очерчивалъ людей и событія, какъ и прежде... Корпусомъ своимъ онъ былъ доволенъ, но обстановка мирной и спокойной дѣятельности оказывалась ему не по душѣ. По возвращеніи изъ Болгаріи — онъ писалъ: „теперь я могу съ чистою совѣстью отдохнуть, да и пора. Силы разбились нѣсколько. Съѣзжу въ Парижъ, отведу душу"... А черезъ два мѣсяца: „эта будничная жизнь тяготитъ. Сегодня какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Совсѣмъ нѣтъ ощущеній... У насъ все замерло... Опять мы начинаемъ переливать изъ пустого

въ порожнее. Угасло недавнее возбужденіе, да и какъ его требовать отъ людей, переживших позоръ берлинскаго конгресса. Теперь пока намъ лучше всего молчать—осрамились въ конецъ!"... Тѣмъ не менѣе, онъ крайне интересовался всѣмъ, читалъ и работалъ, сталъ изучать Пруссію и съѣздивъ туда на маневры, успѣлъ настолько ознакомиться съ германскою арміей, что наши добрые сосѣди уже и тогда были симъ нѣсколько обезпокоены. Изъ своихъ бесѣдъ, съ берлинскими генералами, изъ знакомства съ прусскою арміей Скобелевъ вынесъ глубокое убѣжденіе, что тамъ — серьезно готовятся къ войнѣ съ нами...

— Мы опять разъиграемъ роль глупой евангельской дѣвы... Опять война застанетъ насъ въ расплохъ.

И онъ началъ самымъ дѣятельнымъ образомъ готовиться къ ней. Едва-ли была хоть одна брошюра по военнымъ вопросамъ Германіи, которая бы не прочитывалась имъ, ихъ военные журналы тоже... Онъ изучалъ страну вдоль и поперегъ, объѣхалъ всю границу и не отдыхая на лаврахъ продолжалъ упорно работать, работать и работать...

— Теперь такое время — на часахъ надо стоять... Не даромъ, меня солдаты кочетомъ называли; сторожить приходится, чуть опастность — крикнуть въ пору.

Онъ тогда же подмѣтилъ то, что пруссаки хотѣли скрыть новую роль кавалеріи, подготовленную ими для будущей войны. Скобелевъ съ быстротой, по истинѣ геніальной, схватилъ это и цѣликомъ перенесъ къ себѣ, развивъ и видоизмѣнивъ многое, по собственному соображенію. Нѣмцевъ онъ понималъ, какъ никто. Дружбѣ ихъ онъ и прежде не вѣрилъ, на благодарность ихъ не разсчитывалъ вовсе. Царство Польское, со всѣми его боевыми позиціями, было изучено имъ съ такою подроб-

ностію, что записки его по этому предмету должны быть необходимымъ матеріаломъ для будущихъ нашихъ генераловъ при случаѣ. Онъ разработывалъ и тогда уже планъ войны съ честными маклерами и добрыми нашими союзниками. Я здѣсь, разумѣется, не вправѣ говорить объ этомъ планѣ... По остроумному выраженію М. Е. Салтыкова (Щедрина), черезъ двадцать лѣтъ мы прочтемъ о немъ въ Русской Старинѣ у г. Семевскаго. Встрѣтившись съ нимъ наконецъ, я засталъ его такимъ-же возбужденнымъ, полнымъ энергіи, какимъ привыкъ видѣть и прежде... Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, похоронивъ отца...

— Я къ крайнему своему удивленію оказался богатымъ человѣкомъ!.. И радъ этому.

— Еще бы.

— И не за себя. Теперь моимъ боевымъ товарищамъ помогать стану... Я думаю отставныхъ солдатъ селить у себя. Дамъ имъ какія-нибудь занятія, чтобы они не думали, что ѣдятъ хлѣбъ даромъ... А умру — село Спаское по завѣщанію обращу въ инвалидный домъ...

— Что такъ рано умереть собираетесь?

— Да вѣдь вотъ отецъ... За день до смерти съ вами спорилъ; всѣ подъ Богомъ ходимъ... Въ одномъ я убѣжденъ, что умру не самъ... Не вслѣдствіе естественныхъ причинъ...

— Ну, вотъ.

— Есть не одни предчувствія на это!.. Ну, да что толковать...

Немного спустя, начались переговоры съ нимъ о назначеніи его въ Ахалъ-Теке.

Онъ самъ хотѣлъ и добивался этого. Во-первыхъ, боевая жизнь была ему по вкусу, а во-торыхъ по тому, высказывавшемуся имъ глубокому убѣжденію, что въ степяхъ Теке, отчасти рѣшался восточный вопросъ...

— Тутъ связь большая. Чѣмъ больше у насъ будетъ обаянія на востокѣ — тѣмъ лучше.. Трудно только поправлять дѣла, послѣ всѣхъ этихъ геніевъ. При томъ, вы не знаете кавказскую администрацію...

— Нѣтъ.

— А я ее знаю, она съ женской ревностью относится ко всему... Скорѣй мѣшать будетъ мнѣ, чѣмъ поможетъ...

Приготовленія къ этой экспедиціи шли у него съ лихорадочной быстротою. Только что пріѣхавъ изъ военнаго совѣта, онъ садился, писалъ записки по разнымъ деталямъ этого предпріятія, входилъ въ сношенія съ цѣлою массой лицъ, которымъ поручалось то или другое дѣло, обдумывалъ и предупреждалъ разныя подготовлявшіеся ему „дружескіе услуги“ разныхъ благопріятелей. Близкіе къ нему люди, въ это время, съ ногъ сбились. На Моховой, въ домѣ Дивова, образовалась маленькая главная квартира. Тогда еще полковникъ, Гродековъ, главнѣйшій сотрудникъ Скобелева, а также Баранокъ и другіе его адъютанты ходили какіе-то ошалѣлые, блѣдные, истощенные.

— Отдыхать некогда... Некогда, господа, За дѣло!..

— Когда онъ спитъ — Богъ его знаетъ... У насъ руки отваливаются... говорили они.

Съ утра до ночи, въ пріемной у него толпились военные, или ожидавшіе назначенія, или уже получившіе его... Ближайшіе его сотрудники съѣхались уже... Остальныхъ, какъ, напримѣръ, капитана Маслова, онъ самъ звалъ къ себѣ.

— Трудное дѣло, страшно трудное! то-и-дѣло повторялъ онъ. Много войскъ взять нельзя, и безъ того эти разбойники дорого стоютъ Россіи; а если не покончить съ ними, сейчасъ-же всѣ наши туркестанскія вла-

дѣнія на волоскѣ будутъ... Сверхъ того, мы уже и предварительно истратили пропасть!.. А тамъ еще интендантство это. Если я получу назначеніе — я сейчасъ же начну съ того, что всю хозяйственную часть арміи передамъ людямъ, которыхъ я знаю, а интендантовъ отправлю обратно на кавказскій берегъ... Тамъ у нихъ, знаете, на каждый казенный ремешокъ по пяти чиновниковъ приставлено. Войска превосходныя — но ихъ не умѣли вести!

Нужно сказать правду, что и кавказская администрація особенно нѣжныхъ чувствъ къ Скобелеву не питала. Намъ разсказывали, что нѣкоторые даже у себя панихиды служить отклонились по покойникѣ. Помилуйте, въ эту тишь-да-гладь — вдругъ ворвался такой безпокойный и дѣятельный человѣкъ...

— Ну, ему тамъ тоже приготовляютъ встрѣчу... говорили мнѣ.

— Ничего не подѣлаютъ...

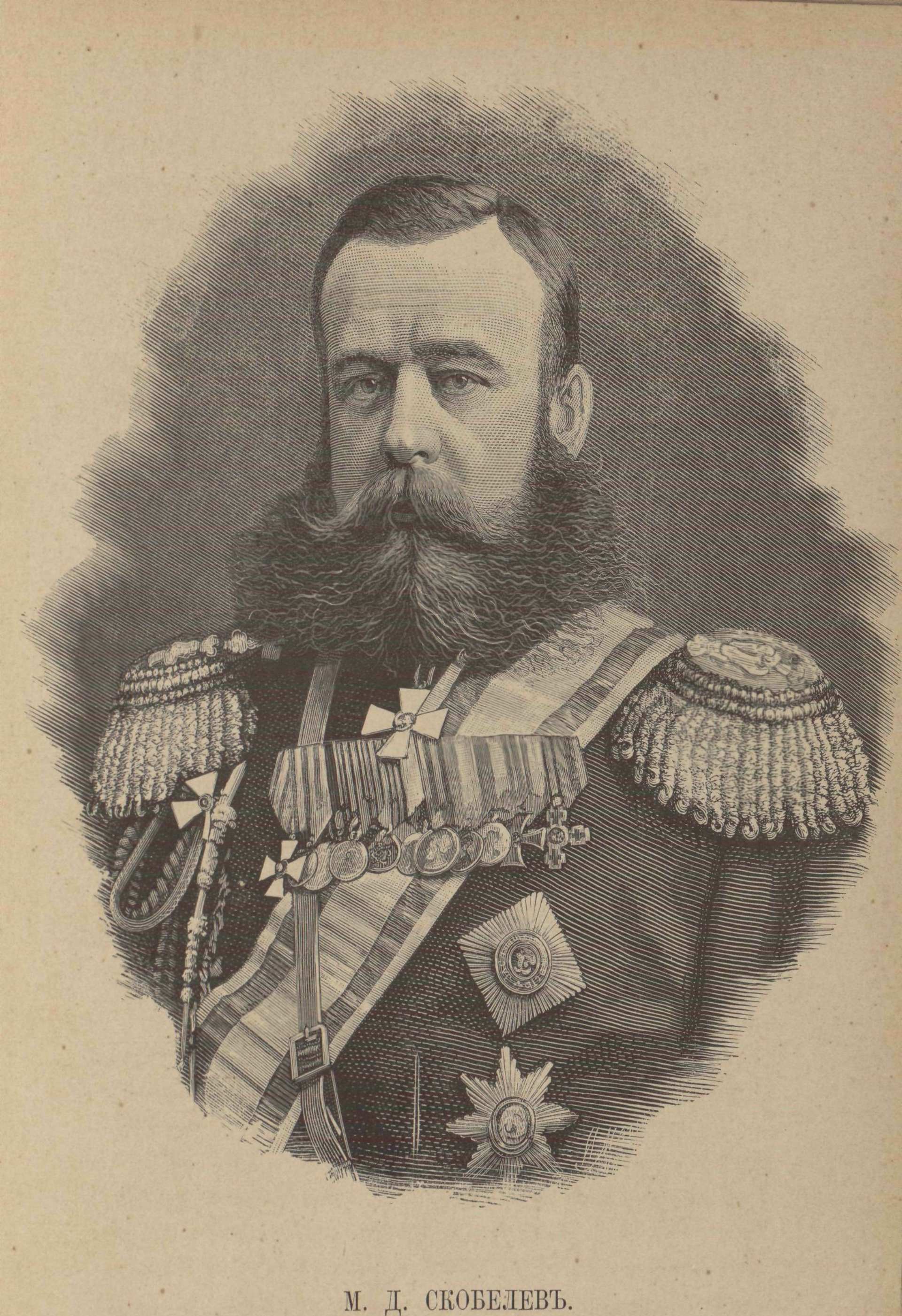
— Ну, какъ сказать... У насъ, тамъ, такіе свистуны есть!..

Скобелевъ прекрасно зналъ это, и готовился ко всякой случайности...

— Они изъ Ахалъ-Текке хотѣли себѣ маленькій Дагестанъ сдѣлать!

— Какъ это?

— Такъ, на десятки лѣтъ раскладутъ это дѣло. Всѣ, кому нужны чины, ордена — отправлялись бы туда, дѣлали набѣги и опять уходили. Армяне — подрядчики крали бы себѣ въ карманы казенные милліоны. Къ услугамъ всѣхъ этихъ людей являлись бы и стихіи, и тифы всякіе!.. А графа государственнаго расхода, изъ-года-въ-годъ, все росла бы и росла. Вѣдь на Кавказѣ, знаете-ли, всѣ они, эти чиновники, голодные. И плоду-

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

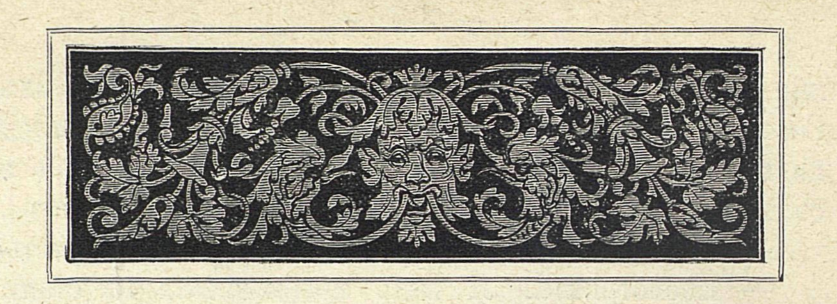
(Съ одной изъ послѣднихъ фотографій С. Левицкаго грав. И. Матюшинъ.)

щіе же. У нихъ семьи не по кошельку. Дѣтями ихъ Господь благословляетъ, ну, все это и выкармливается на казенныхъ харчахъ. Ну, а я уже слуга покорный, я солдата грабить не позволю... Этого у меня не будетъ...

— Найдутъ средства и при новыхъ порядкахъ красть.

— Посмотримъ... Я вѣдь церемониться не стану. Безпощадно растрѣливать начну за это. Тутъ доброта— хуже жестокости. Будешь добръ къ этимъ отцамъ семейства — у тебя войско отъ тифа вымретъ, да десятки милліоновъ народныхъ денегъ безъ толку уйдутъ... А это знаете, просто: сегодня судилъ военно-полевымъ судомъ, а завтра растрѣлялъ... Анъ другимъ-то и не повадно!..

XXXV.

Ахалъ-текинская экспедицiя М. Д. Скобелева — извѣстна всѣмъ. Тутъ уже это никто не могъ выдумать, онъ сдѣлалъ ее безъ корреспондентовъ и его друзья не могутъ ссылаться на то, что подвиги молодаго генерала преувеличеныбыли этими яко бы покладистыми людьми. Все время въ Петербургѣ и Москвѣ распространялись о немъ и о судьбѣ его отряда, самые преувеличенные слухи, такъ что штурмъ текинской крѣпости и завоеванiе самаго оазиса были для всѣхъ полною неожиданностiю... Тотъ, кто хочетъ ближе познакомиться съ этимъ перiодомъ дѣятельности Скобелева — можетъ обратиться къ книгѣ одного изъ ближайшихъ его сотрудниковъ и личныхъ друзей А. Н. Маслова „Завоеванiе Ахалъ-Теке“, Это превосходный дневникъ участника эк-

спедиціи, въ живыхъ и талантливыхъ очеркахъ рисуетъ и стратегическіе планы Скобелева и его личную жизнь, и бытъ отряда въ золотыхъ пескахъ прикаспійской пустыни. Серьезная книга, по этому, читается съ интересомъ романа и незамѣтно, фигура генерала выдѣляется изъ нее полною жизни, со всѣми характерными особенностями... Михаилъ Дмитріевичъ — живымъ человѣкомъ выдвигается изъ деталей этаго дневника. А. Н. Масловъ — бывшій свидѣтелемъ хивинскаго и ферганскаго походовъ Скобелева, по цѣлымъ мѣсяцамъ гостившій у него въ Спасскомъ и переписывавшійся съ покойнымъ, лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ эту сложную, интересную личность народнаго богатыря, легендарнаго витязя современной Россіи... Онъ пишетъ свои воспоминанія о немъ, и я заранѣе привѣтствую эти записки... Въ ней выскажется много упущеннаго мною, а при художественномъ талантѣ ея автора, она будетъ цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

Послѣ Ахалъ-текинской экспедиціи — я встрѣтился со Скобелевымъ случайно...

Я не зналъ, что онъ въ Петербургѣ. Вечеромъ — на улицѣ онъ окликнулъ меня.

— Отчего же вы не пріѣхали ко мнѣ, въ Ахалъ-Текке?

— Да вѣдь вамъ же первымъ условіемъ поставили— отсутствіе корреспондентовъ.

— Все равно... Помните, что я вамъ отвѣтилъ въ Журжевѣ.

— Что?

— „А вы, не спрашивайтесь"... А васъ ждали въ отрядѣ, было много изъ вашихъ старыхъ боевыхъ товарищей...

Я въ этотъ разъ, всмотрѣвшись въ Скобелева, увидѣлъ въ немъ громадную перемѣну.

Видимо — заботы по командованію экспедиціей, не прошли для него даромъ.

Онъ осунулся, обрюзгъ... На лбу прорѣзались морщины, между бровями легла какая-то складка... Въ глазахъ — была та же рѣшительность, та же энергія въ лицѣ, но отъ всего Скобелева вѣяло чѣмъ-то, только что пережитымъ, печальнымъ... Я разговорился съ нимъ...

— На меня произвело такое вліяніе не сама экспедиція... Хоть были ужасные моменты. Войскъ мало, непріятель силенъ... Ну, да это что! Не такихъ бивали!.. Смерть матери — вотъ что меня въ сердце ударило... Я долго себѣ представлялъ ее зарѣзанною... И кѣмъ-же, человѣкомъ, всѣмъ обязаннымъ мнѣ, рѣшительно всѣмъ!.. Я былъ первые дни послѣ того, какъ потерянный!.. И до сихъ поръ еще, она стоитъ передо мною... Точно зоветъ меня... И знаете, мнѣ кажется, что — и самому-то осталось не долго жить...

— Полноте, въ 37 лѣтъ!..

— Да... Слишкомъ много горючаго матеріала кругомъ... Слишкомъ много... И столько разныхъ благопріятелей — что не совладать съ ними... Открытый врагъ не страшенъ... Впрочемъ — отдохнувъ въ Парижѣ, успокоюсь...

Какъ Скобелевъ отдохнулъ въ Парижѣ, всѣмъ извѣстно... Эта натура не знала отдыха и не понимала его...

Послѣ его парижской рѣчи — мы опять не видѣлись долго, очень долго... Только за нѣсколько недѣль до его смерти, я встрѣтилъ генерала въ Москвѣ... И это было наше послѣднее свиданіе. Я его нашелъ въ славянскомъ

базарѣ, опять совсѣмъ оправившимся, здоровымъ, сильнымъ, веселымъ ...Когда я выразилъ это—онъ разсмѣялся.

— Я всегда такъ, когда дѣла много, крѣпну... Такъ и теперь... Занятій у меня по горло, готовлюсь къ крупному дѣлу... И сверхъ того, нѣмцы доставляютъ мнѣ много, очень много удовольствія.

— Какимъ образомъ?

— Очень ужь эти шнилькЛопсы разозлились на меня... То какой-иибудь унтеръ-офицеръ вызываетъ меня на дуэль, то сантиментальная берлинская вдова посылаетъ мнѣ проповѣдь о сладостяхъ дружбы и мира, то изобрѣтатель особеннаго намордника для собакъ, назоветъ его Скобелевымъ и обязательно сообщаетъ объ этомъ, то юмористическіе журналы ихъ изображаютъ меня въ томъ или другомъ гнусномъ видѣ... Я знаю, вы были противъ моей парижской рѣчи... Но я сказалъ ее по своему убѣжденію и не каюсь... Слишкомъ мы ужь малодушничаемъ. И повѣрьте, что если бы мы заговорили такимъ языкомъ, то Европа несомнѣнно съ большимъ вниманіемъ относилась бы къ намъ... Наши добрые сосѣди—тоже, пока мы поемъ въ минорномъ тонѣ, являются требовательными и наглыми, какъ почувствовавшій свою силу лакей; но когда мы твердо ставимъ свое требованіе, они живо поджимаютъ хвосты и начинаютъ обнаруживать похвальную скромность!.. Я не врагъ Россіи... Больше, чѣмъ кто-нибудь, я знаю ужасы войны; но бываютъ моменты въ государственной жизни, когда извѣстный народъ долженъ все ставить на карту... И повѣрьте, эти господа не рискнутъ на войну съ нами. Они ловко пользуются нашими страхами, забираютъ насъ въ руки, показывая одно пугало за другимъ, но какъ только мы въ свою очередь имъ покажемъ ногти, они—первые въ кусты... Только, знаете, нодо пока-

зывать когти тѣ разомъ и рѣшительнѣй... Чтобы они чувствовали.

И тутъ же онъ мнѣ передалъ цѣлый рядъ событій и встрѣчъ въ Россіи, и за-границей, которыя, къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ меня, не могутъ быть помѣщены въ эту книгу...

Немного спустя, пришелъ къ нему Лодыженскій и Хлудовъ... Мы сѣли завтракать. Пошли разговоры о нынѣшнемъ положеніи Россіи, тягостномъ и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніи... Видимо, что это живо волновало Скобелева, и онъ тутъ-же дѣлалъ нѣсколько мѣткихъ опредѣленій и характеристикъ государственныхъ дѣятелей, съ которыми, въ настоящее время, приходится имѣть дѣло нашему отечеству... Результаты бесѣды вышли въ высшей степени не утѣшительны...

— А все-таки, будущее наше... Мы переживемъ и эту эпоху... Хватитъ силъ... Слава Богу — не рухнетъ отъ этого Россія...

И мало по малу оживляясь—онъ началъ читать наизустъ стихи Тютчева и Хомякова... Читалъ онъ ихъ великолѣпно, придавая каждому поэтическому образу особенный блескъ и колоритъ, каждой фразѣ болѣе сильное выраженіе... Наконецъ, не выдержалъ, увлекся, пошелъ къ себѣ на верхъ и принесъ оттуда только что вышедшія новыя изданія этихъ поэтовъ, присланные ему Аксаковымъ...

— Я не надоѣлъ вамъ?..

— Напротивъ...

Зашелъ разговоръ о печати—и Скобелевъ высказался вполнѣ за ея свободу.

— Я не знаю, почему ея такъ боятся. За послѣднее время—она положительно была другомъ правитель-

ства. Всѣ крупныя хищенія, всѣ злоупотребленія были указаны ею именно. Я понимаю, что то, или другое правительственное лицо имѣетъ поводъ бояться печати, ненавидѣть ее. Это такъ; но почему, все правительство относится къ ней съ такой подозрительностью, почему только и думаютъ о томъ, какъ бы ее ограничить? Если хотите, при извѣстномъ положеніи общества—печать, это спасительный клапанъ. Излишекъ недовольства, желчи—уходитъ въ нее... У насъ даже писатели только и говорятъ, что объ ограниченіи того или другого литературнаго исправленія; мнѣ кажется, что и со стороны консерваторовъ, это не совсѣмъ ловко. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, запретить высказываться всѣмъ, кто не согласенъ со мною. Для власти, если хотите, свободная печать—ключъ. Черезъ нее она знаетъ все, имѣетъ понятіе обо всѣхъ партіяхъ, на перечетъ видитъ своихъ враговъ и друзей. Въ Швеціи вотъ, напримѣръ, судятъ воровъ—спеціальные суды, а судъ присяжныхъ вѣдаетъ печать. У насъ, напротивъ, грабители и хищники пользуются благами суда гласнаго, а литература карается административно.

И дѣйствительно, въ этотъ же день, къ Скобелеву при мнѣ пріѣхалъ одинъ изъ московскихъ издателей. Я ушелъ на время къ Лодыженскому, рущукскому консулу, остановившемуся тамъ же... Когда я вернулся къ Скобелеву, онъ, улыбаясь, передалъ мнѣ слѣдующее.

— Вы знаете, у печати нѣтъ болѣе злѣйшихъ враговъ, чѣмъ она сама.

— Почему это?

— А потому, вотъ напримѣръ, человѣкъ и умный и просвѣщенный... А знаете ли вы, за что онъ главнымъ образомъ набрасывается на Игнатьева.

— За что?

— За то, что тотъ не хочетъ закрыть „Голосъ“ и „Русскую Мысль“. Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ правительство быть органомъ той, или другой газеты и принимать на себя ея защиту... Вѣдь этакъ мы дойдемъ Богъ знаетъ до чего. Что касается до меня — я никогда не питалъ раздраженія противу печати. Когда она ополчилась на меня за мою парижскую рѣчь — я счелъ это совершенно честнымъ и умѣстнымъ съ ея стороны. Они писали по убѣжденію, по ихнему—я былъ вреденъ въ данную минуту. Разъ увѣренъ въ этомъ— подло молчать! Точно также какъ и я былъ бы вполнѣ увѣренъ, что промолчи я въ Парижѣ, это бы не сдѣлало мнѣ чести. Въ силу этого — я бы никогда не принялъ никакого административнаго поста. Бить врага въ открытомъ полѣ — мое дѣло. А вѣдаться съ нимъ полицейскимъ миромъ — слуга покорный. Вотъ Аксаковъ — совсѣмъ другое дѣло... Я горячо люблю Ивана Сергѣевича и никогда не слышалъ отъ него ничего подобнаго. Ни разу при мнѣ онъ не сослался на необходимость зажать ротъ тому, или другому...

Зашелъ разговоръ объ издателѣ „Руси“.

— Онъ слишкомъ идеалистъ... Вчера онъ это говоритъ мнѣ: народъ молчитъ и думаетъ свою глубокую думу... А я такъ полагаю, что никакой думы народъ не думаетъ, что голоденъ онъ и дѣваться ему некуда, выхода нѣтъ — это вѣрно. Вы только что объѣхали добрую половину Россіи, разскажите-ко, что творится тамъ.

Я началъ ему передавать свои впечатлѣнія. Разсказалъ ему о заводахъ, гдѣ, не смотря на совершенство производства, половина рабочихъ распущена по домамъ, потому что наша таможенная система вся направлена

на поощреніе иностранныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ; разсказалъ объ истощеніи почвы, объ крайнемъ паденіи скотоводства, о томъ, что нищенство ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

— Это ужасно... Ужасно... Еще вчера я тоже самое говорилъ, мнѣ не вѣрили... Преувеличиваю я, видите-ли...

Нашему разговору помѣшалъ какой-то русскій нѣмецъ... Явился съ Владиміромъ въ петличкѣ и давай присѣдать...

— Что вамъ угодно?

— Я хочитъ видѣть большой каналъ...

— Гдѣ, куда?

— Соединяйтъ два моря... Аралъ и Каспій... Для обогащеній всей Россіи... Благодѣтельство есть это, ежели соединяйтъ.

Насмѣшливая улыбка скользнула по лицу Михаила Дмитріевича.

— Я же тутъ при чемъ?

— Я пришелъ, ваше высокопревосходительство, просить рекомендательства и содѣйствованія моему проектъ, который...

— Пожалуйста, разскажите мнѣ его сущность...

Скобелевъ сѣлъ, сѣлъ и полковникъ, желающій облагодѣтельствовать Россію. Началось долгое и скучное изложеніе всѣхъ выгодъ будущаго канала... Скобелевъ изрѣдка только вставлялъ замѣчанія, совсѣмъ разбивавшія выводы автора замѣчательнаго проекта. Видимо было, что вся эта мѣстность, какъ нельзя лучше извѣстна Михаилу Дмитріевичу...

— Сколько же нужно на ваше предпріятіе?

— О, въ сравненій съ благодѣтельствомъ народовъ, пустякъ.

— А например?

— Если правительство согласно затрачивайтъ сорокъ, пятьдесятъ милліоновъ...

Скобелевъ опять усмѣхнулся.

— Разумѣется, разумѣется... Только ужь за одно, полковникъ, не будете-ли вы такъ добры указать, гдѣ взять эту маленькую сумму...

— Столь великій страна, началъ было онъ, и опять утонулъ въ цѣломъ морѣ всякихъ разсужденій.

Такъ я и недослушалъ этого замѣчательнаго проекта, оставивъ Скобелева на жертву новому Гаргантуа, обладающему апетитомъ въ размѣрѣ сорока милліоновъ рублей...

Часа черезъ полтора я вышелъ съ нимъ, мы условились поѣхать къ О. Н....ой.

На улицѣ—онъ встрѣтилъ одного изъ прежнихъ своихъ подчиненныхъ, уже въ отставкѣ... Этотъ окончилъ войну въ маломъ чинѣ и, повидимому, судьба не особенно ему благопріятствовала. По крайней мѣрѣ, одѣтъ онъ былъ очень плохо. Бывшій офицеръ хотѣлъ было юркнуть отъ Скобелева въ сторону, но тотъ его замѣтилъ...

— N. N. Это еще что такое... Бѣгать отъ старыхъ боевыхъ товарищей!

— Ваше высокопревосходительство... Я не смѣлъ... Я такъ одѣтъ.

— Да за кого же вы принимаете меня... Это передъ дамами одѣвайтесь... Опять, вы не зашли ко мнѣ... Вы знали, что я здѣсь?

— Какже... Читалъ-съ.

— Ну?..

— Я теперь въ такомъ положеніи.

— Ужасно это глупо, въ сущности... Прямо бы ко

мнѣ и могли обратиться... Храбрый и честный офицеръ—вы имѣете полное право требовать моего содѣйствія...

Я сейчасъ же узналъ прежняго Скобелева. Въ этомъ онъ совсѣмъ не измѣнился.

— И помилуйте... Я опустился...

— Не вижу этого. Вотъ тѣ, которые промѣняли военный мундиръ—на болѣе *выгодный*, опустились... Сегодня я уѣзжаю съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ... Давайте-ко мнѣ вашъ адресъ... Не нужны-ли вамъ деньги... Смотрите, съ товарищами—не церемонятся. Сотня, другая меня не раззоритъ, а какъ только я вамъ найду мѣсто, вы мнѣ ихъ сейчасъ же уплотите...

— Нѣтъ... У меня хоть еще мѣсяца на два хватитъ...

— Нужно—пишите... Стѣсняться со мною глупо... А вамъ я на-дняхъ и мѣстечко пріищу...

Я встрѣтилъ этого офицера уже на похоронахъ. Шолъ онъ одѣтый съ иголочки... Видимо, судьба, на которую онъ пѣнялъ такъ, уже измѣнилась къ нему.

— Это онъ все... Я и не зналъ ничего... Только пріѣзжаетъ ко мнѣ здѣшній *** и говоритъ: сегодня получилъ я письмо отъ Скобелева, онъ рекомендуетъ васъ. Этого мнѣ достаточно... И разомъ предложилъ мѣсто... Я теперь совсѣмъ доволенъ. Третьяго дня узналъ, что онъ пріѣхалъ, собрался идти благодарить, и вотъ... Это знаете, послѣдній... Боевой товарищъ... Именно товарищъ, хоть я поручикъ—а онъ полный генералъ. Такихъ уже нѣтъ.... Теперь мѣщанское время, подлое... Всякій лакеемъ дѣлается... Повысятъ его въ дворецкіе—онъ ужь къ кучеру свысока относится...

О. А. Н....ву мы встрѣтили въ обществѣ двухъ

англичанъ, съ которыми Скобелевъ тотчасъ же заговорилъ по-англійски... Они съ чувствомъ, близкимъ къ восторгу, прислушивались къ каждому слову его... Одинъ изъ нихъ высказался даже...

— Вы первый пріучили насъ заочно полюбить, даже врага!..

— Почему же я врагъ?

— Кто же другой можетъ создать намъ затрудненія въ Индіи, какъ не вы...

— Тамъ намъ нечего дѣлать. Мы отлично можемъ ужиться бокъ о бокъ.

— Да, это вы говорите нашимъ корреспондентамъ, а тѣ сообщаютъ въ газетахъ... Но мы не такъ наивны...

Тонкая улыбка показалась на губахъ Скобелева.

— Могу васъ увѣрить, что таково мое убѣжденіе... Если мы можемъ съ вами столкнуться, такъ поближе.

— Не дай этого Богъ... Море дороже всего.

— Да, богатому человѣку, а не голодному, которому терять нечего... Впрочемъ, у насъ съ вами есть общій врагъ.

— Кто это? Нѣмцы вѣрно.

— Да... У нихъ теперь широко рты разинуты, флотъ вашъ и ваша торговля едва-ли могутъ имъ особенно нравиться.

— Мы это знаемъ...

Когда они ушли — Скобелевъ началъ передавать О. А., свои и мои впечатлѣнія изъ поѣздки по Россіи:

— Гдѣ же исходъ? Гдѣ исходъ.

— Запереть границу для иностраннаго ввоза тѣхъ предметовъ, которые у насъ у самихъ производятся. Разъ на всегда поставить на своемъ знамени „Россія для русскихъ“ и высоко поднять свое знамя... Ради этого принципа—не отступать ни отъ чего... Заговорить

властно, безповоротно и сильно... И, сверхъ того — внутри у себя сдѣлать многое.

— Что же именно?

И Скобелевъ изложилъ цѣлую программу, давно, очевидно, обдуманную, обработанную во всѣхъ ея деталяхъ, охватывавшую всѣ стороны народной нашей жизни. Къ сожалѣнію, она не можетъ быть приведена здѣсь...

Цѣлый вечеръ, до отхода поѣзда, мы оставались одни. Скобелевъ отдался воспоминаніямъ, разсказывалъ много интересныхъ событій, перешолъ къ настоящему и будущему Россіи, но во всемъ у него звучала какая-то печальная нотка... Я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на желѣзную дорогу. Онъ всю дорогу говорилъ, не переставая.

— Знаете, мнѣ кажется, мы видимся съ вами въ послѣдній разъ.

— Что за малодушіе! вырвалось у меня.

— Какъ знаете... Что-то говоритъ мнѣ, что моя пѣсня спѣта...

Онъ, впрочемъ, нѣсколько разъ въ этотъ день повторялъ тоже и при Ладыженскомъ, и при Хлудовѣ.

— Я не переживу этотъ годъ вѣрно... Хоть не хочется умирать совсѣмъ. Сдѣлать еще европейскую войну, разбить исконныхъ враговъ Россіи, уничтожить ихъ, и тогда — изъ списковъ вонъ... Только этого не будетъ... Ну, да, что впрочемъ...

Шелъ дождь, было холодно... Ни зги не видно около, тускло мигали слезящіеся фонари... Тоска невольно закрадывалась въ душу.

— Ну, довольно! Какъ это пѣли у меня солдаты:

На враговъ съ улыбкой взглянемъ —
Съ пѣсней громкой въ бой пойдемъ...

Смерть придетъ — смѣяться станемъ,
И съ улыбкою умремъ!..

Больше я уже не видѣлъ Скобелева.

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Москву — онъ далъ мнѣ знать, что ждетъ меня къ себѣ обѣдать; я собрался къ нему, но утромъ, ко мнѣ въ гостинницу вбѣжалъ лакей...

— Генералъ умеръ...

— Какой генералъ. Мнѣ-то что за дѣло...

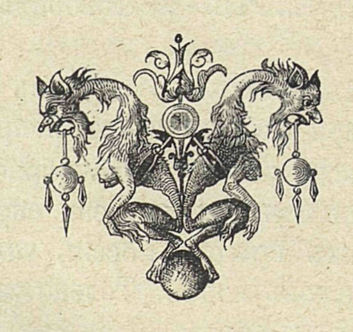
— Скобелевъ... Скобелевъ умеръ.

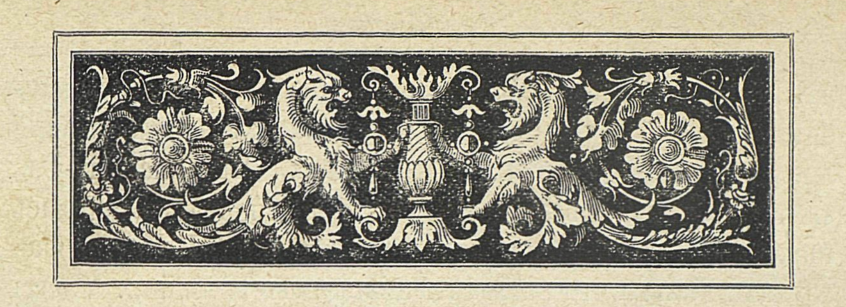
— Убирайся къ чорту... Что за глупыя шутки...

Лакей заплакалъ... Я понялъ, что случилось, дѣйствительно, великое несчастіе... Бросился въ Hôtel Дюссо.

Предчувствіе оправдалось...

Михаила Дмитріевича не стало...

XXXVI.

На другой день послѣ смерти Михаила Дмитріевича, мнѣ едва удалось пробиться въ комнату, гдѣ онъ лежалъ...

Теперь уже не было вчерашней суетни и толкотни. Изъ Петербурга наѣхали близкіе къ нему лица; у самаго тѣла выросла и все время стояла вся въ слезахъ — его сестра, Надежда Дмитріевна, не отводившая взгляда отъ гордой и красивой еще, головы брата... „Зачѣмъ такъ рано“ — читалось въ этомъ взглядѣ, полномъ глубокой тоски... Тусклый свѣтъ восковыхъ свѣчей теперь отражался на вензеляхъ, камергерскихъ мундирахъ, звѣздахъ, генеральскихъ эполетахъ. Тѣмъ не менѣе, у самаго трупа сплотились, точно не желая отдать его никому, даже самой смерти — его адъютанты и состоявшіе при немъ... На

желтомъ, страшно желтомъ лицѣ Скобелева, проступали синія пятна... Губы слиплись, слились... Глаза ввалились... И весь онъ какъ-то ввалился... Ввалилась грудь, такъ что плечи съ эполетами торчали впередъ, ввалилась шея, точно, голова была отдѣлена отъ нея... Вокругъ благоухали только что распустившіяся розы и лиліи... Массы вѣнковъ были разбросаны кругомъ. Они совершенно покрыли и золотую парчу покрова, едва-едва поблескивавшаго изъ-подъ нихъ... Тѣмъ не менѣе, и теперь это мертвое лицо не казалось мертвымъ... Не смотря на ввалившіеся глаза, на заострившійся носъ, на слипшіяся синія губы, на пятна. Чудилось, что онъ спитъ, не такъ какъ всегда, а строгій, серьезный, смѣжившій свои вѣки подъ впечатлѣніемъ какой-то глубокой думы. Вотъ, вотъ проснется и окинетъ всѣхъ изумленнымъ взглядомъ: чего собрались сюда, зачѣмъ эти, тускло горящія свѣчи, эти пышныя розы, льющія въ спертый воздухъ свое благоуханіе...

— А мы живемъ!.. слышится въ сторонѣ скорбный голосъ.

Оглядываюсь... Старикъ генералъ не сводитъ глазъ съ этого молодаго лица...

— И въ какое время — когда ему открывалось широкое поприще, гдѣ бы онъ могъ развернуть всѣ свои силы...

У дьякона, участвующаго въ панихидѣ — прерывается голосъ отъ слезъ, нѣсколько разъ онъ невольно смолкаетъ и начинаетъ опять... Вонъ, другое заплаканое лицо простого солдата... Это любимецъ покойнаго, Бражниковъ, ходившій за его лошадьми... Онъ качаетъ головой, точно упрекаетъ Скобелева, зачѣмъ онъ ушелъ отсюда... Толпа на площади — выросла за ночь. Она залила ее всю...

Совсѣмъ небывалое дѣло!.. слышится чей-то докладъ

генералъ-губернатору. Со всѣхъ селъ — массами идетъ народъ сюда... Со всѣхъ заводовъ. Рабочіе отказались работать... Изъ Серпухова, изъ Богородска, отовсюду тянутся толпы.

И дѣствительно, на площади уже цѣлое море... Улицы прилегающія къ ней запружены народомъ... Народъ на крышахъ домовъ на кремлевской стѣнѣ... На фонаряхъ держатся, уцѣпившись руками... И все это молчитъ, какъ будто они боятся своимъ говоромъ нарушить покой его — уже ничего не слышущаго... Ничего не видящаго... Отставныхъ солдатъ — сотни, тысячи въ этой массѣ... Только они говорятъ: разсказываютъ толпѣ, каковъ онъ былъ, какъ онъ любилъ ихъ, любилъ народъ... И сколько въ этомъ безхитростномъ разсказѣ слышится преданности ему... Около меня передаетъ какой-то офицеръ: — Иду я въ толпѣ, слышу солдатъ одинъ говоритъ: такъ мы его любили, что кажись какой бы бой не былъ, понеси его передъ нами мертваго, разомъ бы мы снесли все прочь... И дѣйствительно, они шли за нимъ... Неслись, какъ волны, прорвавшія плотину, какъ волны могучія, неукротимыя, не знающія, или лучше не замѣчающія сопротивленія... Тѣ, кому удалось стать у самой гостинницы — безъ шапокъ. Всякій разъ, какъ до нихъ доносится отголосками пѣніе пѣвчихъ, они крестятся... Крестится и толпа за ними...

— На площади бы панихиду! опять слушится кругомъ...

— Священниковъ сюда... Мы всѣ хотимъ...

Но чего-то испугавшаяся полиція молчитъ...

— Это вѣдь демонстрація будетъ, помилуйте!.. говоритъ одинъ изъ блюстителей порядка...

Къ полудню — толпа уже не увеличивается, а уплот-

няется; на томъ же пространствѣ — стали новыя сотни и тысячи народа. Если бы не крики городовыхъ, да не ругань жандармовъ, сослѣпу кидающихся въ эти толпы невѣдомо зачѣмъ — то тишина кругомъ казалась бы мертвой...

Наконецъ, панихида окончена... Сестра покойнаго, плакавшая до тѣхъ поръ безмолвно, зарыдала теперь, когда гробъ ея брата подняли на руки, чтобы пронести его въ церковь Трехъ Святителей, на самомъ краю Москвы, у желѣзной дороги, по которой его провезутъ въ имѣніе...

Гулъ пошелъ по площади... Гулъ этотъ донесся до насъ, поднявшихъ этотъ гробъ...

Наконецъ, отворили дверь на площадь... Наконецъ, въ ея просвѣтѣ, народъ, цѣлыя сутки тщетно ожидавшій этого, увидѣлъ въ цвѣтахъ вѣнковъ его лицо... Мы нарочно подняли изголовье гроба... И не успѣли еще вынести его на улицу—какъ раздалось такое рыданіе, котораго до тѣхъ поръ я никогда не слышалъ.

— Москва плачетъ... доносится до меня...

— Народныя похороны... говоритъ кто-то рядомъ... И дѣйствительно, мы видимъ, что они народныя... Площадь, улица—единственно доступны народу, и тутъ-то онъ показалъ себя... Къ чему были эти мѣры предосторожности... народъ себя велъ гораздо лучше, чѣмъ его пестуны. Мы шли, со всѣхъ сторонъ охваченные цѣлымъ моремъ головъ... Какъ во снѣ, я припоминаю эти заплаканныя лица, которымъ не было и числа, эти десятки тысячъ рукъ, подымающихся, чтобы издали перекрестить своего любимца. Черные сюртуки, изящные дамскія платья — и тутъ же грязная, потная рубаха рабочаго, сибирка крестьянина... Никто ихъ не подготов-

лялъ, никто не организовывалъ подобнаго торжества, печальнаго, но величаваго, величаваго именно подавляющей массой народа, въ рамкѣ этихъ кремлевскихъ стѣнъ и башень... Взглядывая по сторонамъ—я видѣлъ, какъ кланялись ему эти всклоченныя головы, какъ мозолистыя закорузлыя руки крестили загорѣвшую грудь, видную изъ-подъ откинутаго ворота рубахи... Вонъ, эти изъ деревень должно быть, въ лаптяхъ они... На колѣна стали, когда мы мимо несли его... Въ болѣе узкихъ улицахъ—народъ точно старался врости въ стѣны домовъ, очищая ему дорогу; на широкихъ площадяхъ, онъ раздавался; открывая корридоръ, по которому мы несли его.

Да, дѣйствительно, это народъ хоронитъ, народъ его оплакиваетъ... Теперь только видно, какъ народъ умѣлъ отличать и узнавать друзей своихъ, какъ за любовь онъ платитъ любовью... Окна, балконы домовъ полнымъ полны... Мало, очень мало равнодушныхъ лицъ... Они теряются, ихъ не видать совсѣмъ... Чуть не полъ-Москвы мы прошли такъ—когда вдали показались Красныя ворота, а за ними церковь Трехъ Святителей... Вся эта площадь залита сплошь толпой... Ей нѣтъ конца... Когда мы проходимъ мимо улицъ, разбѣгающихся направо и налѣво, въ нихъ, насколько онѣ доступны взгляду — видны все тѣ же толпы... Эти не нашли себѣ мѣста, они ничего не увидятъ, но ждутъ все въ томъ же благоговѣйномъ молчаніи.

— Мы хоронимъ свое знамя!.. говоритъ Хитрово... Гдѣ теперь человѣкъ, вокругъ котораго сошлись бы всѣ... Гдѣ такое сочетаніе самыхъ разнообразныхъ условій и такая ранняя слава!..

Церковь Трехъ Святителей уже полна... Ночью — я заѣхалъ сюда еще... Улицы также были заняты наро-

домъ... Терпѣливо ожидалъ онъ своей очереди — поклониться въ послѣдній разъ праху... Въ церкви—въ два ряда подходили къ гробу крестьяне. Вѣнки за вѣнками приносили вновь... Сотни ихъ разрывали, раздавая желающимъ —но церковь все еще была полна ими... Углы тонули подъ зеленью, стѣнъ и иконъ не было видно за вѣнками... У гроба дежурили адъютанты покойнаго... Въ темнотѣ, изъ цвѣтовъ, едва-едва выдѣлялась русая, широко расчесанная на обѣ стороны борода, свѣтлые усы и чуть замѣтный абрисъ страшно похудѣвшаго лица... Я долго стоялъ тутъ, присматриваясь и прислушиваясь.

— Упокой его Господи! креститъ это лицо какой-то старикъ крестьянинъ...

— Послужилъ ты нашей матушкѣ Россіи... говоритъ другой, глядя въ эти неподвижныя черты... Честно послужилъ... Дай тебѣ Господи царство небесное...

Вонъ инвалидъ, едва-едва подвигается черезъ церковь, стуча деревяшкой по каменному полу... Добрался... Смотритъ на Скобелева...

— Не скажешь... Не скажешь ужъ теперь... За мной, за мной, ребята!.. прерывающимся отъ слезъ голосомъ шепчетъ онъ... Не скажешь... Орелъ ты нашъ!.. и отмахнувшись отъ чего-то рукой, уходитъ прочь.

Молятся сотни — безмолвны. Подойдутъ, тоскливо взглянутъ на это лицо, поцѣлуютъ сложенные на груди синіе, худые-худые пальцы рукъ — и понурясь идутъ прочь.

— Насилу доступились до тебя!.. говоритъ другой старикъ... Живой, ты нашъ былъ, а какъ померъ, такъ сейчасъ тебя и отняли...

И сколько нѣжности, сколько искренняго чувства слышалось во всемъ этомъ.

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго ворвался въ церковь, кинулся къ гробу, зарыдалъ и, обезумѣвъ, схватилъ Скобелева за плечи и хотѣлъ вынуть... Едва удалось отвести...

Я отошелъ къ сторонѣ... Отсюда была видна часть мертваго лица... Миганіе свѣчь придавало ему какое-то странное выраженіе... Точно, мертвецъ дѣлалъ попытки проснуться и не могъ... Смотрѣлъ-смотрѣлъ я—и вдругъ, до поразительности ясно, представилась мнѣ картина недавняго, совсѣмъ недавняго былаго.

Пологій скатъ, покрытый сырою отъ дождя травою...

Тихо по немъ вверхъ движется цѣпь стрѣлковъ... Изъ-зада, едва-едва доносится топотъ слѣдующихъ за цѣпью колоннъ... Туманъ кругомъ, ни зги не видно... Позади цѣпи идетъ Скобелевъ... Зорко всматривается онъ впередъ, точно хочетъ различить въ этомъ туманѣ— гдѣ притаился редутъ... Вотъ оттуда неувѣренный выстрѣлъ всполохнувшагося часоваго, другой, третій...

— Впередъ, ребята!.. металлически громко крикнулъ генералъ... Раздвинулъ стрѣлковъ, вышелъ передъ ними... Впередъ, ребята... Барабанщики—атаку... Урра!..

И вспыхнуло, и гремитъ это ура... Отъ звена къ звену, отъ одной колонны къ другой... А его уже не видно—онъ уже въ самомъ пеклѣ боя, передъ своими солдатами... Въ пеклѣ боя, охваченнаго туманомъ... Только, порою, сквозь залпы слышится его ободряющій, веселый голосъ...

А люди идутъ и идутъ прощаться съ нимъ...

На другой день, вся церковь была окружена войсками.

На панихиду съѣхались высшіе чины нашихъ

войскъ—откуда возможно было поспѣть... У гроба Скобелева стояли Радецкій, Ганецкій, Дохтуровъ... Черняевъ, заплаканный, положилъ серебрянный вѣнокъ отъ туркестанцевъ... Кругомъ, сплошною стѣною сомкнулись депутаты отъ разныхъ частей арміи, отъ полковъ, которыми командовалъ Скобелевъ... Вѣнки за вѣнками... Некуда уже ставить ихъ.

— Послушайте! Есть кто-нибудь отъ Тотлебена?

— Нѣтъ никого.

— И телеграммы не было? слышится тотъ же удивленный голосъ.

— Нѣтъ.

— Да вѣдь Тотлебенъ командуетъ военнымъ округомъ, гдѣ расположенъ корпусъ Скобелева?

— Да.

— Странно!

— Насъ самихъ удивляетъ...

Надъ гробомъ такая же неподвижная, полная тоски, сестра покойнаго и по прежнему она не сводитъ глазъ съ лица его...

Къ панихидѣ пріѣхали изъ Петербурга Великіе Князья, Алексѣй и Николай.

Всѣ спѣшно и жадно всматривались въ черты покойника... Еще часъ, два — и онѣ будутъ уже окутаны вѣчнымъ мракомъ. Есть что-то, глубоко трогательное въ этихъ послѣднихъ минутахъ, когда свѣтъ божьяго дня падаетъ на холодный уже трупъ... Тутъ уже не отводишь взгляда отъ него... Цѣлымъ роемъ, воспоминанія носятся кругомъ... Звучатъ памятныя фразы, отрывая отъ себя покойнаго... Воскресаетъ то, что казалось совсѣмъ уже замерло въ душѣ... Съ какою-то болью до-

искиваешься, что отразилось, застыло на этомъ лицѣ въ послѣднее мгновеніе жизни, когда передъ нимъ широко открылась дверь въ иной міръ?.. Что увидѣлъ онъ за этою дверью?..

Архимандритъ Амвросій, личный другъ Скобелева, началъ свое прощальное слово... Тихій голосъ его ростетъ и ростетъ... Проникаетъ въ сердце... Точно слезами, каплетъ каждый звукъ этой рѣчи... Самъ онъ смотритъ прямо въ лицо покойному, точно говоритъ ему одному, и чудится намъ, что и тотъ его слышитъ, что и у того на лицѣ отразилось благоговѣйное чувство... Все въ церкви замерло... Только и носятся эти, проникнутые душевнымъ волненіемъ, слова...

„За любовь его къ народу, за любовь народа къ нему, за наши слезы и ради собственной Твоей безконечной благости, прости ему Господи!..“ Торжественнымъ призывомъ уносится въ высоту звучная фраза.

Голосъ пр. Амвросія оборвался... Кто-то громко зарыдалъ въ толпѣ...

Прощаются... Въ послѣдній разъ цѣлуютъ и кланяются покойному... Крышка гроба уже тутъ... Не совладавъ съ собою, Абазіевъ бросается вонъ изъ церкви... Плачутъ всѣ уже... Нѣтъ равнодушныхъ и спокойныхъ... Гробъ подымаютъ Великіе Князья... Опять — народъ и площадь.

Къ утру, въ Москву собралось все населеніе ея окрестностей...

Земли не видно... Въ цѣломъ, широко разлившемся морѣ людей потонули дома... Гробъ проносятъ подъ тріумфальными воротами...

— Хоть мертвый дождался!..

— Это шествіе тріумфатора, а не похороны генерала...

Вотъ и вокзалъ...

На платформѣ—траурная бесѣдка изъ чернаго кашмира, съ бѣлыми георгіевскими крестами... Вагонъ, тоже весь обтянутый чернымъ кашміромъ, уже стоитъ здѣсь... Громадная пальма срѣзана подъ вѣнчикъ... Широкія листья ея раскидываются подъ потолкомъ вагона. Гробъ ставятъ туда... Первый ударъ молотка...

Грохотъ залповъ... Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, гулкіе удары пушекъ...

Не онъ ли несется впереди боеваго урагана?.. Не онъ ли ведетъ въ огонь свои дружины?.. Именно въ этомъ адскомъ грохотѣ привыкли слышать и видѣть его... Я смотрю на другихъ—и видимо тоже и на нихъ нахлынули эти воспоминанія... Душатъ они... Выбѣгаешь скорѣй изъ этой бесѣдки на воздухъ... Залпы погасли, одни колокола бьютъ свою тревогу надъ Москвою...

Поѣздъ для тѣхъ, кто сопровождаетъ его — готовъ... Черезъ полтора часа ѣдемъ...

— Да, это дѣйствительно, народныя похороны...

— Не везетъ намъ... Всѣ талантливые люди мрутъ... Теперь просторъ посредственности!..

— Одинъ за другимъ!.. И все безъ слѣда...

— Безъ слѣда ли?.. Развѣ умеръ духъ Скобелева?.. Нѣтъ — онъ остался...

— Да, но не будетъ его самого, человѣка вѣчнаго протеста противу всякой рутины... Нѣтъ знамени...

— Онъ являлся именно тѣмъ типомъ боеваго вождя, котораго французы называютъ le grand capitaine!..

— Ну, теперь и въ Питеръ пора, ваше превосходительство...

— Да, знаете, оно точно, герой, герой... А только довольно...

— Я вамъ скажу, теперь спокойнѣе будетъ...

— Что же, теперь и намъ умирать надо, жить нечего!..

Ловя эти взаимно противорѣчащія фразы, я едва-едва выбиваюсь изъ блестящей толпы, окружающей гробъ...

— Кажется, что въ каждой семьѣ отецъ, братъ, или другъ умеръ... Осиротѣли всѣ мы...

— Бѣдная Россія!.. Народная волна захватываетъ меня и уноситъ на площадь... Отсюда я едва-едва выбиваюсь на улицу.

* * *

Народныя похороны — стали чисто народными, когда поѣздъ нашъ тронулся...

У меня до сихъ поръ, не прошло это глубокое впечатлѣніе... Всѣ мы, находившіеся на этомъ скорбномъ поѣздѣ, были подавлены величіемъ встрѣчи, сдѣланной своему любимцу, народомъ... Если бы я не боялся навлечь на себя упрекъ въ преувеличеніи, я бы сказалъ, что вагоны наши двигались до Рязани по корридору, образованному массами народа, столпившимися по обѣимъ сторонамъ полотна... Это было что-то, до тѣхъ поръ неслыханное. Крестьяне кидали свои полевыя работы, фабричные оставляли свои заводы — и все это валило къ станціямъ, а то и такъ, къ полотну дороги... За Москвой — на нѣсколько верстъ стояла густая масса народа... За городомъ сейчасъ-же — мостъ. Тутъ по обѣ стороны его — не видно было окрестностей за людьми... Подъ мостомъ — гдѣ можно, тоже столпились они. У самаго полотна — многіе стояли на колѣняхъ... Все это подъ жаркими лучами солнца, натомившееся отъ долга-

го ожиданія. Грандіозность общей картины такъ вліяла, что мы поневолѣ пропустили множество характерныхъ подробностей... Уже съ первой версты — поѣзду пришлось поминутно останавливаться. Каждое село являлось съ своимъ причтомъ, со своими иконами. Крестьяне служили по пути сотни панихидъ... Большая часть селъ вышли на встрѣчу съ хоругвями — совершенно исключительное и не бывалое явленіе... И тутъ не было спокойныхъ, не было равнодушныхъ... На всѣхъ лицахъ живо отпечатлѣлись волненія этихъ дней!..

Медленно двигался этотъ поѣздъ въ живой, глубоко чувствовавшей и такъ ярко съумѣвшей выразить свое горе массѣ... Въ одномъ мѣстѣ, болѣе четырехсотъ крестьянъ стояло съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, и мирный шорохъ ихъ издали казался шелестомъ невидимыхъ крыльевъ въ воздухѣ... Слѣдующая деревня, тоже, вся сбѣжалась къ полотну и когда завидѣла нашъ поѣздъ съ траурнымъ вагономъ впереди, вся, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни. Только однѣ хоругви величаво колыхались надъ нею, да старческій голосъ священника уносился въ голубую высь, съ мольбою упокоить его, этого легендарнаго витязя и народнаго любимца, со святыми... Деревни, далекія отъ станцій, сходились прямо къ рельсамъ, и такъ какъ поѣздъ здѣсь не останавливался, то онѣ начинали свои литіи, при видѣ его, и кончали, когда мы ихъ оставляли уже позади... Мимо другихъ поѣздъ проносился быстро — только мелькомъ показывая молящимся въ отворенную, боковую дверь вагона, покрытый парчей и безчисленными вѣнками гробъ, съ стоявшими по угламъ его дежурными... Смутно и до сихъ поръ слышится мнѣ этотъ грустный, стихійный, однообразный ритмъ наскоро повторявшихся молитвъ, наскоро потому, что иногда поѣздъ поневолѣ

двигался ранѣе и священникъ оканчивалъ панихиду— уже издали благословляя прахъ Скобелева... Смутно представляется вся эта стихійная, однообразная земская сила, оторвавшаяся отъ работы, чтобы въ послѣдній разъ поклониться своему земскому богатырю... Ночью — она была тиха до Рязани — даже легкій вѣтерокъ, дувшій днемъ, уснулъ — иногда впереди горѣли сотни огней; это — крестьяне выходили со свѣчами и зажигали ихъ въ ожиданіи поѣзда... Раскольничье село— вышло безъ поповъ, но пѣли свои гимны, печальный напѣвъ которыхъ долго носился въ воздухѣ.

Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ Чарльзъ Марвинъ, корреспондентъ англійскихъ газетъ... Онъ былъ пораженъ...

— Это и у насъ было бы невозможно... повторялъ онъ.

И наканунѣ, кто бы повѣрилъ чему-нибудь, подобному...

Въ Рязани — весь вокзалъ залитъ народомъ... Полиція усердно работаетъ локтями и кулаками... Но это не мѣшаетъ.... Скоро мѣстныхъ держимордъ куда-то оттѣснили, и Скобелевъ былъ сплошь окруженъ народомъ... Сотни вѣнковъ разорвали и бросали ихъ людямъ, и тѣ уносили ихъ съ собою, какъ святыню. Новые вѣнки приносили крестьяне и горожане. Были наиболѣе между ними — изъ васильковъ, изъ ромашки... За Рязанью — шолъ дождь, подъ дождемъ стояли всю ночь и мокли толпы, въ ожиданіи нашего поѣзда. Въ концѣ концовъ, казалось, что это не похороны одного человѣка — а совершается какое-то граидіозное явленіе природы... Передъ этой, столь величаво выраженною волею народа—признававшаго Скобелева за то, что онъ былъ — меркли и зависть, и тупая вражда... Отнынѣ, если онѣ и подымутся опять, то уже не будутъ страш-

ны его памяти... Жалки и тусклы покажутся онѣ каждому...

Такъ поѣздъ подошелъ къ Раненбургу... Тутъ ждали гробъ — крестьяне села Спасскаго...

Послѣднія версты они несли его на рукахъ, въ сѣрыхъ сермяжныхъ кафтанахъ, въ лаптяхъ...

Какъ кому, а это меня тронуло больше, чѣмъ выносъ тѣла въ Москвѣ...

Легенда умерла и схоронена... Что займетъ ея мѣсто, посреди повседневной пошлости и будничной посредственности?..

Считаю очень интересным докумен-
томъ.* Мнѣ и въ Парижѣ Сербская
Молодежь говорила, что у нихъ
въ данную минуту, народъ одно
правительство и часть интел-
лигенціи совсѣмъ другое — анти-
національное. Намъ Русскимъ
подобное положеніе очень особенно
понятно. Я увѣренъ, что сказала
собственно парламентская Сербія
тоже и въ 76 года, хотя бы
цѣною государственнаго перево-
рота.
Также въ виду германизаціи нашей
западной окраины, систематически
проводимой, прибавлю, если не
соучастіи нашей власти слѣдующее:
Закревскій занимавшій ф. Штейнгеля
Генералъ Губернаторомъ Финлян-
діи въ 1824 г. между прочимъ, въ
секретномъ письмѣ Гр. Киселеву,
писалъ слѣдующее:
„Г. ф. Штейнгель не только сердцемъ
душею нѣмецъ, смотрѣлъ на
неприязненныя отношенія ихъ

* Письмо написано М. Д. Скобелевымъ по поводу записки о положеніи дѣлъ въ Сербіи, представленной ему однимъ Сербомъ въ Петербургѣ въ 1882 г.

(финновъ) къ Русскимъ, но поддерживая ихъ и даже въ сношенiяхъ своихъ съ людьми обѣихъ нацiй; онъ желаетъ напрягать всѣ усилiя свои дабы противопоставить однихъ другимъ..... Положенiе Русскихъ находящихся здѣсь ужасно ..... и т. д. все въ томъ же родѣ.

Вы видите не со вчерашняго дня нѣмецъ врагъ нашъ, но прежде, когда Николай I командируя фельдмаршала тамъ въ Германiю называлъ столичные города — Губернскими а Государство Нассауское или иное — Губернiею, у нашихъ нѣмцевъ былъ страхъ хоть какой нибудь....... Теперь ни у-за спиной каждаго ихъ имѣется Бисмаркъ и Фатерландъ. Вотъ что слѣдуетъ помнить.

М Скобелевъ

18 1/III 82

Спб.

